

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БЮГРАФІЯХЪ.

В. ПОТТО.

ТОМЪ 5-й.

ВЫПУСКЪ 1-й.

ТИФЛИСЬ.

1889.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДЕЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БЮГРАФІЯХЪ.

В. ПОТТО.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ пріветственной рѣчи Графа Соллогуба
Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу,
при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

ТОМЪ 5-й

ВЫПУСКЪ 1-й

ТИФЛИСЬ.

1889.

Типографія Окружнаго Штаба Кавказскаго военнаго округа.

Дозволено военнымъ цензоромъ генералъ-лейтенантомъ Чер-
нявскимъ.—Тифлисъ. 1-го Юня 1889 г.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Взгляды Паскевича на покореніе Кавказа	1
II. Возникновеніе кавказскаго мюридизма и Кази-мулла	15
III. Дагестанъ въ эпоху начала мюридизма	31
IV. Первое вооруженное движеніе мюридовъ	45
V. Кахетія и ея сосѣди	61
VI. Покореніе джарцевъ	77
VII. Военно-Грузинская дорога	85
VIII. Осетія и осетины	111
IX. Покореніе южныхъ осетинъ	131
X. Экспедиція въ сѣверную Осетію	145

ВЗГЛЯДЫ ПАСКЕВИЧА НА ПОКОРЕНІЕ КАВКАЗА.

Въ то время, когда турецкая война близилась къ своей развязкѣ, Паскевича уже занимала мысль объ окончательномъ покореніи Кавказа. Онъ видѣлъ ясно, что отдѣльныя экспедиціи, предпринимаемыя для наказанія горцевъ, такъ же мало приносили пользы, какъ мѣры безусловной кротости, и потому изыскивалъ средства, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ роковымъ вопросомъ. Время для этого казалось самымъ удобнымъ. Многочисленные трофеи, провозимые то и дѣло черезъ Кавказскую линію въ Петербургъ, воочію свидѣтельствовали горцамъ о знаменитыхъ побѣдахъ, одержанныхъ русскими въ Персіи и Турціи, и слава этихъ побѣдъ, казалось, должна бы была удостовѣрить ихъ въ невозможности борьбы съ такою могущественной державой, какъ Россія. Паскевичъ не хотѣлъ допустить даже мысль о серьезномъ сопротивленіи «какихъ нибудь горцевъ», и на этомъ, главнымъ образомъ, основалъ планъ своихъ будущихъ дѣйствій.

Нужно сказать, что это было время всевозможныхъ проектовъ. Военное министерство было засыпано трактатами, въ которыхъ было много любопытныхъ, а еще болѣе странныхъ, идей, показывавшихъ только усердіе, но ни какъ не знакомство съ Кавказомъ всѣхъ этихъ составителей плановъ. Предлагалось, напр., дѣйствовать противъ горцевъ, подвигаясь не

съ равнины къ горамъ, а напротивъ, съ горъ къ плоско-
стямъ, строить крѣпости на хребтахъ, а наблюдательные по-
сты на горныхъ шпиляхъ, рвать самыя горы порохомъ, а
противъ хищниковъ растягивать проволочныя сѣти по бере-
гамъ Кубани и Терека. Совѣтовали покорять горцевъ не ору-
жіемъ, а культурою во всемъ ея широкомъ объемѣ, т. е. про-
свѣщеніемъ, торговлею, водвореніемъ среди народа роскоши и
даже пьянства. Были предложенія учредить въ Анапѣ лицей
или кадетскій корпусъ, въ которомъ воспитывались бы чер-
кесскіе юноши вмѣстѣ съ дѣтьми черноморскихъ казаковъ,
полагая, что общность воспитанія родитъ дружескія связи,
которыя не замедлятъ отразиться въ будущемъ и на друже-
скомъ согласіи обоихъ народовъ. Въ подкрѣпленіе этой мысли
приводился даже обычай аталычества, и преподавался совѣтъ,
чтобы въ этомъ заведеніи русскій священникъ, поставленный
рядомъ съ муллою, изъ-подъ-руки внушалъ бы мусульман-
скимъ дѣтямъ понятія о превосходствѣ христіанской вѣры и
т. п. Нѣкоторые шли еще дальше и предлагали прежде всего
озаботиться смягченіемъ нравовъ, посредствомъ заведенія у
горцевъ музыкальныхъ школъ. «Въ глубокой древности уже
было извѣстно—писалъ одинъ коллежскій совѣтникъ: что му-
зыка, производя пріятное впечатлѣніе на слухъ, смягчаетъ че-
ловѣческіе нравы»... и т. д. Министерство даже не давало
себѣ труда разбирать эти проекты, и массами отправляло
ихъ въ Тифлисъ «на разсмотрѣніе». Тамъ ихъ прочитывали
и, послѣ короткаго отрицательнаго отвѣта, сдавали въ архивъ,
гдѣ они покоятся и понынѣ.

Въ противоположность этимъ культурнымъ планамъ,
проектъ Паскевича основывался исключительно на силѣ ору-
жія, какъ на аргументъ единственно доступномъ пониманію
горца. Онъ хотѣлъ воспользоваться пребываніемъ на Кавказѣ
двухъ лишнихъ дивизій, и произвести разомъ одновременное дви-
женіе противъ всѣхъ горскихъ племенъ, чтобы лишить ихъ
взаимной помощи. Этимъ маневромъ Паскевичъ разчитывалъ

быстро и безъ особаго труда, завладѣть всѣми важнѣйшими пунктами въ горахъ, прочно утвердиться въ предгоріяхъ и, такимъ образомъ, отнявъ у непріятели всѣ средства получать пропитаніе съ равнинъ и плоскостей, вынудить его къ покорности. Въ сущности это былъ тотъ же самый планъ, котораго держался Ермоловъ въ теченіи десятилѣтняго управленія краемъ. Но то, чего достигалъ Ермоловъ упорнымъ трудомъ, подвигаясь лишь шагъ-за-шагомъ,—Паскевичу казалось легко осуществить однимъ стремительнымъ натискомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что планъ этотъ возникъ у него подъ обаяніемъ трехъ, блистательно исполненныхъ, кампаній. Дѣйствительно, поля побѣжденной Персіи, низринутыя въ прахъ твердыни Азіятской Турціи—вотъ тѣ вѣчные памятники, благодаря которымъ время командованія Паскевича, по справедливости, должно быть отнесено къ одной изъ особенно интересныхъ и блестящихъ эпохъ русскаго владычества на Кавказѣ. Но, собственно, внутреннимъ кавказскимъ дѣламъ отводилось имъ до сихъ поръ самое незначительное мѣсто. Быстро смѣнявшіяся событія персидской и турецкой войнъ, обуславливая собою громадность и сложность занятій Паскевича въ дѣлахъ виѣшней политики, не давали ему ни времени, ни свободы заняться серьезнымъ изученіемъ Кавказа. Онъ былъ знакомъ съ нимъ лишь по донесеніямъ частныхъ начальниковъ, не всегда основательнымъ, и даже мимоходомъ не видѣлъ кавказской войны, которая потому и рисовалась въ его воображеніи совсѣмъ не похожею на то, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Этимъ только и возможно объяснить себѣ тотъ рѣзкій, полный самонадѣянности тонъ, съ которымъ онъ писалъ государю.

«Чѣмъ болѣе дѣлаю я наблюденій, тѣмъ болѣе удостоверяюсь, что направленіе политики и отношеній нашихъ къ горцамъ были ошибочны и не имѣли ни общаго плана, ни постоянныхъ правилъ. Жестокость, въ частности, умножала ненависть и возбуждала мщеніе, а недостатокъ твердости и не-

рѣшительность въ общемъ—обнаруживали слабость и недостатокъ силъ. Опытъ четырехлѣтняго моего управленія оправдалъ мою политику, которая состояла единственно въ томъ, что въ частности я былъ спсходителенъ, но въ общемъ угрожалъ твердостью и рѣшимостью. Отъ этого при всей малости войскъ нашихъ, занятыхъ войною противъ персіянъ и турокъ, горцы удержаны въ покоѣ и, исключая набѣговъ частныхъ, ничего важнаго не предпринимали»....

Паскевичъ, очевидно, приписывалъ своей политики то, что являлось лишь естественнымъ результатомъ всей дѣятельности Ермолова. Но этого мало, онъ хотѣлъ итти дальше Ермолова, хотѣлъ покорить Кавказъ однимъ ударомъ,—и не только не покорилъ его, но отодвинулъ покореніе на тридцать лѣтъ и создалъ войну, стоившую намъ, въ концѣ концовъ, множества жертвъ, крови, матеріальныхъ потерь, нравственныхъ потрясеній....

Надо замѣтить, что въ это самое время ходила по рукамъ меморія генерала Вельямина, которая, конечно, не могла быть неизвѣстной и Паскевичу. Вельяминъ, другъ и сподвижникъ Ермолова, также изыскивалъ средства ускорить окончаніе тяжелой кавказской войны, но средства, предлагаемыя имъ, значительно разнились отъ мыслей Паскевича. По мнѣнію Вельямина, опыты прошедшихъ лѣтъ не позволяли сомнѣваться, что главный вредъ, какой терпѣла отъ горцевъ Кавказская линія, происходилъ всегда отъ ихъ конныхъ набѣговъ; поэтому, если поставить горцевъ въ такое положеніе, чтобы они съ большимъ трудомъ доставали лошадей, годныхъ для хищническихъ наѣздовъ, то этимъ отнимется у нихъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ дѣлать нападенія. Достигнуть же этого, по мнѣнію Вельямина, можно было только занявъ казачьими станицами всѣ мѣста, изобилующія пастбищами, какъ напр., между Кубанью и Лабою, между Лабой и Урупомъ, по правую сторону Малки, по берегамъ Сунжи и Ассы. Увеличеніе числа кавказскихъ линей-

ныхъ казаковъ, способствуя рѣшительному покоренію горцевъ и обезпечивая Кавказскую область, могло, сверхъ того, принести и громадную пользу въ будущихъ европейскихъ войнахъ. Такимъ образомъ, перенося наши линіи за Кубань и на Сунжу, постепенно вытѣсняя горцевъ съ плоскостей, истребляя у сопротивляющихся посѣвы и жилища, Вельяминовъ приходилъ къ убѣжденію, что при настоящихъ средствахъ Кавказскаго корпуса, т. е. при двухъ лишнихъ дивизіяхъ, война можетъ быть окончена въ теченіи шести лѣтъ и будетъ стоить, сверхъ обычныхъ суммъ, отпускаемыхъ на продовольствіе войскъ, 14 милліоновъ руб. ас.

Насколько этотъ планъ былъ основателенъ и примѣнимъ практически, доказали позднѣйшія событія, когда, послѣ многолѣтней безплодной борьбы, пришлось обратиться къ тому же проекту и дать средствъ гораздо болѣе того, чѣмъ требовалъ Вельяминовъ. Но тогда глядѣли на дѣло еще иными глазами. На предложеніе Вельяминова государь отозвался, что требуемая средства чрезмѣрно обременятъ казну, и что армію нельзя ослаблять и отвлекать отъ западной границы. Проектъ Паскевича, бравшагося покончить дѣло въ одно наступавшее лѣто, былъ утвержденъ. Государь даже торопилъ его исполненіемъ, такъ какъ, по окончаніи экспедиціи, обѣ дивизіи—14 и 20, должны были немедленно возвратиться въ Россію. «Его Величество—писалъ по этому поводу военный министръ:—совершенно увѣренъ, что полный успѣхъ увѣнчаетъ ваше предпріятіе, столь необходимое для прочнаго обезпеченія нашей осѣдлости на Сѣверномъ Кавказѣ».

Теперь оставалось разработать только детали.

Государь предполагалъ начать военныя дѣйствія со стороны Каспійскаго моря, гдѣ горы имѣютъ наименьшій поперечникъ, и для этого употребить войска собственно Кавказскаго корпуса, въ ихъ полномъ составѣ; 20-я же дивизія должна была сосредоточиться въ видѣ резерва въ окрестностяхъ Тифлиса, а 14-я—на Сѣверномъ Кавказѣ, въ кубанскихъ и

терскихъ станицахъ, на случай, если-бы горцы, тѣснимые съ противоположной стороны, бросились на линію. Государь, впрочемъ, не стѣснялъ Паскевича дѣйствовать по обстоятельствамъ и предоставилъ ему широкія полномочія. Паскевичъ выработалъ программу нѣсколько иную. Онъ полагалъ основательно, что прежде чѣмъ приступить къ общему покоренію горскихъ народовъ, необходимо было обезпечить Закавказье и покорить джарскихъ лезгинъ, безъ чего никогда не установилось бы спокойствіе на границахъ Кахетіи; затѣмъ, требовалось привести отъ насъ въ такую же зависимость Осетію, стать твердою ногою въ Абхазіи,—и только тогда уже пройти по всѣмъ направленіямъ Чечню и земли закубанскихъ народовъ. Дагестанъ не особенно занималъ главнокомандующаго. Паскевичъ, болѣе нежели слѣдуетъ, полагался на преданность къ намъ шамхала Тарковского, акушинскаго кадія и хановъ Мехтулы и Казикумыка, которые, по его мнѣнію, достаточно обезпечивали спокойствіе приморскаго края и плоскости, а что касается Нагорнаго Дагестана, гдѣ главенство принадлежало сильной Аваріи, то ханы ея только что добровольно присягнули тогда на подданство Россіи и своимъ примѣромъ, казалось, не могли не повліять на сосѣднія съ ними вольныя общества. Правда, лезгины спускавшіеся съ горъ, продолжали дѣлать набѣги въ Кахетію, но Паскевичъ думалъ, что покореніе джарцевъ вынудитъ и ихъ къ безусловной покорности. Въ противномъ случаѣ предполагалось сдѣлать къ нимъ экспедицію, и если бы они оказали упорство, выселить ихъ на плоскость. Къ началу мая войска, занимавшія Дагестанъ, должны были, занявъ Аварію и оттуда, смотря по обстоятельствамъ, или идти на лезгинъ, сосѣднихъ съ Кахетією, или спуститься въ Чечню, для содѣйствія главнымъ силамъ.

Такимъ образомъ, Дагестанъ былъ почти совсѣмъ устраненъ изъ общаго плана и соприкасался къ нему лишь косвенно,—а, между тѣмъ, дальнѣйшія событія показали, что именно Дагестанъ-то, которому такъ мало удѣлялось

вниманія, и былъ причиною разстроившею всѣ соображенія и планы фельдмаршала. Тамъ, въ глухой койсубулинской деревушкѣ Гимрахъ, никѣмъ не замѣчаемыя, готовились событія, которыя грозили страшнымъ потрясеніемъ нашему владычеству на Кавказѣ и не замедлили оказать рѣшительное вліяніе на общій ходъ дѣла. То былъ мюридизмъ, кинувшій горцевъ въ страшный водоворотъ борьбы кровавой и религіозной. Правда, обликъ новаго ученія былъ еще туманенъ, но при должномъ вниманіи и тогда уже можно было различить въ немъ глухіе отголоски приближающейся бури. Наружное спокойствіе Дагестана обмануло Паскевича; въ гулъ побѣдныхъ громовъ онъ не слыхалъ, какъ шумѣла рѣка, разливавшаяся кипучимъ потокомъ, и какъ затопляла она все, на что было посвящено столько лѣтъ разумной дѣятельности и трудовой жизни Ермолова.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1830 года Паскевичъ открываетъ военныя дѣйствія,—и первая экспедиція въ землю джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ оканчивается быстрымъ и безкровнымъ покореніемъ этихъ обществъ; но, въ то же время, изъ Дагестана приходятъ такіе тревожные слухи, которые заставляютъ наконецъ внимательно взглядѣться въ тамошнія событія и увидѣть въ нихъ нѣчто посерьезнѣе обыкновеннаго мусульманскаго бунта. То было вторженіе мюридовъ въ Аварію. Бой подъ Хунзахомъ и пораженіе Кази-муллы аварцами умалили нѣсколько впечатлѣніе грознаго движенія, начавшагося въ горахъ, но, однако, не разсѣяли нависшихъ надъ гаризонтомъ тучъ. Въ это время Паскевичъ писалъ военному министру, что «несомнѣнная цѣль новаго ученія заключается въ томъ, чтобы отторгнуть отъ насъ всѣ дагестанскія племена и соединить ихъ подъ одно общее еократическое правленіе»....

Въ Петербургѣ вправѣ были ожидать самыхъ энергическихъ мѣръ со стороны Паскевича тамъ, гдѣ, по его же мнѣнію, дѣло касалось безусловно нашего владычества надъ Восточнымъ Кавказомъ, и Государь полагалъ справедливо, что

всѣмъ этимъ смутамъ и неурядицамъ будетъ положенъ скорый конецъ. На этомъ основаніи онъ потребовалъ, чтобы военныя дѣйствія, начатыя покореніемъ джаро-бѣлоканцевъ, отнюдь не отлогались, и чтобы всѣ предначертанія одновременнаго поиска въ горы были окончены въ теченіи лѣта.

Теперь главнокомандующій поставленъ былъ въ необходимость обстоятельно уже разяснить тѣ затрудненія, которыя, подъ вліяніемъ текущихъ событій, принуждали его во многомъ отступить отъ первоначальнаго плана. Онъ писалъ, что къ военнымъ дѣйствіямъ нельзя приступить ранѣе осени, такъ какъ войска изъ Турціи могли прибыть только въ августѣ мѣсяцѣ; но что касается времени, въ которое возможно окончить задуманный планъ, то Паскевичъ не брался опредѣлить его даже приблизительно—все зависѣло отъ обстоятельствъ, которыхъ ни предвидѣть, ни предугадать было невозможно. Онъ самъ подаль мысль и создалъ планъ покоренія Кавказа; но теперь, соображая извѣстную воинственность горцевъ и ближе ознакомившись съ мѣстностью, фельдмаршалъ не могъ не сознавать всю трудность подобнаго предпріятія. Да и время было уже не то, что въ 29-мъ году, когда возникъ этотъ планъ. Тогда Дагестанъ находился въ состояніи полнѣйшаго спокойствія,—теперь появился Кази-мулла съ его религіозной проповѣдью, и волненіе, охватившее не только нагорныя племена, но даже плоскостныхъ кумыковъ, перебросилось въ Чечню и угрожало заняться всеобщимъ пожаромъ.

«Я желалъ бы—писалъ онъ къ государю:—чтобы горцы совсѣмъ насъ не знали, и чтобы прибытіе русскихъ войскъ для ихъ покоренія было бы еще въ первый разъ. Тогда можно бы было утратить и привести ихъ въ изумленіе и неожиданною новостью впечатлѣній, и превосходствомъ войскъ и оружія, и даже съ пользою употребить политику, деньги и подарки. Но уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ они имѣютъ дѣло съ нами и, къ сожалѣнію, были случаи, которые достаточно поселили въ нихъ мнѣніе не въ нашу пользу»....

Отнесшись съ такою укоризной къ дѣятельности своихъ предмѣстниковъ, «испортившихъ дѣло — по его выраженію — настолько, что теперь уже трудно его поправить,» Паскевичъ, съ своей стороны, предложилъ два плана.

Первый состоялъ въ томъ, чтобы «войдя стремительно въ горы, пройти ихъ по всѣмъ направленіемъ». Такой генеральный разгромъ, конечно, могъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе, но серьезныхъ результатовъ отъ него ожидать было нельзя. Самъ Паскевичъ пишетъ, что горцы, не имѣя ни богатыхъ селеній, ни прочныхъ жилищъ, которыя стоили бы того, чтобы ихъ защищать, будутъ уходить все далѣе и далѣе въ глубь горныхъ ущелій, но не перестанутъ наносить вредъ нашимъ войскамъ. «Въ такой войнѣ — говоритъ онъ: — гоняясь за бѣгущимъ и скрывающимся непріателемъ, не можетъ быть большой потери, но войска утомятся и, не имѣя ни твердыхъ пунктовъ, ни вѣрныхъ коммуникацій, должны будутъ наконецъ возвратиться безъ успѣха».

Второй планъ заключался въ томъ, чтобы, войдя въ горы, занять выгоднѣйшіе пункты, устроить укрѣпленія и учредить безопасныя коммуникаціи. Такимъ образомъ, подаваясь впередъ постепенно и занимая область за областью, завоеваніе будетъ медленнѣе, но зато благонадежнѣе. Объединивъ оба эти плана, Паскевичъ разсчитывалъ пользоваться ими въ зависимости отъ обстоятельствъ, примѣняясь къ характеру противника и свойствамъ страны. Но, къ сожалѣнію, и этимъ соображеніямъ главнокомандующаго не суждено было осуществиться, благодаря позднему открытію военныхъ дѣйствій, такъ какъ полки, слѣдовавшіе изъ Турціи, подходили постепенно. Въ ожиданіи ихъ, время, однакоже, не было потеряно даромъ: генералы Абхазовъ и Ренненкампфъ усмирили, какъ сѣверную, такъ и южную Осетію, генералъ-маіоръ Гессе занялъ въ Абхазіи нѣкоторые приморскіе пункты, а въ Дагестанъ былъ посланъ достаточно сильный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Розена съ тѣмъ, чтобы

занять Гимры, главное селеніе Койсубулинскаго общества, гдѣ жилъ Казимулла, и задушить мюридизмъ, такъ сказать, въ самой его колыбели. Все это были, однакоже, экспедиціи частныя, находившіяся только въ связи съ общимъ планомъ, но не составлявшія его сущности—покоренія горцевъ. Последнее должно было начаться лишь съ наступленіемъ осени, когда фельдмаршалъ, разсчитывалъ собрать сорокъ тысячъ войска въ одинъ отрядъ, и съ этою грозною силою, которую не видѣли Тавризь и Эрзерумъ, пройти Чечню и землю закубанскихъ народовъ. Внося къ чеченцамъ мечъ и огонь, Паскевичъ намѣревался искрестить страну по всѣмъ направленіямъ, и въ важнѣйшихъ пунктахъ ея оставить сильныя гарнизоны. «Если я успѣю—писалъ онъ къ военному министру:—провести двѣ линіи:—одну отъ рѣки Гудермеса черезъ Мичикъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, а другую изъ Телава черезъ Хевсурію по рѣкѣ Аргуну до Грозной, то можно будетъ надѣяться, что покореніе чеченцевъ совершится такъ же, какъ и покореніе джарскихъ лезгинъ».

Отъ закубанцевъ ждали не менѣе серьезнаго сопротивленія, чѣмъ отъ чеченцевъ, а потому Паскевичъ, чтобы разъединить ихъ силы, имѣлъ въ виду вторгнуться къ нимъ съ четырехъ различныхъ сторонъ: главныя силы, подъ личнымъ его предводительствомъ, должны были итти со стороны Кубани противъ шапсуговъ и абадзеховъ; отрядъ изъ Абхазіи, перейдя главный хребетъ въ истокахъ рѣки Бѣлой, устремиться на убуховъ, а остальные два—дѣйствовать со стороны Анапы и Гагръ. Сверхъ того, для содѣйствія войскамъ, идущимъ изъ Абхазіи, въ распоряженіе Паскевича должна была поступить часть черноморскаго флота.

Такова была уже окончательная программа Паскевича, отъ которой онъ не имѣлъ намѣренія отступать ни при какихъ обстоятельствахъ. Дагестанъ попрежнему былъ исключенъ имъ изъ общаго плана военныхъ дѣйствій, такъ какъ тамошнія событія не имѣли, повидимому, въ глазахъ его

большого значенія. Онъ до такой степени былъ убѣжденъ, что экспедиція барона Розена покончить всѣ затрудненія, возникшія въ Дагестанѣ, что даже не сталъ ожидать ея результатовъ и 27 мая выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ почти до августа мѣсяца. Къ этому времени главная квартира перешла въ Пятигорскъ; всѣ частныя экспедиціи, предположенныя Паскевичемъ, окончились, и войскамъ, постепенно сходявшимся на назначенные пункты, оставалось только приступить къ военнымъ операціямъ противъ чеченцевъ. Но, именно, эта-та главная экспедиція и разстроилась самымъ неожиданнымъ образомъ.

Причиною тому послужилъ отчасти все тотъ-же Дагестанъ, такъ упорно игнорируемый Паскевичемъ. Экспедиція барона Розена, отъ которой ждали блестящихъ результатовъ, кончилась ничѣмъ, такъ какъ Розень, обманутый наружною покорностію горцевъ, отступилъ отъ Гимръ, и мюридизмъ, оставленный въ покоѣ, сдѣлалъ въ короткое время огромные успѣхи. Сдерживаемый еще кое-какъ нашими войсками на плоскости, онъ тѣмъ съ большою силой развивался въ горахъ и, наконецъ, нашелъ исходную точку въ Джаро-Бѣлоканской области. Тамъ, лѣтомъ 1830 года, вспыхнулъ мятежъ, потребовавшій съ нашей стороны огромнаго напряженія силъ и кончившійся кровавымъ штурмомъ Закалалъ и новымъ покореніемъ джарцевъ. Такимъ образомъ, къ началу осени, значительная часть войскъ была отвлечена на театръ войны, который до тѣхъ поръ совсѣмъ не предвидѣлся; а, между тѣмъ, въ полгахъ, стоявшихъ на линіи, появилась холера. Этотъ страшный бичъ, тогда еще впервые посѣтившій Россію, произвелъ общую панику, и съ особенною силой свирѣпствовалъ именно въ чеченскихъ аулахъ. Холера и недостатокъ войскъ, въ связи съ политическимъ состояніемъ Дагестана и были причинами, заставившими Паскевича измѣнить начертанный имъ планъ и отложить чеченскую экспедицію до будущаго года.

Теперь отъ всего обширнаго проекта, такъ долго занимавшаго главнокомандующаго, осталась только послѣдняя часть его—движеніе противъ закубанскихъ народовъ. Но и это предположеніе не могло осуществиться въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, въ какихъ оно предполагалось фельдмаршаломъ. Волненіе въ Абхазіи удержало тамоншія войска отъ участія въ общемъ походѣ, и Паскевичу пришлось ограничиться только частною экспедиціею противъ шапсуговъ и абадзеховъ; даже надежда его пройти черезъ ихъ земли къ берегамъ Чернаго моря не исполнилась, такъ какъ поздняя осень, дожди и упорное сопротивленіе непріятеля остановили войска на рѣкѣ Обинѣ. Единственнымъ полезнымъ результатомъ этого похода было только личное знакомство Паскевича съ красмъ, да вынесенное имъ убѣжденіе, что его система «вторгнуться въ горы и пройти ихъ по всѣхъ направленіямъ—» не обѣщаетъ успѣха. Онъ самъ истребилъ третью часть шапсугскихъ земель—и не добился покорности. Пришлось и здѣсь остановиться на мысли медленнаго движенія впередъ укрѣпленными линіями съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ прорѣзать ими все пространство отъ Кубани до береговъ Чернаго моря.

Такимъ образомъ, Паскевичу не удалось развить во всемъ объемѣ предначертанія, сдѣланныя имъ на 1830 годъ, и всѣ обширныя приготовленія окончились нѣсколькими частными экспедиціями, которыя, конечно, имѣли важное значеніе, но не дали Кавказу и Россіи ожидаемаго спокойствія. 7-го декабря Паскевичъ возвратился въ Тифлисъ, куда вслѣдъ за нимъ прибыла и главная квартира. Дальнѣйшія дѣйствія противъ горцевъ пріостановились до наступленія весны,—а весною фельдмаршалъ былъ отозванъ въ Польшу, на постъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею. Онъ выѣхалъ изъ Тифлиса 20-го апрѣля 1831 года, поручивъ управленіе Сѣвернымъ Кавказомъ генералу Емануелю, а Закавказьемъ—генералъ-адъютанту Панкратеву. Взгляды Паске-

вича на веденіе кавказской войны въ это время уже значительно измѣнились. Покидая Кавказъ, онъ оставилъ своимъ пріемникамъ инструкціи, въ которыхъ рекомендовалъ держаться преимущественно пассивной обороны. Изъ Петербурга, по его настояніямъ, повторили то же требованіе,—а тутъ на бѣду выступилъ опять Кази-мулла съ его кровавымъ ученіемъ, и пожаръ, охватившій тогда восточную половину Кавказа, угасъ только, спустя 28 лѣтъ, на Гунибѣ.

Время командованія Паскевича на Кавказѣ продолжалось съ небольшимъ четыре года. Главная дѣятельность его была поглощена внѣшними войнами, и дѣламъ Кавказа, силою обстоятельствъ, отводилось лишь второстепенное мѣсто. Тѣмъ не менѣе все, что сдѣлано было имъ въ короткое время для внутренняго развитія страны, носило на себѣ печать несомнѣнной административной заботливости. Онъ видѣлъ ясно, что вся система управленія, существовавшая здѣсь со времени занятія Грузіи, не только не вела къ благоденствію края, но сама по себѣ уже служила источникомъ различныхъ неустройствъ и безпорядковъ. Его поражала обширная власть главнокомандующихъ, вытекавшая здѣсь не изъ положительныхъ законовъ, а изъ мѣстныхъ обычаевъ, которые разнообразились и примѣнялись къ управленію въ безчисленныхъ формахъ. Паскевичъ первый указалъ на неотложную потребность гражданскаго переустройства края, и, не довѣряя въ этомъ случаѣ своимъ собственнымъ силамъ, просилъ государя о назначеніи въ край сенаторской ревизіи. Его заслуга заключается въ томъ, что онъ намѣтилъ вопросы, на которые его преемники, не отвлекаемые болѣе внѣшнею политикою, могли сосредоточить всю свою дѣятельность.

Въ военномъ отношеніи, въ дѣлѣ умиротворенія Кавказа, имъ также сдѣлано было не мало. При немъ уничтожена была, автономія Гуріи, покорены осетины и карачаевцы, утратила послѣднюю тѣнь независимости безпокойная Джаро-Блоканская область, упрочена за нами Абхазія и покорилась

Сванетія. Но надо сказать, однако, что все это были только зачатки, потребовавшія съ нашей стороны еще долгой и упорной борьбы. Главное же, что оставилъ Паскевичъ въ наслѣдіе своимъ преемникамъ—это зараждающійся мюрдизмъ, который онъ могъ задушить въ колыбели—и не задушилъ потому, что не угадалъ, какія въ этомъ зародышѣ скрываются сѣмена будущихъ страшныхъ потрясеній.

II.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ КАВКАЗСКАГО МЮРИДИЗМА И КАЗИ-МУЛЛА.

Въ то самое время, когда Россія побѣдоносно выходила изъ войнъ съ Персією и Турцією—двумя могущественными государствами Азии, въ глубинѣ Дагестана незамѣтно скоплялись горючіе матеріалы, грозившіе Кавказу страшнымъ потрясеніемъ. То подготовлялся чрезмѣрный взрывъ фанатизма, который въ своемъ проявленіи записанъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ грознымъ именемъ «мюридизма». Мюридизмъ возвѣстилъ народамъ Дагестана «газавать», т. е. войну религиозную, а слѣдовательно войну кровавую и упорную до изувѣрства.

Собственно говоря, мюридизмъ не былъ какимъ либо новымъ, невѣдомымъ мусульманскому міру, явленіемъ; онъ существовалъ на Востокѣ цѣлыя столѣтія—съ тѣхъ поръ, какъ явился коранъ, но никогда не выражался въ той страшной и своеобразной формѣ, въ которой проявился среди дагестанскихъ горцевъ. Изслѣдовать причины, побудившія сотни тысячъ людей разомъ слиться въ одной идеѣ, дѣло политической исторіи; намъ-же доводится лишь прослѣдить за явленіемъ пастолько, насколько оно выразилось съ внѣшней своей стороны.

Никакая религія міра не исчерпывалась однимъ только кодексомъ законодателя, а всегда оставляла послѣдователямъ

его широкое поле дополнять и разъяснять этот кодекс новыми идеями. Такъ случилось и съ религією Магомета. Едва раздалось слово проповѣдника, какъ тотчасъ-же явились толкователи и выразители идей пророка, и между ними первенствующее мѣсто заняли послѣдователи «тариката», иными словами, ученія, указывающаго наилучшій «путь къ Богу», т. е. къ достиженію вѣчнаго блаженства. Ученіе «тариката», сопровождаемое самосозерцаніемъ, постомъ и молитвою, во многомъ уподоблялось христіанскому монашеству. Основателями его являлись отшельники, которые своею святою, уединенною жизнію привлекали къ себѣ послѣдователей и вмѣстѣ съ ними составляли, въ нѣкоторомъ родѣ, братства. Восточное воображеніе и фантазія, конечно, не могли оставить это ученіе чистымъ и отвлеченнымъ, а увлекли его на путь мистицизма. Такимъ образомъ, въ монашествующемъ мусульманскомъ братствѣ образовались пять степеней духовнаго совершенства, для достиженія которыхъ требовались не только религіозныя познанія, но и исполненіе многочисленныхъ и трудныхъ обрядностей *). Все это дало возможность духовнымъ учителямъ, именующимъ себя муршидами, имами и т. п., въ случаѣ надобности, эксплуатировать по своимъ личнымъ расчетамъ толпу своихъ учениковъ, мюридовъ, и дѣлать изъ нихъ послушное орудіе своихъ политическихъ замысловъ.

Въ мусульманскомъ мірѣ не мало разыгралось кровавыхъ революцій, въ которыхъ вожаками политическихъ партій всегда являлись муршиды съ своими мюридами. Вызывая политическое движеніе во имя тариката, представители его, слѣдуя наставленіемъ пророка, предварительно посылали ко всѣмъ мусульманамъ «да'вать», т. е. приглашеніе присоединиться къ нимъ для защиты народныхъ и религіозныхъ правъ, а затѣмъ уже, не принявшимъ да'вата, объявляли «джигать» (война за вѣру), чтобы силою оружія заставить ихъ слѣдо-

*) Эти степени были учреждены по числу пророковъ-законодателей: Адама, Авраама, Моисея, Иисуса и Магомета.

вать за собою. Вотъ эти-то три начала: тарикать, да'вать и джигать, или по отношенію къ намъ «газавать»—и объединялись у насъ въ одномъ понятіи «мюридизмъ» *).

То, что было на Востокѣ, должно было неизбѣжно случиться и на Кавказѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ исламъ нашель себѣ мѣсто среди кавказскихъ народностей, явились и здѣсь послѣдователи тариката,—были муршиды и были мюриды; но до тѣхъ поръ, пока это ученіе держалось тѣсной догматической рамки—все было тихо и спокойно. Правда, во имя религіи и на Кавказѣ не разъ поднимались бѣри, но онѣ сами собою утихали, такъ какъ народъ, коспѣвннй въ духовномъ невѣжествѣ, не былъ въ состояніи увлекаться религіозною идеею на продолжительное время и, вспыхнувъ какъ порохъ, скоро терялъ свою силу **). Не то произошло въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Первые вожакн будущаго грознаго движенія горцевъ шли къ цѣли медленно. Возвѣстивъ народамъ Дагестана мюридизмъ, во всемъ его широкомъ объемѣ, и укрьпивъ его на почвѣ политической свободы, они цѣлые семь лѣтъ фанатизировали массы, прежде чѣмъ двинуть ихъ на борьбу съ невѣрными.

Чтобы объединить разрозненные племена Дагестана въ одно крѣпкое тѣло, могущее противопоставить силу противъ силы русской, потребовалось вліяніе религіи, и именно ученіе тариката, основныя начала котораго, отвергая свѣтскую власть хановъ, подчиняли и совѣсть и волю народа одному духовному учителю; муршиду или имаму. Но обратить къ изученію тариката цѣлые народы, создать изъ нихъ духовный монашествующій орденъ, конечно, было нельзя, да это и противорѣчило бы тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовались сѣятелями мюридизма. Имъ нужно было довести толпу до

*) Джигать—война съ мусульманами, газавать—съ невѣрными.

***) Выдающимися событіями въ этомъ родѣ были: появленіе Шейхъ-Мансура въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и чеченскій бунтъ 1825 года.

такого состоянія, чтобы эта толпа стремилась къ достиженію вѣчнаго блаженства не однимъ путемъ духовнаго просвѣтленія, а видѣла бы его въ мученическомъ вѣнцѣ «шегида,» искала бы газавата. Отсюда простекало то, что кавказскій мюридизмъ, хотя имѣлъ въ основѣ высокія идеи тарикатства, но не былъ уже тѣмъ чистымъ, нравственнымъ ученіемъ, которое создано и освящено было первыми мусульманскими богословами. Истинный тарикатъ, какъ всякое подвижничество, требовалъ изможденіе тѣла вѣчнымъ постомъ, молитвой, самозерцаніемъ и не допускалъ даже ношенія оружія; для газавата нужны были, напротивъ, зоркія очи и крѣпкія мышцы, чтобы владѣть кинжаломъ и винтовкою. Для газавата важны были уже не одиночные адепты, а цѣлыя массы, все населеніе, которое, очевидно, не могло быть посвященно поголовно въ высокія нравственныя истины мистическаго ученія. Вотъ почему истинныхъ мюридовъ, во все продолженіе кавказской войны, было немного; ихъ считали сотнями, тогда какъ становившихся подъ знамя мюридизма набирались десятки тысячъ, но зато отъ этихъ послѣднихъ и не требовалось уже ничего, кромѣ строгаго исполненія шаріата, обязательнаго для каждаго мусульманина, а изъ тариката—лишь основное правило его: слѣпое повиновеніе имаму. Такимъ образомъ, кавказскій тарикатъ является просто политическимъ орудіемъ, сектой, гдѣ подъ завѣсою религіи образовывается невиданное доселѣ братство въ нѣсколько десятковъ тысячъ людей, не сильныхъ въ богословіи, но глубоко проникнутыхъ одною идеею—ненавистію къ невѣрнымъ. Это воинствующее монашество, созданное при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, обратило всю свою дикую энергію противъ владычества русскихъ, и горы Дагестана цѣлые 37 лѣтъ наполнялись непрерывнымъ громомъ войны и звукомъ оружія.

Какимъ образомъ могло возникнуть это опасное движеніе среди покорныхъ намъ племенъ Дагестана, возникнуть, такъ сказать, на-глазахъ у русскихъ, замѣтившихъ его въ

моментъ лишь самаго взрыва—это вопросъ, остающійся открытымъ до настоящаго времени. Вотъ, какъ объ этомъ, касаясь лишь внѣшней стороны явленія, говорятъ историческіе документы и устные преданія очевидцевъ.

Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, уже во времена Ермолова, представителемъ чистѣйшаго тарикатскаго ученія на Кавказѣ былъ нѣкто шейхъ-Хаджи-Измайлъ, проживавшій въ селеніи Кюрдамирѣ, Ширванской провинціи. Онъ былъ извѣстенъ своею ученостію и святостію жизни. И этому-то старцу, отрѣшившемуся отъ міра и исключительно погруженному въ созерцаніе духовныхъ видѣній пророка, совершенно случайно суждено было стать творцомъ кровавыхъ идей, зажегшихъ на цѣлые тридцать лѣтъ фанатическимъ пожаромъ Дагестанъ, а за нимъ и чуть не всѣ Кавказскія горы.

Произошло это слѣдующимъ образомъ:

Въ 1823 году, при Асланъ-ханѣ казикумыкскомъ, жилъ въ кюринскихъ владѣніяхъ нѣкто мулла Магометъ, родомъ изъ селенія Ярага; онъ также посвятилъ весь свой досугъ изученію тариката, и если не достигъ на этомъ пути извѣстности Хаджи-Измаила, то, тѣмъ не менѣе, по обширнымъ познаніямъ своимъ слылъ въ числѣ дагестанскихъ алимовъ, а по уму и твердому характеру достигъ званія главнаго кадія.

У муллы-Магомета, въ числѣ его учениковъ, воспитывался долгое время одинъ бухарецъ, по имени Хосъ-Магома, прилежно изучавшій подъ руководствомъ своего наставника всѣ догматическія истины корана. По окончаніи ученья онъ объявилъ, что отправляется на родину, и скрылся изъ Ярыг-лара. Точно-ли онъ былъ въ Бухарѣ, или объѣзжалъ въ это время другихъ замѣчательныхъ кавказскихъ алимовъ—неизвѣстно, но черезъ короткое время онъ возвратился назадъ и повелъ такую аскетическую, суровую жизнь, что мулла Магометъ началъ втайнѣ слѣдить за его поведеніемъ. Однажды, въ глухую ночь—какъ рассказываютъ старики Ярага и по-

сится преданіе по Дагестану—мулла Магометъ пошелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ его бывшій воспитанникъ. Онъ увидѣлъ, что комната, гдѣ жилъ Хосъ-Магома, была озарена какимъ то невиданнымъ свѣтомъ, а самъ онъ сидѣлъ на ветхомъ келимѣ, углубившись въ чтеніе корона. Но едва Магометъ вошелъ въ комнату—огонь исчезъ, и мулла очутился въ глубокомъ мракѣ. Пораженный удивленіемъ, кадій просилъ Хосъ-Магому объяснить ему смыслъ этого таинственнаго явленія.

Почтешный наставникъ!—отвѣчалъ Хосъ-Магома:—Ты трудился и училъ меня семь лѣтъ, и я до сихъ поръ не могъ ничѣмъ отблагодарить тебя. Но теперь я передамъ тебѣ мудрость бухарскихъ алимовъ, неизвѣстную въ странахъ Дагестана, открою такія великія тайны ислама, о которыхъ и ты, алимъ, не имѣешь понятія. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, поѣдемъ со мною къ кюрдамирскому эфендію и примемъ его благословеніе.

Мулла Магометъ согласился и вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ и нѣсколькими кюринскими муллами отправился въ Кюрдамиръ для свиданія съ шейхъ-Измаиломъ. Это свиданіе было роковымъ для Кавказа.

Шейхъ, какъ суровый аскетъ, незнакомый съ практической стороною жизни, развивалъ передъ гостемъ, высокія богословскія идеи, доходившія до самоотреченія отъ личнаго «я.» Мулла Магометъ, какъ кадій, стоявшій близко къ народу и знавшій степень духовнаго его развитія, рисовалъ передъ нимъ картины тогдашняго положенія дѣлъ внутри Дагестана и требовалъ прежде всего направить на истинный путь созрѣвшихъ съ него мусульманъ. Шаткость религиозныхъ понятій, совершенное невѣдніе шаріата, замѣняемаго народными обычаями, не всегда согласными съ духомъ мусульманской религіи, дѣйствительно производили въ народѣ тотъ безобразный нравственный хаосъ, который нельзя было назвать иначе, какъ полнымъ духовнымъ растлѣніемъ. Такимъ обра-

зомъ, ученость одного и политическія соображенія другого привели обоихъ къ общему выводу—къ необходимости заботиться о просвѣщеніи не тѣхъ одиночныхъ лицъ, которыя были способны къ воспринятію высокаго ученія тариката, а цѣлыхъ массъ, погрязшихъ въ невѣдѣніи основныхъ началъ религіи и въ ложномъ толкованіи корана. Развивая эту идею, они остановились на мысли—соединить разрозненные народы Дагестана въ одно общее цѣлое, прекративъ между ними взаимныя междуусобія, ссоры и обычай кровомщенія. А отсюда уже не трудно было додуматься, что для народа будетъ понятнѣе привывъ къ священной войнѣ, чѣмъ богословскія разсужденія, и этимъ страшнымъ орудіемъ рѣшили воспользоваться оба проповѣдника, чтобы обратить народъ къ шаріату. Съ минуты этого разговора тарикатъ получаетъ въ устахъ кавказскихъ проповѣдниковъ совершенно иное толкованіе и развивается въ то грандиозное явленіе, двигавшее на смерть сотни тысячъ людей, которое извѣстно исторіи подъ именемъ кавказскаго мюридизма.

Прощаясь съ муллою Магометомъ, шейхъ-Исмаиль возвелъ своего почетнаго гостя въ званіе муршида и благословилъ его, по возвращеніи домой, приступить къ проповѣдованію тариката.

Это произошло осенью 1823 года.

Уже въ той первоначальной формѣ, въ которой вылилась новая идея изъ устъ муллы Магомета, зазвучала политическая нотка, сглаживаемая истинными обязаностями тариката лишь настолько, насколько это было нужно, чтобы не произвести преждевременной бури.

Въ Кюринскомъ селеніи Ярагъ, или Ярыгларъ, между бѣдными лачугами стоитъ простая деревянная мечеть съ магометанскою луною на кровлѣ и съ тремя круглыми окнами, напоминающими бойницы. Узкая лѣстница ведетъ снаружи на деревянную галерею второго этажа, покрытую навѣсомъ отъ дождя и палящаго солнца. Внутренность мечети также

не отличается роскошью; сѣро-коричневая стѣна ея украшена полуистертыми изрѣченіями изъ корана, полъ покрытъ старыми войлочными коврами, а посрединѣ стоитъ кафедра изъ орѣховаго дерева, довольно грубой работы. Не болѣе двухсотъ человѣкъ можетъ помѣститься въ себѣ эта бѣдная мечеть, но ей-то именно и суждено было стать колыбелью мюридизма. Здѣсь престарѣлый мулла Магометъ, послѣ пламенной рѣчи къ кюринцамъ, впервые произнесъ «газаватъ»—слово, возбудившее разомъ всѣ дикіе инстинкты народа и ринувшее его на путь кровавой борьбы, закончившейся только громомъ гунибской побѣды.

День, въ который была произнесена эта рѣчь, былъ первымъ днемъ мюридизма. Вѣсть о новомъ ученіи и о чудесномъ ораторѣ съ быстротою электрическаго тока охватила собою всѣ углы Дагестана и пронеслась оттуда въ Чечню. Аскетическая жизнь муршида, его глубокое знаніе корана и пламенное краснорѣчіе привлекли къ нему толпы учениковъ и поклонниковъ. Въ Ярагъ стали приходиться уже и муллы, желавшіе услышать новыя, невѣдомыя доселѣ имъ откровенія. Многіе изъ нихъ проживали по цѣлымъ мѣсяцамъ, наблюдая втайнѣ за поведеніемъ муршида и всегда находили его въ духовныхъ трудахъ и въ молитвѣ къ Богу. Молва о святости его распространилась всѣ болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и крѣпло проводимое имъ ученіе.

Описывая наружность муллы Магомета, современники говорятъ, что онъ былъ высокаго роста, съ длинною бѣлою бородою; кротость и добродушіе были написаны на его изможденномъ лицѣ, а глаза ослѣпли отъ ночного бдѣнія. И этотъ-то, повидимому, мирный старикъ слабымъ, едва слышимымъ голосомъ проповѣдовалъ всеобщее возстаніе на кровавую брань. Пѣсни, игры, музыка, куреніе табаку, вино и танцы объявлены были свѣтскими обрядами, достойными казни. Принимавшій ученіе мюридизма, принималъ точно монашескую схиму; но только эта схима звала его не изъ грѣхов-

паго міра въ область поста и молитвы, а, напротивъ,—въ міръ, куда газавать долженъ былъ внести мечъ и огонь, чтобы оградить религію отъ притязанія гяуровъ.

Истинные магометане,—внушалъ мулла Магометъ,—не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ, потому что присутствіе ихъ заграждаетъ путь къ престолу Аллаха. Молитесь и кайтесь; но прежде всего ополчитесь на газавать—безъ него одинъ шариатъ не приведетъ къ спасенію.

Большинство слушателей смутно понимало сущность пропанды, а многіе и вовсе ничего не понимали, вынося изъ проповѣдей только неясное предвидѣніе близкой борьбы съ русскими, уже занявшими плоскость и стоявшими у входа въ самыя горы. Весь складъ суровой жизни подготавливалъ лезгина къ трудной борьбѣ и военнымъ тревогамъ. Почва, слѣдовательно, была готота,—оставалось идею осуществить на практикѣ. И вотъ, мулла Магометъ разсылаетъ своихъ послѣдователей—мюридовъ, которые, съ деревянными шашками въ рукахъ и съ завѣтомъ гробового молчанія, обходятъ горы и аулы Казикумыка. Въ странѣ, гдѣ семилѣтній ребенокъ не выходилъ изъ дома безъ кичжала на поясѣ, гдѣ пахарь работалъ съ винтовкою за плечами, вдругъ появились въ одиночку безоружные люди, которые, встрѣчаясь съ прохожими, ударяли по землѣ три раза деревянными шашками, и съ безумною торжественностью восклицали: «Мусульмане—газавать! Газавать!» Мюридамъ дано было только одно это слово, и на всѣ остальные вопросы они отвѣчали молчаніемъ. Впечатлѣніе было чрезвычайное; ихъ принимали за святыхъ, охраняемыхъ рокомъ, и горцы, любопытство которыхъ было возбуждено самымъ страстнымъ образомъ, стали тысячами стекаться на поклоненіе и послушаніе мултѣ Магомету.

Но пока этимъ все и ограничилось.

Напрасно нѣкоторые историки связываютъ съ новымъ ученіемъ возстаніе, вспыхнувшее въ томъ-же году въ Мехтулѣ и кончившееся трагическою смертію полковника Верховскаго.

Нѣтъ никакихъ данныхъ, которые позволили бы предполагать какую либо связь между этими событіями. Мятежъ въ Мехтулѣ былъ дѣломъ совершенно случайнымъ. Это были домашніе счеты, вызванные жестокостью русскаго пристава, о чемъ согласно говорятъ и наши документы и горскіе источники,— а при этихъ условіяхъ мятежъ возможенъ былъ и безъ всякой религіозной пропоганды.

Тѣмъ не менѣе, когда Ермоловъ въ томъ же году посѣтилъ Дагестанъ и изъ разговоровъ съ араканскимъ кадїемъ, Сеидъ-эфенди, узналъ о зарождающемся мюридизмѣ, онъ приказалъ Асланъ-хану казикумыкскому прекратить безпорядки.

Асланъ-ханъ самъ отправился въ кюринское селеніе Касумкентъ, куда, по его требованію, явился и мулла Магометъ ярагскій съ нѣкоторыми изъ своихъ послѣдователей. Мулла началъ излагать передъ ханомъ истины тарикатскаго ученія, и на вопросъ: почему твои мюриды ходятъ по деревнямъ и кричатъ газавать?—отвѣчалъ: «мои мюриды въ религіозномъ экстазѣ не понимаютъ сами, что дѣлають; но ихъ поступки показываютъ ясно, что всѣ должны дѣлать.»

—Твое ученіе только соблазняетъ народъ—возразилъ Асланъ-ханъ:—Газавать дѣло угодное Богу; но развѣ ты не знаешь силы русскихъ, развѣ не понимаешь, сколько черезъ твою пропоганду можетъ пострадать и погибнуть невинныхъ людей?

Русскіе, конечно, сильнѣе насъ—спокойно отвѣчалъ мулла Магометъ:—но Богъ сильнѣе русскихъ: въ его рукахъ побѣда и пораженіе. Я бы посовѣтовалъ и тебѣ, ханъ, оставить мірскую суету и подумать о томъ, куда мы всѣ пойдѣмъ отъ послѣдняго раба до царей и пророковъ.

—Я мусульманинъ и исполняю шаріатъ, какъ повелѣваютъ священныя книги,—сказалъ Асланъ-ханъ.

Ты говоришь ложь:—запальчиво возразилъ проповѣдникъ:—Ты и твой народъ во власти невѣрныхъ, а при этомъ исполненіе вашего шаріата ничего не стоитъ.

Этотъ дерзкій отвѣтъ и укоръ, брошенный въ лицо одному изъ могущественнѣйшихъ владѣтелей Дагестана, вывелъ изъ себя гордаго хана. Онъ публично далъ муллѣ Магомету пощечину и выгналъ его вонъ.

Но на другой день, мучимый раскаяніемъ, ханъ вторично пригласилъ къ себѣ стараго кадїа и просилъ у него прощенїя. Тогда мулла воспользовался минутой и сумѣлъ своимъ краснорѣчіемъ подѣйствовать на грубую натуру хана.

«За мою обиду Богъ тебѣ проститъ—отвѣчалъ мулла:—по ты, ханъ, не будь по крайнѣй мѣрѣ истиннымъ приверженцемъ русскихъ. Если ты не можешь допустить проповѣдованіе тариката въ твоихъ владѣніяхъ, то не препятствуй въ томъ другимъ дагестанцамъ. Вспомни, что если русскіе встрѣтятъ въ Дагестанѣ много враговъ, ты будешь имъ нуженъ, и тебя осияютъ наградами; но если они покорятъ горы, ты будешь выброшенъ ими, какъ ненужная ветошь.» Ханъ призадумался. Лестивыя слова муллы Магомета показались ему чѣмъ-то пророческимъ. Онъ отпустилъ его домой, а Ермолову донесъ, что въ ханствѣ возстановленъ полный порядокъ.

Такимъ образомъ мюридизмъ въ тихомолку продолжалъ развиваться. Магометъ ярагскій сталъ уже не единственнымъ проповѣдникомъ новой идеи, а рука объ руку съ нимъ дѣйствовали и быстро выдвигались на народную арену другіе знаменитые представители тариката, изъ которыхъ особенно выдавался ученостью и святостію жизни Джемалладинъ казикаумкскій. «Благодать этихъ святыхъ—говоритъ одинъ изъ горскихъ историковъ:—такъ дѣйствовала на распространеніе въ народѣ шарїата, какъ дѣйствуетъ весенній дождь на произрастаніе хлѣба».

Рассказываютъ, что Асланъ-ханъ, встревоженный проповѣдями Джемалладина въ своихъ владѣніяхъ, приказалъ привести его во дворецъ. Но когда Джемалладинъ явился и сталъ передъ ханомъ, облокотившись на палку, Асланъ, уже готовый произнести надъ нимъ смертный приговоръ, вдругъ по-

блѣднѣль, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. «Отпустите его домой и не трогайте—сказалъ онъ своимъ приближеннымъ:— я видѣлъ, что его пальцы сіяли свѣтомъ, какъ зажженные свѣчи»...

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ 1825 году Ермоловъ увидѣлъ въ чеченскихъ событіяхъ отраженіе новаго дагестанскаго ученія и опасаясь, чтобы волненіе не охватило приморскій Дагестанъ, приказалъ Асланъ-хану арестовать муллу Магомета и доставить его въ Тифлисъ. Магометъ былъ арестованъ, но съ дороги бѣжалъ и скрылся въ Табасарани. Вслѣдъ за нимъ бѣжалъ изъ Казикумыка и Джемалладинъ. Начавшіяся затѣмъ персидская, а потомъ турецкая войны надолго отвлекли вниманіе нашего правительства отъ внутреннихъ дѣлъ Дагестана; а между тѣмъ новое ученіе росло и фанатизировало массы до высокой степени.

Все было готово. Нуженъ былъ вождь,—и вождь явился.

Въ числѣ послѣдователей тариката былъ одинъ гимринецъ, по имени Гази-Мухамедъ, о жизни и дѣятельности котораго, до выступленія его открыто на политическое поприще, сохранилось такъ много разнорѣчивыхъ свѣдѣній, что по нимъ трудно добратъся до какой нибудь истины.

Шихъ-гази-ханъ-Мухамедъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Казимуллы, провелъ свое дѣтство въ Гимрахъ и подобно своимъ сверстникамъ занимался тѣмъ, что возилъ на ослѣ виноградъ, и знаменитые гимринскіе перенки въ шамхальскія владѣнія и тамъ мѣнялъ ихъ на пшеницу. Постоянные разъѣзды, разнообразныя встрѣчи, знакомство съ иною природою и иными людьми,—все, что такъ безслѣдно проходило для большинства дѣтей его возраста, развило въ его пытливомъ умѣ любознательность и интересъ къ знакомству съ такими предметами, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія. Но удовлетворить жаждѣ знаній было очень трудно.

Въ то время въ Дагестанѣ не существовало правильно организованныхъ школъ для прохожденія книжнаго ученія, а въ такъ называемыхъ медресе, существовавшихъ почти въ каждомъ аулѣ, можно было научиться только чтенію корана. Но этого было слишкомъ мало для того, кто желалъ занять мѣсто муллы или кадія, или же приобрести званіе эфендія. Мальчикамъ приходилось ходить по ауламъ, разыскивая достаточно ученаго кадія, отъ котораго можно бы было позаимствоваться болѣе глубокими богословскими свѣдѣніями. Подобно своимъ сверстникамъ скитался изъ одной мечети въ другую и Гази-Мухамедъ, пока не попалъ наконецъ въ Араганахъ къ знаменитому алиму того времени Сеидъ-эфендію. Естественно, что направленіе, данное своему ученику умнымъ Сеидомъ, однимъ изъ приверженцевъ русскихъ, было радикально противоположно ученію тарикатскихъ шейховъ и не могло толкнуть Кази-муллу на тотъ кровавый путь, на которомъ онъ завоевалъ себѣ мѣсто въ исторіи. Но умъ Кази-муллы былъ такого склада, что не могъ оставить безъ вниманія и новаго ученія. Онъ отправился въ Казикумыкъ, гдѣ въ то время находился святой Джемалладинъ; но прежде чѣмъ принять отъ него тарикатъ, онъ захотѣлъ испытать точно-ли шейхъ имѣетъ даръ прозорливости, какъ о томъ говорили въ народѣ. Когда онъ, никому незнакомый въ Казикумыкъ, вошелъ въ домъ Джемалладина и скромно помѣстился у порога, Джемалладинъ сказалъ ему: «здравствуй Гази-Мухамедъ! Садись поближе ко мнѣ, тамъ не твое мѣсто». Удивленный Кази-мулла спросилъ:—Почему ты знаешь мое имя, когда прежде никогда не видалъ меня? «Развѣ въ книгѣ не сказано:—отвѣчалъ Джемалладинъ:—берегитесь прозорливости вѣрнаго раба, онъ смотритъ свѣтомъ Божиимъ. Развѣ ты сомнѣваешься, что я вѣрный рабъ?»

Эти слова поразили Кази-муллу: онъ упалъ ницъ передъ святымъ муршидомъ, исповѣдуя свой грѣхъ и сталъ ревностнѣйшимъ мюридомъ Джемалладина.

Но тарикатъ, который проповѣдовалъ Джемалладинъ, былъ тарикатъ истинный, чуждый политическимъ цѣлямъ; онъ былъ направленъ собственно къ возвышенію чисто религіознаго духа своихъ послѣдователей, и въ этомъ пониманіи божественныхъ откровеній Джемалладинъ рѣзко расходился съ возрѣніями своего наставника Магомета ярагскаго. Основываясь на словахъ пророка, сказавшаго при возвращеніи домой послѣ боя съ невѣрными: «мы совершили малый газаватъ, теперь предстоитъ большой», т. е. борьба съ собственными страстями, онъ училъ народъ, что усмиреніе страстей и очищеніе себя отъ грѣховныхъ помысловъ есть дѣло болѣе угодное Богу, чѣмъ война съ невѣрными. Казимулла, принявшій отъ него тарикатъ, не раздѣлялъ однакоже взглядовъ своего наставника, и чтобы разъяснить мучившія его сомнѣнія, рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ муллѣ ярагскому, къ тому, кто поставилъ муршидомъ и самого Джемалладина. Онъ написалъ ему: «Аллахъ велитъ въ свой книгѣ воевать съ невѣрными, но мой наставникъ Джемалладинъ воспрещаетъ это: чьи повелѣнія исполнять мнѣ?»

Повелѣнія Божіи—отвѣтилъ ему шейхъ—мы должны исполнять болѣе, чѣмъ людскія.

Тогда Казимулла отправился самъ на свиданіе съ муллою Магометомъ. Путешествіе въ Ярагъ онъ совершилъ пѣшкомъ, съ полнымъ религіознымъ смиреніемъ, въ сообществѣ только одного изъ своихъ друзей—Шамиля, тогда только что начинавшаго свое историческое поприще. Достигнувъ Ярага, онъ отправился прямо въ домъ кюринскаго кадїа и почти цѣлый годъ пробылъ въ сообществѣ знаменитаго шейха. Не разъ случалось имъ уходить изъ селенія въ поле и просиживать вдвоемъ цѣлыя ночи, бесѣдуя и любясь безконечными красотами горной природы; учитель пояснялъ ему смыслъ правовѣрія, открывалъ тайны религіи, разсуждалъ о шарїатѣ, о способѣ привлекать къ себѣ сердца людей, убѣждать ихъ, повелѣвать ими. Уединенная, отшельническая жизнь развила

въ муллѣ Магометѣ необычайную созерцательность, приучила читать живую книгу природы и видѣть во всемъ таинственные символы, сокровенный смыслъ которыхъ постигалъ онъ одинъ.

«Однажды ночью, это было въ позднюю осень—разсказывалъ самъ Кази-мулла одному гимринскому старику, здравствующему еще и понинѣ:—наставникъ мой сидѣлъ задумчиво у входа въ пещеру; свѣтъ луны ослѣпительно отражался на высяхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ и загроможденныхъ вѣковѣчными льдами. Я не смѣлъ прервать его благоговѣйнаго размышленія. Наконецъ онъ всталъ и, пересѣвъ къ очагу, углубился въ чтеніе корана, а я между тѣмъ заснулъ. Наступила полночь. Я проснулся отъ непонятнаго сильного шума: точно рѣка, свергаясь съ высокихъ горъ, ворочала огромные камни; въ воздухѣ стоялъ оглушительный гулъ, скалы колебались, земля дрожала. Въ страхѣ смотрю вокругъ себя—и что же вижу? Передо мною стоитъ муршидъ, окруженный дивнымъ сіяніемъ; сѣдая борода его блестяла, какъ ледъ, а глаза сверкали страннымъ огнемъ, который жегъ душу и сердце; онъ держалъ въ одной рукѣ коранъ, другую простеръ ко мнѣ и твердымъ голосомъ, ясно отдѣлявшимся отъ подземнаго гула, произнесъ: «именемъ Аллаха подвизаю тебя на священную войну за правовѣріе, и да будешь ты нареченъ Гази-Муллою». Я повергся къ его ногамъ и съ трепетомъ слушалъ вдохновенныя слова учителя. Когда онъ умолкъ, и я осмѣлился поднять свою голову, передо мною стоялъ уже не вдохновенный прорицатель, а старецъ, изнемогшій отъ душевной истомы. Послѣ того онъ цѣлый мѣсяцъ лежалъ обезсиленный».

Таковъ разсказъ самого Кази-муллы о провозглашеніи его газіемъ. Но нужно было сдѣлать имя это извѣстнымъ цѣлому народу. И вотъ, въ маленькомъ садикѣ ярагской мечети, который существуетъ еще и теперь, нѣсколько темныхъ муллъ, учениковъ кюринскаго шейха, держали въ 1828 году

послѣдній совѣтъ, на которомъ положено было начать газавать. Мулла Магометъ былъ душою этого совѣта. Вскорѣ послѣ того онъ собралъ къ себѣ представителей всѣхъ вольныхъ обществъ Дагестана: ученыхъ муллъ, кадѣевъ, старшинъ, и, послѣ долгой молитвы, объявилъ всенародно, что знамя газавата подниметь его любимый ученикъ Гази-Магометъ и тутъ же провозгласилъ его имамомъ.

«Именемъ пророка—сказалъ онъ, возложивъ руку на его голову:—повелѣваю тебѣ, Гази-Магометъ, иди, собери народъ и съ Божію помощію начинай войну съ невѣрными. Вы-же—продолжалъ онъ, обращаясь къ народнымъ представителямъ:—ступайте домой, передайте вашимъ соотчичамъ все, что видѣли здѣсь, вооружите ихъ и ведите на газавать. Вы живете въ крѣпкихъ мѣстахъ; вы храбры; каждый изъ васъ, какъ истинный мусульманинъ, долженъ итти одинъ противъ десяти невѣрныхъ. Рай и свѣтлый вѣнецъ шегиды ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ въ бою за вѣру и пророка».....

Провозгласивъ газавать и поставивъ вождя, мулла Магометъ съ этой минуты удаляется съ политическаго поприща, а на его мѣсто, уже на кровавую арену, выступаетъ Кази-мулла.

III.

ДАГЕСТАНЪ ВЪ ЭПОХУ НАЧАЛА ШЮРИДИЗМА.

Послѣ того, какъ шейхъ Магометъ торжественно провозгласилъ Кази-муллу имамомъ,— послѣдній возвратился въ Гимры и, удалившись отъ общества, весь погрузился въ религиозныя размышленія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ виду грандіозной задачи, выпавшей на его долю, Кази-мулла испытывалъ нѣкотораго рода колебаніе и выжидалъ удобной минуты, прежде чѣмъ поднять священное знамя имама. И дѣйствительно, время къ тому было не вполне благопріятное. Персидская война, такъ долго ласкавшая горцевъ избыточными надеждами, окончилась въ стѣнахъ Тавриза, а вмѣстѣ съ нею окончились и всѣ ихъ мечты и иллюзіи. Теперь и шамхаль тарковскій и ханъ казикумыкскій, одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ, зорко стояли на стражѣ спокойствія Дагестана, и ихъ усердіе даже нужно было сдерживать, а не поощрять какими нибудь понудительными мѣрами. Такъ, однажды, два эмбсара, распространявшіе въ народѣ турецкія прокламаціи, были схвачены и доставлены на судъ грознаго хана. Судъ былъ коротокъ и строгъ. Ханъ приказалъ одному изъ нихъ отрѣзать языкъ, другому обрубить уши и затѣмъ выпроводить ихъ на родину. «Такой поступокъ хотя и не былъ мною одобренъ— писалъ по этому поводу къ Паскевичу тифлисскій военный губернаторъ Сиягинъ;—

по такъ какъ ханъ сдѣлалъ это изъ одного усердія, то я отнесся къ нему лишь съ просьбой, чтобы онъ впредь удерживался отъ подобныхъ расправъ, а присылалъ бы виновныхъ въ Тифлисъ». При такихъ отношеніяхъ къ дѣлу, никакая пропаганда не могла имѣть въ народѣ быстрого успѣха, и восточный Кавказъ наслаждался полнымъ спокойствіемъ. Даже Аварія, издавна враждебная Россіи, не перестававшая смотрѣть на нее, какъ на источникъ всѣхъ своихъ золъ, видимо стала мириться съ своимъ зависимымъ положеніемъ и искала уже сближенія съ русскими.

Чтобы понять причины, побудившія Аварію уклониться отъ традиціонной политики оружія, завѣщанной ей славнымъ Омаръ-ханомъ, не разъ заставлявшимъ трепетать самую Грузію, бросимъ бѣглый взглядъ на эту страну и на ея недавнее прошлое. Послѣдній правитель ея, султанъ Ахметъ-ханъ, принадлежавшій къ владѣтельному мехтулинскому дому, умеръ въ 1823 году, оставивъ послѣ себя законнымъ наследникомъ малолѣтняго сына Абу-Нусал-хана. Но Ермоловъ, еще при жизни султана, объявившій его, какъ измѣнника, лишеннымъ покровительства русскихъ законовъ, желалъ навсегда устранить отъ правленія весь родъ крамольнаго хана, и потому съ своей стороны провозгласилъ владѣтелемъ Аваріи молодого Сурхая. Это былъ послѣдній представитель знаменитой династіи Омара; но, къ сожалѣнію, онъ происходилъ отъ брака съ простою узденкой, и потому, по законамъ страны, не имѣлъ никакихъ правъ на престолонаслѣдіе *). Тѣмъ не менѣе, Аварія раздѣлилась тогда на два враждебные лагеря—меньшая часть ея подчинилась Сурхаю, благодаря громаднымъ привилегіямъ, дарованнымъ ему Ермоловымъ; большая же часть осталась вѣрною Нусал-хану, за малолѣтствомъ котораго правила страной мать его ханша Паху-Бике, хитрая, но замѣчательно умная и энергичная женщина. Въ такомъ со-

*) Сурхай былъ сынъ Гебека, родного брата Омаръ-хана и, слѣдовательно, приходился послѣднему роднымъ племянникомъ.

стоянїи Аварїя находилась уже пѣсколько лѣтъ. Ни аварцы не могли отдѣлаться отъ Сурхая, ни русское правительство не было въ силахъ совсѣмъ устранить Нусал-хана, чтобъ объединить въ однѣхъ рукахъ древнюю власть аварскихъ хановъ. И эти непрерывныя распри двухъ партїй, изъ которыхъ враждебная Россїи была сильнѣе, тяжело отзывались и на странѣ и на смежныхъ съ нею русскихъ границахъ.

Такъ наступилъ 1828 годъ, когда Абу-Нусал-ханъ достигъ наконецъ совершеннолѣтія. Умная ханша продолжала, однако, стоять у кормила правленія и видѣла ясно, что при тѣхъ внутреннихъ смутахъ, которыя ежечасно потрясали Аварїю, власть ея сына, безъ чьей нибудь посторонней поддержки, не могла быть прочною. О политическихъ союзахъ въ горахъ мечтать было трудно, такъ какъ сосѣднія вольныя общества были безсильны отстаивать даже собственную свою независимость. Изъ владѣтельныхъ хановъ также не было никого, кто бы рѣшился прямодушно протянуть ей руку. Мало того, и шахмаль-тарковскїй, и ханъ казикумыкскїй были сторонниками русскихъ и находились съ нею въ открытой враждѣ. На помощь извнѣ рассчитывать было еще труднѣе. Персїя, возбудившая было такъ много надеждъ среди дагестанскихъ горцевъ, теперь, разбитая и уничтоженная, лежала у ногъ Россїи. Турцїя гибла подъ ударами Паскевича; оставалось, слѣдовательно, одно, послѣднее средство—искать сближенія съ самою Россїею,—и ханша повела это дѣло умно и энергично.

По ея настоянїю, молодой Абу-Нусал-ханъ написалъ письмо къ генералу Емануелю, командовавшему войсками на Сѣверномъ Кавказѣ, съ просьбою принять его со всѣмъ аварскимъ народомъ подъ покровительство русскаго государя. Емануель сразу оцѣнилъ тѣ выгоды, которыя могло доставить намъ центральное положеніе Аварїи въ горахъ, и, съ своей стороны, настойчиво пошелъ навстрѣчу сдѣланнаго предложенія. Испрашивать инструкцій Паскевича, находившагося

въ Турціи, не было времени,—и онъ рѣшилъ принять все дѣло на личную отвѣтственность. Для начала переговоровъ Емануель пригласилъ ханшу Паху-Бике прибыть на границу Аваріи; но ханша отвѣчала, что «по обычаямъ и законамъ ихъ страны, не жены къ мужьямъ, а мужья ходятъ къ женамъ», а потому желала видѣть русскаго генерала или до-вѣренное отъ него лицо въ Хунзахѣ. Емануель согласился. Уполномоченнымъ съ русской стороны назначенъ былъ извѣстный кумыкскій старшина Мусса-Хасаевъ. Однако ханша, узнавъ объ этомъ, просила назначить другого, такъ какъ Мусса имѣлъ въ Дагестанѣ много кровниковъ, и она не ручалась за его безопасность. Тогда выборъ палъ на кумыкскаго князя Чапанъ-Муртазали-Аліева, который 7-го августа 1828 года, въ сопровожденіи прапорщика 43 егерскаго полка Хрисанфова и 19-ти почетныхъ туземцевъ, отправился въ Хунзахъ. На границѣ Аваріи посольство встрѣтилъ ханскій конвой и сопровождалъ его до самой столицы, гдѣ князь Чапанъ былъ принятъ съ почестями и вмѣстѣ со всею свитой помѣщенъ въ ханскомъ дворцѣ.

На слѣдующій день послѣдовало представленіе его лицамъ ханскаго дома. Домъ этотъ состоялъ въ то время изъ самого Абу-Нусал-хана, имѣвшаго двухъ малолѣтнихъ братьевъ и сестру Салтанету-знаменитую красавицу, игравшую такую романическую роль въ судьбѣ Амалать-бека. Затѣмъ слѣдовали: ханша-правительница Паху-Бике и двѣ старыя бабки, Гихили и Костоманъ. По словамъ Чапана, оставившаго любопытныя записки объ этомъ путешествіи, правительница была среднихъ лѣтъ, пользовалась общимъ уваженіемъ народа и отличалась необычайною дѣятельностію. Ее постоянно можно было встрѣчать на улицахъ Хунзаха верхомъ на бойкомъ иноходцѣ, въ сопровожденіи семи преданныхъ ей женщинъ, да нѣсколькихъ нукеровъ, составлявшихъ всю ея свиту. Старая Гихили, вдова знаменитаго Омара, была также любимницею народа; но такъ какъ она не имѣла дѣтей, то отга-

залась отъ всякаго участія въ правленіи, и тѣмъ не менѣе безъ ея совѣта не приступали къ рѣшенію ни одного сколько нибудь важнаго дѣла. Костоманъ, по всей вѣроятности, являлась личностію безцвѣтною, потому что Чапанъ обходитъ ее совершеннымъ молчаніемъ.

Переговоры на первыхъ-же порахъ встрѣтили, однако, такія серьезныя препятствія, которыя едва не разстроили всѣ наши предположенія. Ханша потребовала, чтобы тѣ части Аваріи, которыя при жизни Ахметъ-султана были отданы Ермоловымъ во владѣнія шамхала-тарковскаго и Сурхая, вновь были бы возвращены ея сыну. Это требованіе превышало полномочіе Чапана, а потому тотчасъ-же поскакалъ гонецъ къ Емануелю за нужными инструкціями. Генераль отвѣчалъ, что приметъ съ признательностію присягу аварскаго народа, но что о возвращеніи земель, нѣкогда отторгнутыхъ отъ бывшаго Аварскаго ханства, не можетъ быть и рѣчи, уже потому, что и шамхаль-тарковскій и Сурхай въ теченіи десяти лѣтъ укрѣпили за собою право на эти владѣнія постоянною вѣрностію. Такимъ образомъ, расчеты ханши Паху-Бике были обмануты, по отступать назадъ ей уже было нельзя, и послѣ нѣсколькихъ дней колебанія, 9 сентября 1828 года, аварскій народъ принесъ присягу на вѣрность русскому государю. Три города и 278 селеній, болѣе чѣмъ со ста-тридцатью тысячами жителей, поступили въ подданство Русской имперіи. Впрочемъ, такъ доносилъ генераль Емануель; въ дѣйствительности же Аварія вовсе не была такъ многочисленна и сильна, какъ казалась издали.

По возвращеніи изъ мечети, депутація, по обычаю, поднесла подарки отъ имени Емануеля: ханшѣ Гихили—бриллиантовый перстень съ бразильскимъ топазомъ, правительницѣ—алмазный перстень съ гранатами, а молодому хану—золотой хронометръ.

Знаменательный день завершился народнымъ праздникомъ и пиремъ во дворцѣ юнаго хана, на которомъ присутствовали

всѣ знатнѣйшіе аварскіе беки и даже сосѣдніе владѣльцы и старшины, съѣхавшіеся поздравить Абу-Нусал-хана со вступленіемъ его на престолъ своихъ предковъ. Торжество продолжалось нѣсколько дней, и аварцы, повидимому, были искренни и чистосердечны.

Между тѣмъ, Паскевичъ, получивъ объ этомъ донесеніе, поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе. Признаніе аварскимъ ханомъ кого либо изъ членовъ фамиліи умершаго султана вовсе не входило въ его соображеніе, а главное, это ставило наше правительство въ ложное положеніе къ Сурхаю, котораго нельзя было безъ всякаго основательнаго повода лишить въ странѣ значенія и власти; къ этому прибавились еще опасенія, чтобы оскорбленный Сурхай не сталъ искать себѣ поддержки въ народныхъ смятеніяхъ, что въ концѣ концовъ заставило бы Россію вмѣшаться въ дѣла Аваріи вооруженною рукою. «Если бы генераль Емануель—писаль Паскевичъ къ министру иностранныхъ дѣлъ:—увѣдомилъ меня предварительно о начатыхъ имъ переговорахъ, то я не отступилъ бы отъ принятаго мною правила не вмѣшиваться въ дѣла Дагестана до окончанія турецкой войны, такъ какъ ни одного изъ нашихъ требованій мы, въ настоящее время, поддержать оружіемъ не можемъ. Я бы посоветовалъ тогда Емануелю замедлить принятіемъ покорности, а между тѣмъ, предварительно, испросилъ бы по этому важному предмету разрѣшенія государя императора».

Но такъ какъ дѣло было уже сдѣлано, то Паскевичу оставалось только извлечь изъ этого событія наибольшую пользу. Онъ остановился на томъ, что призналъ Абу-Нусал-хана владѣтелемъ лишь той части Аваріи, которая повиновалась ему до начатія переговоровъ; а деревни, находившіяся въ подчиненіи Сурхаю, утвердилъ за послѣднимъ. Нельзя не сказать однако, что подобное раздѣленіе Аваріи ставило русское правительство въ положеніе, требовавшее особеннаго вниманія. Нужна была крайняя осторожность и тактъ, чтобы,

лаская новаго хана, не возбудить зависть въ Сурхаѣ, и, въ то же время, поддерживая Сурхая, какъ человѣка уже испытанной вѣрности, не вооружить противъ себя Абу-Нусал-хана. Но эти неудобства, по мнѣнію Паскевича, выкупались большими преимуществами, если взглянуть въ обратную сторону медали. Аварія, замкнутая непроходимыми горами, доселѣ была недоступна нашимъ войскамъ, а при такихъ условіяхъ, еслибы она подчинилась одному владѣтелю, и этотъ владѣтель явился бы такимъ же смѣлымъ предводителемъ, какимъ былъ знаменитый Омаръ,—то страна легко и безнаказанно могла бы отложиться отъ русскихъ. Раздѣленіе же Аваріи между двумя владѣтелями, изъ которыхъ каждый будетъ искать нашей защиты, разъединить ея силы, и, въ случаѣ надобности, проложить нашему оружію свободный путь въ самыя нѣдра аварской земли.

На этомъ основаніи Паскевичъ заключилъ съ обѣими сторонами акты на вѣрноподданство; обоимъ владѣтелямъ пожалованы были чины полковниковъ, съ двухъ-тысячнымъ жалованьемъ, высочайшія грамоты на ханское достоинство, знамена съ императорскимъ гербомъ и драгоценныя сабли съ надписями. Всѣ эти знаки ханской инвеституры доставлены были въ Тифлисъ; но передачу ихъ Паскевичъ отложилъ до окончательнаго примиренія между собою обоихъ хановъ.

Казалось, что подчиненіе могущественной Аваріи должно бы было прочно обезпечить наше положеніе въ Дагестанѣ. И, быть можетъ, оно бы такъ и случилось, если бы обстоятельства совершенно неожиданно не выдвинули въ это время на политическую сцену Казимуллу, съ его кровавою пропогоудою.

Возвратившись въ Гимры, Казимуллу увидѣлъ, что почва для газавата еще не была подготовлена. Но, какъ сѣятель слова Божьяго, онъ не усомнился бросать сѣмена мюридизма направо и налево, полагая, что если иное и упадетъ на ка-

менистую почву и, выросши, скоро заглохнетъ, то все же и кратковременное прозябаніе его, если и не принесетъ плода, то послужитъ къ удобренію земли для будущаго всхода. Такимъ образомъ, цѣль была намѣчена ясно, а планъ къ достиженію ея былъ простъ и основывался не на какихъ нибудь умозрительныхъ, отвлеченныхъ идеяхъ тариката, а на коренныхъ началахъ религіи, доступныхъ пониманію каждаго горца. Съ высоты своего духовнаго развитія Кази-мулла увидѣлъ вокругъ себя полное нравственное растленіе, происходившее единственно отъ невѣдѣнія народомъ шаріата. Закономъ служилъ не коранъ, а простые обычаи, адаты, выработанные житейскимъ опытомъ, а потому часто противорѣчившіе священнымъ книгамъ. Муллы были невѣжественны. Мужчины курили табакъ, предавались пьянству, пѣли грѣховныя пѣсни и танцовали въ сообществѣ съ женщинами. Молодые дѣвушки и даже замужнія женщины ходили съ непокрытыми лицами, и случаи нарушенія спокойствія и святости домашняго очага бывали не рѣдки. Жизнь мусульманина считалась ни во что, и цѣлыя рѣки крови лились вслѣдствіе обычая кровомщенія. На глазахъ Кази-муллы случилось однажды слѣдующее происшествіе.

Въ селеніи Иргонаѣ, Койсубулинскаго общества, проживалъ нѣкто Мирза-бекъ-оглы, бѣжавшій сюда изъ Джэнгутая, послѣ убійства мехтулинскаго пристава. Спустя нѣсколько лѣтъ мирнаго пребыванія, среди пріютившаго его общества, Мирза былъ убитъ въ ссорѣ однимъ изъ иргонаевцевъ. Вотъ это то обстоятельство, столь обычное въ горахъ, гдѣ люди не расстаются съ оружіемъ, послужило началомъ къ чудовищному кровомщенію. Однажды, ночью, 17-ть мехтулинцевъ нагрянули на Иргонаѣ, чтобы разыскать убійцу. Послѣдняго не было дома, и потому жертвами безумной мести сдѣлались двѣ ни въ чемъ не повинныя женщины, да араканскій житель, случайно ночевавшій въ саклѣ. Когда въ Иргонаѣ поднялась тревога, мехтулинцы, не успѣвшіе покинуть аулъ, заперлись

въ саклю и, конечно, дорого продали бы свою жизнь, если бы старшины аула не предложили имъ покончить дѣло мирвою, согласно народнымъ адатамъ. Тѣ изъявили согласіе, но когда, усыпленные джаматомъ, они ослабили бдительность, народъ кинулся въ саклю, и всѣ 17-ть человекъ, захваченные врасплохъ, были зарѣзаны на площади.

Вотъ, противъ этихъ-то, позорящихъ мусульманскую религію, сценъ, противъ растленія нравовъ и общаго невѣрія, Кази-мулла и выступилъ во всеоружіи духовнаго проповѣдника. Опъ избралъ для этого лучшей путь, подкрѣпляя каждое слово примѣромъ собственной жизни. Какъ нѣкогда пустынный Петръ Аміенскій созывалъ крестоносцевъ на защиту Господняго гроба отъ сарациновъ, такъ и Кази-мулла съ сумой, наполненной однимъ толокномъ, и съ посохомъ въ рукѣ, обходилъ аулы, бесѣдуя съ народомъ и возбуждая въ немъ духъ фанатизма. Краснорѣчіе его, по словамъ горцевъ, было таково, что сердце человека прилипало къ его губамъ, и онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ человека бурю.

Краснорѣчіе и сила слова его, вмѣстѣ съ глубокою ученостью, приводили въ восторженное опьяненіе слушателей и дѣлали то, что народъ, постепенно пріучаемый къ правиламъ шариата, не слишкомъ даже чувствовалъ суровость его требованій; мужчины бросили табакъ и перестали пить вино, женщины прикрылись покрывалами; а молодежь пріутихла, и всякое гѣвіе, за исключеніемъ гимна «Ля-илляхи-иль-Алла,» было изгнано, какъ несвойственное истинному мусульманину.

Но, между тѣмъ, какъ все это совершалось въ Гимрахъ, и Гимры, полные религіознаго экстаза, незамѣтно принимали иную фізіономію, ученіе Кази-муллы постепенно проникало и въ сосѣднія общества. Жители Ашильтовъ, чиркеевцы, иргонаевцы и другіе, привлекаемые въ Гимры славою проповѣдника, по возвращеніи домой, охотно распространяли его идеи, и Кази-мулла пріобрѣталъ съ каждымъ днемъ все большее и большее число послѣдователей, такъ что могъ на-

конецъ приступить уже къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Вскорѣ сами обстоятельства подали къ тому поводъ.

Жители пограничнаго шамхальскаго селенія Каранай обратились къ нему съ просьбою дать имъ кадія. Кази-мулла указалъ на одного изъ своихъ учениковъ, по имени Магома-Илау. Каранайцы встрѣтили его съ почетомъ, но, испытавъ на дѣлѣ строгость новаго кадія, скоро раскаялись и выгнали его изъ селенія. Тогда оскорбленный Кази-мулла подступилъ къ Каранай съ гимринцами; жители не рѣшились стрѣлять по святому человѣку, и Кази-мулла занялъ Каранай безпрепятственно, наказавъ возмутившихся, согласно шаріата, палочными ударами. Это было первое вооруженное движеніе мюридовъ, и примѣръ, показанный надъ каранайцами, сильно подѣйствовалъ на умы народа, начавшаго видѣть въ Кази-муллѣ уже не одного духовнаго наставника.

Случай въ Каранай обратилъ вниманіе Кази-муллы вообще на плоскость. Зная слабость и недостатокъ вліянія шамхала-тарковскаго, онъ былъ убѣжденъ, что сѣмя, брошенное на этой почвѣ, возрастетъ успѣшно,—и къ концу 1828 года, дѣйствительно, пріобрѣлъ уже много послѣдователей не только въ Каранай и Эрпияхъ, но и въ обоихъ Казаницахъ. Слухъ о святости Кази-муллы, тщательно скрывавшаго пока свои политическіе виды, достигъ наконецъ и до самаго шамхала, жившаго тогда въ Параулѣ. Человѣкъ недалёковидный, онъ взянулъ на новое ученіе только съ одной духовной стороны его и увидѣлъ, какъ далеки отъ истиннаго исламизма и самъ онъ, и всѣ его подданные. Подъ этимъ впечатлѣніемъ, престарѣлый Мехти отправилъ къ Кази-муллѣ слѣдующее посланіе: «я слышалъ, что ты пророчествуешь. Если такъ, то пріѣзжай научить меня и народъ мой святому шаріату; въ случаѣ же твоего отказа, бойся гнѣва Божьяго: я укажу на томъ свѣтѣ на тебя, какъ на виновника моего невѣдѣнія, не хотѣвшаго наставить меня на путь истины».

До сихъ поръ Кази-мулла ограничивался проповѣдо-

вапіемъ мюридизма только въ вольныхъ обществахъ, не смѣя показываться на земляхъ владѣльческихъ. Теперь, когда самъ Мехти-ханъ, человекъ старый, уважаемый въ горахъ по древности рода, принялъ его сторону,—Кази-мулла понялъ, что обстоятельства начинаютъ ему благопріятствовать, и что для дѣятельности его открывается широкое поприще. Онъ отправился въ Параулъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ учениковъ, пѣшкомъ, въ простой одеждѣ пилигрима, безъ оружія, съ котомкою за плечами. Во всѣхъ аулахъ народъ выходилъ къ нему навстрѣчу и сопровождалъ его пѣніемъ стиховъ изъ корана; женщины сочиняли въ честь его хвалебныя гимны

На свѣтѣ возшло дерево истины
— говорятъ одна изъ этихъ пѣсень:

И та истина—имамъ Гази-Магома.

Кто не повѣритъ ему,

Да будетъ проклятъ отъ Бога.

И за каждымъ куплетомъ слѣдовалъ припѣвъ: ля—илляляхи-иль-Алла.

Въ Параулѣ, въ резиденціи тарковского владѣтеля, Кази-муллѣ готовилась торжественная встрѣча. Тамъ, у дворца шамхала, толпились массы народа, которому хотѣлось видѣть святого проповѣдника, а въ самомъ дворцѣ ожидалъ шамхаль, окруженный знатнѣйшими алимами и почетнѣйшими бегами, съѣхавшимися сюда даже изъ Каракайтага и Даргинскаго общества. Очевидцы рассказываютъ, что вся фигура Кази-муллы, въ моментъ, когда онъ предсталъ передъ шамхаломъ, дышала такимъ вдохновеніемъ, была исполнена такого грознаго величія, что шамхаль растерялся, поблѣднѣлъ и, какъ пишетъ одинъ горскій историкъ: «шазвары его сдѣлались мокры».... Кази-мулла понялъ, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на окружающихъ.

—«Могущественный шамхаль!—сказалъ онъ, смиренно склоняя передъ нимъ свою голову:—Ты валий Дагестана;

всѣ народы тебѣ повинуются, а тѣ, которые независимы, послушаютъ твоего слова. Такъ дозвожь же мнѣ просвѣтить твой народъ,—а ты будь блюстителемъ шаріата!»

Простодушный шамхаль не сумѣлъ разглядѣть политической подкладки новаго ученія, и не только дозволилъ распространять шаріатъ, но своими руками усердно принялся насаждать его въ своихъ владѣніяхъ.

Между тѣмъ, Кази-мулла, у котораго руки теперь были развязаны, перенесъ свою дѣятельность сперва въ Черкей, потомъ въ Салатавію и въ Аухъ и, наконецъ, къ кумыкамъ. Главный кумыкскій приставъ, князь Мусса-Хасаевъ, человѣкъ искренно преданный Россіи, также не замѣтилъ въ новомъ ученіи опасныхъ элементовъ, и потому не препятствовалъ распространенію его на Кумыкской плоскости. Кайтагъ и Табасарань, благодаря своему вѣчно крамольному духу, ожидали Кази-мудлу не съ меньшимъ нетерпѣніемъ. И если волненія, нарушившія спокойствіе этихъ провинцій въ 1829 году, объясняются только взаимною враждою табасаранскихъ владѣтелей, и не имѣютъ прямого отношенія къ началу мюридизма, то, во всякомъ случаѣ, они подготовляли для него почву. Мало-по-малу началъ склоняться на сторону Кази-мудлы и хитрый Асланъ-ханъ казикаумыкскій. Кази-мулла, на возвратномъ пути въ Гимры, гостилъ у него въ домѣ нѣсколько дней, и хотя не добился позволенія явно проповѣдывать шаріатъ въ его владѣніяхъ, но, тѣмъ не менѣе, завоевалъ его симпатіи настолько, что когда люди, посланные Кази-муллою въ Кубу, были ограблены, Асланъ-ханъ не только разыскалъ и наказалъ виновныхъ, но возвратилъ Кази-мудлѣ деньги, по стоимости разграбленнаго имущества. На этомъ обстоятельстве, обыкновенно, строятся всѣ обвиненія Асланъ-хана въ томъ, что онъ, будто-бы, умышленно содѣйствовалъ распространенію въ горахъ мюридизма. Эти подозрѣнія едва ли справедливы, уже потому, что кавказскій мюридизмъ проповѣдывалъ равенство всѣхъ мусульманъ, а слѣдовательно

ниспроверженіе законныхъ владѣтелей,—и Асланъ-ханъ, конечно, сдѣлался бы первою жертвою этого ученія. Трудно допустить со стороны умнаго Асланъ-хана такую недалекую видность. Всего правдоподобнѣе, что Асланъ, видя въ отвлеченныхъ идеяхъ тариката тѣ сѣмена, которыя давно уже гнѣздились въ другихъ государствахъ Востока, не нарушая общаго строя, не придавъ имъ значенія и былъ убѣжденъ, что фанатизмъ, возбужденный въ народѣ, скоро потухнетъ и все попрежнему останется спокойнымъ.

Заручившись, такимъ образомъ, на плоскости сочувствіемъ владѣтельныхъ особъ, Кази-мулла повелъ свою пропаганду внутрь Дагестана. Гумбетовское общество, давно ожидавшее къ себѣ знаменитаго проповѣдника, первое встрѣтило его съ восторгомъ и безусловно подчинилось всѣмъ его требованіямъ. Отсюда онъ направился въ Андію, и шестіе его было рядомъ неслыханныхъ овацій, о которыхъ до сихъ поръ вспоминаютъ старожилы. Тысячныя толпы народа, женщины, и даже дѣти стекались со всѣхъ сторонъ, разстилали по дорогѣ свои одежды, бросались цѣловать руки и ноги фанатика. Кази-мулла, окруженный своими учениками, шелъ пѣшкомъ, увѣряя, что все еще находится въ сомнѣніи, не грѣшно-ли ему ѣхать. Въ пути онъ часто останавливался, какъ будто къ чему-то прислушиваясь, и на вопросъ одного изъ своихъ послѣдователей: что онъ дѣлаетъ? отвѣчалъ: «Развѣ ты не слышишь? Мнѣ чудится звонъ цѣпей, въ которыхъ проводятъ передо мною русскихъ». Затѣмъ Кази-мулла сѣлъ на камень и въ пламенной рѣчи впервые сталъ развивать передъ народомъ картины будущей войны, изгнаніе русскихъ съ Кавказа, похода на Москву, взятіе Стамбула.... Не подлежитъ сомнѣнію—говорить Околыничій:—что Кази-мулла искренно былъ убѣжденъ въ возможности подобныхъ замысловъ. Москва и Константинополь казались ему не болѣе, какъ большими деревнями, въ родѣ Унцукуля или Хунзаха, а слѣдовательно и овладѣніе ими для него не могло быть химерой.

Энтузіазмъ, произведенный этою рѣчью, былъ глубокой и поразительный. По всей вѣроятности, къ этому времени относится пѣсня, сложенная въ честь Кази-муллы, и такъ прекрасно рисующая передъ нами того, кто безъ власти, богатства и многолюдной родни, сумѣлъ возвыситься на степень вождя буйнаго и разъединеннаго народа.

Вотъ эта пѣсня:

«Честь и слава Кази-муллѣ, труженику ислама, сумѣвшему соединить подъ своими знаменами, какъ братьевъ родныхъ, враждебные народы Чечни и Дагестана. Онъ, какъ посланникъ Аллаха, творитъ судъ и правду кинжаломъ, и, какъ могучій хункаръ, скрѣпляетъ волю свою своею печатію. Онъ соединилъ въ одномъ себѣ всю силу, мудрость и богатства древнихъ дагестанскихъ хановъ и сталъ владыкою надъ владыками. Да будетъ же вѣчно надъ тобою, Кази-мулла, благословеніе Божіе. Хотѣлъ бы я воспѣть тебя въ назиданіе потомкамъ,—по могу ли это сдѣлать, когда русскіе грозятъ нашей родинѣ?»....

Это былъ призывъ къ газавату уже самого народа. Почва, стало бытъ, была подготовлена. Одно краснорѣчивое слово Кази-муллы, какъ искра, брошенная въ пороховой боченокъ, неминуемо произвела бы взрывъ. Но Кази-мулла медлилъ сказать это слово. Онъ еще не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы выступить открытою войною на русскихъ, и дѣйствовалъ такъ, чтобы излишнею поспѣшностію не погубить себя и великаго, задуманнаго имъ, дѣла.

IV.

ПЕРВОЕ ВООРУЖЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ МЮРИДОВЪ.

Къ исходу 1829 года, когда окончилась турецкая кампанія, почти весь Дагестанъ уже былъ объятъ пожаромъ. Въ это время Кази-муллѣ повиновались: Койсубу, Гумбетъ, Андія, Чиркей, Салатавія и другія мелкія общества нагорнаго Дагестана; половина шамхальства, почти вся Мехтула, Казикумыкъ, Кайтагъ и Табасаранъ были на его сторонѣ; чеченцы и кумыки были достаточно подготовлены, чтобы, въ случаѣ надобности, стать подъ знамена имама. Одна Аварія упорно отвергала всякія попытки къ сближенію съ Кази-муллою; но пропаганда и тамъ незамѣтно подтачивала ханскую власть, и, за исключеніемъ Хунзаха, ни на одно изъ селеній положиться было нельзя. Казалось бы, что пора для общаго возстанія горцевъ присѣла. Но Кази-мулла имѣлъ свои основанія не слишкомъ полагаться на эту, имъ-же наэлектризованную, массу. Какъ ни много было у него приверженцевъ, но были и враги, вліятельные и сильные, которые держались въ сторонѣ, но во всякое время могли составить оппозицію и увлечь за собою народъ силою того же религіознаго слова. Нужно было, слѣдовательно, повліять на этихъ главныхъ духовныхъ представителей народа, — и взоры Кази-муллы обратились прежде всего на бывшаго своего наставника Сеидъ-эфенди араканскаго, могшаго сразу вывести его на торную дорогу.

Кази-мулла рѣшился предложить ему званіе верховнаго кадїа.

Въ Таркахъ еще недавно жилъ пѣкто Дебирь-хаджи, по прозванію Аксакъ, бывшій шамилевскій наибъ, потомъ бѣжавшій къ шамхалу и получившій отъ него званіе тарковскаго кадїа. Вотъ этотъ-то Дебирь, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей первыхъ дней мюридизма, такъ рассказывалъ объ этомъ свиданіи между Кази-муллою и Сеидомъ.

«Я былъ въ то время—говорилъ онъ:—еще ученикомъ Гази-Магомета; насъ было нѣсколько человекъ, и въ томъ числѣ Шамиль, изучавшій тарикатъ подъ непосредственнымъ руководствомъ самого наставника. Однажды Кази-мулла сказалъ мнѣ, чтобы я собрался въ путь, и мы въ тотъ же день отправились съ нимъ въ Араганы погостить съ недѣлю у Сеида. Пришли мы къ нему поздно, когда солнце уже сѣло, и послѣ вечерняго намаза, за ужиномъ, Гази-Магометъ повелъ рѣчь съ Сеидомъ о дѣлахъ Дагестана.

—Что ты думаешь, эфенди,—спросилъ онъ его:—о нашемъ народѣ и нашей землѣ, когда-то осѣненной благодатию? Что она представляетъ собою теперь: домъ войны, или домъ мира?

—Я тебѣ отвѣчу, сынъ мой:—отвѣчалъ Сеидъ:—что нашъ народъ—народъ мусульманскій, а земля наша—домъ мира и, благодаря Бога, еще не сдѣлалась домомъ войны. Ты слишкомъ мрачно смотришь на вещи. Какъ твой наставникъ, я дамъ тебѣ совѣтъ: будь благоразуменъ; ты видишь насколько власть нашихъ хановъ возвысилась за послѣднее время. Не дай Богъ, что можетъ случиться. Побереги свою голову.

—Благодарю за совѣтъ, эфенди:—сухо отвѣчалъ Кази-мулла:—но ты забываешь, что голова мусульманина, а тѣмъ болѣе чистаго узденя, принадлежитъ не ханамъ, а единому Аллаху, творцу ея. Но дѣло не въ этомъ. Не ошибаешься-ли ты, эфенди, называя народъ нашъ мусульманскимъ? Можемъ-

ли мы быть мусульманами, когда не слѣдуемъ указаніямъ пророка, когда гяуры.....

—Погоди! прервалъ его эфенди. Кто тебѣ сказалъ, что нашъ народъ не слѣдуетъ повелѣніямъ пророка? Онъ молится единому Богу, чтитъ коранъ, постится, ходитъ въ Мекку, и совершаетъ судъ по шаріату.

Нѣтъ, ты говоришь не то, эфенди, возразилъ Кази-мулла:—Ты знаешь самъ, что въ вѣрѣ народа одна только половина истина, а другая—ложь.

—Чего же не достаетъ народу? Чего онъ не дѣлаетъ?

Хорошо, я тебѣ скажу, чего ты не хочешь договаривать самъ. Газаватъ есть обязанность каждаго мусульманина. Гдѣ же это въ нашемъ народѣ? Одной молитвы недостаточно, чтобы быть совершеннымъ передъ Богомъ. Въ коранѣ сказано: кто исполняетъ одну половину его и не исполняетъ другую—тотъ принимаетъ на себя великій грѣхъ.

Сеидъ уклонился отъ отвѣта. «Окончимъ этотъ споръ—сказалъ онъ:—и если хочешь, займемся лучше духовною бесѣдою». Тогда Кази-мулла всталъ въ сильномъ волненіи и шепнулъ мнѣ: «Сеидъ тотъ же гяуръ;—онъ стоитъ поперекъ нашей дороги, и его слѣдовало бы убить, какъ собаку».

—Нельзя нарушать долгъ гостепрѣимства—сказалъ я:—лучше выйдемъ; онъ можетъ еще одуматься.

Прокричали полуночный намазъ. Сеидъ приготовился совершить молитву; но Кази-мулла рѣзко сказалъ, что съ нимъ молиться не будетъ. Тогда Сеидъ, ни слова не говоря, удалился, предоставивъ въ наше распоряженіе свою бібліотеку. Мы разослали келимъ, помолились и легли спать. Опечаленный тѣмъ, что произошло у меня на глазахъ, я не могъ заснуть до разсвѣта, и видѣлъ, что не спалъ и Гази-Магометъ.

На другой день намъ сказали, что Сеидъ еще до восхода солнца ушелъ въ мечеть заниматься съ своими учениками; слѣдомъ за нимъ пошли туда и мы. Пока продолжал-

ся урокъ, Кази-мулла сидѣлъ углубившись въ чтеніе какой-то книги, но я видѣлъ, что онъ внимательно вслушивается въ каждое слово эфендіа, и время отъ времени по лицу его пробѣгала тѣнь неудовольствія. Когда окончился урокъ, Кази-мулла подошелъ къ Сеиду и попросилъ его прочесть изъ книги Азудія. Раскрыли книгу и пачали; но въ продолженіи трехъ часовъ чтеніе не пошло дальше первой строчки, такъ какъ непрерывно перерывалось горячими спорами. Между тѣмъ, на минаретѣ прокричалъ мулла, и въ мечеть стали собираться народъ. Сеидъ закрылъ книгу и сказалъ Кази-муллѣ: «Ради самого Бога прекратимъ разговоръ. Ты отлично знаешь все, что я могу тебѣ сообщить, и понимаю, чего ты желаешь. Но знай, я не могу принять участіе въ томъ, что противно моимъ убѣжденіямъ». Съ этими словами Сеидъ вышелъ изъ мечети. Кази-мулла нѣсколько минутъ стоялъ въ глубокомъ раздумьи. «Да поможетъ мнѣ Аллахъ наказать гауровъ, а вмѣстѣ съ ними и тебя лукавый рабъ»,—сказалъ онъ, провожая гнѣвнымъ взоромъ удалявшагося Сеида.

Въ тотъ же день мы вернулись домой въ Гимры. Неудача съ Сеидомъ заставила Кази-муллу искать поддержки въ духовныхъ лицахъ изъ среды своихъ послѣдователей. И вотъ, подъ его вліяніемъ, образуется новое религіозное общество, цѣлою головою стоящее выше обыкновенныхъ мюридовъ. Это—шиха, угодники Божіи,—которые своею видимою, наружною святостію должны были произвести на народъ глубокое впечатлѣніе и приписать въ его глазахъ такимъ либеральныхъ ученыхъ, какъ араканскій Сеидъ. Съ созданіемъ новой секты завершилась, такъ сказать, закладка мюридизма, и Кази-мулла, оградивъ себя на повѣрѣ религіозной, могъ перейти наконецъ къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ.

Обстоятельства, повидимому, ему благопріятствовали. Въ половинѣ 1829 года, старый шамхаль выѣхалъ въ Петербургъ и тамъ опасно занемогъ. Съ минуты на минуту ждали извѣстія а его кончишѣ, и въ шамхальствѣ начались беспорядки.

Они случались и прежде, но теперь припали особенно острый характеръ, благодаря тому, что одинъ изъ младшихъ сыновей шамхала, Абу-Муселимъ-ханъ, задумалъ, въ случаѣ смерти отца, овладѣть шамхальствомъ. Старшій братъ его, Сулейманъ, законный наслѣдникъ престола, былъ слишкомъ слабъ, чтобы остановить волненіе, и большая часть народа отъ него отложилась. Самые Тарки изо дня въ день ожидали нападенія мятежниковъ. Быстрое прибытіе къ Таркамъ подполковника Дистерло, съ баталіономъ Куринскаго полка и тремя орудіями, отклонило грозу. Движеніе въ шамхальствѣ пріостановилось; но, тѣмъ не менѣе, достигнуть примиренія враждующихъ братьевъ Дистерло не удалось. Бунтовщики заняли крѣпкую позицію у Эршели и тамъ ожидали помощи со стороны койсубулинцевъ. Прибытіе въ шамхальство еще двухъ баталіоновъ Апшеронскаго полка заставило, однакоже, мятежниковъ смириться, — и надежды Кази-муллы, не имѣвшаго еще силъ фактически поддержать возстанія, рушились при самомъ началѣ.

Онъ понялъ тогда, что всѣ его попытки будутъ безуспѣшны до тѣхъ поръ, пока онъ не увидитъ на своей сторонѣ сильный аварскій народъ, и въ особенности ихъ умную правительницу ханшу Паху-Бике. Но добиться этого было не легко. Ханша лучше другихъ понимала опасное значеніе нарождавшейся секты и стояла на стражѣ. Она отвѣчала на письмо Кази-муллы любезнымъ приглашеніемъ пріѣхать самому въ Хунзахъ, чтобы лично разъяснить ей шаріатъ. Но Кази-мулла умѣлъ читать между строками. Онъ зналъ, что Ханша не будетъ стѣсняться съ тѣмъ, кого считала своимъ прирожденнымъ врагомъ и, опасаясь оставить въ ея владѣніяхъ свою голову, благоразумно уклонился отъ этой поѣздки.

Такъ наступилъ 1830-й годъ. Турецкая война окончилась. Планы Паскевича, касавшіеся покоренія горскихъ племенъ, близились къ своему осуществленію, и первый ударъ долженъ былъ разразиться надъ джарцами. О событіяхъ въ Дагестанѣ, мало кому даже извѣстныхъ, у насъ никто не

заботился, потому что никто не постигалъ ихъ внутренняго, глубокаго значенія въ жизни дагестанскихъ народовъ. Все это броженіе, готовое вотъ-вотъ разразиться страшнымъ ударомъ надъ головою русскихъ, сводилось въ донесеніяхъ только на то, что въ Дагестанѣ распространяется новое религіозное ученіе, съ цѣлью улучшить нравственность мусульманъ, и создана какая-то секта шиховъ. Но въ чемъ заключается повое ученіе, что такое эти шихи, и кто руководитъ всѣмъ этимъ движеніемъ—оставалось совершенною тайною не только для главнокомандующаго, но даже для ближайшихъ мѣстныхъ начальниковъ въ Дагестанѣ. Все это можетъ показаться теперь нѣсколько страннымъ, но такъ оно было въ дѣйствительности.

И вотъ, въ то время, какъ у насъ дѣлались обширныя приготовленія для покоренія горцевъ, Кази-мулла дѣятельно работалъ надъ планомъ изгнанія русскихъ съ Кавказа. Около него уже организовался небольшой отрядъ приверженцевъ, въ числѣ 400 конныхъ мюридовъ, которые готовы были поддержать своего наставника силою оружія. Это было ядро, къ которому впоследствии должно было примкнуть все населеніе Дагестана.

Первая дѣятельность вооруженныхъ мюридовъ выразилась нападеніемъ на Араканы, съ цѣлью истребить ненавистнаго Кази-муллы Сеида. Этотъ человекъ на каждомъ шагу ставилъ опасныя преграды замысламъ имама, и отдѣлаться отъ него нужно было во что бы то ни стало. Исполнить это казалось тѣмъ легче, что безопасный алимъ никогда не ограждалъ себя мѣрами предосторожности, да и самые Араканы были такимъ пунктомъ, для овладѣнія которымъ вовсе не требовалось какихъ нибудь чрезвычайныхъ усилій.

Набѣгъ былъ рѣшенъ въ январѣ 1830 года.

Уже не смиреннымъ странникомъ, съ посохомъ и мѣшкомъ за плечами, а грознымъ вождемъ, на боевомъ конѣ, съ кораномъ въ одной и съ шашкою въ другой рукѣ, выѣхалъ Кази-мулла изъ Гимръ во главѣ своихъ отважныхъ мюридовъ.

Внѣшность его производила глубокое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ средняго роста, широкоплечій и худощавый въ лицѣ, большіе на выкатѣ глаза его сверкали, какъ уголья, а глубокія морщины поперегъ высокаго лба изобличали постоянную думу и тотъ внутренній огонь, въ которомъ, какъ въ горнилѣ перегорали страсти, и, какъ сталь, закалялась желѣзная, непреклонная воля. Всегда сосредоточенный въ самомъ себѣ, угрюмый и молчаливый, какъ камень, тамъ, гдѣ это было нужно, Кази-мулла являлся типомъ восточнаго честолюбца, спокойнаго, мрачнаго и холодно-жестокаго. Такимъ по крайней мѣрѣ его рисуютъ намъ воспоминанія современниковъ.

Четыреста всадниковъ, въ бѣлыхъ чалмахъ—знакъ принадлежности ихъ къ духовному ордену, на бойкихъ коняхъ и съ добрымъ оружіемъ слѣдовали за своимъ предводителемъ. Впервые скалы и ущелья Дагестана огласились тогда грозною боевою пѣснью мюридовъ: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога». Жители попутныхъ деревень съ трепетомъ провожали глазами этотъ невиданный ими конный отрядъ, несшій съ собою смерть и кару тѣмъ, кто не хотѣлъ послѣдовать истинамъ ислама.

Къ Араканамъ подошли на разсвѣтѣ. Кази-мулла остановился на небольшой полянѣ передъ селеніемъ и потребовалъ къ себѣ аманатовъ. Араканцы, застигнутые врасплохъ, не смѣли сопротивляться, и мюриды торжественно вступили въ селеніе. Испуганные жители, подъ угрозой сожженія деревни, дали присягу въ мечети жить по шаріату. Сеидъ былъ объявленъ лишеннымъ достоинства кадія. По счастью, его самого не было дома: онъ былъ въ гостяхъ у Асланъ-хана казикумыкскаго, а потому Кази-мулла приказалъ только истребить все, что наплось въ его домѣ, не исключая обширныхъ сочиненій, надъ которыми ученый алимъ трудился всю свою жизнь. Большіе кувшины съ виномъ, открытые въ подвалахъ, были вынесены наружу, разбиты, и вино разлито на землю и по полу. Въ это самое время безпечный Сеидъ, не подозрѣвая того, что дѣлалось въ Араканахъ, спокойно возвращался

домой и былъ уже около деревни, когда одинъ изъ араканцевъ встрѣтилъ его и предупредилъ объ опасности. Такимъ образомъ, только слѣбной случай снасъ жизнь дагестанскаго ученаго. Сеидъ проклялъ бывшаго своего ученика и бѣжалъ въ Казикумыкъ, гдѣ могъ считать себя въ большей безопасности, нежели въ шамхальствѣ.

Нападеніе на Араканы было первымъ открытымъ дѣйствіемъ со стороны Кази-муллы. Нельзя сказать, чтобы оно произвело благоприятное впечатлѣніе на умы шамхальцевъ; во многихъ мѣстахъ, особенно въ Каранай и Эрпеляхъ, обнаружались волненія; старики, преданные адатамъ, стали колебать новое ученіе, провозглашая, что не должно слѣдовать тому, чему не слѣдовали ихъ отцы и дѣды. Но Кази-мулла былъ насторожѣ. Съ толпою своихъ мюридовъ онъ бросился на плоскость и, прежде чѣмъ противники его успѣли опомниться, главнѣйшіе изъ нихъ уже были захвачены и отправлены въ Гимры, гдѣ ихъ рассадили по душнымъ и вонючимъ ямамъ; туда же скоро привезли и нѣкоторыхъ кумыкскихъ князей, закованныхъ въ желѣзо.

Еще печальнѣе окончилась попытка къ возстанію въ сел. Мятлахъ. Мюриды нагрянули туда, какъ снѣгъ на голову, и самъ Кази-мулла истрѣломъ изъ пистолета въ-упоръ положилъ на мѣстѣ непослушнаго кадія. Народъ въ страхѣ просилъ помилованія. Кази-мулла даровалъ его, но взял аманатовъ, которые должны были отвѣчать головою за дальнѣйшее спокойствіе жителей. Такимъ образомъ, власть въ шамхальствѣ и въ Мехтулѣ перешла въ руки Кази-муллы уже фактически; но сосѣднее съ ними Даргинское общество наотрѣзъ отказалось впустить его въ свои предѣлы. Акушинскій кадій отвѣчалъ, что даргинскій народъ исполняетъ шаріатъ, а потому личное появленіе Кази-муллы въ Акушѣ будетъ излишнимъ. Распорядиться съ акушинскимъ кадіемъ такъ, какъ онъ распорядился съ Сендомъ, было нельзя, потому что кадій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ правителемъ сильнаго

народа, и его сопротивленіе могло погубить зарождавшееся дѣло въ самомъ началѣ. Кази-мулла сдѣлалъ видъ, что довольствуется отвѣтомъ и оставилъ его до времени въ покоѣ.

Какъ разъ въ это самое время начались приготовленія Паскевича къ большой экспедиціи въ Джаро-Бѣлокапскую область. Джарцы молили Кази-моллу о помощи. Имамъ, не хотѣвшій такъ рано открывать военныхъ дѣйствій, понялъ однако, что покореніе джарцевъ откроетъ русскимъ свободный путь въ Дагестанъ со стороны Кахетіи, и горцы, сдавленные съ двухъ сторонъ, будутъ заперты въ своихъ бесплодныхъ горахъ. Медлительность въ этомъ случаѣ могла подорвать ученіе газавата въ самомъ его корнѣ—и Кази-мулла рѣшился дѣйствовать.

Въ послѣднихъ числахъ января мѣсяца 1830 года въ Гимры созваны были народные представители со всѣхъ концовъ Дагестана и даже изъ Дербента. Кази-мулла явился передъ ними въ мечети. «Народъ!—воскликнулъ онъ:—знайте, что пока земля наша попирается ногами русскихъ, до тѣхъ поръ не будетъ намъ счастья; солнце будетъ жечь поля наши, не орошаемая небесною влагою; сами мы будемъ умирать, какъ мухи, и когда предстанемъ на судъ Всевышняго,—что скажемъ ему въ свое оправданіе?... И посланъ отъ Бога спасти васъ. Итакъ, во имя Его призываю васъ на брань съ невѣрными. Газавать русскимъ! Газавать всѣмъ, кто забываетъ вѣру и святой шаріатъ! Не жалѣйте ни себя, ни дѣтей, ни имущества; мы не можемъ быть побѣждены, потому что за насъ правое дѣло. Съ этой минуты мы начинаемъ священную войну, и я буду вашимъ газіемъ. Готовтесь!»

Вся эта пламенная рѣчь, какъ нельзя лучше отвѣтвшая на душевную мысль каждаго горца, съ быстротою молніи облетѣла край, и отовсюду подъ знамена Кази-моллы начали стекаться охотники. Зашевелилось и шамхальство, подстрекаемое опять Абу-Муселимъ-ханомъ. Русскіе власти уже знали о какомъ-то необыкновенномъ движеніи, начавшемся

въ Гимрахъ, но ничего не могли предпринять, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ были крайне неопредѣленны и сбивчивы. А между тѣмъ въ Гимрахъ уже выработался окончательный планъ предстоящаго похода. Рѣшено было итти въ Хунзахъ, чтобы овладѣть Аваріей, необходимой Кази-муллѣ прежде всего, такъ какъ ее центральное положеніе въ горахъ давало возможность съ полнымъ успѣхомъ распространять свою политическую власть во всѣ стороны Дагестана. Усилившись воинственнымъ аварскимъ народомъ, имамъ предполагалъ общими силами вторгнуться въ Акушу, чтобы наказать дерзкаго кадїа, потомъ овладѣть Казикумыкомъ—и такимъ образомъ отвлечь Паскевича отъ экспедиціи въ Джары.

Создавъ обширный и смѣлый планъ, Кази-мулла, однако, приступилъ къ его осуществленію съ большою осторожностью; онъ прежде всего рѣшилъ изслѣдовать ту почву, на которой ему приходилось дѣйствовать, и съ этою цѣлью отправилъ гимринскаго кадїа въ Хунзахъ для переговоровъ съ правительницею. Кадїй возвратился назадъ съ извѣстіемъ, что ханша собирала большой джамать, на которомъ всѣ, кромѣ хунзахцевъ, открыто высказались въ пользу союза съ Кази-муллою и требовали, чтобы Нусал-ханъ повелъ свои войска на соединеніе съ войсками имама. Правительница протестовала противъ такого рѣшенія и, видя, что собраніе принимаетъ все болѣе и болѣе шумный характеръ, распустила старшинъ. Связь между Хунзахомъ, поддерживавшимъ ханскую власть, и народомъ, стремившимся навстрѣчу новымъ грядущимъ событіямъ, такимъ образомъ, была окончательно порвана. Хунзахъ готовился къ битвѣ. Но что значило одно ничтожное селеніе, когда вся Аварія становилась подъ развернутое знамя имама!

4-го феврала три тысячи всадниковъ, имѣя во главѣ Кази-муллу, двинулись изъ Гимръ по дорогѣ въ Аварію. Жители попугыхъ деревень Иргоная и Казатлы попробовали не пустить мюридовъ, но были разбиты—и день ознамено-

вался первыми кровавыми жертвами начинавшагося газавата. Но зато при дальнѣйшемъ движеніи все покорялось Кази-муллѣ безъ выстрѣла, и аварскія деревни присоединялись къ нему одна за другою, такъ что силы его скоро увеличились отъ 8 до 12 тысячъ. Въ числѣ предводителей горцевъ насчитывалось въ то время уже много славныхъ именъ, вошедшихъ въ извѣстность среди народа своею ученостію и святостію жизни. Таковы были: Гамзатъ-Бекъ аварскій, Шамиль, Шихъ-Шабанъ и другіе.

Разсказываютъ, что приготовляясь итти въ Аварію и зная, что на пути встрѣтится безводица, Кази-мулла приказалъ заблаговременно зарыть въ извѣстныхъ мѣстахъ бурдюки съ водою, и когда партія располагалась на отдыхъ или почлесть, вода появлялась тамъ, гдѣ ее никогда не бывало. Хотѣлъ-ли онъ явиться народу новымъ Моисеемъ, или дѣйствовалъ такъ, просто безъ всякой задней мысли, какъ предусмотрительный вождь—объ этомъ толкуютъ различно. Но суевѣрные горцы увидѣли въ этомъ особую благодать, осѣняющую «Божьяго избранника,» и по всему Дагестану пошла ходить молва о чудесахъ и святости имама. Самъ Асланъ-ханъ, отрицавшій доселѣ политическое значеніе Кази-муллы, теперь встревожился и писалъ, что опасность предстоитъ большая, ибо Кази-мулла является въ глазахъ дагестанскихъ народовъ не простымъ вождемъ, а пророкомъ. «Такихъ происшествій—добавлялъ онъ въ своемъ письмѣ къ полковнику Мищенкѣ:—никто здѣсь не видалъ и не помнитъ. Я самъ нахожусь въ большомъ безпокойствѣ, потому что, въ случаѣ появленія его въ Казикумыкѣ, никто изъ моихъ подвластныхъ не осмѣлится поднять противъ него оружіе... Если хотите выслать войска, то высылайте какъ можно болѣе и не велите имъ стоять въ полѣ, а держаться по крѣпостямъ, ибо скопище газія будетъ чрезвычайно большое»...

Совѣтъ его приняли, и чтобы не подвергать опасности небольшой отрядъ, собиравшійся тогда для дѣйствія въ

шамхальствѣ, задержали его въ Дербентѣ. А Кази-мулла, между тѣмъ, все шелъ впередъ и остановился у воротъ Хунзаха.

На самомъ концѣ обширнаго Аварскаго плато, у сел. Ахальчи, скопище имама разбило свой бивуакъ и стало грознымъ, хотя и безпорядочнымъ станомъ. Передъ нимъ, въ туманной дали, вырисовывались хунзахскія скалы, и на нихъ большое многолюдное селеніе—резиденція аварскихъ хановъ, священная могила перваго распространителя ислама въ Дагестанѣ—Абуль-Мусселимъ-шейха. Этотъ шейхъ былъ главою духовенства въ войскѣ аравитянъ, и существуетъ преданіе, что раненный смертельно въ одномъ изъ сраженій, онъ завѣщалъ похоронить себя тамъ, гдѣ ляжетъ съ его тѣломъ катеръ. Катеръ пришелъ въ Хунзахъ. Останки святого были преданы землѣ въ тамошней мечети, гдѣ они покоятся и нынѣ, въ особой пристройкѣ, имѣющей видъ обыкновенной азіатской сакли. У гробницы шейха сохраняются и нѣкоторыя принадлежавшія ему вещи, какъ напр., рукописный коранъ, свидѣтель первыхъ временъ мусульманства, бѣлый плащъ, исписанный священными стихами, и сабля, не различавшаяся съ нимъ въ походахъ. Прежде тутъ-же хранились посохъ и четки, но они утеряны во время одного изъ хунзахскихъ погромовъ. Всѣ эти вещи, составляющія предметъ особаго религіознаго почитанія, имѣютъ въ понятіи народа силу талисмана, дарующаго побѣду, и потому обѣ стороны въ равной мѣрѣ возлагали свои надежды на помощь святого: хунзахцы,—какъ на патрона своего родного гнѣзда, мюриды,—какъ на ревнителя вѣры, во имя которой они обнажили мечъ.

Какъ ни крѣпко было селеніе, вмѣщавшее въ себѣ болѣе семисотъ дворовъ и населенное по преимуществу абреками, мало помышлявшими объ истинахъ ислама, тѣмъ не менѣе измѣна аварцевъ и грозныя силы, обложившія Хунзахъ, не могли не смутить ханскаго дома. Ханша Паху-Бике попыталась даже вступить въ переговоры, отправивъ въ

станъ Кази-муллы своего любимца, Елхаджи-гази-Магомета. Но Кази-мулла вмѣсто отвѣта приказалъ продѣть ему черезъ ноздри веревку и въ такомъ позорномъ видѣ, съ навѣшанною на шею торбою, отослалъ обратно въ Хунзахъ. Хунзахцы были глубоко оскорблены безразсуднымъ поступкомъ имама и дали клятву биться съ нимъ до послѣдняго.

Существуетъ официальное свѣдѣніе, что Елхаджи пострадалъ будто-бы за то, что явившись въ станъ Кази-муллы мирнымъ посломъ, пытался, по наущенію ханши, подкупить нѣкоторыхъ изъ числа вліятельныхъ горскихъ вождей, и особенно гумбетовцевъ. Но старики-хунзахцы, живые свидѣтели минувшихъ событій, упорно отрицаютъ самый фактъ подкупа, и говорятъ, что выдумка эта нужна была мюридамъ, чтобы оправдать ненужную жестокость имама. Въ дѣйствительности, они видятъ въ этомъ другую подкладку и утверждаютъ, что увѣще посла было преднамѣренное, вызванное желаніемъ оскорбить хунзахцевъ, съ цѣлію заставить ихъ драться, такъ какъ Кази-мулла, воплотивъ увѣренный въ своей побѣдѣ, болѣе всего опасался добровольной покорности хана, которая связала-бы ему только руки. Не покорности, а истребленія ханскаго дома домогался Кази-мулла, стремившійся на его развалинахъ основать свою духовную власть, какъ это сдѣлали въ послѣдствіи преемники его, Гамзатъ и Шамиль.

Нѣсколько дней прошло въ обоюдныхъ приготовленіяхъ къ битвѣ. Хунзахцы не унывали. Тѣ же старики рассказываютъ, что одно ничтожное обстоятельство много содѣйствовало къ поднятію мужества гарнизона. Хунзахцы увидѣли однажды въ небѣ громадную стаю голубей, преслѣдуемыхъ коршунпомъ. Голуби летѣли прямо на станъ Кази-муллы и коршунъ спалета билъ ихъ во множествѣ. Появленіе коршуна въ понятіяхъ суевѣрнаго горца всегда предзнаменуетъ побѣду -- по кому? Хунзахцамъ или Кази-муллѣ? Люди, умудренные жизненнымъ опытомъ, рѣшили -- хунзахцамъ: коршунъ былъ одинъ и знаменовалъ собою Хунзахъ, одинокого стоявшій посреди

общей измѣны, охватившей тогда Аварію.

Наступило 12-е февраля—первый день праздника Рамазана. Утромъ, послѣ молитвеннаго пѣнія, весь непріятельскій станъ пришелъ въ необычайное движеніе. Въ Хунзахѣ быстро изготовились къ бою,—и дѣйствительно, въ 11-ть часовъ утра давно ожидаемый приступъ начался. Большая часть скопища, гдѣ находился самъ Кази-мулла и Гамзатъ-бекъ, двигались со стороны Ахалчи; гумбетовцы, предводимые Шамилемъ, направились въ обходъ, черезъ городское кладбище. Бѣшеный ружейный огонь, загремѣвшій со стѣнъ Хунзаха, не остановилъ мюридовъ. Не спѣшно, съ дикою, торжественно-унылою пѣснію: «Аллахъ акберъ! Ля-илляляхи-иль-Аллахъ!» двигались впередъ ихъ густыя толпы и скоро достигли до самыхъ заваловъ. Никогда ничего подобнаго не видѣли хунзахскіе абреки. Разомъ встали передъ ними рассказы, усердно распускаемые клеветами Кази-муллы о томъ, что его приверженцамъ всегда предшествуютъ легіоны ангеловъ, что шашка, поднятая на нихъ, мгновенно тупѣетъ и въ нацѣленномъ ружьѣ не вспыхиваетъ порохъ. Суевѣрный ужасъ закрался въ самыя безтрепетныя сердца—и у хунзахцевъ опустились руки. Пальба прервалась.... Въ эту минуту Шамиль ворвался въ селеніе и тотчасъ водрузилъ на плоскихъ кровляхъ домовъ свои знамена, давая этимъ знать Кази-муллѣ, что Хунзахъ уже занятъ. Еще минута—и участь аварской столицы была бы рѣшена..... Какъ вдругъ, съ непокрытой головою, съ пылающимъ взоромъ и обнаженною шашкой въ рукѣ, окруженная однѣми только женщинами, на валу появилась ханша Паху-Бике. «Хунзахцы! крикнула она—и голосъ ея покрылъ раскаты ружейной перестрѣлки:—вы не должны носить шашекъ; если вы трусы, отдайте ихъ намъ женщинамъ, а сами постройтесь чадрами!»... Эти слова электрическимъ токомъ зажгли мужество въ пристыженныхъ жителяхъ, и они, какъ одинъ, кинулись опять на стѣны. Знамена вѣявшія на крышахъ, мгновенно были сорваны и ско-

пище Шамиля выбито изъ селенія. Самъ онъ съ 30-ю мюридами, отрѣзанный при отступленіи, едва успѣлъ запереться въ подгородней саклѣ, гдѣ былъ окруженъ и очутился въ блокадѣ. Пораженіе Шамиля вселило смущеніе въ главной массѣ штурмующихъ,—и Кази-мулла уже не могъ поправить проиграннаго дѣла; толпы его, бросившіяся черезъ заваль, встрѣчены были дружнымъ залпомъ въ-упоръ—и отшатнулись назадъ. Пользуясь ихъ замѣшательствомъ, юный Абу-Нусалханъ самъ сдѣлалъ вылазку и кинулся въ кинжалы. Женщины наравнѣ съ мужчинами отстаивали селеніе и одна изъ нихъ, по имени Курнаиль-Хандулай, работая топоромъ, отняла 14 винтовокъ. Паника, которой сначала поддались было хунзахцы, быстро перешла на мюридовъ—и они побѣжали. Хунзахцы гнали ихъ черезъ всю долину и только къ вечеру, когда на Аварскомъ плато не осталось уже ни одного мюрида, молодой ханъ съ торжествомъ побѣдителя вернулся въ свою резиденцію. Пять непріятельскихъ значковъ, 200 тѣлъ и 60 плѣнныхъ были трофеями блистательной побѣды. Въ числѣ послѣднихъ, какъ говорятъ, находился и самъ Гамзатъ-Бекъ, но ему помогъ бѣжать одинъ изъ хунзахскихъ жителей. Шамиль также остался въ Хунзахѣ, запертый въ саклѣ, и долженъ былъ выбирать смерть или сдачу. Его выручили гумбетовцы, приславшіе въ тотъ же день просить у хунзахцевъ мира. Миръ былъ заключенъ, и Шамиль съ своими 30-ю мюридами получилъ свободу. Но гумбетовцы, ожесточенные своими потерями, встрѣтили его такими укорами и дошли до такого неистовства, что сорвали съ него священную чалму и едва не лишили жизни. Очень можетъ быть, что здѣсь и окончилъ бы свое земное существованіе грозный вполѣдствіи владыка «горъ и лѣсовъ», если бы на его сторону не сталъ дервишъ, кадій Нуръ-Магометъ. Благодаря заступничеству старца, Шамилю была дарована жизнь, но народъ изгналъ его изъ Гумбета.

Императоръ Николай Павловичъ въ ознаменованіе вѣр-

ности, оказанной Хунзахцами, и въ память побѣды, одержанной молодымъ Нусал-ханомъ, пожаловалъ всему Аварскому народу бѣлое Георгіевское знамя.

Такъ окончился первый взрывъ мюридизма. Подобно раскату грома, гулко прокатился онъ по горамъ и ущельямъ Дагестана и замеръ подъ Хунзахомъ. Но горизонтъ все еще былъ заволоченъ мрачными тучами, и вслѣдъ за первымъ ударомъ надо было ждать послѣдующихъ.

КАХЕТІЯ И ЕЯ СОСѢДИ.

Въ то время, когда грозныя силы имама, сокрушившись о хунзахскія стѣны, искали въ стремительномъ бѣгствѣ своего спасенія, Паскевичъ съ войсками стоялъ на Алазани. Давно уже въ головѣ фельдмаршала зрѣлъ грандіозный планъ быстрого и одновременнаго покоренія горъ, и теперь, наконецъ, приблизилось время осуществить свою мысль на дѣлѣ. Смолкли побѣдные громы на поляхъ Турціи и ничто уже не отвлекало главнокомандующаго отъ внутреннихъ дѣлъ, все еще не покореннаго Россією Кавказа.

Переходя къ разсказу о событіяхъ, которыя привели наши войска на Алазань, къ предверію Джаро-Бѣлоканской области, охарактеризуемъ въ короткомъ очеркѣ длинный рядъ годовъ кровавой борьбы кахетинцевъ, съ ихъ хищными сосѣдями—лезгинами.

Въ старыя годы, когда надъ всѣмъ Закавказьемъ царилъ единая и нераздѣльная Грузія, и величавый образъ Тамары воплощался въ народныхъ сказаніяхъ въ идеалъ земного могущества—вся за-Алазанская долина, простиравшаяся до самыхъ горъ Лезгистана, принадлежала той же Грузіи и составляла восточную половину Кахетіи. Господствующій народъ здѣсь были грузины, господствующая религія—христианская.

Но со смертію Тамары, какъ бы унесшей съ собою въ могилу величіе и силу своей родины, миноваль и золотой вѣкъ Грузіи. Страна, истерзанная нашествіемъ монголовъ и полчищами Тимуръ-ленга, распалась на части, въ ряду которыхъ Кахетія, сложившаяся изъ трехъ эриставствъ: собственно Кахетіи, Кахской и Джарской областей, является уже самостоятельнымъ царствомъ. Раздробленная и ослабленная вѣшними войнами, Грузія скоро изнемогаетъ однакоже подъ тяжестію внутренней неурядицы и становится добычей своихъ хищныхъ сосѣдей лезгинъ.

За высокою грядою подъоблачныхъ вершинъ засѣли эти грозные, неумолимые враги всякаго труда и спокойствія, и какъ дамкловъ мечъ висѣли надъ головою кахетинцевъ.

Суровый климатъ, скудныя произведенія земли, голодъ и холодъ заставили лезгинъ перешагнуть порогъ своей бѣдной родины. Рассказываютъ, что первое селеніе, поставленное ими на одномъ изъ уступовъ южнаго склона Кавказскаго хребта, было Сарубашъ, обитателями котораго естественно явились самые отчаянные головорѣзы. Имъ нечѣмъ было жить, а у ихъ ногъ лежала роскошная, но слабая Кахетія, представлявшая собою обширное и благодарное поле для хищническихъ набѣговъ. Грузины, испытавшіе скоро всю тяжесть близкаго сосѣдства новыхъ пришельцевъ, потеряли наконецъ терпѣніе и пошли на нихъ съ огромными силами. Сарубашцы укрѣпились. Заваль, слѣды котораго показываютъ еще и теперь въ верстѣ ниже селенія, оказался не подъ силу грузинамъ, и они овладѣли имъ съ помощію измѣны. Одинъ подкупленный сарубашецъ вызвался провести ихъ окольною дорогою, и часть грузинскаго войска спустилась въ селеніе въ то время, когда всѣ вооруженные жители сторожили заваль, а въ домахъ оставались только старики, женщины и дѣти. Старики были въ мечети и совершали вечерній намазъ, когда на нихъ нагрянули грузины. И пока испуганные сарубашцы, покинувъ заваль, бѣжали на выручку семей,—все,

что находилось живого въ деревнѣ, было перерѣзано. Мечеть въ Сарубапахъ и понынѣ называется Шагидмекъ-эри, что значитъ мѣсто мучениковъ.

Вѣсть объ ужасномъ побоищѣ подняла на ноги все горныя лезгинскія племена, и грузины въ свою очередь испытали ужасное мщеніе. Съ этихъ поръ начинается вѣковая борьба: лезгины стремятся въ Кахетію, кахетинцы мужественно отстаиваютъ родину. Это была война не политическая, не религиозная, это самая ужасная изъ всехъ войнъ—война за существованіе. Какъ-разъ въ это самое время, бѣдствія Грузіи достигаютъ своего апогея—Шахъ-Аббасъ вторгается въ Кахетію и опустошаетъ ее изъ конца въ конецъ. Для дагестанскихъ лезгинъ наступаетъ рѣшительная минута: они пользуются смятеніемъ Грузіи, спускаются съ горъ и занимаютъ Джарскую область. Страна, залитая кровью, покрывается трупами, остатками разрушенныхъ храмовъ, выжженными садами и пажитями. Кто могъ, тотъ бѣжалъ и искалъ спасенія за Алазанью; оставшіеся принуждены были принять мусульманство. Но это вѣроотступничество не принесло имъ пользы. Ингелойцы (новообращенные) сдѣланы были рабами и обложены данью. Такъ, лучшая и плодороднѣйшая часть Кахетіи, Джарская область, была на цѣлые вѣка отторгнута отъ Грузіи.

Въ это самое время, какъ рассказываютъ грузинскія лѣтописи, кахскій эриставъ не только не противился завоеваніямъ пришельцевъ, но самъ принялъ магометанскую вѣру и сталъ къ тому же понуждать подвластный ему народъ. Въ награду за это лезгины признали его эриставство независимымъ владѣніемъ, и новый правитель сталъ называться елисуйскимъ султаномъ. Омусульманившаяся страна, скоро перестала напоминать собою что либо христіанское и окончательно укрѣпилась за Дагестаномъ. Такъ потеряла Кахетія другое эриставство,—и нѣкогда сильное и могучее царство заключилось теперь въ тѣсныя границы одной Алазанской долины.

Завладѣвъ болышею частью Кахетин, лезгинны разбилися на отдѣльныя общества, но позаботились оградить свою независимость общимъ оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ. Такъ образовалось три геза: къ первому, самому вліятельному и сильному принадлежали Джары, Катехи и Бѣлоканы, ко-второму—Джанихи, Талы и Мухахи; третій гезъ образовывало Елисуѣйское султанство. Кромѣ послѣдняго, гдѣ власть являлась наследственной, всѣ названныя общества управлялись выборными старшинами, но дѣла, касавшіяся общихъ интересовъ союза, напр., вопросы о мирѣ и войнѣ, рѣшались не иначе, какъ цѣлымъ джематомъ.

Съ отторженіемъ двухъ эриставствъ, Кахетія, такъ щедро надѣленная дарами природы, потеряла много; но и то, что осталось ей по правому берегу веселой Алазани, было прекрасно, въ полномъ значеніи этого слова,—и не даромъ Кахетію издревле называли раемъ Иверіи. Но этотъ маленький рай, завѣтнымъ мѣстомъ котораго считался Телавъ, гдѣ была резиденія царя и гдѣ сосредоточивалась вся внутренняя жизнь кахетинцевъ, былъ похожъ на тѣ виноградники, которые растутъ на лавѣ и пеплѣ Везувія. Только Кахетин угрожали не подземныя стихійныя силы, а буйныя сосѣди ея, набѣги которыхъ были столь же губительны, какъ и огненные лавы вулкана. Только одна Алазань отдѣляла Кахетію отъ ея исконныхъ враговъ, и эти враги были такъ близко, что мысль объ оборонѣ никогда не оставляла кахетинца, какъ не оставляли его кинжалъ и винтовка.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда русскія войска заняли Грузію.

Обезпеченіе Кахетіи составляло первую и существеннѣйшую обязанность русскаго правительства, но достигнуть однако этого возможно было лишь при условіи, чтобы джарцы, сидѣвшіе между горами и Алазанью, обратились въ наши передовыя форпосты. И вотъ, въ 1803 году русскія войска вступаютъ въ джарскія земли,—и джарцы въ первый разъ, под-

чиняясь силѣ меча, признають надъ собою главенство христіанскаго народа. Въ то же время въ Кахетіи возникаетъ рядъ русскихъ поселеній, или штабъ-квартиръ, которыя, хотя и не представляютъ собою еще достаточно сильныхъ опорныхъ пунктовъ, чтобы оградить страну отъ вторженій, но способствуютъ защитѣ ея расположеніемъ въ нихъ сильныхъ резервовъ. Старый развѣнчанный Телавъ, съ его историческою славой, и рядомъ—Сигнахъ съ величайшею святынею Грузіи—Бодбійскимъ монастыремъ, гдѣ покоится святая Нина, составляли центры, вокругъ которыхъ группировались всѣ оборонительныя средства страны, и куда, въ случаѣ опасности, сосредоточивались наши резервы. Верстахъ въ 30 отъ Сигнаха, по направленію на Муганлы, гдѣ изстари вѣковъ существовала переправа черезъ Алазань, видны были развалины третьяго города, называвшагося Кизикомъ. Но отъ этихъ развалинъ не вѣяло сѣдою древностію, какъ отъ другихъ развалинъ Иверіи, потому что Кизикъ основанъ былъ только въ XVII столѣтіи однимъ изъ персидскихъ намѣстниковъ, по имени Бѣжаномъ. Этотъ сатрапъ, опасаясь за собственную жизнь, покинулъ роскошный Телавъ, резиденцію кахетинскихъ царей, и построилъ себѣ одинокій дворецъ въ Кара-агачѣ. Прошло не много лѣтъ и около дворца выросъ значительный городъ, который, съ паденіемъ сатраповъ, такъ же быстро исчезъ, какъ и возникъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ историческихъ памятниковъ. Извѣстно только, что во дворцѣ его жили персидскіе намѣстники, и что отсюда разливались на всю Кахетію ужасы восточнаго тиранства.

На его-то мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ стоялъ дворецъ, генераль Гуляковъ и заложилъ первое русское укрѣпленіе, названное Кара-Агачъ и послужившее впоследствии штабъ-квартирою Нижегородскаго драгунскаго полка. Съ теченіемъ времени эта штабъ-квартира обстроилась и въ двадцатыхъ годахъ, какъ описываетъ Гамба, представляла собою уже чистенькое, хорошо устроенное мѣстечко. Съ удовольствіемъ останавливался

глазъ, послѣ грузинскихъ мазапокъ и татарскихъ сакель, на укромныхъ русскихъ домикахъ, вытянувшихся въ одну широкую длинную улицу. Уютныя избы съ черепичными кровлями, съ дверями и рамами изъ чистаго орѣха, весело смотрѣли своими свѣтлыми стеклами и, какъ-бы причесав другъ отъ друга въ тѣнистыхъ роскошныхъ садахъ, ясно говорили о довольствѣ и привольной жизни своихъ обитателей.

За Кара-Агачемъ, все по тому же направленію къ Муганлипской переправѣ, находилось другое укрѣпленіе, Царскіе-Колодцы, по-грузински «Дедоплисъ-цкаро», раскинутое на возвышенномъ плато и пользовавшееся чрезвычайно здоровымъ горнымъ воздухомъ. Названіе это перешло на урочище отъ тѣхъ колодцевъ, при которыхъ грузинскіе цари, еще со временъ Давида Возрожденія, каждое лѣто становились сторожевымъ лагеремъ. Они защищали страну отъ лезгинъ,—и вы услышите здѣсь много разказовъ и преданій, которыми народъ любитъ вспоминать боевую дѣятельность своихъ великихъ царей. Но изъ длиннаго ряда событій, одно оставило послѣ себя такое глубокое и сильное впечатлѣніе, что народъ и доселѣ видитъ въ немъ явное знаменіе Божьяго заступничества и покровительства.

Есть въ Грузіи, верстахъ въ 25 отъ Тифлиса, по дорогѣ къ Сигнаху, древній монастырь св. Антонія Марткобскаго. 13-ть столѣтій выдержали его каменные своды, не поддаваясь времени и величаво красуясь въ зелени буковыхъ деревьевъ и грецкихъ орѣховъ. Но и святой монастырь вынулъ свою горькую чашу. Это было въ половинѣ минувшаго вѣка, когда Кахетія и Карталинія соединились подъ однимъ скипетромъ царя Ираклія. Лѣтомъ, когда грузины занимали обычную свою стоянку у Дедоплисъ-цкаро, сильная партія лезгинъ ворвалась въ Карталинію со стороны Ганжи и ударила на монастырь. Иконы были перерѣзаны, драгоценныя оклады съ иконъ сорваны, утварь расхищена и самая обитель разрушена. Съ горестью въ сердцѣ принялъ Ираклій вѣсть о гибели марткобской

святѣни и, бросившись паперерѣзъ хищникамъ, настѣгъ ихъ на берегу Юры. Пятъсотъ лезгинъ, обремененныхъ церковною добычей, прислонились къ высокой горѣ, чтобы дать отпоръ грузинскому войску... И вдругъ земля всколыхнулась. Этотъ подземный ударъ, слабо оцущенный въ грузинскомъ станѣ, опрокинулъ громадный утесъ, и пятъсотъ грабителей, какъ бы въ наказаніе за свое святотатство, были погребены подъ массою осѣвшея земли и каменныхъ глыбъ. Сами грузины были объяты ужасомъ. Судъ Божій совершился въявѣ, и царь, пораженный чудомъ, праздновалъ это событіе молебнымъ пѣніемъ марткобскому чудотворцу.

Въ тѣ времена, о которыхъ ведется разсказъ, между Кара-Агачемъ и Царскимъ-Колодцами тянулись сплошныя дремучіе лѣса, въ самой чащѣ которыхъ, на уединенномъ пикѣ, стояли живописныя развалины замка. Замокъ господствовалъ надъ всею Алазанскою долиною и представлялъ одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій въ цѣлой Кахетіи. Нѣкогда онъ служилъ любимымъ мѣстопребываніемъ Тамары, которая подолгу жила здѣсь лѣтомъ, и въ знойныя дни заставляла лезгинъ привозить ей ледъ съ самыхъ вершинъ снѣгового Кавказа.

При Ермоловѣ Царскіе-колодцы были штабъ-квартирою Ширванскаго полка; но такъ какъ во все время его начальствованія полкъ находился въ постоянныхъ походахъ, то и родное гнѣздо его представлялось взору путешественника несравненно бѣднѣе и непригляднѣе Кара-Агача. Впрочемъ, какъ у ширванцевъ, такъ и у драгунъ, были въ прекрасномъ состояніи пасѣвки, огороды, конскіе заводы, а нижегородцы хвалились еще и рогатымъ скотомъ крупноя талышинской породы (*). У ширванцевъ заведена была даже школа, гдѣ обучались грамотѣ до 70 рекрутъ.

Кромѣ этихъ двухъ полковъ, въ Кахетіи,—но уже не по дорогѣ отъ Телавы къ Тифлису,—квартировали еще Грузинскій

*) Быки этой породы ослѣпляютъ отъ обжаренныхъ горбомъ между плечъ и густою гривой.

гренадерскій полкъ и батарейная рота Кавказской гренадерской артиллерійской бригады. Грузинцы стояли въ Мухровани, артиллеристы—въ Гомборахъ. И Мухровань, раскинутая на полугорѣ, въ каменистой долинѣ Горы, и Гамборы, окруженныя воровскими лѣсистыми балками, смотрѣли опрятно и весело. Чистенькія площади съ небольшими деревянными церквями и рядъ бѣленькихъ домиковъ съ красными крышами радовали сердце русскаго челоуѣка въ этой отдаленной глуши, какъ что-то близкое, родное...

Благодаря такимъ оборонительнымъ средствамъ, которыя усиливались еще грузинскою милиціей, державшею кордоны по берегамъ Алазани, Кахетія пользовалась относительнымъ спокойствіемъ. Кровавыхъ вторженій, съ разгромомъ цѣлыхъ деревень и уведомъ въ плѣнъ сотенъ и тысячъ христіанскихъ семей, какъ это было въ старыя годы, уже не случалось; но отъ мелкихъ разбоевъ и хищничествъ не спасала никакая осторожность и бдительность кордоновъ. Съ ранней весны, когда деревья начинали одѣваться листвою, и вплоть до ноября, когда глубокіе снѣга заваливали горныя проходы, лезгинны изъ года въ годъ принимались за свою обычную кровавую работу. И едва только солнце склонялось къ закату, двери и ставни кахетинскихъ домовъ закрывались наглухо. Какъ хищный звѣрь рыскалъ лезгинъ по опустѣвшимъ полямъ, выжидая добычи, и лучшее время лѣтняго дня, очаровательный вечеръ, и самая ночь находились въ ихъ власти. Никто изъ поселянъ не смѣлъ выйти за ограду собственнаго дома, чтобы подышать прохладой, полюбоваться полнымъ мѣсяцемъ и звѣздами, такъ кротко и ясно мерцавшими на темной синевѣ южнаго неба.

Изъ длиннаго ряда происшествій, случившихся въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, расскажемъ одно, какъ наиболѣе характеризующее тревожное положеніе края.

Въ деревнѣ Хошми, недалеко отъ Мухровани, жилъ одинъ грузинъ, по имени Чхейдзе, который любилъ ходить

по лѣсамъ за дичью и мало думалъ о встрѣчѣ съ лезгинами. Это былъ типъ отважнаго и смѣлаго охотника. Однажды, возвращаясь домой, онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ 20-ю лезгинами. Не раздумывая долго, Чхейдзе выстрѣлилъ изъ ружья и, положивъ намѣстѣ одною пулею двухъ человѣкъ, бросился въ лѣсную чащу. Опасность придала ему силы. Преслѣдуемый лезгинами, онъ летѣлъ съ легкостію серны, прыгалъ черезъ громадные камни, черезъ кусты и овраги—и благополучно ушелъ отъ погони.

Впослѣдствіи узнали, что оба убитые имъ горца были извѣстные въ Дагестанѣ белады, и что лезгины за ихъ кровь будутъ искать крови Чхейдзе, котораго знали въ лицо и могли высмотрѣть издали своими ястребиными глазами. Но Чхейдзе былъ остороженъ,—и горцы перенесли свое мщеніе на его односельцевъ. Скоро изъ той деревни, гдѣ онъ жилъ, пропали среди бѣлаго дня двое мальчиковъ, игравшихъ недалеко отъ церкви. Въ другой разъ, изъ двѣнадцати рабочихъ, посланныхъ въ лѣсъ, ни одинъ не вернулся домой; жители, отправившіеся на розыски, нашли въ лѣсу 12-ть обезглавленныхъ тѣлъ съ отрубленными кистями, которыя лезгины очевидно увезли съ собою. За одинъ ловкій выстрѣлъ Чхейдзе погибло такимъ образомъ 14-ть его земляковъ; но лезгинамъ и этихъ жертвъ казалось еще недостаточно.

Верстахъ въ шести отъ Хошми стояла древняя церковъ во имя св. Троицы, принадлежавшая къ числу тѣхъ характерныхъ развалинъ, которыми такъ богата Кахетія. Долго, цѣлыя вѣка стояла она въ заустѣннн, и могильный покой ея нарушался только одинъ разъ въ году, на третій день Пасхи, когда стекались сюда со всѣхъ сторонъ богомольцы. Тогда подъ столѣтними сводами храма курился кадильный фиміамъ, и развалины оглашались молитвеннымъ пѣніемъ. Обычай этотъ повторялся изъ года въ годъ. Но никогда не собиралось на праздникъ такъ много народа, никогда не было вокругъ развалинъ такого оживленія, какъ именно въ описываемую нами

эпоху. Въ числѣ наѣзжихъ гостей былъ одинъ богатый поселянинъ, пріѣхавшій наканунѣ праздника, вмѣстѣ съ своимъ девятилѣтнимъ сыномъ; его огромные буйволы, выпряженные изъ-подъ арбы, паслись недалеко отъ церкви, и тамъ же игралъ его сынъ съ двумя своими однолѣтками. Стеченіе народа не позволяло даже думать о возможности появленія вблизи какой нибудь бродячей шайки лезгинъ, а потому все были поражены, когда подъ вечеръ дѣти, игравшіе у церкви, внезапно пропали, можно сказать, на глазахъ у цѣлаго народа. Несчастный отецъ въ глубокомъ отчаяніи палъ на колѣни и далъ обѣтъ передъ старою церковью возстановить ее изъ развалинъ, если Богъ возвратитъ ему единственного сына. Но все поиски оказались напрасными. Грузины обшарили весь лѣсъ, все придорожныя норки и вернулись съ пустыми руками. Все недоумѣвали, откуда появились лезгины и куда они могли исчезнуть.... А лезгины, между тѣмъ, находились тутъ-же посреди народа, пріютившись съ своей добычей возлѣ самой церкви, въ небольшой котловинѣ, густо заросшей колючимъ кустарникомъ. Грузины не разъ проходили мимо, и никому не пришло въ голову искать ихъ такъ близко.

Всехъ горцевъ было 13-ть человекъ. Предводитель шайки былъ уже старикъ, но, какъ большая часть горскихъ стариковъ, сохранялъ удивительную зоркость глаза, слухъ и силу руки. Онъ былъ безстрашенъ, и вся его внушительная фигура дышала дерзостью и отвагою юноши. Его звали Азисъ. Онъ самъ принадлежалъ къ числу лучшихъ лезгинскихъ фамилій, а 12-ть человекъ, товарищей его по ремеслу, были все родные его сыновья. Съ ними Азисъ и выѣзжалъ обыкновенно на свои разбои.

Только подъ утро, когда все утомилось въ грузинскомъ станѣ, лезгины вышли изъ своей засады, и къ восходу солнца были уже въ горахъ и въ безопасности. Отсюда Азисъ отправилъ плѣнниковъ дальше съ однимъ изъ своихъ сыновей, а съ остальными вернулся назадъ попытать новой

удачи. По дѣтямъ сопутствовала счастливая звѣзда. Старый охотникъ, кахетинецъ Герсеванъ, давно уже слѣдилъ за этою шайкой, и какъ только дѣти остались подъ присмотромъ одного человѣка, онъ осторожно подобрался къ лезгину и взмахомъ широкаго кинжала снесъ ему голову. Такъ погибъ первый сынъ Азиса,—первая жертва, принесенная старикомъ своей неуправимой страсти къ хищничеству. Герсеванъ взялъ дѣтей и возвратилъ ихъ родителямъ. Счастливый отецъ исполнилъ данный Богу обѣтъ,—и старая церковь возстала изъ развалинъ.

Азисъ еще долго разбойничалъ въ Кахетіи. Онъ пережилъ всѣхъ своихъ сыновей, изъ которыхъ одни были захвачены въ плѣнъ и пропали въ Сибири, другіе пали въ бояхъ, а третьи были перерѣзаны наемными убійцами. Оставшіеся одинъ, какъ перстъ, Азисъ не хотѣлъ бросить своего ремесла и, какъ старый тигръ, долго еще бродилъ въ одиночку по лѣсамъ и селамъ Кахетіи. Смерть постигла его также на хищничествѣ: онъ былъ убитъ изъ ружья тушинскимъ мальчикомъ, котораго хотѣлъ схватить и увести въ горы.

Вотъ изъ такихъ-то мелкихъ, но непрерывныхъ, тянувшихся длинною вереницей событій и слагалась въ то время вся жизнь кахетинца. Въ борьбѣ, длившейся десятки лѣтъ, конечно, бывали минуты, когда Кахетія переживала и болѣе серьезную опасность. Но грозовыя тучи, заволаковавшіяся горизонтъ, обыкновенно разсѣивались прежде, чѣмъ успѣвали разразиться надъ нею громомъ и молніей. Последнѣе возстаніе джарцевъ было подавлено Ермоловымъ зимою 1826 года—и съ тѣхъ поръ Кахетія наслаждалась полнымъ спокойствіемъ. Джарцы, не обольщаясь болѣе персидскими прокламаціями, сидѣли смиренно и не только смотрѣли спокойно, какъ провинціи Ирана одна за другою переходили въ руки Россіи, но даже принимали нѣкоторыя мѣры къ огражденію нашихъ предѣловъ.

А между тѣмъ защита Кахетіи никогда не была такъ

слаба, какъ именно въ эти тревожные годы. Всѣ силы, оставленныя въ ней подъ командою генераль-маіора Зенича, состояли изъ двухъ резервныхъ баталіоновъ Грузинскаго и Ширванскаго полковъ, запаснаго эскадрона нижегородцевъ и шести орудій. Часть этихъ войскъ занимала Царскіе-Колодцы, Мухровань и Гомборы, а остальныя, вмѣстѣ съ донскими казаками и грузинскою милиціею, стояли на кордонной линіи. Но было бы ошибочно представлять себѣ и эти два баталіона какою нибудь внушительною силою. Въ донесеніяхъ Зенича встрѣчаются весьма интересныя свѣдѣнія о силѣ и численности нашей пѣхоты. Такъ напр., онъ пишетъ, что въ трехъ ротахъ Грузинскаго полка, стоявшихъ на передовой линіи въ Шильдахъ, Сабуи и Квареляхъ, налицо было только 126 человѣкъ, и изъ нихъ 73 слабыхъ, которые не могли ходить по горамъ. Въ двухъ ротахъ Ширванскаго полка, оставленныхъ въ Царскихъ-Колодцахъ, могло выйти въ строй 29 человѣкъ, т. е. по 15 штыковъ въ ротѣ..... И несмотря на это, единственнымъ нѣсколько выдающимся случаемъ было нападеніе 10-го сентября 1828 года въ окрестностяхъ Кара-Агача, когда партія человѣкъ въ пятьдесятъ разграбила обывательскій обозъ, слѣдовавшій изъ Нухи къ Сигнаху, и перебила аробщиковъ. Подозрѣніе пало тогда на Бѣлоганцевъ. Зеничъ потребовалъ удовлетворенія, и жители не только изъявили готовность выкупить плѣнныхъ, но и вознаградили ограбленныхъ кахетинцевъ.

Даже острый вопросъ о хлѣбной подати прошелъ благополучно. Нужно сказать, что джарцы всегда уклонялись отъ уплаты подати хлѣбомъ, потому что за двойную и тройную цѣну сбывали его непокорнымъ лезгинамъ. А между тѣмъ сборъ именно хлѣба имѣлъ для насъ первостепенную важность, въ виду необходимой заготовки продовольственныхъ средствъ на турецкой границѣ. И джарцы на этотъ разъ не только поставили хлѣбъ, но еще гораздо дешевле тѣхъ цѣнъ, которыя существовали въ Сигнахѣ. Мало того, генераль Ра-

евскій, зимовавшій съ Нижегородскимъ полкомъ, послѣ турецкой кампаніи 1828 года, въ Царскихъ-Колодцахъ, самъ ѣздилъ къ джарцамъ съ небольшимъ конвоемъ и заставилъ ихъ удовлетворить всѣ претензіи, которыя годами накопились на нихъ у грузинъ. Даже небольшое Бѣлоканское общество, имѣвшее у себя едва только 600 дворовъ, уплатило тогда до 20 т. рублей. Девять извѣстныхъ разбойниковъ выданы были головою, а ихъ дома и сады сожжены самими жителями. Увлеченіе джарцевъ было такъ велико, что они, какъ милости, просили позволенія отправить свою милицію въ составъ нашихъ мусульманскихъ полковъ, сражавшихся въ Турціи. Базалось, что лучшихъ отношеній существовать не можетъ,—какъ вдругъ одно обстоятельство разомъ, точно мановеніемъ волшебнаго жезла, измѣнило все настроеніе нашихъ сосѣдей. Это была роковая вѣсть объ истребленіи русскаго посольства въ Тегеранѣ. Джарцы заволновались. Въ нихъ появилась увѣренность, что мы не выдержимъ войны противъ двухъ противниковъ, и они поспѣшили воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы сбросить съ себя самую тѣнь зависимости. Началось съ того, что джарцы отказались выставить милицію, а затѣмъ начался съ ихъ стороны безконечный рядъ грабежей и разбоевъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда горы еще были завалены снѣгомъ и, слѣдовательно, нельзя было сослаться на дагестанцевъ, какая то партія захватила на Алазани четырехъ драгунъ, ловившихъ рыбу. Команда, посланная въ погоню, захватила въ свою очередь 11 встрѣчныхъ лезгинъ, и Раевскій объявилъ, что они останутся заложниками до тѣхъ поръ, пока джарцы не возвратятъ плѣнныхъ солдатъ и не заплатятъ 500 рублей штрафа. Старая вражда вспыхнула съ новою силою.

Турки, съ своей стороны, вели усиленную пропаганду среди дагестанскихъ лезгинъ, приглашая ихъ вторгнуться въ Грузію. Джары назначались сборнымъ пунктомъ, и партіи, спускавшіяся съ горъ, дѣйствительно наводнили собою

скія селенія. Въ это-то самое время Равскій съ Нижегородскимъ полкомъ выступилъ въ дѣйствующій корпусъ, и Кахетія осталась опять съ тѣми же двумя баталіонами, которые охраняли ее и въ прошломъ году. Но на этотъ разъ положеніе дѣлъ было настолько опасно, что званіе командующаго войсками въ Кахетіи Паскевичъ возложилъ на генераль-маіора князя Чавчавадзе, ознаменовавшаго себя блистательными дѣйствіями въ турецкую войну 28-го года.

Кахетія переживала тяжелыя минуты сомнѣнія и колебанія. Одни извѣстія слѣдовали за другими, тревоги смѣнялись тревогами,—ездѣ требовались войска, а войскъ не было. Князь Чавчавадзе напрасно просилъ о присылкѣ къ нему хотя одного баталіона. Изъ Тифлиса могли удѣлить ему только часть карталинской милиціи, тоторую онъ и растянулъ кордономъ по всей Алазани. Пѣхота заняла старыя крѣпости въ Шильдахъ, въ Сабуи, въ Квареляхъ и Чеканахъ. Въ такомъ расположеніи русскіе войска ожидали непріятели, который и не замедлил перейти въ наступленіе. 18 Іюня конная партія лезгинъ, человекъ въ 400, атаковала постъ, стоявшій у переправы Урдо, а затѣмъ уже тысячныя партіи ихъ, подъ начальствомъ Алдаша и Бегая, двинулись въ Тушетію. По счастью, походъ этотъ былъ неудаченъ. Тушины наголову разбили лезгинъ и заставили ихъ вернуться обратно. Тогда князь Чавчавадзе самъ предпринялъ рекогносцировку къ сторонѣ Бѣлоканъ, чтобы выяснитъ по крайней мѣрѣ настроеніе тамошнихъ жителей. Селеніе оказалось занятымъ трехъ-тысячною партіею, и русскій отрядъ, состоявшій всего изъ пятисотъ конныхъ грузинъ, вынужденъ былъ отступить къ Сакобскимъ хуторамъ. Лезгины по его слѣдамъ атаковали Урдоскій постъ и захватили на немъ въ плѣнъ 22 человекъ.

Теперь въ измѣнѣ джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ сомнѣваться было нельзя. Оказалось, что нѣкто Хаджи-Сулейманъ, странствовавшій до сихъ поръ съ турецкими прокламаціями въ горахъ Дагестана, поселился въ Катехахъ и своей пропо-

гандой волновать умы джарскаго общества. Князь Чавчавадзе потребовалъ его выдачи. Въ отвѣтъ на это явились старшины съ просьбой оставить хаджи въ покоѣ, какъ челоуѣка святого, занимавшагося только духовными дѣлами. Чавчавадзе арестовалъ старшинъ и объявилъ, что будетъ держать ихъ на гаубтвахтѣ, пока не пришлютъ Сулсймана. Джарцы вынуждены были уступить. Хаджи былъ арестованъ, но съ дороги бѣжалъ, и депутація, явившаяся изъ Джаръ, просила Чавчавадзе освободить старшинъ, ссылаясь на то, что ихъ отсутствіе и было будто бы главною причиною оплошности конвоя. Чавчавадзе исполнилъ это желаніе: онъ отпустилъ старшинъ, но зато арестовалъ самихъ депутатовъ и рассадилъ ихъ по тюрьмамъ. Джарцы продолжали волноваться; на помощь къ нимъ явились двѣ тысячи горцевъ, которые, въ видѣ резерва, заняли Анцухъ и Капучи; а за ними, въ Джармутѣ, формировалось еще пяти-тысячное скопище, подъ предводительствомъ такихъ отважныхъ людей, какъ Гамзатъ-Бекъ, Шавдухъ-Али и другіе. По счастью для насъ, горцы потеряли слишкомъ много время на сборы, а тутъ наступила ненастная осень, и скопища, сколачиваемыя наскоро, безъ теплой одежды, безъ обуви и продовольствія, стали расходиться по домамъ.

Послѣднимъ эпизодомъ, заключившимъ событія 29 года, было нападеніе Алдаша и Бегай на Кварельскую крѣпость. Но обстоятельства и здѣсь неблагопріятствовали лезгинамъ. Малочисленный кварельскій гарнизонъ оборонялся съ такимъ упорствомъ, что далъ возможность собрать на тревогу близкашія войска—и горцы отступили. Бегай попробовалъ было вторично напасть на Тушетію; но глубокіе снѣга, завалившіе горныя проходы, заставили его вернуться обратно. Ранняя и снѣжная зима окончательно освободила Кахетію отъ угрожающей опасности. На плоскости осталось однакоже нѣсколько партій, которыя, пріютившись въ джарскихъ селеніяхъ, продолжали набѣги,—и войска стояли на кордонахъ цѣлую зиму.

Нужно было наконецъ выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія. Чавчавадзе просилъ позволенія занять джарскую землю; но Паскевичъ отложилъ всё предпріятія до начала будущаго 1830 года.—Съ джарцевъ должно было начаться покореніе кавказскихъ народовъ.

ПОКОРЕНІЕ ДЖАРЦЕВЪ.

Стоялъ февраль мѣсяць 1830 года. Войска, только что вернувшіяся изъ Турціи, съ разныхъ сторонъ шли на Алазань, и на берегу ея, у монастыря святаго Стефана (Степанъ-цминде), становились бивуаками. Погода была теплая; дороги просохли, но лѣса еще не одѣлись листвою, и горы были завалены большими снѣгами, не допускавшими значительной помощи со стороны Дагестана. Паскевичъ торопился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы произвести экспедицію въ Джары прежде, чѣмъ снѣга позволятъ лезгинамъ спуститься съ горъ, а зелень и чаща лѣсовъ доставятъ имъ средства къ отчаянной оборонѣ. Покончить съ джарцами, какъ можно скорѣе, было необходимо для насъ еще и потому, чтобы лишить ихъ возможности, при дальнѣйшихъ нашихъ операціяхъ въ горахъ, помогать Дагестану и развлекать наше вниманіе и силы тревогами въ Кахетіи. Наученный опытомъ, Паскевичъ уже не хотѣлъ полагаться на одни, болѣе нежели сомнительныя обѣщанія старшинъ, тѣмъ болѣе что и 1830 годъ, подобно своимъ предшественникамъ, начался въ Джарскомъ обществѣ обычными прогнествіями. Армянинъ изъ Сигнаха, Дато Маркаровъ, торговавшій въ Бѣлоканахъ въ товариществѣ съ однимъ лезгиномъ, пріѣхалъ въ это селеніе и остановился у своего кунака; но кунакъ предательски схватилъ его

въ своемъ собственномъ домѣ и продалъ въ горы вмѣстѣ съ товарами. Когда отъ бѣлоканцевъ потребовали выдачи преступника, они дали ему возможность скрыться и затѣмъ отказались отъ уплаты штрафа. Въ другой разъ лезгинны увезли съ урочища Чаухахъ четырехъ грузинскихъ мальчиковъ. Слѣдъ привелъ къ лезгинскимъ стадамъ, пасшимся въ долинахъ, и такъ какъ пастухи отказались указать направленіе, взятое партией, то стада были заарестованы. Чавчавадзе писалъ Паскевичу, что общее настроеніе лезгинъ довольно тревожное. Дѣйствительно, большія приготовленія, дѣлаемые къ экспедиціи, не могли оставаться тайной и раздражали джарцевъ, чувствовавшихъ, что для нихъ наступаетъ послѣдняя роковая борьба. Джаматъ, собранный ими въ Мухинскомъ ущельѣ, послалъ просить помощи у своихъ дагестанскихъ сосѣдей. Но сосѣди въ ней отказали. Одни ссылались на большіе снѣга, которые препятствовали имъ пройти черезъ вершины Кавказа; у другихъ стада были на плоскости, и они боялись ихъ потерять. Такимъ образомъ, джарцамъ оставалось рассчитывать только на собственные средства, которыя въ сущности были довольно значительны: они могли выставить въ поле до 10-ти тысячъ вооруженныхъ людей, но лишь подъ условіемъ единодушной рѣшимости къ защитѣ цѣлаго союза. Въ дни общихъ бѣдствій случалось не разъ, что народы вставали, какъ одинъ человекъ и, подъ давленіемъ великой идеи, жертвовали всею, чтобы спасти свою родину. Духъ единодушія разрастался тогда до колоссальныхъ размѣровъ—и слабые одолевали сильныхъ. Но ничего подобнаго не могли представить собою заазаганскіе лезгинны. Когда послѣдняя надежда, слабо мелькавшая на успѣхъ аварской экспедиціи, затѣянной въ ихъ пользу Кази-муллою, разсѣялась, въ гезахъ обнаружилось колебаніе. Елисуейскій султанъ первый отпалъ отъ союза *); за нимъ послѣдовали Бѣлоканы, потомъ другія селенія—и

*) Сынъ елисуейскаго султана служилъ офицеромъ въ Эриванскомъ полку и былъ убитъ на штурмѣ Ахалциха.

Джары остались одни. Чавчавадзе доносилъ Паскевичу, что по всей вѣроятности и Джары встрѣтятъ русскія войска съ изъявленіемъ покорности, если мы не потребуемъ уступки Закаталъ, составлявшихъ ключъ къ обладанію областью, которая народъ рѣшилъ оборонять до послѣдней крайности.

Собственно Закаталы составляли только часть большого селенія Джаръ, раскинутого въ глубокомъ ущельѣ. Это селеніе тянулось верстъ на восемь и представляло собою цѣлый лабиринтъ извилистыхъ улицъ, гдѣ каменные сакли и густые фруктовые сады, окруженные заборами, образовывали цѣлый рядъ небольшихъ крѣпостей, способныхъ выдержать самый отчаянный приступъ. Чѣмъ больше деревня углублялась въ ущелье, тѣмъ чаще становились заборы, а пролежавшая между ними дорога—тѣснѣе и хуже. Все это заканчивалось наконецъ небольшимъ возвышеніемъ, на которомъ стояла каменная бання, а вокругъ нее, уступами, громоздились сакли, отдѣлявшіяся отъ самыхъ Джаръ высокою и крѣпкою стѣною. Это-то и были Закаталы. Лезгины называли ихъ Зекеръ-Талы (Заднія-Талы), такъ какъ впереди Джаръ, въ трехъ или четырехъ верстахъ, раскидывалось другое селеніе, — тоже Талы, служившее центромъ Тальскаго геза. Вотъ эти-то Зекеръ-Талы, передѣланныя на русскій ладъ въ Закаталы, и считались оплотомъ, не доступнымъ русскимъ войскамъ, которыя три раза занимали нижнюю часть Джаръ и ни разу не могли проникнуть въ Закаталы. Даже безстрашный Гуляковъ, гроза лезгинъ, доселѣ живущій въ преданіяхъ и памяти народа, не имѣлъ успѣха и за попытку заплатилъ своею головою и пораженіемъ отряда.

Но Паскевичъ именно съ Закаталъ-то и намѣревался начать покореніе джарцевъ, желая уничтожить въ понятіи народа самую мысль о неприступности этой твердыни. Съ другой стороны, онъ былъ убѣжденъ, что рѣшительный ударъ, нанесенный джарцамъ въ Закаталахъ, разомъ прекратитъ сопротивленіе остальныхъ обществъ и даже вынудитъ къ покорности ближайшія племена нагорнаго Дагестана.

17-го февраля, у монастыря св. Стефана на Алазани, окончательно сосредоточился весь русскій отрядъ, назначенный къ экспедиціи. Здѣсь, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Эристова, проведшаго большую часть своей боевой службы на границѣ Кахетіи и Лезгистана, собрано было восемь съ половиною баталіоновъ пѣхоты, (*) весь Нижегородскій драгунскій полкъ, пять сотенъ казаковъ и 58 орудій. 20-го числа къ отряду прибылъ фельдмаршалъ, а 24-го войска перешли Алазань у Муганлинской переправы: пѣхота и конница по мосту, а обозы и пушки были переправлены на трехъ огромныхъ поромахъ.

Такого большого отряда еще никогда не видали лезгины. Невозможность сопротивленія была такъ очевидна, что все старшины и представители народа въ тотъ же день явились въ русскій лагерь и были представлены Паскевичу. Они повторили передъ нимъ желаніе удержать за собою Закаталы. Паскевичъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда старшины объявили, что они готовы уступить и самыя Закаталы, если только удостовѣрятся, что сохранять за собою все привилегіи и право на владѣніе ингалойцами. «Единственное мое условіе съ вами—отвѣтилъ главнокомандующій—это прощеніе виновныхъ, если народъ изъявитъ безусловную покорность, и конечное истребленіе тѣхъ, кто осмѣлится сопротивляться.» Опъ тутъ же объявилъ, что джарскія земли отнынѣ всецѣло войдутъ въ общій составъ Русской имперіи и, отпустивъ старшинъ, далъ имъ нѣсколько часовъ на размышленіе.

Лезгины покорились безусловно. Въ тотъ же день старшины ихъ снова явились въ лагерь и остались въ немъ заложниками спокойствія и тишины народа. Но среди прибывшихъ людей не было ни одного представителя джарцевъ. Въ Джарахъ, тѣмъ временемъ, шли еще горячія пренія и шумный джамать продолжался весь день и цѣлую ночь. Бай-

*) Грузинскаго полка 7 ротъ, Эриванскаго полка 6, Ширванскаго 10, 41-го егерскаго 6 и Кавказскаго сапернаго баталіона 4.

гуши, которымъ терять было нечего, и масса людей, не надѣявшихся получить прощенье за прежнія шалости, требовали боя; люди разсудительные стояли за мирное рѣшеніе вопроса, — и дѣло между ними едва не дошло до кинжаловъ. Тогда выступилъ впередъ старый Мамедъ-Вали, одинъ изъ почтенныхъ джарскихъ старшинъ, и сказалъ народу: «Безумные! теперь-ли затѣваете ссору, когда русскіе стоятъ на порогѣ вашего дома? чего вы боитесь? тѣ, которые умѣли щадить жизнь и имущество жителей богатаго Тавриза и Арзерума, не откажутъ и намъ въ великодушіи. Помните, что первая пуля пущенная изъ Джаръ, уничтожитъ насъ поголовно.» Въ длинной рѣчи онъ указалъ народу на ту счастливую будущность, которая, быть можетъ, ожидаетъ джарцевъ подъ управленіемъ Россіи и сумѣлъ примирить обѣ враждующія стороны. 26-го февраля представители народа съ поникшею головою явились къ Паскевичу; они поднесли ему хлѣбъ-соль и повергли къ стопамъ его ружье и шашку. *) Паскевичъ принялъ оружіе, какъ знакъ безусловной покорности, и объявилъ слѣдующія условія:

Весь Джаро-Бѣлоканскій округъ отнынѣ и навсегда присоединяется къ Россіи и входитъ въ общій составъ имперіи. Для разбора гражданскихъ и тяжобныхъ дѣлъ народу предоставляется право руководствоваться своими адатами, но дѣла уголовныя подлежатъ вѣдѣнію общихъ русскихъ законовъ. Мусульманамъ гарантирована неприкосновенность религій и богослуженія, но зато они обязаны были вносить государственную подать, отбывать все земскія повинности, принимать у себя русскіе гарнизоны и давать аманатовъ. Самый щекотливый вопросъ относительно ингелойцевъ рѣшенъ былъ Паскевичемъ слѣдующимъ образомъ: ингелойцы обязаны были платить подати тѣмъ изъ владѣльцевъ, на землѣ которыхъ жили, но размѣръ этой подати опредѣлялся уже

*) Оружіе это было отправлено фельдмаршаломъ императору Николаю Павловичу и нынѣ хранится въ императорскомъ эрмитажѣ.

русскимъ военнымъ начальникомъ, и никто изъ мусульманъ не могъ произвольно увеличить налога. Лично ингелойцы получили свободу; они могли переходить куда пожелаютъ, но дома, сады и земли должны были оставаться въ пользу владѣтеля до тѣхъ поръ, пока ингелосць не заплатитъ ему десятилѣтнюю сложность приносимаго дохода.

Такъ пала самостоятельность джарскаго союза. Онъ былъ присоединенъ къ Россіи подъ именемъ Джаро-Вълоканской области, и военнымъ начальникомъ ея назначенъ былъ генералъ-маіоръ князь Бековичъ-Черкасскій.

На слѣдующій день, 28-го февраля, Ширванскій полкъ, шесть ротъ 41-го егерскаго, двѣ роты кавказскихъ саперъ, три сотни казаковъ и 10 орудій заняли Закаталы. Велѣдъ за ними вѣхалъ фельдмаршалъ и, лично ознакомившись съ мѣстностію, приказалъ поставить въ Джарскомъ ущельѣ крѣпость, которая могла бы держать въ повиновеніи жителей и ограждать наши границы отъ вторженія хищныхъ лезгинъ. Къ постройкѣ ея приступили немедленно; дома и сады джарскихъ жителей, входившіе въ черту крѣпостной эсалапады, были куплены казною за высокую цѣну, и жители не могли надивиться, что русскіе платятъ чистое золото за ключезъ земли и за груды камней, которые и безъ того принадлежали имъ по праву побѣдителей. Окрестные лѣса были также вырублены, и вѣковые громадныя чинары пошли на устройство деревянныхъ оградъ, которыя, на первый разъ, признавались достаточными для защиты русскаго гарнизона. 3-го марта всѣ войска разошлись по своимъ квартирамъ, и въ Джарахъ остался одинъ отрядъ князя Бековича.

Съ образованіемъ Джарской области, явилась наконецъ возможность измѣнить и кордонную линію, крайне тяжелую и неудобную для обороны. До покоренія джарцевъ линія эта начиналась у Гіонетскаго ущелья и шла по ту сторону Алазани до д. Чеканы, откуда круто, почти подъ прямымъ угломъ, уклонялась на югъ къ дер. Велвсидихъ и, обогнувъ джарскія

земли, тянулась далѣе уже по лѣвому берегу рѣки до Мугалинской переправы. Вся эта ломанная линія, имѣвшая протяженіе болѣе чѣмъ триста верстъ, была занята разбросанными постами, и, очевидно, не представляла ни на одномъ пунктѣ достаточной твердости для огражденія Кахетіи отъ набѣговъ. Даже четыре роты, занимавшія Сабун, Шильды, Кварели и Чеканы, по своему положенію могли поддерживать посты только въ верхней Кахетіи, а вся остальная линія, по теченію Алазани, уже выходила изъ круга ихъ дѣйствій. Лезгинны пользовались этимъ и, обходя наши резервы, вторгались въ Кахетію правѣе ихъ, около Сигнаха.

Теперь, когда всё выходило изъ горъ находилось уже въ нашихъ рукахъ и джарцъ, привлеченные къ отбыванію службы, занимали ихъ своими постами,—кордонная линія прошла по прямому направленію отъ Тіонетъ черезъ Боженьяны, Бѣлоганы и Джары къ Мухахамъ. Вся эта линія раздѣлена была на двѣ дистанціи: лезгинская—занимала протяженіе отъ Мухахи до Лагодехъ, а кахетинская—отъ Лагодехъ до Тіонетъ, при чемъ центральными пунктами въ нихъ назначены были Джары и Боженьяны.

Проводя новую линію, Паскевичъ задаясь разумною идеею заселить свободныя за Алазанью земли русскими переселенцами и образовать изъ нихъ новое линейное казачье войско, которое укрѣпило бы за нами наши приобрѣтенія. Нужно сказать, что какъ разъ въ это время былъ въ полномъ ходу вопросъ о переселеніи въ Закавказскій край 80 тысячъ малороссійскихъ казаковъ, которыхъ думали поселить на персидской границѣ. Дѣло остановилось только за недостаткомъ земель, такъ какъ подъ казачьи станицы требовалось около двухъ милліоновъ десятинъ, а такого громаднаго количества тамъ отыскать было невозможно. Между тѣмъ, съ покореніемъ джарцевъ открылась свободная полоса земли, лежащая между Алазанью и юго-восточнымъ хребтомъ Кавказа. Полоса эта, заключающая въ себѣ до 70 тысячъ деся-

тинъ, оставалась до тѣхъ поръ въ совершенномъ запустѣніи, а между тѣмъ превосходный климатъ ея, плодородіе почвы и изобиліе лѣса представляли особыя удобства для образованія здѣсь осѣдлаго населенія. Паскевичъ и хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы поселить здѣсь до шести тысячъ казаковъ, которые, съ одной стороны, совершенно прикрыли бы Грузію отъ непокорныхъ лезгинъ, а съ другой,—поселенные между Кахетіей и джарскими владѣніями, служили-бы наилучшимъ средствомъ къ скорѣйшему сближенію русскихъ съ коренными обитателями края. Все это казалось тѣмъ болѣе удобнымъ, что споровъ на эти мѣста никто предъявить не могъ, такъ какъ въ теченіи полутора ста лѣтъ никто ими не пользовался, вслѣдствіе близкаго сосѣдства непокорныхъ горцевъ. И кто знаетъ—можетъ быть и возникло-бы тогда въ этой части Кавказа новое казачье войско, а съ нимъ вмѣстѣ наступило бы и скорѣйшее умиротвореніе края,—но этому помѣшали крупныя событія, заключившія собою всѣ нарождавшіеся вопросы и надолго измѣнившіе наши планы и предположенія. То былъ мюридизмъ, озарившій своимъ кровавымъ ореоломъ весь Дагестанъ на многіе годы.

Первую вѣсть о вооруженномъ движеніи мюридовъ Паскевичъ получилъ на Алазани; но это извѣстіе не отклонило удара, направленнаго на Джаро-Бѣлоканы. Личность Казимуллы, туманная и загадочная, еще не сложились тогда въ тѣ опредѣленныя формы, которыя могли бы встревожить полководца, только что побѣдоносно окончившаго дѣль войны съ сильными магометанскими государствами,—и Паскевичъ, оставая въ сторонѣ дагестанскія событія, рѣшилъ неуклонно и твердо идти къ достиженію разъ намѣченной цѣли.

Джары были покорены—теперь очередь стояла за Осетіей.

VII.

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА.

Покореніе Осетин, стоявшее на очереди послѣ присоединенія къ Россіи джаро-бѣюканскихъ лезгинъ, тѣсно связывалось съ вопросомъ о безопасности Военно-Грузинской дороги, служившей единственнымъ путемъ, соединявшимъ Россію и Грузію. Боковыхъ сообщеній черезъ Баку или Потіи тогда не существовало, и потому охрана этого пути, какъ единственной коммуникаціонной линіи, по которой двигались войска и ходили транспорты, составляла всегда предметъ живѣйшей заботливости русскихъ главнокомандующихъ.

До Ермолова дорога, начинавшаяся въ Екатериноградѣ тотчасъ по переѣздѣ черезъ Малку, шла черезъ Моздокъ, по правому берегу Терека, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ безпкойныхъ чеченцевъ. Ермоловъ перенесъ ее на лѣвую сторону и направилъ на Татартубъ и Ардонъ. Разстояніе выходило короче, но относительно безопасности дорога выиграла не много. Военные посты, разставленные по ея протяженію, были не въ состояніи вполне оградить ее отъ набѣговъ, и чеченцы изъ-за Терека, а осетины изъ горныхъ ущелій перѣдко проградивались небольшими партіями и нападали на проѣзжающихъ.

Почтового тракта по этому пути не было—онъ прекращался у Екатеринограда, откуда до самаго Владикавказа

проѣзжавшіе нанимали лошадей и отправлялись одинъ или два раза въ недѣлю съ конвоемъ, носившимъ названіе «оказіи». Теперь подобныя путешествія отошли уже въ область преданій; но вотъ какъ рассказываетъ о нихъ Пушкинъ, посетившій Кавказъ именно въ описываемую нами эпоху.

«Въ Екатериноградѣ—говоритъ онъ:—на сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ 500 человекъ или болѣе. Пробили въ барабанъ: мы тронулись. Впереди поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжавшихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода, (въ первый день мы прошли только 15 верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные почлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ ногайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разбѣгаютъ, какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На этотъ разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почетномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся все выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнуть бы не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.....

За Владикавказомъ нельзя было достать уже и этого. Въ горахъ не было ни постоянныхъ дворовъ, ни маркитантовъ,

и путешественникамъ приходилось запасаться провизіею почти до самаго Тифлиса. Самый Владикавказъ, имѣвшій важное стратегическое значеніе для края, былъ бѣденъ промышленностію, хотя и представлялъ собою небольшой городокъ съ правильно разбитыми улицами и съ четырехъ-тысячнымъ смѣшаннымъ населеніемъ русскихъ и горцевъ.

Отъ Владикавказа начинался уже переѣздъ черезъ горы. Дорога вереть пять шла по равнинѣ, но потомъ исчезала совершенно въ горныхъ тѣснинахъ. Громады, которыя, казалось, загораливали путь, съ приближеніемъ къ нимъ точно раздвигались, и Кавказъ— по выраженію Пушкина, — принималъ путешественника въ свое святилище.

Говорятъ, что тотъ, кто видѣлъ Кавказъ, можетъ умереть, не завидуя Швейцаріи; но кто видѣлъ только Швейцарію, тотъ не имѣетъ еще понятія о грозномъ величій Кавказа. Здѣсь нѣтъ очаровательныхъ, ласкающихъ видовъ, нѣтъ голубыхъ и зеленыхъ озеръ, окаймленныхъ вдали сѣловыми вершинами. Въ горахъ Кавказа все поразительно, величаво и по большей части угрюмо. Въ Швейцаріи первенство принадлежитъ ландшафту. На Кавказѣ впечатлѣнія, производимыя красивыми пейзажами, меркнутъ передъ образомъ, возникающей тутъ-же, грозной горной картины. Самый Монбланъ уступаетъ даже второстепеннымъ кавказскимъ горамъ, не говоря о Казбекѣ и Эльборусѣ, которые превышаютъ его почти на цѣлую версту. Шумъ горной швейцарской Рейсы далеко не можетъ сравниться со львинымъ ревомъ Терека, и никакая Симплонская дорога не можетъ стать въ параллель съ русскимъ путемъ, проложеннымъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ.

До Балты, гдѣ теперь почтовая станція, а во времена Паскевича стоялъ казачій постъ, природа сохраняетъ еще живописный и мягкій характеръ; множество звонкихъ ручьевъ, съ холодною кристальною водою, сбѣгаютъ съ горъ на дорогу, самый Терекъ, разбѣгаясь въ кустахъ, какъ бы причесая

въ зелени рустыхъ, тѣнистыхъ садовъ, и вся картина обрамляется великолѣпной рамой, составленной изъ перспективъ горъ зеленыхъ, лѣсистыхъ, блестящихъ подъ лучами солнца то бѣлыми извѣстковыми, то порфировыми, то черными ипферными скалами.

Но съ каждымъ шагомъ за Балту, ущелье становится, уже, природа—угрюмѣе и диче. Горы достигаютъ уже такой высоты что огромныя сосны, растущія на ихъ вершинахъ, кажутся мелкимъ кустарникомъ. Стѣненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны черезъ утесы, преграждающіе ему путь. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. «Я шелъ—разсказываетъ Пушкинъ—пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ.... Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между которыми хлещетъ Терекъ съ яростью неизъяснимою. Вдругъ бѣжить ко мнѣ солдаты, крича издали: «не останавливайтесь, в. б., убьютъ!» Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасныя въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы.»

Ларсъ—это собственно замокъ съ сторожевою башней, стоящей одиноко на выдавшемся голомъ уступѣ. Кругомъ его лѣнятся бѣдныя осетинскія сакли, едва примѣтныя глазу. Въ старыя годы, по всей вѣроятности, здѣсь было жилище какого нибудь феодала, наводившаго страхъ на цѣлую окрестность. Отсюда онъ владѣлъ ущельемъ и собиралъ дань съ проѣзжающихъ, если лѣнился ихъ грабить. Но съ тѣхъ поръ, какъ громъ русскихъ пушекъ раздался въ кавказскихъ ущельяхъ, пали всѣ неприступныя замки, истребились всѣ гнѣздилища разбойниковъ, и въ ларской башнѣ мирно обитало семейство

Дударовыхъ, принадлежавшее къ лучшимъ фамиліямъ Осетіи. Внизу, подъ самую скалою, стоялъ военный постъ и въ немъ размѣщались казаки, да одна или двѣ роты пѣхоты.

Теперь отъ фамильнаго замка Дударовыхъ остались одни развалины, а на мѣстѣ военного поста раскинулся поселокъ, гдѣ русскія избы мѣшаются съ цѣлымъ рядомъ туземныхъ духановъ. Самая станція перенесена отсюда на нѣсколько верстъ дальше, туда, гдѣ на берегу Терека лежитъ громадный камень, вѣсомъ въ нѣсколько тысячъ пудовъ, упавшій съ окрестныхъ горъ во время Ермолова. Камень такъ и называется «ермоловскимъ»; но на немъ нѣтъ ни надписи, ни знака, которые могли бы удовлетворить любопытство путешественника.

Уже подъѣзжая къ новому Ларсу, вы попадаете, какъ говоритъ Владыкинъ въ своемъ путеводителѣ:—точно въ глухой переулкѣ, изъ котораго пѣтъ другого пути, кромѣ обратнаго—такъ тѣсно сдвинулись скалы, разсѣченныя на двое, словно мечомъ, прядающимъ Терекомъ. Глазъ поражается причудливымъ очертаніемъ этихъ голыхъ, лишенныхъ растительности, скалъ, и тѣмъ не менѣе вся прелесть, весь ужасъ горной природы—еще впереди: вы только у входа въ Дарьяльское ущелье, которое, какъ узкая щель, чернѣетъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ крыльца почтовой станціи.

Дарьяль, или правильнѣе Даръ-іоль, по-персидски значитъ тѣсная, узкая дорога, и это названіе вполне характеризуетъ путь, проложенный между двумя отвѣсными стѣнами утесовъ. Здѣсь такъ узко—пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но кажется даже чувствуешь тѣсноту. Ключекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашею головою. Здѣсь волны Терека едва находятъ себѣ мѣсто, и на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, кромѣ дороги, высѣченной въ скалѣ, пѣтъ ни пяди земли, гдѣ бы могла ступить нога человека. Но и эта неровная каменная дорога была проделана только во время Ермолова. До него здѣсь не было ни-

какого сообщенія, и проѣзжающимъ приходилось лѣзть по тропѣ, подходившей почти подъ самые льды Казбека. Слѣды этой тропы видны доселѣ, какъ видна и скала, прорванная въ одномъ мѣстѣ порохомъ, въ видѣ крытыхъ воротъ или арки, но до того низкой, что путешественники должны были снимать кузовы каретъ или колясокъ и на рукахъ перетаскивать ихъ нѣсколько сажень. Сколько терялось при этомъ времени на перетяжку рессорныхъ ремней, па отвинчиваніе и привинчиваніе гаекъ; а случалось и такъ, что разобранный экипажъ не умѣли собрать снова и бросали его, совершая дальнѣйшій путь на дрогахъ, или на грузинской арбѣ.

Мрачную обстановку Дарьяльскаго ущелья усиливаетъ Терекъ. Какъ пойманный звѣрь, съ яростью бьется и мечется онъ изъ края въ край въ этой гранитной клѣтѣ и, прыдая съ утеса на утесъ, увлекаетъ за собою громадныя скалы и съ грохотомъ катитъ ихъ по каменному руслу. Шумъ его, повторяемый раскатами горнаго эха, заглушаетъ слова чело-вѣка. «Дико-прекрасенъ гремячій Терекъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ!» восклицаетъ Марлинскій. И еще диче, еще грандиознѣе, при неумолкаемомъ рокотѣ волнъ, кажутся, стояція кругомъ его, гранитныя стѣны, мѣстами обугленныя, точно обожженныя огнемъ, закопченныя дымомъ. Это дѣйствіе весеннихъ водопадовъ. Они низвергаются внизъ съ такою стремительностію, что увлекаютъ за собою тяжелыя обломки гранита, который, падая, выбиваетъ искры, оставляющія на каменныхъ глыбахъ слѣды огня и дыма. Ничего нельзя себѣ представить болѣе дикаго, мрачнаго и грознаго, нежели природа Дарьяла. Солнце заглядываетъ сюда лишь на нѣсколько часовъ; сильный вѣтеръ дуетъ постоянно, то со снѣжныхъ вершинъ, то изъ узкихъ горныхъ проходо-въ; горизонтъ замыкается утесами печальнаго сѣраго цвѣта; по нимъ бродятъ облака и, спускаясь внизъ, покрываютъ дорогу туманомъ. Нерѣдко раздражаются грозы, сопровождаемыя страшными раскатами грома, вызывающаго паденіе каменныхъ обваловъ, срываемыхъ сотрясеніемъ воздуха. И

покатости горъ, и дно ущелья, и ложе Терека—все завалено обломками порфировыхъ и гранитныхъ скалъ.

И дикъ и чуденъ былъ вокругъ

Весь Божій міръ.....

Только въ одномъ мѣстѣ громада утесовъ, какъ бы раздвигаясь, оставляетъ небольшую прогалину, на которой стоитъ небольшая крѣпосца, выстроенная изъ чернаго и розоваго гранита. Это крѣпосца—новая. А рядомъ съ ней, на выдавшемся голомъ уступѣ скалы, виднѣются развалины неизмѣримо болѣе древняго замка, сѣдого и мшистаго, одѣтаго, какъ ризой, плющемъ и повеликою. Это знаменитый замокъ Тамары. Онъ проросъ столѣтними деревьями и зеленѣетъ въ цвѣтахъ дикихъ розъ и тамариндовъ.

Теперь образованный сѣверъ шлетъ одряхлѣвшему и усипленному Востоку дары своего просвѣщенія, плоды своей цивилизаціи и братскую любовь, а было время, когда образованный Востокъ древняго міра ограждалъ себя стѣнами и башнями по ущельямъ и высямъ горъ отъ нашествія сѣверныхъ варваровъ. И этотъ старій замокъ нѣкогда также сторожилъ грузинскіе предѣлы отъ вторженія славяновъ. Если судить по развалинамъ еще уцѣлѣвшихъ башенъ и стѣнъ, по водопроводамъ, проложеннымъ подъ закрытыми сводами,—то надо сознаться, что лучшаго мѣста для обороны найти было трудно. Въ этомъ тѣсномъ ущельѣ нѣсколько сотенъ солдатъ могли остановить цѣлую армію, съ какой бы стороны она не подходила. Самое ущелье запиралось деревянными, окованными желѣзомъ воротами, которыя поставлены были здѣсь царемъ Мирманомъ за полтора ста лѣтъ до Рождества Христова. Впослѣдствіи, и ворота и замокъ разрушились; они еще разъ возникли въ XII вѣкѣ при царѣ Давидѣ Возобновителѣ,—но затѣмъ уже навсегда отошли въ область воспоминаній. Это фактъ историческій. Но народная легенда не можетъ довольствоваться лѣтописью великаго царя, ей нужны мнѣя,—и она видитъ въ замкѣ Давида волшебный дворецъ какой-то

баснословной царицы Дарьи, передавшей свое, незнакомое исторіи, имя и самому ущелью. Народу нѣтъ дѣла до того, что по-персидски дарія значитъ ворота. Онъ уловилъ знакомый ему звукъ, воплотилъ его въ образъ волшебной царицы и связалъ ее имя съ мрачными развалинами, полными таинственности и суевѣрнаго ужаса. Позднѣе Дарья преобразилась въ Тамару, какъ въ имя болѣе знакомое и близкое народу. Но это не та великая, историческая Тамара, которою полны грузинскія лѣтописи: та—идеалъ величія и силы; эта—представляетъ собою мнѣ, такой же таинственный и страшный, какъ и сама природа Дарьяла. Кому неизвѣстна поэтическая легенда, рассказанная Лермонтовымъ:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ....

Отъ этого замка начиналась Грузія и путь становился безопаснѣе, потому что по дорогѣ лежали уже грузинскія селенія, бѣдные и малолюдныя, но предпочитавшія упорный трудъ легкой наживѣ рыцарей большой дороги. Бѣдность и нищета являлась здѣсь поразительная. Земля не производила ни фруктовъ ни винограда, и единственнымъ источникомъ пропитанія жителей служили небольшіе посѣвы ячменя и пшеницы; но эти посѣвы были такъ малы, что напр., въ деревнѣ Гвилеты, стоявшей у подножія Казбека, на 20 дворовъ приходилось всего полъ-десятины пахатной земли, безъ постбищъ и сѣнокосовъ. И на этихъ то скудныхъ поляхъ хлѣбъ нерѣдко пропадалъ на корню, потому что всѣ мужчины и весь скотъ въ самую страдную пору обыкновенно отбывали казенную работу. Натуральная повинности жителей были тяжелы и распределялись несоразмѣрно съ населеніемъ. Жители бесплатно снабжали всѣ посты по Военно-Грузинской дорогѣ дровами, лѣсомъ для построекъ, ячменемъ и сѣномъ, выставляли быковъ для частныхъ проѣзжающихъ при перевалѣ ихъ

черезъ горы, переносили на рукахъ почту во время снѣжныхъ заваловъ или разливѣ Терека, исправляли дорогу, и перевозили казенные транспорты отъ Ларса до Тифлиса, за что платили имъ 1 р. 34¹/₂ коп. мѣдью—и это почти за 200 верстѣ разстоянія! Нужно сказать, что большая часть этихъ повинностей была унаслѣдована нами отъ грузинскихъ царей. Почему грузинскіе цари издревле обложили здѣшній народъ податью гораздо большею, нежели какая была установлена въ другихъ частяхъ Грузіи, гдѣ и земли несравненно обширнѣе, и способы сбыта произведеній легче—объяснить трудно. Можно предположить только, что цари, устанавливая подать, принимали въ расчетъ не количество и плодородіе земли, а спокойствіе и безопасность жителей. Грузія ежегодно разорялась лезгинами, турками и персіянами, а жители здѣшнихъ горныхъ тѣсницъ были недоступны непріятелю.

За Дарьяльскою тѣсною тотчасъ начинается Хевское ущелье; оно гораздо шире Дарьяла, и въ немъ болѣе свѣта и воздуха. Изъ-за горъ уже начинаютъ показываться бѣлая шапка Казбека. Здѣсь переправа черезъ Бѣшеную балку, самое имя, которое достаточно характеризуетъ этотъ потокъ, мгновенно превращающійся послѣ дождя и во время таянія горныхъ снѣговъ въ рѣку, превосходящую своимъ бѣшенствомъ Терекъ. За Бѣшеною балкой снова долина,—и по ней разбѣгается Терекъ. Громады горъ обступаютъ его со всѣхъ сторонъ.—

И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоить всѣхъ выше головой,
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой...

Дорога идетъ у самой подошвы этой горы, мимо грузинской деревни съ готическою церковью и княжескимъ домомъ, выстроеннымъ со всѣми затѣями восточной архитектуры. Эта деревня имѣетъ историческое значеніе, такъ какъ въ старыя годы служила передовымъ форпостомъ, заслонявшимъ выходъ

изъ Дарьяльской тѣспины. Она была пожалована грузинскими царями князьямъ Казы-Бекамъ, выходцамъ Большой Кабарды, обязавшимся защищать дорогу отъ горскихъ набѣговъ. Отъ имени князей, поселившихся у подножія исполинской горы, русскіе стали называть и самую гору Казбекомъ. Такъ, по крайнѣй мѣрѣ, объясняютъ происхожденіе этого названія, вовсе неизвѣстнаго сосѣднимъ народамъ. Мѣстные жители называютъ гору Бенсламъ-Кортъ, грузины—Мхинвари, а осетины Чершети-Чубъ, т. е.: пикъ Христа.

Волшебный и полный поэзиі міръ окружаетъ эту гигантскую гору, поднимающую свое чело въ заоблачныя пространства болѣе чѣмъ на 16 тысячъ футъ. Вѣковѣчные снѣга ея даютъ начало бурному Тереку, и въ солнечные дни горятъ и сверкаютъ ослѣпительнымъ блескомъ. На одной изъ заоблачныхъ скалъ Казбека, какъ разъ напротивъ военнаго поста, гдѣ теперь почтовая станція,—чернѣетъ старинная церковь или монастырь, называемый и Степанъ-Цминде и Цминде-Самеба. Божественная служба совершается здѣсь ежегодно только три раза, и тогда масса богомольцевъ со всѣхъ сторонъ приходитъ на поклоненіе святынь. Храмъ окружаютъ могильныя плиты, и изъ разсѣвшихся кое гдѣ каменныхъ стѣнъ уже пробивается трава, свидѣтельница многихъ вѣковъ, протекшихъ надъ его крѣпкими сводами. Внутри сохраняются еще нѣкоторыя старинныя украшенія, и, какъ памятники прошлаго величія Грузіи, стоятъ какіе-то старые трофеи,—турецкіе бунчуки, Богъ вѣсть кѣмъ и когда сюда занесенные. Видъ со скалы, съ высоты 7,600 футовъ, на сосѣднія горы и ледники Казбека—очарователенъ. Но еще болѣе очаровательное и чудное зрѣлище представляетъ самъ монастырь, въ часъ ранняго утра, когда бѣлыя, разорванныя тучи протягиваются черезъ вершину горы, и уединенная церковь, озаренная первыми лучами солнца, кажется плаваешь въ воздухѣ, несомая облаками.

Высоко надъ семью горъ,

Казбекъ, твой царственный шатеръ
 Сіяеть вѣчными лучами.
 Твой монастырь за облаками,
 Какъ въ небѣ рѣюцій ковчегъ,
 Паритъ чуть видный надъ горами.
 Далекій возделенный берегъ!
 Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
 Подняться въ вольной вышины!
 Туда бѣ въ заоблачную келью,
 Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Многіе полагаютъ, что съ этимъ монастыремъ связана та чудная легенда, которая рассказана Лермонтовымъ въ его поэмѣ: «Демонъ». Но это едва ли справедливо, потому что есть монастырь еще выше, еще неприступнѣе, на грозныхъ скалахъ, поднимающихся уже на рубежѣ вѣчнаго снѣга.

Тамъ у воротъ его стоятъ
 На стражѣ черные граниты,
 Пластами снѣжными покрыты,
 И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
 Лды вѣковѣчные горять.

Посѣщавшіе этотъ монастырь говорятъ, что онъ несомненно былъ обитаемъ; тамъ есть и кельи, высѣченныя въ скалахъ, и могильныя плиты, на которыхъ грубыя надписи уничтожены временемъ. Но была-ли здѣсь церковь—народъ не помнитъ, и потому приходится вѣрить поэзіи:

Услыша вѣсти въ отдаленьи
 О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
 Съ востока облака однѣ
 Спѣшатъ къ нему на поклоненье...

Самая вершина Казбека, по народному повѣрью, мѣсто святое, до котораго никто не можетъ достигнуть, если не будетъ чистъ такъ же, какъ дѣвственныя снѣга Казбека. Араратъ хранитъ на своей вершинѣ ковчегъ. На темени Казбека—разбитъ шатеръ Авраама, осѣняющій внолемскія

ясли, въ которыхъ покоился божественный Младенецъ. У мѣстныхъ жителей сохранилось преданіе о томъ, какъ при царѣ Иракліи одинъ благочестивый священникъ вызвался войти на вершину и взять съ собою сына. Старикъ погибъ безслѣдно въ ледникахъ Казбека, но юноша вернулся съ кускомъ невѣдомаго дерева, съ лоскутомъ шелковой матеріи и съ золотыми монетами, приставшими къ подошвамъ его бандулей,—это было то самое золото, которое волхвы, сопутствуемые звѣздою, принесли Спасителю въ даръ вмѣстѣ со смурною и ладономъ. Такъ рассказываютъ объ этомъ старые люди. Черезъ сто лѣтъ члены лондонскаго альпійскаго клуба, извѣстные ходоки по горамъ, Фрешвильдъ, Муръ и Теккеръ взялись опровергнуть мнѣніе объ абсолютной недоступности вершины Казбека и поднялись на нее 18-го іюня 1868 года. Сокровищъ тамъ они никакихъ не нашли, а вернувшись съ пустыми руками, не поколебали вѣры туземцевъ въ неприступность Казбека.

Несмотря на святость чтимаго мѣста, народныя легенды населяютъ и Бешламъ-Кортъ горными духами, которые стерегутъ его вершину и иногда показываются тѣмъ, кто охотится за турами.

За Казбекомъ дорога замѣтно начинаетъ подниматься въ гору. Быстро извиваясь, еще съ ревомъ бѣжитъ бурный Терекъ въ каменной рамѣ утесовъ, но берега его уже не такъ угрюмы и дики. Подъѣзжая къ бѣдной осетинской деревнѣ Ачхоты, путникъ поражается шумомъ горнаго потока, мѣшающимся съ ревомъ дикаго Терека. Это вырывается изъ Гудошаурскаго ущелья Черная рѣчка, по временамъ величественная и страшная не менѣе самаго Терека. Въ сороковыхъ годахъ по этому ущелью пробовали проложить почтовую дорогу въ обходъ крестоваго перевала. Дорога черезъ Буслачирь и Гудомакарское ущелье дѣйствительно выводила прямо къ Пассанауру; но снѣжные завалы, еще болѣе страшныя на этомъ пути, чѣмъ на старой дорогѣ, скоро заставили отъ нея отказаться.

Между множествомъ развалинъ церквей и башенъ, мелькающихъ по вершинамъ окрестныхъ скалъ, рѣзко выдѣляются на своихъ утесахъ Сіонъ и Георге-цихе, лежащіе другъ противъ друга. Никакихъ преданій о нихъ не существуетъ. Но здѣсь, какъ и во всей Грузіи, церкви сохранились какъ памятники отъ лучшей эпохи ея, а замки—отъ годовъ кровавыхъ смуть и народныхъ бѣдствій. Бывали тяжелыя времена и для бѣдныхъ обитателей Хевскаго ущелья. Это были дни, когда междоусобная война, разгоравшаяся между эриставами Арагвы и Ксана, заливала кровью и освѣщала огнями пожаровъ весь длинный путь отъ стараго Душета до тѣснинъ Дарьяльскихъ. Надъ хевцами являлись тогда властелины, но не было у нихъ покровителей, и народъ, заключенный въ своихъ безплодныхъ горахъ, лишенный всякой промышленности, угнетенный хищными сосѣдями, вынужденъ бывалъ для воздѣлыванія своихъ каменистыхъ нивъ выходить на работу цѣлыми селами съ оружіемъ въ рукахъ, а на ночь укрываться въ каменныхъ стѣнахъ, въ башняхъ и пещерахъ. Чтобы спасти себѣ жизнь, онъ долженъ былъ ютиться въ орлиныхъ гнѣздахъ, мѣнять цвѣтущія долины на каменные склепы въ области вѣчныхъ тучъ и тумановъ. Напротивъ, Господніе храмы созидались въ счастливѣйшіе дни Грузіи и ставилась такъ высоко только во свидѣтельство сосѣднимъ народамъ торжества христіанской религіи. Всѣ эти храмы, поражающіе величіемъ архитектуры и дошедшія до насъ черезъ цѣлыя тысячелѣтія—памятники или Давида или Тамары. Повсюду ихъ громкія имена, ихъ свѣтлые лики.

Проѣзжая среди этихъ мрачныхъ развалинъ, поражающихъ глазъ все новыми и новыми впечатлѣніями, путникъ достигаетъ до станціи Коби. Здѣсь перекрестокъ трехъ ущелій, которыя, сходясь, образуютъ довольно широкую, красивую долину. Справа, изъ Ноокаузскаго ущелья берпрерывнымъ каскадомъ вырывается Терекъ. Освободившись отъ горныхъ тѣснинъ, плавилье бѣгутъ по долинамъ его быстрыя волны, какъ

бы набирая новыя силы для борьбы съ твердымъ гранитомъ Дарьяла. Слѣва, чериѣтъ ущелье Ухат-дона, откуда несется шумный потокъ и, пересѣкая долину, сливается свои мутныя воды съ Терекомъ.

Окрестности богаты минеральными источниками; нѣкоторые бьютъ фонтанами, и своимъ кисловатымъ вкусомъ, и своими цѣлебными свойствами напоминаютъ Нарзанъ.

Отъ Коби начинается уже переваль черезъ главный Кавказскій хребетъ. Дорога по крутому подъему поднимается прямо на Крестовую гору. На шестой верстѣ, среди пустынной и безжизненной природы, гдѣ зимою царство вѣчныхъ снѣговъ, переѣзжаютъ рѣчку Байдару. Здѣсь, прислонившись къ скалѣ, стояли двѣ небольшія осетинскія сакли и висѣлъ колоколь, въ который звонили во время метели. Далеко разпосился благовѣстъ посреди завыванія бури, и давалъ путнику вѣсть о близкомъ спасеніи въ этой снѣжной заоблачной пустынѣ, готовой засыпать и похоронить его подъ страшными обвалами.

Отъ Байдары подъемъ еще продолжался двѣ, три версты и наконецъ достигалъ вершины горы, гдѣ на высотѣ 7978 футъ чериѣтъ гранитный крестъ,—старый памятникъ, обновленный Ермоловымъ. Говорятъ, что первый крестъ воздвигнуть былъ здѣсь царемъ Возобновителемъ, какъ знаменіе его владычества надъ цѣлымъ Кавказомъ; но преданія относить его ко временамъ еще отдаленнѣйшимъ и утверждаютъ, что здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, Киръ распиналъ непокорныхъ сквоевъ, и самая гора, вслѣдствіе орудія казни, названа Крестовсю. Ермоловъ возобновилъ этотъ крестъ въ память сооруженія Военно-Грузинской дороги. И теперь любопытный путешественникъ прочтетъ на мраморной доскѣ, врѣзанной въ его гранитный пьедесталь, слѣдующую надпись: «Во славу Божию, въ управленіе генералъ отъ инфантеріи Ермолова, поставленъ приставомъ горскихъ народовъ майоромъ Копоновымъ въ 1824 году».

Спускъ съ Крестовой былъ еще труднѣе подъема. Теперь по этимъ дикимъ мѣстамъ проложено прекрасное шоссе; но при Паскевичѣ, да и гораздо позднѣе его, до самаго конца пятидесятихъ годовъ, перевалъ черезъ Крестовую былъ табой, что путешественники обыкновенно выходили изъ экипажа и шли пѣшкомъ. Пушкинъ рассказываетъ, что передъ нимъ проѣхалъ здѣсь какой-то иностранный консулъ: онъ велѣлъ завязать себѣ глаза, и когда его свели подъ руки и сняли повязку, онъ сталъ на колѣна и благодарилъ Бога, что очень изумило его проводниковъ.

Спустившись съ Крестовой, нужно было подниматься опять на Гудъ-гору, составлявшую высшую точку перевала, около 9 т. футъ. Она отдѣлялась отъ Крестовой узкою долиной, известной подъ именемъ Чортовой. «Вотъ романтическое названіе!—восклицаетъ Лермонтовъ:—Вы уже видите гнѣздо злого духа между неприступными утесами—не тутъ-то было! Названіе Чортовой долины происходитъ отъ слова «черта», а не чортъ—ибо здѣсь когда-то была граница Грузинъ». Но Лермонтовъ, однакоже, едва-ли правъ въ своемъ заключеніи. Граница Грузинъ была дальше, тамъ, гдѣ стояли Дарьяльскія ворота, а самое названіе произошло, какъ можно полагать вѣрнѣе, именно отъ мрачныхъ ужасовъ, окружающихъ долину и частыхъ несчастій, случавшихся здѣсь отъ снѣжныхъ обваловъ. Зимой, когда снѣга накапливаются на вершинахъ горъ, и надъ самою дорогой висятъ пласты ихъ въ нѣсколько сажень толщиною, когда въ зловѣщемъ безмолвіи заоблачной пустыни, здѣсь и тамъ грохочутъ срывающіеся завалы, и необъятныя лавины снѣга, перелетая черезъ дорогу, низвергаются въ пропасть, сокрушая все, что встрѣчается имъ на пути,—тогда умолкаютъ въ путникѣ все страсти, все помыслы и чувства, кромѣ благоговѣйнаго страха: здѣсь онъ сознаетъ, въ смиреніи, что близокъ къ смерти, близокъ къ Богу....

Величественная и грозная природа Кавказа, съ ея необъ-

ясными для необразованнаго ума явленіями, сдѣлала горцевъ чрезвычайно суевѣрными. Пылокое воображеніе ихъ населило горы безчисленными таинственными обитателями и создало множество легендъ, изъ которыхъ расскажемъ одну, относящуюся собственно къ Гудъ-горѣ, получившей свое названіе отъ могучаго горнаго духа, обитающаго на ея вершинѣ.

Въ понятіяхъ осетинъ страшный Гудъ представляется въ видѣ одушевленнаго существа со всѣми человѣческими желаніями и страстями, достигающими въ немъ, разумѣется, размѣровъ чудовищныхъ. Человѣку нельзя было безнаказанно увидѣть горнаго великана. Находились смѣльчаки, которые взбирались на самую вершину горы, чтобы посмотрѣть на заколдованное жилище грознаго духа—и могучій Гудъ показывалъ имъ всѣ ужасы своего мрачнаго царства. Но никому изъ этихъ смѣльчаковъ не удавалось возвратиться въ аулъ по добру-по здорову. Всѣ они погибали, и только горные орлы, да самъ старій Гудъ знаютъ—на днѣ какихъ стремнинъ и пропастей бѣлѣютъ ихъ кости.

Въ той самой Чортовой долинѣ, которую переѣзжаютъ, спустившись съ Крестовой, есть и нынѣ аулъ, съ которымъ соединена легенда, характеризующая наклонности горнаго духа. Вотъ что рассказываютъ старыя осетинки.

Въ глубокомъ ущельѣ, на самомъ днѣ его, тамъ, гдѣ Арагва вырывается изъ горной расщелины, стоитъ осетинскій аулъ, называющійся Гудъ. Со всѣхъ сторонъ скрываютъ его громадныя горы, которыя, кажется, вотъ-вотъ раздавятъ бѣдныя сакли. Но проходятъ вѣка,—а горы стоятъ неподвижны; и только въ далекой вышинѣ ихъ слышатся изъ аула глухіе раскаты. То старій Гудъ на своей недостижимой вершинѣ забавляется, сталкивая въ пропасть огромныя снѣговыя глыбы.

Въ этомъ-то аулѣ, въ самой крайней саклѣ, жила бѣдная осетинская семья, которую Господь благословилъ рожденіемъ дочери Нины. Не было ребенка красивѣе Нины въ цѣлой Осетин—и старій Гудъ плѣнился малюткою. Хотѣла-

ли Нина подняться на гору, тропа, ведущая туда, сама собою выравнивалась, а камни и скалы покорно складывались въ удобную и пологую лѣстницу; искала-ли Нина съ своими подругами цвѣтовъ и травъ, Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе изъ нихъ подъ сводами камней, распадавшимися тотчасъ при приближеніи малютки. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ, принадлежавшихъ этой семьѣ, не падалъ въ кручу и не дѣлался добычею дикаго звѣря. И не разъ старый Гудъ, опершись могучими локтями о каменныя громады, долго, не отрываясь, слѣдилъ за своею маленькою Нинюю. Тихія слезы текли тогда по длинной сѣдой бородѣ его и, скатываясь на камни, струились ручьями до самаго подножія горъ.

И говорили люди:

«То жаркіе весенніе лучи солнца растопили ледъ на самой вершинѣ!»

Такъ прошло 15 лѣтъ. Изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась замѣчательною красавицею; но она, какъ и прежде, не замѣчала заботливости стараго Гуда и чаще и чаще заглядывалась на молодого сосѣда, красавца Сосико. Гудъ сталъ ревновать. Онъ заводилъ Сосико въ трупобы, когда тотъ съ винтовкой гонялся за газелью, застилалъ передъ нимъ туманомъ бездонныя пропасти, или засыпалъ его снѣговою метелью. Но Сосико былъ отваженъ и ловокъ. Онъ счастливо избѣгалъ опасности, и ярость стараго Гуда достигала тогда крайнихъ предѣловъ. Въ безсильномъ бѣшенствѣ, какъ шумный ураганъ, мчался онъ по своимъ далекимъ снѣжнымъ предѣламъ и на пути сталкивалъ въ пропасть груды камней, разметывалъ снѣга, поднималъ бурю, собиралъ грозовыя тучи, кидалъ молніи. Гудъ шелъ по горамъ, трепетали внизу люди и снѣжили скорѣе въ сакли.

«Старый Гудъ разыгрался!» говорили они.

А старый Гудъ не терялъ надежды отомстить Сосико и разлучить влюбленныхъ. И вотъ, однажды, когда Сосико и Нина, въ глубокую зиму, случайно остались въ саклѣ одни и

не могли наговориться между собою, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лавину снѣга. Сакля была погребена подъ обваломъ. Въ первую минуту влюбленные даже обрадовались, потому что могли нѣкоторое время оставаться одни; они развели очагъ, и безопасно, усѣвшись передъ огонькомъ, предались радужнымъ мечтамъ и ласкамъ. Но скоро голодъ предъявилъ свои требованія. Отысканныя гдѣ-то въ углу двѣ хлѣбныя лепешки, да небольшой кусокъ сыра утолили его не надолго. Прошелъ еще день—и вмѣсто веселаго говора и звонкаго смѣха въ саклѣ послышался ропотъ отчаянія: узники думали уже не о любви, а о хлѣбѣ. На четвертый день голодная смерть для обоихъ казалась неизбежною. Сосико, въ мучительной тоскѣ метавшійся изъ угла въ уголь, вдругъ, въ порывѣ дикаго изступленія, бросился къ Нинѣ и впился въ ее плечо зубами.... Въ эту минуту послышались людскіе голоса, мелькнулъ свѣтъ и дверь, очищенная отъ снѣга, распахнулась. Нина и Сосико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствомъ отвращенія и ненависти другъ къ другу.

Обрадовался этому старый Гудъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая груда камней посыпалась съ горъ въ Чортову долину. Большое пространство ее и до сихъ поръ еще густо усѣяно осколками гранита.

Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ—прибавляютъ осетины, рассказывая эту легенду.

Взбираясь на Гудъ-гору со стороны Крестовой, на протяженіи какой нибудь четверть версты, вамъ кажется, что вы поднимаетесь на самое небо, потому что, насколько можетъ видѣть глазъ, дорога идетъ все круче, все выше, и пропадаетъ наконецъ въ облакахъ, охватывающихъ на верху туманомъ и сыростью. Гроза разражается здѣсь уже подъ вашими ногами. Здѣсь-то, на вершинѣ Гудъ-горы, Пушкинъ написалъ превосходное стихотвореніе:

Кавказъ подъ мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;

Орель, съ отдаленной поднявшись вершины,
Парить неподвижно со мной наравнѣ...

Въ ясные дни съ вершины Гудь-горы открывается очаровательный видъ на Койшаурскую долину. Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи — очарователенъ. Свѣтлыя равнины, орошаемыя веселою звонкою Арагвою, смѣняются голые утесы, мрачныя ущелья и грозный Терекъ, оставшійся далеко позади, въ Коби. Славное мѣсто эта долина! восклицаетъ Лермонтовъ. Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватая скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя кучами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промоинами; а тамъ высоко, высоко, золотая бахрама снѣговъ; а вблизи Арагва, обнявшись съ другой безымянною рѣкой, шумно вырывающейся изъ чорнаго, полнаго мглою, ущелья, тянется серебрянсю нитю и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею. И все это вамъ кажется отсюда въ уменьшенномъ, игрушечномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по самому краю которой спускается опасная дорога.

Не такъ легко спуститься въ очаровательный край, какъ отрадно обнимать его взоромъ съ заоблачной выси Кавказа. Съ вершины Гудь-горы дорога на протяженіи четырехъ верстъ, вплоть до Койшаурскаго поста, спускалась крутыми зигзагами; она до того узка, что двѣ почтовые телеги едва-едва могли разъѣхаться, а между тѣмъ съ одной стороны высоко поднимались гранитные гиганты, образуя сплошную отвѣсную стѣну, съ другой — дорогу очерчивала пропасть такая, что цѣлыя деревни осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казались гнѣздами ласточекъ. Въ Койшаурѣ былъ постъ и почтовая станція. Отсюда предстоялъ еще одинъ послѣдній спускъ съ Койшаурской горы — и вы уже въ долинѣ Арагвы.

Въ настоящее время и Гудь-гора и Койшаурская станція остаются въ сторонѣ. Съ Крестовой спускаются прямо

въ Квишетскую долину, на станцію Млеты. Млеты лежатъ ниже Крестовой, почти на четыре тысячи футь, а между тѣмъ, по этому единственному въ свѣтъ спуску вы ѣдете все время рысью, даже не тормозя экипажа. Странные рассказы о тѣхъ опасностяхъ, которыя встрѣчались здѣсь въ былое время, теперь кажутся легендами. Но чтобы возстановить въ воображеніи читателя старыя образы, расскажемъ переѣздъ черезъ горы со словъ одного декабриста, барона Розена, проѣзжавшаго здѣсь въ 1838 году.

Въ Коби семейство Розена прибыло утромъ 8 ноября. Военный постъ заключалъ въ себѣ убогую саклю для проѣзжающихъ, бѣдный духантъ, да нѣсколько землянокъ для роты, которыя здѣсь смѣняются по очереди. Услужливый ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Черняевъ—совершенный типъ Лермонтовскаго «Максима Максимовича», принесъ дѣтямъ молока и очень сожалѣлъ, что помѣщеніе для нихъ было холодное и тѣсное. «Впрочемъ—сказалъ онъ:—если не поздно, то засвѣтло успѣемъ переѣхать черезъ горы. Который теперь часъ?»,—Розенъ отвѣчалъ, что въ исходѣ двѣнадцатый. «Такъ собирайтесь скорѣй, сейчасъ запрягутъ лошадей, а я и мои солдаты готовы».

Лошадей запрягли въ пять минутъ; штабсъ-капитанъ сѣлъ на своего коня, за нимъ 36 солдатъ двинулись на крутую Крестовую гору, поддерживая коляску, когда измученныя лошади останавливались. Штабсъ-капитанъ часто подѣзжалъ къ экипажу и, подобно «Максиму Максимовичу», рассказывалъ о старомъ времени, когда служилъ подъ начальствомъ Ермолова. «Теперь еще вижу—говоритъ Розенъ:—его усмѣшку, его кавказскіе замашки, его маленькаго рыжаго коня, который спозойно и смѣло ступалъ по самому краю пропасти. Изъ подъ конскихъ копытъ выбивались камни и падали въ бездну; тогда стукъ и гулъ отъ паденія ихъ раскатывался эхомъ по цѣлой долинѣ, а штабсъ-капитанъ спокойно покуривалъ трубочку; и когда я упранивалъ его не ѣхать по та-

кому опасному мѣсту, онъ улыбаясь отвѣчалъ: «Мы и наши кони привыкли къ такимъ мѣстамъ; случается часто мнѣ одному ѣздить по этой дорогѣ. Кажись, мѣсто просторное, а бестія рывжакъ все тянетъ къ краю, да къ пропасти. И знаете, все какъ-то тутъ ѣхать веселѣе и виднѣе». Переѣхавъ Байдару и миновавъ крестъ, уже засыпанный снѣгомъ, начали спускаться съ Крестовой. День былъ неясный, облака плавали внизу по Чертовой долигѣ. Тучи другого яруса собирались вверху надъ головою, и скоро пошелъ пушистый снѣгъ большими хлопьями. Штабсъ-Капитанъ замѣтилъ, что густой снѣгъ, какъ будто убавляетъ свѣту и повторилъ вопросъ, который часъ? Часы показали то же, что въ Коби: въ исходѣ двѣнадцатый. Они остановились. Штабсъ-капитанъ, стянувъ брови, замѣтилъ съ досадою: «часы насъ обманули, но воротиться назадъ будетъ хуже».

Стало смеркаться, когда путешественники приблизились къ перевалу черезъ Гудъ-гору. Дорога пошла внизъ зигзагомъ, подъ прямымъ угломъ, и очень круто. Солдаты веревками и цѣпями, укрѣпленными къ дрогамъ и къ задней оси, придерживали экипажъ, который, сверхъ того, затормозили. «Посмотрите, какъ спускается коляска вашей супруги!» сказалъ Розену штабсъ-капитанъ. Дорога, дѣйствительно, шла почти по отвѣсному склону; съ одной стороны—утесъ, съ другой—на одинъ шагъ отъ колесъ ужасная пропасть, которая поглотила уже много повозокъ и поклажи. Жена Розена держала на рукахъ дочь и потомъ рассказывала, что всѣми силами должна была упираться ногами въ передній ящикъ, чтобы самой не выпасть изъ коляски или не выронить ребенка. Дорога была испорчена отъ дождей и камней. Коляска качалась. Штабсъ-капитанъ грозно окрикнулъ. «Не качай коляски!» Одинъ изъ солдатъ отвѣчалъ: Темно, ваше благородіе!—«А что вамъ свѣчи надо что-ли?» Коляска перестала качаться,—ее спускали почти на рукахъ.

До Койшаура добрались благополучно. Теперь оставалось

спуститься версты три къ Квишету. Штабсъ-капитанъ спросилъ команду: «Не устали ли ребята?» — «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, рады стараться!» Однако съ Койшаурскаго поста взяли еще 12 солдатъ, и уже въ совершенной темнотѣ стали спускаться все въ прямомъ направленіи. Штабсъ-капитанъ безмолвствовалъ; солдаты тихомолкомъ ворчали: «что онъ задумалъ ночью переправлять такіе экипажи, да еще съ маленькими дѣтьми!».... Розенъ объяснилъ солдатамъ, что всѣхъ обманули часы, что нѣтъ еще бѣды никакой и что съ такимъ начальникомъ, да съ такимъ конвоемъ можно безопасно проѣхать по всему аду. Въ это мгновеніе зазвенѣла желѣзная цѣпь подъ коляской. Это что такое? спросилъ нахмурившись штабсъ-капитанъ. «Цѣпь перетерлась пополамъ, ваше благородіе» Тѣмъ лучше—сказалъ штабсъ-капитанъ:—теперь вамъ не на что надѣяться, какъ только на самихъ себя. Солдаты усердно схватились кто за веревку, кто за рессоры, кто за ремни,—и въ десятомъ часу вечера Розенъ уже былъ въ Квишетахъ.

Въ Квишетахъ переѣздъ черезъ горы оканчивался. Здѣсь была уже настоящая Грузія и, какъ волшебный призракъ, манила къ себѣ красками иного неба, очерками иныхъ горъ, мягкіе контуры которыхъ обвивались роскошною зеленью. «Это другая, какая то райская область,—говоритъ А. Муравьевъ: гдѣ звонкій ропотъ серебряной Арагвы смѣняетъ передъ вами тѣ ужасы, которые страшнымъ ревомъ своимъ навѣвалъ дикій Терекъ и голые, вздымавшіеся къ небу утесы». Здѣсь вы видите кругомъ прекрасныя поля, бѣлые домики, сады, орѣховыя деревья; по горамъ красиво раскиданы башни и замки. И между ними—

На склонѣ каменной горы,

Надъ Койшаурскою долиной,—

Стоитъ знаменитый замокъ Гудала, воспѣтый Лермонтовымъ. Отъ замка остались однѣ развалины.

Все тихо. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ

Минувшихъ лѣтъ; рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ смѣтала,
И не напомнить ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его....

Теперь эти замки служатъ лишь украшеніемъ ландшафта; но, присмотрѣвшись внимательно, вы увидите, что они расположены въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что посредствомъ сигнальныхъ огней могли мгновенно извѣщать о нападеніи жителей цѣлой долины.

Въ Квишетахъ жилъ окружной начальникъ; но почтовой станціи не было, и отъ Койшаура ѣхали прямо въ Пассанауръ, небольшое мѣстечко, приотившееся въ горахъ, покрытыхъ богатою растительностію. Слѣдующая за Пассанауромъ станція — Анануръ, памятный въ исторіи горькою участію своихъ эриставовъ. Еще стоитъ на горѣ ихъ опустѣлый, зубчатый замокъ съ двумя церквами, во вкусѣ древняго грузинскаго зодчества. Въ одной-то изъ этихъ церквей, въ дыму и пламени, погибло семейство арагвскаго эристава.

Въ другой церкви еще совершаются богослуженія, но всѣ иконы на стѣнахъ истыканы кинжалами лезгинъ, которые помогли эристамъ кеанскимъ разорить родное гнѣздо ихъ единокровныхъ братьевъ.

Мрачно смотритъ Анануръ своимъ запустѣвшимъ замкомъ, и зрѣлище этихъ развалинъ—этотъ древній храмъ, эти остатки каменныхъ стѣнъ съ зубцами и башнями, руины дворца, и угрюмо стоящія окрестъ горы, поросшія дремучимъ лѣсомъ—все располагаетъ къ глубокой думѣ о старинѣ, когда такъ много было пролито крови. Анануръ, послѣ мцхетскаго собора, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ памятникамъ грузинской древности; и такъ какъ съ его руинами связано воспоминаніе о такомъ кровавомъ событіи, которое было рѣдкостью даже въ тѣ времена полнѣйшаго варварства, то мы расскажемъ то, что сохранилось о немъ въ народныхъ преданіяхъ.

Во времена грузинских царей существовала должность эриставовъ, т. е. правителей, или главы народа. По ущельямъ Арагвы и Терека, начиная отъ воротъ Душета, до Дарьяльскихъ тѣщинъ, находились владѣнія эриставовъ арагвскихъ, имѣвшихъ свою резиденцію въ Апанурѣ. По рѣкѣ же Ксану, который сбѣгаетъ съ горъ Осетіи бурнымъ потокомъ и впадаетъ въ Куру у высокой скалы, гдѣ и теперь виденъ древній замокъ князей Мухранскихъ, лежали владѣнія эристава ксанскаго. Обѣ фамиліи, какъ истые сосѣди, то ссорились, то мирились между собою, но въ общемъ дѣлѣ, касавшемся ихъ родины, стояли крѣпко. Нужно сказать, что въ началѣ прошлаго вѣка, при ослабленіи власти царей и общемъ неуладьи страны, грузинская аристократія была еще настолько сильна своимъ единодушіемъ, что не разъ возбуждала серьезныя опасенія въ шахскомъ намѣстникѣ, сидѣвшимъ въ Гори. И вотъ, чтобы ослабить вліяніе знати, одинъ изъ этихъ намѣстниковъ задумалъ кровавое дѣло. Лучшіе князья, тавады и азнауры Грузіи были приглашены имъ въ Гори. Говорили, что отсюда предполагается большой походъ на Осетію, а въ сущности ихъ ожидали тамъ наемные убійцы, которые въ одну ночь должны были истребить все, что составляло силу и опору Грузинскаго царства. Отъ прозорливости ксанскаго эристава, Шанше, не скрылась вѣроломная затѣя намѣстника. Будучи уже въ Гори, онъ сообщилъ свои опасенія Георгію, эриставу арагвскому, приглашая его бѣжать. Но когда тотъ пренебрегъ совѣтомъ, Шанше бѣжалъ одинъ и поднялъ оружіе въ горахъ родного ущелья. Это событіе, разстроившее планъ намѣстника, спасло князей отъ гибели, но поселило окончательную рознь и вражду между двумя сосѣдями, изъ которыхъ одинъ не поддерживалъ другого.

Случаи взаимныхъ оскорбленій между ними становились все чаще и подогревали вражду, которая искала для себя исхода. Однажды братъ ксанскаго эристава, Юссе, поѣхалъ въ Кахетію съ молодою женою. Путь лежалъ мимо Апанура;

а въ Ананурѣ на бѣду шель пиръ горою, и молодой Борзимъ, сынъ эристава, съ высокой башни замѣтилъ красивую путницу, сопровождаемую лишь небольшою толпою служителей. Огуманенная виномъ, молодежь рѣшила похитить красавицу. Крикнули «лошадей!»—и черезъ нѣсколько минутъ на дорогѣ шла уже кровавая свалка. Ксанцы бѣжали; самъ Юссе, преслѣдуемый нѣсколькими всадниками, едва успѣлъ усекачь, но жена его очутилась въ плѣну и была отвезена въ Анапуръ. Часъ спустя, красныя шаровары, снятыя съ княгини, уже развѣвались надъ угловой башней въ видѣ побѣднаго знамени. Это былъ позоръ, который могъ омыться только потоками крови. Когда, отпущенная наконецъ, княгиня вернулась домой, старый Шанше далъ клятву истребить весь родъ эриставовъ Арагвы. Онъ пригласилъ на помощь къ себѣ лезгинъ и вмѣстѣ съ ними осадилъ Анапуръ. Это было въ 1737 году. Арагвцы, слишкомъ увѣренные въ неприступность эриставскаго замка, встрѣтили враговъ язвительными насмѣшками, и красныя шаровары, какъ символъ позора, опять замѣнили собою башенный флагъ. Шанше молчалъ; но онъ въ глубинѣ души прибавилъ къ первой клятвѣ другую—замѣнить шаровары головою эристава. Осада была продолжительна. Анапурцы двѣ недѣли отбивались стойко и, можетъ быть, отсились бы въ своемъ неприступномъ логовищѣ, еслибы имъ не измѣнила женщина; она указала осаждающимъ мѣсто, гдѣ проведена была вода. Водопроводъ разорили, и гарнизонъ, измученный жаждою, не выдержалъ послѣдняго приступа. Георгій, его жена и дѣти укрывлись въ церкви; но лезгины обложили ее зажженнымъ хворостомъ, и все, что находилось въ храмѣ, задохлось въ дыму и пламени. Только сыну Борзима, Утруту, удалось пробиться въ замокъ Шеуповаль, стоявшій на высокой горѣ, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Анапура. Тамъ его настигли лезгины, и несчастный Утруть былъ сожженъ живымъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Рассказываютъ, что въ послѣднюю роковую минуту, нѣкто-

рия женщины, не выдержавъ ужасныхъ мученій, стали бросаться внизъ съ высокой скалы; однѣ изъ нихъ убивались до смерти; другихъ, которыя еще дышали, дорѣзывали лезгины.

Крѣпость и старая ананурская церковь съ тѣхъ поръ остаются въ развалинахъ. Трупы погибшихъ были погребены въ одномъ общемъ склепѣ, и надъ ихъ могилой понынѣ стоитъ каменный балдахинъ, поддерживаемый четырьмя столбами. Подъ балдахиномъ—плита, покрытая грузинскими надписями. Вахтушъ, описывая Анануръ, говоритъ: «Въ древности была здѣсь церковь малая, но въ 1704 году Георгій эриставъ построилъ на высокой скалѣ церковь большую, съ куполомъ, и окружилъ ее каменною оградю. Онъ думалъ найти въ ней твердыню, не доступную для враговъ, но сдѣлалъ ее на бѣду себѣ мѣстомъ убіенія себя, и дѣтей, и сродниковъ».

За Анануромъ, полнымъ кровавыхъ воспоминаній, слѣдуетъ Душетъ,—крайній предѣлъ бывшихъ владѣній арагвскихъ эриставовъ. Душетъ бѣденъ историческими памятниками, и даже крѣпость его построена не позже половины минувшаго столѣтія, послѣднимъ эриставомъ Джимшеромъ, происходившимъ, какъ говорятъ преданія, изъ рода князей Челокасыхъ. Въ 1750 году Джимшеръ былъ убитъ въ Млстахъ своими собственными людьми,—и съ его смертію самое званіе эриставовъ было упразднено. Округъ обратился въ удѣлы царевичей, а съ утвержденіемъ въ Грузіи русскаго владычества на мѣстѣ его образовалась «дистанція горскихъ народовъ», подчинявшаяся особому приставу.

За Душетомъ—начиналась уже Тифлисская губернія.

VIII.

ОСЕТИЯ И ОСЕТИНЫ.

Отъ верховій Урупа и истоковъ Ріона, вдоль главнаго хребта Кавказскихъ горъ, вплоть до ущелій Арагвы и Терека, по которымъ проходитъ Военно-Грузинская дорога, издревле обитаетъ народъ, извѣстный у насъ подъ именемъ осетиновъ. Занявъ середину хребта, тамъ, гдѣ царственно вышпается снѣговая вершина Казбека, они разсѣлились по ущельямъ рѣкъ и по склонамъ горъ,—на сѣверъ до Кабарды, на югъ до Имеретіи и Карталиніи.

Прежде весь осетинскій народъ занималъ только сѣверную покатость Кавказскаго хребта, изрѣзаннаго множествомъ ущелій. По именамъ этихъ ущелій назывались и самые жители. Отъ этого произошло раздѣленіе осетинъ на нѣсколько обществъ, имѣющихъ одинъ языкъ, по нѣкоторые отгѣнки въ характерѣ и нравахъ. Въ общемъ ихъ можно раздѣлить на четыре группы.

На сѣверѣ, въ суровыхъ верховьяхъ Урупа, въ сосѣдствѣ съ Большою Кабардою, живутъ дигорцы. Южнѣ ихъ, по ущельямъ Ардона, разсѣлились алагирцы; далѣе, на юго-востокъ, по рѣкамъ Сіу и Фіагъ-Дону, идутъ куртатинцы; а еще восточнѣ ихъ—таугарцы, занимающіе горы уже въ окрестностяхъ Ларса. Таугарцы отличаются отъ всѣхъ осетинскихъ племенъ наибольшимъ умственнымъ развитіемъ. Они

считают своимъ родоначальникомъ какого-то послѣдника армянскаго престола, Таугара, бѣжавшаго въ ихъ горы, и потому гордятся своимъ высокимъ происхожденіемъ. Существуетъ даже преданіе, что таугарцы прежде были старшинами въ осетинскихъ аулахъ; а это дало нѣкоторымъ мысль утверждать, что собственно таугарскаго племени нѣтъ, а есть только высшее аристократическое сословіе осетинскаго народа.

Малоземельность была главнѣйшею причиною того, что осетины, съ начала III вѣка, постепенно стали переходить на южный склонъ хребта, гдѣ, размѣстившись по ущельямъ рѣкъ Большой и Малой Лиахвы, Ксана, Паца и ихъ притоковъ, составили, такъ называемое, поселеніе южныхъ осетинъ, и, подобно сѣвернымъ, стали называться по тѣмъ ущельямъ, въ которыхъ обитали.

Природа Осетин угрюма и непривѣтлива. Три четверти года доступъ къ ней или совсѣмъ невозможенъ, или сопряженъ съ большою опасностію. Растительность бѣдна, климатъ суровъ. Тамъ царство зимы. Возшедшее солнце тотчасъ погружается въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильнаго мороза, и метели свирѣпствуютъ въ теченіи почти девяти мѣсяцевъ. Лѣто такъ коротко, что хлѣба никогда не дозрѣваютъ; осень ужасна, и самая весна принимаетъ видъ мрачной осени, потому что, куда не обращается взоръ—вездѣ однѣ льдины, покрывающія вершины скалистыхъ горъ; вездѣ сугробы глубокаго снѣга.

Когда весеннее солнце пригрѣетъ эти снѣга, съ высокихъ горныхъ вершинъ низвергаются грязные, глинистые потоки и въ своемъ стремленіи сносятъ лѣса и срываютъ утесы. У подошвы горъ образуются новыя наносныя горы—вода подмываетъ ихъ, и онѣ съ грохотомъ засыпаютъ долины.

Какъ сурова природа, такъ были суровы и условія жизни осетинскаго народа. Вѣчною опасностію грозили ему и стихіи, среди которыхъ онъ родился, и сосѣди, которые его окружали. Вотъ почему въ страпѣ, гдѣ право сильнаго

имѣло такое широкое примѣненіе, осетинскіе замки и башни, какъ птичьи гнѣзда лѣнятся по вершинамъ скалъ, и издали придаютъ, разбросаннымъ вокругъ нихъ селеніямъ, такой красивый и оригинальный видъ.

Въ домашнемъ быту, за крѣпкими стѣнами своихъ башенъ, осетины жили очень бѣдно. Утесы и горы ихъ родины, неспособныя почти къ земледѣлію, не производятъ ничего, и въ старыя годы нужда достигала такихъ ужасающихъ размѣровъ, что осетины сами убивали дѣтей и немощныхъ старцевъ. Голодъ заставлялъ ихъ спускаться въ долины. Люди зажиточныя еще покупали себѣ хлѣбъ у тѣхъ народовъ, которые жили на плоскости, но бѣдные отнимали его оружіемъ. Отъ этого развилось въ народѣ неудержимое стремленіе къ хищничеству, освященному преданіемъ. Народная пословица говоритъ не даромъ, «что осетинъ найдетъ на большой дорогѣ, то ему послано Богомъ».

Религіозныя вѣрованія осетинъ чрезвычайно шатки. Высшіе классы ихъ исповѣдовали исламъ; но зато все остальное населеніе представляло собою самое грубое смѣшеніе забытой христіанской вѣры и идолопоклонничества. Сидя у очага, съ трубкою въ зубахъ, осетинъ въ безконечно длинныя зимніе вечера любитъ говорить о томъ, какъ жили нѣкогда старыя люди, охотившіеся въ вѣковыхъ лѣсахъ, похищавшіе красавицъ и не боявшіеся колдуновъ. Расскажетъ онъ своимъ дѣтямъ и о Вацилѣ—лѣсномъ божествѣ, и о Пречистой Дѣвѣ, благословляющей супружеское счастье, и о «Черномъ всадникѣ», покровительствующемъ разбоямъ. Научитъ онъ ихъ чтить развалины ветхихъ церквей, какъ памятники, когда-то исповѣдуемаго здѣсь христіанства, но научитъ почитать и святые лѣса, которымъ благоговѣйно поклонялись его предки. Таковъ, напр, небольшой орѣховый лѣсокъ въ Таугарскомъ ущельѣ, выросшій на голой, совершенно безлѣсной мѣстности.

Не очень давно, когда народъ принялъ уже магометан-

ство—говоритъ осетинское преданіе—на мѣстѣ этого лѣса стоялъ богатый и многолюдный аулъ. Но все его богатства были ничто въ сравненіи съ одною его драгоценностію—въ немъ жилъ святой человѣкъ, по имени Хетагъ. Онъ зналъ все, что дѣлается па свѣтѣ, зналъ на землѣ причину и конецъ всѣхъ вещей, понималъ разговоры небесныхъ свѣтилъ, и всю свою жизнь воевалъ съ шайтанами, которые вынуждены были наконецъ бѣжать изъ аула, и только за сто агачей осмѣливались показывать языкъ святому. Подъ эгидою такого мужа аулъ жилъ спокойно и наслаждался довольствомъ и счастьемъ. Но рокъ и судьба ничѣмъ неотвратимы. «Что будетъ, тому быть неперемѣнно», сказалъ пророкъ,—и слова его сбылись надъ ауломъ.

По мѣрѣ того, какъ шли года за годами, слабѣлъ и дряхлѣлъ Хетагъ, лишился онъ зрѣнія и уже не могъ воевать съ шайтанами. Вотъ въ эту-то пору духъ Джебенама и послалъ на аулъ какую-то могучую вражескую силу. Уже только одна гора отдѣляетъ ее отъ аула. Жители, бросая родные очаги, бѣгутъ въ Алагирь; но и въ бѣгствѣ не забываютъ они благочестиваго старца. «Хетагъ!—кричатъ добрые люди:—спѣши за нами въ лѣсъ—иначе ты погибнешь!» Хетагъ вышелъ изъ дома и отвѣчалъ слабымъ голосомъ: «дни моей бодрости уже миновали, силы покинули меня. Хетагъ уже не поспѣетъ въ лѣсъ—то пусть лѣсъ поспѣетъ къ Хетагу!

И вдругъ зашумѣли деревья. Съ далекихъ алагирскихъ высотъ отдѣлилась часть орѣховаго лѣса и съ быстротою облака закрыла собою Хетага. Такъ этотъ лѣсъ стоитъ и понынѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, и люди называютъ его лѣсомъ Хетага.

Христіанскій культъ не исчезнулъ однако совсѣмъ подъ вліяніемъ магометанства, и въ представленіяхъ народа и св. Хетахъ и «Черный всадникъ» перѣдко затемняются свѣтлымъ, могучимъ образомъ Георгія Побѣдоносца, спасающаго путника отъ козней горнаго или лѣснаго духа.

Въ Осетіи, по сѣверному склону Кавказскаго хребта, есть ущелье, замыкающееся высокою снѣговою горою Мна. Дико и угрюмо смотритъ оно своими черными шиферными скалами, и свирѣпая рѣка Мна-Дона несется по дну ея, то роясь подъ снѣжными завалами, то съ оглушающимъ ревомъ пробивая ихъ плотныя, слежавшіяся массы. Горные духи и тѣни погбшихъ людей сторожатъ ущелья отъ любопытнаго глаза—и только смѣлый охотникъ заходитъ сюда, преслѣдуя по вѣчнымъ снѣгамъ легкаго тура.

Причудливы и странны очертанія Мна. Точно громаднѣйшій каменный столбъ вѣнчаетъ ея вершину, а отъ него, по склону снѣжной горы, тянется еще много-много такихъ же столбовъ, представляющихъ издали видъ нагорнаго осетинскаго селенія зимою. Народъ говоритъ, что это и есть селеніе—но только селеніе мертвецовъ, тѣни котырыхъ, витая вокругъ столбовъ, дикимъ воемъ и стономъ наполняютъ окрестность.

Очень давно, когда народъ не забылъ еще вѣры своихъ отцовъ и поклонялся Распятому, въ сосѣднемъ Трусовскомъ ущельѣ жилъ знаменитый разбойникъ Лоло, проклятый Богомъ за убійство двухъ своихъ братьевъ. Однажды Лоло, призвавъ покровительство «Чернаго всадника», съ двумя такими же злодѣями, какъ самъ, спустился къ ледникамъ Мна-Дона, чтобы достать добычу—и добыча предстала передъ нимъ въ образѣ прекрасной осетинской дѣвушки Хоры. Смѣло и безвѣчно пробиралась она по опасной тропѣ къ лѣтнимъ загонамъ, чтобы напоить овецъ, принадлежавшихъ ея отцу. Тихо было въ ущельѣ. Тучи ползли по горамъ, и бѣлое облако клубилось надъ снѣговою вершиною Мна. Лоло тревожно оглядѣлся кругомъ. На черномъ шиферномъ утесѣ, на ворономъ конѣ, въ темномъ одѣяніи, точно окутанный сумракомъ ночи, стоялъ «Черный всадникъ» и распростертою рукою указывалъ путь дерзкому разбойнику. Лоло схватилъ несчастную дѣвушку. Онъ уже спустился съ псою въ глубокую пропасть, уже ступилъ на рыхлыя снѣговыя арки—послѣднее

опасное препятствіе на его пути, какъ вдругъ тучи раздвинулись, бѣлое облако слетѣло съ вершины Мна—и Лоло окаменѣлъ отъ ужаса. На самой вершинѣ горы, среди вѣчнаго снѣга, въ страшномъ величіи, стоялъ неподвижный всадникъ. Лицо его пылало гнѣвомъ. Онъ былъ на бѣломъ конѣ, въ блестящемъ рыцарскомъ уборѣ и держалъ въ рукахъ живого дракона, связаннаго веревками, какъ знакъ побѣды надъ злыми духами.

Отпрянулъ передъ нимъ «Черный всадникъ» и стремглавъ, вмѣстѣ съ конемъ, полетѣлъ въ бездонную пропасть. Страшный гулъ, отъ котораго всколыхнулась земля и ураганомъ взметнулась снѣжная пыль, пошелъ по горамъ—и громадный утесъ рухнулъ на головы разбойниковъ... Тихо опять все стало въ ущельѣ, бѣлая облака попрежнему клубились на вершинѣ Мна, а на снѣжной лавинѣ стояла одна трепещущая Хора...

Съ тѣхъ поръ тѣни погибшихъ злодѣевъ витаютъ на вершинахъ Кавказа, въ области вѣчныхъ льдовъ, и часто, среди завыванія бури, запоздалый охотникъ слышитъ ихъ стоны и жалобы....

Историки относятъ осетинъ къ древнѣйшимъ обитателямъ Кавказа. Мы не будемъ вдаваться въ глубокую старину и разыскивать причины, почему осетины сами себя называютъ пронами, а кавказскіе сосѣди зовутъ ихъ оссами. Эта исторія слишкомъ мало извѣстна, слишкомъ темна, чтобы о ней сложились въ народѣ какіе нибудь опредѣленные образы. Цѣлыя томы исписаны объ осетинахъ, но наука оставляетъ еще широкій просторъ догадкамъ и предположеніямъ. Извѣстно однакоже, что въ ту, закрытую отъ насъ сѣдымъ туманомъ, эпоху, когда Осетія пережила свою блестящую исторію, она имѣла своихъ царей, вела обширный кругъ дипломатическихъ сношеній съ сосѣдними державами; дочери

осетинскихъ царей сидѣли на престолахъ Грузіи, Абхазіи и Византіи; а принцы царственнаго дома занимали видное положеніе при дворахъ тогдашняго цивилизованнаго міра. Осетія имѣла свою многочисленную и, говоря относительно, блестящую столицу, находившуюся, какъ полагаютъ, въ Куртатинскомъ ущельѣ, на рѣкѣ Фіалдонѣ. Потомъ Осетія пережила эпоху феодализма. По всей странѣ, во многочисленныхъ замкахъ, засѣли феодалы, и когда народъ страдалъ подъ игомъ тяжелаго рабства, въ этихъ рыцарскихъ замкахъ дни проходили въ буйномъ веселіи и въ пиришествахъ. Джигитовка замѣнила здѣсь средневѣковые турниры. Осетинъ, какъ всякій горецъ, жилъ полною жизнью только тогда, когда, вложивъ ногу въ стремя и заломивъ ухарски попахъ на затылокъ, взмечетъ пылъ дороги своимъ горячимъ скакуномъ и огласитъ ущелье выстрѣлами потѣхи или разбоя.

Между феодалами шла ожесточенная борьба изъ-за власти, и слабыя фамиліи или исчезали, или подчинялись болѣе сильнымъ. Тогда побѣдители стали величать себя въ южной Осетіи князьями, а въ сѣверной—алдарами. Такія отношенія, составлявшія тяжелыя условія для жизни, подрывали основы патріархальнаго быта и порождали кровомстителей. Обездоленные люди становились абреками, которые ставили цѣлью всей своей жизни только убійства. По временамъ абреки собирались въ шайки, и случалось, что тѣ, во главѣ которыхъ стоялъ предприимчивый и смѣлый вожакъ, завоевывали цѣлыя аулы,—и тогда начальникъ шайки, глава разбойниковъ, самъ становился феодаломъ. Нѣкоторыя фамиліи, преслѣдуемая кровавою местию, цѣлыя годы проводили, замкнувшись въ своихъ башняхъ, не смѣя выйти изъ нихъ ни на шагъ, чтобы подышать воздухомъ. И самыя башни строились примѣнительно къ такому складу и къ такимъ условіямъ жизни. Онѣ обносились высокими стѣнами и строились въ три этажа: внизу помѣщался скотъ, въ срединѣ, куда можно было попасть только по приставной лѣстницѣ,

жили люди; на верху—быль складъ припасовъ; а еще выше, на самой уже вышкѣ, стоялъ часовой, день и ночь зорко всматривавшійся въ даль, закутанную зловѣщимъ туманомъ.

Но проходили вѣка; палъ феодализмъ, исчезло абречество, выродившееся въ простое разбойничество,—и южная Осетія окончательно подчинилась Грузіи. Большая часть ея попала тогда въ крѣпостную зависимость грузинскихъ князей Эристовыхъ и Мочабеловыхъ. И еще тяжелѣе, еще непригляднѣе пошла жизнь осетинскаго народа. Ни одинъ осетинъ не смѣлъ показаться на базарахъ и въ деревняхъ Карталиніи, чтобы не быть ограбленнымъ своимъ собственнымъ помѣщикомъ. Богатые грузины стали строить въ тѣсныхъ ущельяхъ укрѣпленные замки, мимо которыхъ никто не могъ пройти безъ опасенія лишиться жизни или свободы. И эти страшные замки памяты народу доселѣ. Въ сырыхъ и мрачныхъ подземельяхъ ихъ нерѣдко длинныя годы томились несчастныя жертвы помѣщичьяго произвола и въ оковахъ оканчивали свое мучительное существованіе. Одинъ путешественникъ, посѣтившій такую темницу въ Ксанскомъ ущеліи, видѣлъ въ ней заржавленные цѣпи, разбросанныя кости и пожелтѣвшіе черепа, въ которыхъ гнѣздились ядовитыя змѣи. Это былъ ветхій остатокъ странной, но вѣрной картины эриставскаго управленія. Все это подвигало осетинъ на мщеніе и вызывало разбой, въ которыхъ страдательная роль выпадала уже на долю грузинъ.

Вотъ что случилось разъ въ старинныя годы.

Это было въ средней Карталиніи, въ бѣдной деревушкѣ Зволетахъ. Теперь отъ этой деревни осталось только нѣсколько разрушенныхъ саблей, да церковь, съ двумя высокими камнями, воткнутыми въ землю у самыхъ дверей ея. Камни напоминаютъ своимъ очертаніемъ человѣческія фигуры и привлекаютъ къ себѣ толпы богомольцевъ.

Во время оно—говорятъ старыя люди:—въ этихъ Зволетахъ славилось семейство одного зажиточнаго грузина. Его

звали Борзимомъ, а жену его Кекелой. Жили они счастливо— и одно только огорчало ихъ: пошелъ уже пятнадцатый годъ ихъ супружества, а у нихъ не было дѣтей, и некому было передать имъ ни имени своего, ни богатства.

Въ одно прекрасное майское утро, когда Кекела стояла у порога своего дорбаза, любуясь просыпающеюся природой, къ ней подошелъ маститый старецъ, въ нищенскомъ рубищѣ, съ перекинутой черезъ плечо сумою и протянулъ руку за милостыней. Кекела дала ему чашку муки, и нищій ушелъ, осмавъ ее благословеніями. Необычное добродушіе, отражавшееся на старческомъ лицѣ, и та теплота, съ которой онъ далъ ей свое благословеніе, внушили Кекелѣ мысль, не былъ ли этотъ странникъ однимъ изъ тѣхъ святыхъ Божьихъ людей, которыхъ Господь посылаетъ по временамъ, чтобы обойти міръ и испытать людскіе сердца и помыслы. Эта мысль волновала Кекелу нѣсколько дней—и волновала не напрасно: черезъ девять мѣсяцевъ она родила близнецовъ, сына и дочку. Такъ прошло два года. Новорожденные росли, хорошѣли, и родители не могли на нихъ нарадоваться.

Однажды, въ самое заговѣнье, передъ постомъ апостоловъ Петра и Павла, когда каждый грузинъ, какъ бы онъ не былъ бѣденъ, готовится къ хорошему обѣду, въ домѣ Борзима собралось много гостей и былъ роскошный столъ. Послѣ обѣда утомленная Кекела легла отдохнуть, и грезились ей образы одинъ другого страшнѣе и мучительнѣе. Привидѣлось ей, что ихъ огромный дорбазъ внезапно охватилъ огонь, и, несмотря на всѣ усилія, онъ сдѣлался жертвою пламени. Сны наканунѣ Петрова поста бывають вѣщими,—и онъ предвѣщаль бѣду, которая была уже недалеко. Наступилъ вечеръ— и въ семействѣ Борзима вдругъ поднялась суматоха: ихъ сынъ, Датико, оставленный неосторожною матерью на дворѣ, позднѣе чѣмъ слѣдовало, пропалъ безъ вѣсти. Сначала полагали, что дитя въ деревнѣ; но когда его тамъ не оказалось, озадаченный Борзимъ съ дюжиной молодцовъ пустился искать

его по зволетскому лѣсу, издавна служившему приютомъ осетинскихъ шаекъ. Осмотрѣли каждое дерево, каждый кустъ и тропу, но ребенка не было. Этотъ случай сдѣлался предметомъ разныхъ предположеній: одни говорили, что дитя похищено дракономъ, рабомъ св. Георгія, за то, что Борзимъ, безнаочно истребляя оленей въ зволетскихъ лѣсахъ, никогда не приносилъ въ жертву святому роговъ убитыхъ животныхъ; другіе полагали, что дитя поглощено землею, но большинство сходилось на томъ, что его увезли осетины.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ изъ рѣкъ Иверин. Утихло родительское горе, и семья сосредоточила всѣ свои заботы на единственной дочери Мартѣ. Ей шла уже двадцатая весна, и не было отбоя отъ жениховъ. Но сердце Марты оставалось свободнымъ. Въ это время появился въ Зволетахъ какой-то пришелецъ, говорившій; что нѣкогда онъ былъ увезенъ осетинами, и теперь воротился на родину, о которой никогда ничего не слышалъ, оставивъ ее ребенкомъ. Молодые люди встрѣтились, и искра любви, заронившаяся въ ихъ сердцахъ, скоро привела ихъ къ алтарю, какъ жениха и невѣсту.

Наступилъ день свадьбы. Взоры всѣхъ присутствующихъ были обращены на эту чету, блиставшую красотой и молодостью; но всѣ замѣтили, что оба они, опустивъ глаза, стояли задумчивые и блѣдные. Отошла наконецъ служба. Но едва молодые переступили церковный порогъ, какъ вдругъ какая-то невѣдомая сила ударила въ нихъ, точно молнія—и они мгновенно превратились въ камни, оставшись вѣчно стоять на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ засталъ ихъ ударъ, какъ бы ниспавшій съ разгнѣваннаго неба. Господь не попустилъ совершиться грѣху кровосмѣшенія. Этотъ пришелецъ былъ братъ несчастной Марты, тотъ самый маленькій Датико, котораго увезли осетины.

Много у зволетцевъ сохранилось легендъ объ этомъ смутномъ времени, но рассказъ о молодыхъ супругахъ, превращенныхъ въ камни, болѣе всѣхъ возбуждаетъ къ себѣ ихъ безыскусственное участіе.

Жизнь сѣверной Осетіи сложилась нѣсколько иначе, нежели южной. Сѣверные осетины успѣли сбросить съ себя ненавистное иго грузинъ,—но встрѣтили врага, болѣе опаснаго и безпощаднаго, въ лицѣ кабардинцевъ, появившихся на Кавказѣ въ исходѣ XIV вѣка. Въ народѣ до сихъ поръ еще живутъ воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда кабардинцы, завладѣвшіе всею плоскостью до самаго Ларса, не позволяли осетинамъ спускаться съ горъ иначе, какъ за огромную плату. Замкнутые въ своихъ ущельяхъ, выходы изъ которыхъ были заперты, осетины очутились въ положеніи людей, отрѣзанныхъ отъ міра, замкнулись въ самихъ себѣ и одичали.

Такимъ образомъ, притѣсняемые съ сѣверной стороны кабардинцами, а съ юга грузинскими и имеретинскими князьями, осетины при первомъ появленіи въ этой странѣ русскихъ войскъ въ царствованіе Екатерины, когда графъ Тотлебенъ шелъ въ Имеретію, встрѣтили ихъ, какъ своихъ избавителей. То же самое повторилось впослѣдствіи при занятіи Грузіи генераломъ Кноррингомъ. Русскіе отодвинули кабардинцевъ отъ горъ и дали возможность осетинамъ спуститься въ долины. Они возстановили даже ихъ старья привиллегіи. Тогда существовалъ обычай, по которому со всѣхъ проѣзжающихъ отъ Ларса до Владикавказа брали денежную пошлину въ пользу таугарскихъ старшинъ—обычай, сложившійся еще тогда, когда при грузинскихъ царяхъ купцы, ѣздившіе въ Россію или на линію по торговымъ дѣламъ, вынуждены были для своей охраны нанимать проводниковъ изъ таугарцевъ. Но когда дорога перешла во владѣніе Россіи и по ней учредилась линія кордоновъ, тогда проводники стали не нужны. Но чтобы не лишить таугарскихъ старшинъ дохода за то, что черезъ ихъ земли прошла военная дорога, право на полученіе ими пошлинъ, отъ 35 коп. до 10 р., смотря по личности и средствамъ проѣзжавшихъ, осталось во всей своей силѣ. Подать эту собиралъ комендантъ во Владикавказѣ и потомъ дѣлилъ

между десятию главнѣйшими таугарскими фамиліями.

Казалось бы, что все это должно привлечь осетинъ къ Россіи,—и въ первое время оно такъ и было въ дѣйствительности. Но, мало-по-малу, ошибки нашей администраціи,—какъ выражается Паскевичъ—невнимательность ближайшаго начальства, происки бѣглыхъ грузинскихъ царевичей, чума и бунтъ, бывший въ Грузіи въ 1812 году, ослабили наше вліяніе надъ Осетіей до такой степени, что она сдѣлалась постояннымъ убѣжищемъ для всѣхъ преступниковъ, преслѣдуемыхъ закономъ. Открытаго возстанія не было; но случаи грабежей и убійствъ по всей Военно-Грузинской дорогѣ, начиная отъ Татаргуба до самаго Душета, становились все чаще и чаще. Они усилились особенно съ открытіемъ персидской войны, когда въ сосѣдней Чечнѣ появились персидскіе эмсары. Обнаружились попытки и къ возмущенію самихъ осетинъ. Нѣсколько таугарскихъ старшинъ изъ лучшихъ фамилій, Шенаевъ, Тулатовы, Кундуховъ, Дударовъ и другіе ѣздили въ Чечню, видѣлись тамъ съ извѣстнымъ муллою Кудухомъ, и, возвратившись домой съ карманами, набитыми персидскимъ золотомъ, стали волновать народъ. Поднять осетинъ имъ однакоже не удалось. Большинство уклонилося отъ всякаго содѣйствія мятежникамъ, и на ихъ зовъ явилось лишь нѣсколько десятковъ байгушей, образовавшихъ ничтожныя шайки. Тѣмъ не менѣе, владикавказскій комендантъ генералъ-маіоръ Скворцовъ, которому подчинялась Военно-Грузинская дорога на всемъ протяженіи ея отъ Екатеринодара до Ларса, тотчасъ вызвалъ къ себѣ таугарскихъ старшинъ. Старшины заявили, что народъ ничего общаго съ мятежниками не имѣетъ и серьезныхъ безпорядковъ въ горахъ ожидать нельзя; но что возмутившіеся алдары настолько сильны и вліятельны, что всякое насиліе со стороны старшинъ можетъ повести лишь къ междуусобицѣ и распалить народныя страсти, съ которыми потомъ трудно будетъ управиться. Тогда Скворцовъ поручилъ старшинамъ, не прибѣгая къ силѣ, дѣйствовать од-

ними увѣщаніями, а самъ между тѣмъ занялъ всѣ выходы изъ горъ небольшими караулами, усилилъ охрану мостовъ и увеличилъ конвойные посты на дорогѣ. Это лишило осетинъ возможности дѣйствовать большими партіями, но для мелкихъ оно не составляло преграды. Отличные ходоки по горамъ, осетины спускались на дорогу прямо съ отвѣсныхъ кручъ и появлялись всегда неожиданно. Такъ, они ограбили нѣсколькихъ проѣзжавшихъ грузинъ, убили оплошного донца, ѣхавшаго отъ Казбека къ Дарьяльскому посту, и наконецъ атаковали разѣздъ (изъ 4-хъ казаковъ) между Ларсомъ и Владикавказомъ. Донцы пробились, но одинъ изъ нихъ былъ сбить съ коня и попался въ плѣнъ. Въ другой разъ, 11-го февраля 1827 года, на этой же дорогѣ они захватили корпуса инженеровъ путей сообщенія капитана барона Фиркса и увезли его въ горы. Фирксъ слѣдовалъ съ оказіей, но, подѣзжая къ Владикавказу, отдѣлился впередъ и подъ самымъ городомъ наткнулся на партію. Деньщикъ его успѣлъ ускакать и поднять тревогу. Когда изъ Владикавказа подошли казаки, кромѣ свѣжихъ слѣдовъ, гдѣ происходила борьба, не нашли уже ничего. Хищники также внезапно исчезли, какъ и появились. На этотъ разъ Скорцовъ, собравъ таугарскихъ старшинъ, категорически потребовалъ отъ нихъ освобожденія Фиркса. «Ваше дѣло—сказалъ онъ:—добыть его оружіемъ, выкупить, выкрасть,—но если въ мѣсячный срокъ онъ не будетъ доставленъ, войска войдутъ въ ваши горы, и тогда едва-ли найдутъ возможнымъ отличить правыхъ отъ виноватыхъ». Угроза подѣйствовала—и Фирксъ 23-го февраля былъ привезенъ во Владикавказъ самими осетинами.

Все это было однакоже совсѣмъ не то, чего хотѣли и добивались персіяне. Восстаніе, замкнувшееся въ тѣсный кругъ придорожныхъ разбоевъ, не могло оказать имъ существенной пользы,—а чтобы поднять народъ, алдары требовали денегъ и денегъ. Чеченскій мулла Кудухъ вызвался передать имъ требуемую сумму. Какъ только Скорцовъ узналъ, что свидѣ-

ніе между Кудухомъ и таугарскими алдарами должно произойти въ землѣ карабулаковъ, онъ тотчасъ распорядился устроить засаду, чтобы схватить или убить мулла при выѣздѣ его изъ Маіюртупа. Мулла однако никуда не поѣхалъ, а вмѣсто него на засаду попала партія кабардинскихъ абрековъ, ѣхавшая изъ Чечни на разбой къ Военно-Грузинской дорогѣ.

Десять пингушей, съ прапорщикомъ Базоркинымъ, и 14 донскихъ казаковъ, съ сотникомъ Фроловымъ, сидѣвшіе въ засадѣ, въ самую полночь услышали конскій топотъ, и какъ ни темна была ночь, ясно различили шесть кабардинцевъ, ѣхавшихъ по дорогѣ. Впереди былъ—Крымъ-хаджи, узнанный по бѣлому коноу, знаменитому по всей Кабардинской плоскости не менѣе своего отважнаго всадника. Хаджи сопровождали извѣстные разбойники: Иджибекеръ и Исмаилъ, а остальные держались поодаль и не были узнаны. Кругомъ, среди погруженной въ сонъ природы, все было такъ тихо и безмолвно, что даже тонкое чутье кабардинца не предугадало опасности. И вдругъ, въ глубокомъ сумракѣ ночи, какъ молнія, сверкнули ружейные выстрѣлы—и почти въ упоръ грохнуль и покатылся раскатами залль двадцати винтовокъ.... Трое переднихъ всадниковъ упали на землю. Когда казаки подбѣжали къ своей добычѣ, Крымъ-хаджи, пробитый шестью пулями въ грудь, лежалъ неподвижно; по спутники его, оба раненные, какъ дикія кошки, прыгнули въ кусты и исчезли.

Эти кабардинскіе абреки, проживавшіе въ Чечнѣ, являлись настоящимъ зломъ для края—и зломъ, съ которымъ бороться было крайне трудно: абреки находили притонъ у мирныхъ кабардинцевъ, а тѣ всѣ грабежи и разбой сваливали на своихъ сосѣдей—осетинъ, репутація которыхъ часто страдала самымъ незаслуженнымъ образомъ. Между тѣмъ, среди почетныхъ осетинъ не мало было людей искренно преданныхъ Россіи. Одинъ изъ дигорскихъ старшинъ, по имени Татар-

ханъ Тугановъ, красавецъ собою, ловкій и смѣлый наѣздникъ, въ двадцатыхъ годахъ лично былъ извѣстенъ даже Ермолу именно за то, что слылъ грозою абрековъ. Разъ, преслѣдуя какую-то шайку, Татарханъ увидѣлъ, что подъ однимъ изъ всадниковъ лошадь загрузла въ болотѣ. Наскакавъ, онъ узналъ кабардинскаго абрека Кожохова и выстрѣломъ въ-упоръ положилъ его на мѣстѣ. Эта встрѣча оказалась роковою и для самого Туганова. Сестра Кожохова, извѣстная въ свое время красавица, была замужемъ за кабардинскимъ уоркомъ Хаджи-Кубатовымъ, и съ истинно женскою ловкостью сумѣла заставить, чтобы мужъ явился мстителемъ за кровь ея брата. Однажды, когда Кубатовъ вернулся изъ гостей, жена отказалась принять его на своей половинѣ и объявила, что не будетъ ему женою, пока онъ не исполнитъ голоса крови.

Кубатовъ собралъ партію и отправился въ наѣздъ за головою Туганова. Татархана въ это время не было дома: онъ былъ во Владикавказѣ, и партія цѣлую недѣлю скрывалась въ развалинахъ Татартуба, поджидая его возвращенія. Наконецъ онъ пріѣхалъ. Въ ту же ночь нѣсколько подосланныхъ абрековъ отогнали его любимый табунъ, и Татарханъ, пустившійся въ погоню только съ двумя пукерами, налетѣлъ на засаду. Кабардинскій уоркъ не хотѣлъ однакоже воспользоваться запальчивостію врага. Онъ еще раньше просилъ своихъ людей указать ему Татархана, котораго никогда не видѣлъ, и когда тотъ поравнялся съ засадою, Кубатовъ выѣхалъ одинъ и переградилъ ему путь. Въ одну минуту сверкнули выхваченныя изъ чехловъ винтовки, грянули два выстрѣла—и пуля сорвала у Татархана газыри съ черкески, а подъ Кубатовымъ была убыта лошадь. Уже въ рукахъ Татархана блеснула выхваченная шашка, какъ князь Темботъ Ксйтукинъ, выскочившій изъ засады, сильнымъ ударомъ коня отбросилъ его въ сторону. Этимъ мгновеніемъ воспользовался Кубатовъ, чтобы высвободиться изъ-подъ убитой лошади. «Пока я живъ, да будетъ проглатъ тотъ, кто станетъ мнѣ

помогать!»—крикнулъ онъ Темботу и напалъ на Татархана. Ихъ шашки скрестились. Темботъ однако не выдержалъ. Видя, что Кубатовъ уступаетъ противнику, онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ-упоръ и Татарханъ былъ убитъ наповаль. Кубатовъ отрѣзалъ у мертваго палець, на которомъ было серебряное кольцо съ золотою насѣчкой, и повезъ его къ женѣ, какъ свидѣтельство исполненнаго обѣта.

Въ Урухскомъ ущельѣ, верстахъ въ восьми отъ Татар-туба, по дорогѣ къ Ардонскому редуту, тамъ, гдѣ въ Терекъ впадаетъ Бѣлая рѣчка, стоитъ курганъ и на немъ три деревянные столба, обтесанные въ видѣ грубыхъ истукановъ. Это могила Татархана. На одномъ изъ столбовъ находится русская надпись: «Здѣсь убитъ дигорскій старшина хорунжіи Татарханъ Тугановъ, славный и знаменитый воинъ. 1827 годъ». Родственники его посадили на курганѣ сухое дерево, которое выражаетъ мысль, что родные съ потерю его осиротѣли, какъ дерево безъ листьевъ.

1828-й годъ прошелъ на Военно-Грузинской дорогѣ сравнительно тихо. По крайней мѣрѣ официальные данныя упоминаютъ только объ одномъ случаѣ, когда команда, посланная изъ Владикавказа на правый берегъ Терека для сплава лѣса, была атакована конною партією, и двое солдатъ захвачены въ плѣнъ, а третій изрубленъ. Но и это нападеніе было произведено не осетинами, а кабардинскими абреками, да и кончилось оно сравнительно благополучно, такъ какъ мирные кистины, пропустившіе черезъ свою землю партію, выкупили и доставили плѣнныхъ. Были случаи еще между Дарьяломъ и Ларсомъ, гдѣ также взяты въ плѣнъ трое солдатъ, захвачено нѣсколько грузинъ и разграбленъ выучный обозъ, но и это было дѣломъ только одного извѣстнаго джераховскаго абрека Годзіева, который разбойничалъ 20 лѣтъ, и съ которымъ всѣ давно уже свыклись.

Обмануло-ли это спокойствіе бдительность нашихъ кордоновъ, подѣйствовали-ли на осетинъ турецкія прокламаціи,

или просто они ободрились отсутствіемъ войскъ, взятыхъ съ Военно-Грузинской дороги,—но только лѣтописи 1829 года представляютъ такой длинный рядъ происшествій, который несомнѣнно указывалъ уже на большее или меньшее участіе цѣлаго народа въ преступныхъ предпріятіяхъ своихъ алдаровъ. При такомъ обиліи происшествій сослаться только на одиночныхъ абрековъ, въ родѣ Годзіева, было невозможно. Годзіевъ, наконецъ, былъ даже пойманъ и, показанный кнутомъ, сосланъ въ каторжныя работы—а разбои не унимались.

Современныя донесенія не даютъ намъ разгадки этого явленія; даже изустные рассказы—и тѣ не объясняютъ, какимъ путемъ сравнительно небольшое число мятежныхъ алдаровъ могло получить такое преобладающее значеніе въ народѣ и вытѣснить изъ него всѣ доброжелательные намъ элементы. Многіе ищутъ причины этого во взаимныхъ распряхъ, начавшихся около этого времени у осетинъ, какъ между собою, такъ и съ сосѣдними кистами, галашевцами и карабулаками. Невозможность бороться одному какому нибудь племени съ цѣлыми союзами заставляло каждое изъ нихъ поочередно обращаться за помощію къ русскимъ, а русскіе наотрѣзъ отказывали въ ней, стараясь примирять враждующихъ кроткими мѣрами и увѣщаніями. Но этихъ средствъ было недостаточно. Очевидно, что случилось нѣчто, чего опасались, и о чемъ именно предупреждали Скворцова старшины, говорившіе; что если разыграются народныя страсти, то съ ними мудрено будетъ управиться. А страсти разыгрались совсѣмъ не на шутку.

Въ числѣ таугарскихъ старшинъ былъ одинъ, на притѣсненія котораго одинаково жаловались, какъ осетины—дигорцы, такъ и чеченцы—галашевцы. Скворцовъ потребовалъ его во Владикавказъ. Старшина не только не явился, но при помощи друзей выкралъ своего сына, находившагося во Владикавказѣ аманатомъ, и бѣжалъ въ горы. Его побѣгъ произвелъ нѣкоторую сенсацію. Таугарцы заподозрили рус-

скихъ въ желаніи арестовать старшину въ пользу галашевцевъ. Галашевцы увидѣли въ побѣгѣ старшины потворство русскихъ таугарцамъ—и обѣ стороны обратили на насъ оружіе. Дерзость таугарцевъ дошла до того, что они завладѣли почти всемъ путемъ отъ Ларса до Душета; а галашевцы изъ-подъ самыхъ стѣнъ Владикавказа угнали казачій табунъ. Скворцовъ наложилъ денежный штрафъ на всѣ ингушевскіе и карабулакскіе аулы, мимо которыхъ проѣзжали хищники, но жители отказались платить. Тогда изъ Владикавказа вышла небольшая колонна—и штрафъ былъ собранъ силой. Но зато, когда отрядъ возвращался отъ Сунжи домой, ингуши заняли переправу на рѣкѣ Камбелеевкѣ и открыли огонь. Шайка была разогнана,—но это не могло способствовать къ мирному улаженію вопроса.

Въ такое-то тревожное время пришлось проѣзжать по этому пути принцу Хосровъ-Мирзѣ съ персидскимъ посольствомъ. Естественно, были приняты всѣ мѣры, чтобы по возможности обезпечить его путешествіе и, несмотря на то, принцу довелось таки провести нѣсколько непріятныхъ минутъ подъ огнемъ непріятели. Случилось это между Казбекомъ и Ларсомъ. Едва оказія миновала Казбекскій постъ, какъ впереди послышались глухіе удары пушечныхъ выстрѣловъ. Скоро прискакали казаки съ извѣстіемъ, что владикавказскій отрядъ, посланный навстрѣчу принца, съ боя занялъ Дарьяльское ущелье и что непріятель скрылся на правый берегъ Терека. Полагая путь уже безопаснымъ, оказія двинулась дальше, но не прошла и нѣсколько верстъ, какъ наткнулась на новыя шайки. Полковникъ Ренненкампфъ тотчасъ выдвинулъ орудіе, разсыпалъ по дорогѣ стрѣлковъ, а между тѣмъ принцъ съ нѣсколькими казаками во весь опоръ поскакалъ къ Ларсу; за нимъ гуськомъ пустилась вся его свита,—и, по особому счастью, раненъ былъ при этомъ одинъ только нукеръ, державшій въ заводу верховую лошадь. Пѣхота стояла на мѣстѣ и отстрѣливалась до тѣхъ поръ, пока не прошли всѣ экипажи и व्यюжи.

На другой день, около Ларса, осетины опять открыли изъ-за Терека огонь по конвою генераль-маіора князя Беквиича-Черкасскаго, который однако благополучно проскакалъ подь ихъ выстрѣлами.

Происшествія слѣдовали за происшествіями. Выдающимся случаемъ въ ту пору служила геройская оборона подпоручика Петрова, на котораго ночью пала цѣлая осетинская шайка подь Анануромъ. Раненый въ ногу, Петровъ одинъ боролся съ цѣлою шайкой, изрубилъ одного изъ нападавшихъ, и въ концѣ концовъ отбился. Чтобы уменьшить несчастные случаи, приказано было постама никого не выпускать подь-вечерь и безъ конвоя. Отвѣтственность за это возлагалась не только на посты, но и на самихъ проѣзжающихъ. Случилось, однажды, что около Ларса былъ убитъ казенный деньщикъ, ѣхавшій на троечной телѣгѣ, и по произведенному слѣдствію оказалось, что этого деньщика передь закатомъ солнца случайно видѣлъ, проѣзжавшій по этому тракту, хорунжій Донскаго войска Кисляковъ. И Кислякова судили за то, что онъ не только не вернулъ деньщика, но даже не сообщилъ объ этой встрѣчѣ на первомъ казачьемъ посту.

За Владикавказомъ было еще опаснѣе, потому что тамъ напали осетины, кабардинцы, чеченцы,—и въ цѣлой массѣ происшествій трудно было уже разобраться, чтобы указать виновныхъ. Около Владикавказа былъ захваченъ въ плѣнъ докторъ Песоцкій, вмѣстѣ съ фармацевтомъ, а сопровождавшіе ихъ три казака убиты; хищники отбили купеческій табунъ изъ-подь самыхъ пунекъ конвоя; 14 донскихъ казаковъ были атакованы близъ Ардонскаго редута тремястами наѣздииковъ. Отстрѣливаясь, казаки держались болѣе часа, но, на ихъ бѣду, нашла туча и проливной дождь замочилъ кремневые ружья. Тогда, ожесточенные потерей лучшихъ узденей, горцы ударили въ шайки и изрубили казаковъ въ куски. Въ другой разъ тридцать человекъ погнались за двумя казаками;

одного убили, подъ другимъ ранили лошадь; къ счастію, онъ успѣлъ укрыться въ дуплистый пенъ, поверженный грозою возлѣ дороги и спасся, грозя ружьемъ нападающимъ; пули не могли пробить дерева и онъ отсидѣлся до выручки.

Какъ только окончилась турецкая война и были покорены джарцы, Паскевичъ призналъ необходимымъ обезпечить Военно-Грузинскую дорогу отъ хищниковъ, и съ этою цѣлью сдѣлать двѣ небольшія экспедиціи въ горы. Къ исходу мая мѣсяца должны были собраться оба отряда: одинъ въ Цхинвалѣ, на границѣ южной Осетіи, другой во Владикавказѣ для дѣйствія противъ осетинъ сѣвернаго склона Кавказскаго хребта и ихъ сосѣдей: ингушей, кистинъ, галгаевъ и джераховъ.

Это была по счету третья или четвертая экспедиція, которая со временъ Циціанова предпринималась въ Осетію, но ни одна изъ нихъ не имѣла въ виду прочнаго покоренія этихъ народовъ. Довольствуясь временнымъ прекращеніемъ набѣговъ, мы сами были причиною, что осетины получили чрезвычайно высокое мнѣніе о неприступности своихъ горъ и ущелій. На этотъ разъ положено было привести осетинъ въ безусловную покорность, подчинить ихъ приставу, водворить среди нихъ начала гражданственности и, такимъ образомъ, обезпечить сообщеніе Тифлиса съ Россіей и Имеретією.

Этимъ Кавказъ безспорно обязанъ Паскевичу.

IX.

ПОКОРЕНІЕ ЮЖНЫХЪ ОСЕТИНЪ.

Много выстрадала Карталинія отъ буйныхъ набѣговъ ея сосѣдей, но ни одинъ уголокъ ея не испытывалъ такой тревожной жизни, какой подвергалось Саобошію, имѣніе князей Абашидзе. Здѣсь сходились границы: Грузіи, Имеретіи и Ахалцыхскаго пашалыка,—этого притона хищныхъ лезгинъ, служившихъ тамошнимъ пашамъ за право безнаказанно грабить несчастную Грузію. Еще доселѣ въ окрестностяхъ Саобошію видны развалины квишетской башни, бывшей обычнымъ мѣстомъ для сбора лезгинъ, прокрадывавшихся лѣсами Боржомскаго ущелья. Какъ грозный призракъ вставала эта мрачная башня на пути странника, навѣвая ужасъ своими развалинами и своею дурною славою. Сюда свозили лезгины все, что Богъ послалъ имъ на проѣзжихъ дорогахъ, и отсюда же передавали полонъ и добычу въ Ахалцыхъ. Поселянинъ, окончивъ дневные труды, всю ночь долженъ былъ стеречь порогъ своей сакли и спать съ ружьемъ надъ изголовьемъ. Окрестные князья и дворяне съ закатомъ солнца запирались въ башни, вмѣстѣ со своими семьями и слугами. Но не всегда и эти крѣпкія башни служили имъ надежною охраною. Живы еще старики, которые помнятъ ту страшную ночь, когда лезгины взяли изъ замка князя Абашидзе двухъ его дочерей, изъ которыхъ, въ послѣдствіи, одна сдѣлалась женою аварскаго хана, а другая—хана карабагскаго.

Но вотъ отгремѣла турецкая война, навѣки затихъ бранный Ахалцыхъ а вмѣстѣ съ нимъ затихли и лезгинны, грозные враги южной Карталиніи. Но несчастная страна по-прежнему не имѣла покоя. У нея оставался другой, не менѣе страшный врагъ—осетины, наводившіе ужасъ на сѣверную часть Карталиніи. Народные рассказы полны воспоминаній объ этой кровавой эпохѣ, и нужны были многіе годы спокойнаго развитія Грузинъ, подъ мирнымъ кровомъ Россіи, чтобы заставить эти рассказы или вовсе исчезнуть изъ памяти народа, или, подъ влияніемъ времени, принять иные менѣе суровые и мрачные образы.

Съ окончаніемъ турецкой войны, допосенія, получаемыя Паскевичемъ съ осетинской границы, не заключали въ себѣ ничего важнаго, но показывали все то же тревожное состояніе края, не далеко ушедшаго отъ жизни временъ грузинскихъ царей, когда каждый, ложась спать, трепеталъ за жизнь и имущество.

Въ апрѣлѣ 1830 года осетины изъ фамиліи Акка-Кобисъ-швили напали въ Горійскомъ уѣздѣ на восемь имеретинъ и двухъ изъ нихъ убили, а шесть увели въ горы. Это было началомъ обычной лѣтописи «проншествій», которая обѣщала продолжиться дольше и дольше, все въ томъ же направленіи.

Паскевичъ въ это время готовился къ отъѣзду въ Петербургъ; но онъ сдѣлалъ заблаговременно все нужныя распоряженія къ экспедиціи въ Осетию и поручалъ наблюденіе за нею тифлисскому военному губернатору, генералъ-адъютанту Стрекалову.

16-го іюня, въ селеніи Цхинвалы, на самой границѣ южной Осетіи, собрался небольшой отрядъ изъ одного баталіона херсонскихъ гренадеръ, двухъ ротъ Эриванскаго полка, двухъ донскихъ сотенъ и четырехъ горныхъ орудій; къ нимъ скоро присоединилось до тысячи человекъ карталинской милиціи, прибывшей сюда изъ разныхъ мѣстъ Грузинъ, подъ на-

чалствомъ подполковника князя Тарханова. Распущенъ былъ слухъ, что Цхипвалы назначены мѣстомъ лагернаго сбора, а многочисленная милиція только усилить посты по карталинской границѣ.

Начальникомъ этого отряда назначенъ былъ генераль-майоръ Павелъ Яковлевичъ Ренненкампфъ—одинъ изъ молодыхъ генераловъ, выдвинутыхъ эпохою Паскевича. Ренненкампфъ прибылъ на Кавказъ въ 1827 году полковникомъ генеральнаго штаба, и его дѣятельность въ сферѣ дипломатическихкихъ сношеній скоро обратила на себя вниманіе фельд-маршала; успѣшное же размежеваніе имъ границъ между Россією и Персією, и затѣмъ сопровожденіе персидскаго принца Хосровъ-мирзы въ Петербургъ доставили ему чинъ генерала.

Задавшись цѣлью умиротворить Осетию, Паскевичъ желалъ добыть ея покорность не столько силою оружія, сколько политическимъ тактомъ, и потому остановилъ свой выборъ на Ренненкампфѣ, какъ на человѣкѣ, наиболѣе отвѣчавшимъ этому требованію. Общій планъ, порученный ему экспедиціи, заключался въ томъ, чтобы проникнуть въ Кешельтское ущелье, лежавшее въ верховьяхъ рѣки Паца, потомъ привести въ покорность осетинъ, обитавшихъ по большой Ліахѣ и ея притокамъ, далѣе, пройти черезъ Маграндолетское общество, за сѣверный перевалъ Конго, и кончить экспедицію въ Джимуръ.

Всѣ приготовления къ походу дѣлались съ чрезвычайною скрытностію—и скрытность была необходима, чтобы облегчить успѣхъ войскамъ, которымъ приходилось дѣйствовать въ странѣ совершенно невѣдомой и замкнутой, гдѣ непріятель, пользуясь выгодами мѣстности, могъ на каждомъ шагѣ создавать передъ ними безконечный рядъ затрудненій. Наконецъ всѣ приготовления были окончены: солдаты получили для ходьбы по горамъ желѣзныя подковы, вьюки были снаряжены, провіантъ запасенъ, штаты проводниковъ, преимущественно изъ обществъ итававшихъ ненависть къ кешельтцамъ, организованъ, и влія-

тельные князья, священники и жители, приглашенные Ренненкампомъ участвовать въ экспедиціи, съѣхались въ Цхинвалы—ожидали только прибытія генерала Стрекалова, чтобы начать военныя дѣйствія. Онъ осмотрѣлъ отрядъ 19-го іюня и приказалъ въ тотъ-же день занять селеніе Джавы, служившее ключемъ ко всѣмъ ущельямъ рѣкъ большой Ляхвы и Паца.

Во время смотра, когда небольшой русскій отрядъ стройно маневрировалъ по горной долинь,—за деревнею, на высокой скалѣ, чуть видимый глазу, стоялъ человекъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за каждымъ шагомъ русскаго войска. Это былъ Акка-Кобисъ-швили—вождь осетинскихъ разбойниковъ, явившійся сюда изъ своего далекаго ущелья. Онъ высчиталъ по пальцамъ русскую силу, и затѣмъ, какъ дикій туръ, прядая съ утеса на утесъ, спустился въ долину, тамъ, гдѣ отъ сотворенія міра не было никакой дороги. Въ долинь онъ одинъ-одинешенекъ бросился на грузинское стадо, разогналъ пастуховъ, и, выбравъ самую тучную корову, угналъ ее въ горы.

—Я видѣлъ у Цхинвала русское войско—сказалъ онъ товарищамъ:—оно идетъ на насъ. Но я слишкомъ голоденъ, чтобы разсуждать теперь о дѣлахъ. Вотъ моя добыча,—быть можетъ послѣдняя добыча изъ Каргалиніи. Съѣдимъ ее, и потомъ посоветуемся, какъ отвратить опасность.

Предложеніе было принято, и за шумнымъ пиршествомъ сообщники Кобисъ-швили рѣшили защищаться. А между тѣмъ русскій отрядъ прибылъ въ Джавы и, оставивъ въ нихъ вагенбургъ, 21-го іюня двинулся далѣе. Среди суровой и дикой природы, на каждомъ шагѣ развѣтывавшей все новыя и новыя картины, войска шли бодро и съ гнѣнами взбирались на утесы, въ область снѣговъ и тумановъ. Вотъ уже и Джавское ущелье едва чернѣетъ внизу узкою трещиной, а дорога поднимается все выше по кремнистой горѣ, среди вѣковыхъ лѣсовъ, на темной листвѣ которыхъ такъ

рельефно выдѣляются угрюмыя и закоптѣлыя башни. Быстрая Ляхва съ грохотомъ катитъ, гдѣ то глубоко внизу, свои мутныя волны, а кругомъ обступаютъ зіяющія пасти безкопечныхъ ущелій. Къ восьми часамъ утра войска достигли наконецъ перевала и стали спускаться въ Кешельтское ущелье. Скоро завязалась перестрѣлка. Въ войскахъ появились убитые и раненые; число ихъ стало рости, и солдаты съ удивленіемъ замѣчали въ средѣ сражавшихся женщинъ. Однажды, когда казаки взбирались на голый утесъ, изъ-за камней вдругъ выскочила молодая осетинка, и, какъ разъяренная тигрица, обхвативъ перваго попавшагося ей казака, напрягла все силы, чтобы вмѣстѣ съ нимъ низвергнуться въ пропасть. Страшная борьба происходила на краю обрыва. Еще мгновение—и осетинка совершила бы свой самоотверженный подвигъ; но силы ея истощились: она выпустила свою добычу изъ рукъ, и одна полетѣла въ бездонную пропасть, гдѣ острые камни въ куски изорвали ея тѣло.

Постепенно вытѣсняя непріятеля изъ одной деревни въ другую, войска два дня находились въ непрерывномъ огнѣ и только утромъ 22 іюня достигли наконецъ высокой снѣговой горы Зикара. Осетинскія семьи успѣли уже скрыться за перевалъ, и передъ войсками стояли однѣ вооруженныя шайки. Рота херсонскихъ гренадеръ смѣло двинулась на гребень крутого хребта, но, встрѣченная градомъ пуль и огромными камнями, остановилась. Солдаты укрылись за выдавшійся утесъ, и только благодаря этому, потеря ихъ оказалась ничтожною. Въ это время подошли подкрѣпленія: рота эриванцевъ, вмѣстѣ съ милиціею князя Тарханова, выдвинулась изъ Тхели-Цхальскаго ущелья, другая рота подошла къ гренадерамъ—и атака тотчасъ возобновилась. Взбираться пришлось на голый утесъ, и несмотря на огонь непріятеля, несмотря на то, что желѣзныя подковы, розданныя людямъ, оказались никуда негодными, солдаты такъ смѣло поднимались все выше и выше, лѣзлись надъ самыми обрывами зіяю-

щихъ пропастей, что осетины наконецъ не выдержали—и выслали парламентаря. Бой тотчасъ остановили; но переговоры не привели ни къ чему, такъ какъ кешельтцы, соглашавсь дать аманатовъ, требовали въ залогъ одного изъ князей Мачабели, находившагося при русскомъ отрядѣ.

Съ восходомъ солнца, 23 іюня, едва войска стали въ ружье, какъ съ горъ опять посыпались камни. Съ страшнымъ грохотомъ рикошетировали они по отлогостямъ скаль, сталкивались, дробились, и своими обломками покрывали окрестность. Солдаты съ изумленіемъ смотрѣли на гору, къ которой, казалось, нельзя было подступиться. Въ это время отъ свиты Ренненкампа отдѣлился капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, князь Давидъ Осиповичъ Бебутовъ, *) и, кинувшись впередъ, увлекъ за собою солдатъ. Утесъ былъ взятъ и непріятель отброшенъ на самую вершину Зикара. Положеніе осетинъ, загнанныхъ такимъ образомъ въ глубокіе снѣга, въ которыхъ они тонули по поясъ, было отчаянное, но и войскамъ держаться на утесахъ, покрытыхъ сырмъ и холоднымъ туманомъ, не было возможности. Ударили отбой—и Ренненкампа отвелъ войска назадъ въ Додонастское ущелье.

Гора, такъ сказать, осталась въ рукахъ непріятеля; но, тѣмъ не менѣе, бой на Зикарѣ имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбу кешельтцевъ. На слѣдующій день въ лагерь явились ихъ депутаты, и большая часть деревень выслала своихъ аманатовъ.

Изъ всѣхъ кешельтцевъ не хотѣла покориться только упорный Акка-Кобисъ-швили, удалившійся за снѣговой кударскій переваль, да крѣпкій замокъ Коло, служившій опорнымъ пунктомъ другой, не менѣе извѣстной, кешельтской фамилии Беге-Коче-швили. Необходимо было покончить съ

*) Братъ извѣстнаго князя Василя Осиповича. Въ послѣдствіи, въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, былъ комендантомъ въ Варшавѣ.

этимъ разбойничьимъ гнѣздомъ,—и Ренненкампфъ 26 іюня обложилъ Коло. Въ замкѣ засѣло тридцать отчаянныхъ головорѣзовъ, и на предложеніе сдачи—отвѣчали залпомъ. Прапорщикъ Бестужевъ *) тотчасъ придвинулъ горное орудіе и принялся бомбардировать башню. Однако, не только пробить брешь, но даже оторвать кусокъ отъ этой, слежавшейся вѣками, каменной глыбы оказалось невозможнымъ. Ядра отскакивали какъ мячъ, а въ довершеніе всего лопнулъ лафетъ—и орудіе перестало дѣйствовать. Тогда Реннекампфъ двинулъ на приступъ херсонскія роты. Гренадеры бросились, но были отбиты съ потерей 22 человѣкъ; въ числѣ тяжело раненыхъ находился и командиръ полка подполковникъ Берилевъ, которому пуля раздробила плечо; истекая кровью, онъ не пошелъ на перевязку и это послужило, впоследствии, причиной смертельнаго исхода раны.

Пришлось отложить атаку до ночи. Какъ только стемнѣло, охотники и часть грузинской милиціи тихо подползли къ воротамъ замка, чтобы сорвать ихъ съ петель. Это едва не удалось карталинскому дворянину Давиду Сулханову, но тяжелая рана вывела его изъ строя. Охотники отступили. Карталинцы еще держались нѣкоторое время, и пока грузины стрѣляли по бойницамъ, одинъ изъ нихъ, Лаурсабъ Пурциладзе, пытался подвести подкопъ подъ самую башню; но, сложенный на извести, фундаментъ уходилъ такъ глубоко въ землю, что работа оказалась тщетною. отошли назадъ и карталинцы.

Наступила ночь. Мрачнымъ силуэтомъ вырисовывалась на темномъ небѣ страшная башня, окруженная русскими бивуаками. Вдругъ яркое пламя высоко взвилось надъ деревней и освѣтило окрестность. Разбойники, опасаясь ночного нападенія, сами зажгли нѣсколько домовъ, чтобы оградить себя отъ нечаяннаго приступа. Но никто изъ нихъ не полагалъ,

**) Декабристъ; родной братъ извѣстнаго писателя Александра Бестужева (Марлинскаго).

что это губительное пламя предзнаменуетъ ихъ будущую жестокою участь.

Генералъ нѣсколько разъ посылалъ къ нимъ увѣщанія положить оружіе, но всякій разъ они присылали отвѣтъ, что скорѣе погребутъ себя подъ развалинами, чѣмъ примутъ какія нибудь условія. Послѣдній папъ посланный былъ задержанъ и не вернулся назадъ. Чтобы положить конецъ этой неслыханной борьбѣ, команды, высланныя изъ лагеря, въ самую полночь приблизились къ башнѣ и обложили ее громадными кострами. Осетины открыли огонь, и поручикъ Писаревскій, зажегшій первый костеръ, былъ раненъ пулею въ голову; едва онъ упалъ, какъ одинъ фанатикъ, выскочившій изъ башни черезъ амбразуру, набросился на него съ кинжаломъ. Къ счастью, унтеръ-офицеръ Пархамовичъ успѣлъ во-время заслонить офицера, и осетинъ былъ убитъ. Между тѣмъ, отъ одного костра занялись другіе. Яркое пламя, раздуваемое вѣтромъ, быстро поднялось до вершины замка, лизнуло его каменныя стѣны и охватило всѣ деревянныя пристройки. Скоро затлѣли перекладины крыши; балки стали валиться внутрь башни; но среди удушающаго дыма и пылающаго огня слышалось только монотонное пѣніе предсмертной молитвы. Видя не минуемую гибель, осетины выкинули изъ окна окровавленную рубаху нашего парламентаря. «Вотъ кровь,—кричали они:—которую мы пролили заранѣе въ отмщеніе за нашу кровь.» Толстыя, окованныя желѣзомъ, ворота долго сопротивлялись дѣйствію огня; но когда рядовой Немилостишевъ желѣзнымъ ломомъ сбилъ съ петель одну половицу—пламя тотчасъ охватило внутренность замка, и вслѣдъ за тѣмъ съ гуломъ и трескомъ рухнула внизъ его тяжелая крыша. Снопъ искръ высоко взметнулся къ небу—и все застлалось чернымъ удушливымъ дымомъ. Въ этотъ моментъ десять осетинъ выскочили изъ башни, надѣясь пробиться; девять изъ нихъ были убиты, а десятый, самъ Беге-Коче-швили, захваченъ въ плѣнъ; замокъ съ остальными защитниками сгорѣлъ.

И теперь только одни обугленные стѣны укажутъ любопытному путнику мѣсто, гдѣ тридцать человѣкъ съ спарганскою твердостью защищались около сутокъ противъ полутора-тысячнаго русскаго отряда.

Уничтоженіе замка и истребленіе въ немъ разбойничьей фамилии Коче-швили имѣло большое вліяніе на прочихъ осетинъ. Появленіе русскихъ на вершинѣ заоблачныхъ горъ сломило ихъ упрямство и дикую энергію. Самъ Акка-Кобисъ-швили призналъ невозможность дальнѣйшей борьбы и съ петлею на шеѣ, свитой изъ свѣжихъ древесныхъ вѣтвей, явился въ лагерь. Онъ сталъ на колѣни и прикрылъ свою голову полою генеральской одежды. Это былъ знакъ, что онъ вручаетъ свою судьбу его великодушію. «Именемъ главнокомандующаго—сказалъ Ренненкампфъ:—дарую тебѣ жизнь. Теперь можешь идти домой. Я отпускаю тебя на честное слово, что завтра, въ эту-же пору, ты будешь здѣсь вмѣстѣ со всею твоею фамиліею.» Акка далъ обѣщаніе и сдержалъ его. Онъ привелъ съ собою не только семью, но и двухъ плѣнныхъ имеретинъ, изъ числа шести, захваченныхъ имъ весною. «А гдѣ еще четыре?» спросилъ Ренненкампфъ.—Ихъ зарѣзалъ народъ при вступленіи вашемъ въ Осетию,—отвѣчалъ Акка.

Вмѣстѣ съ Кобисъ-швили явились въ лагерь и остальные кешельтскіе старшины, чтобы принести присягу и похвалиться грамотой, хранившейся у нихъ со временъ Циціанова, какъ свидѣтельство ихъ давней преданности русскимъ и кроткаго поведенія. Генералъ, никогда не слыхавшій о кротости кешельтцевъ, съ любопытствомъ развернулъ эту хартію—и усмѣхнулся. Это было прошеніе самихъ-же осетинъ, которые помогались облегчить участь своихъ аманатовъ и плѣнныхъ; а Циціановъ, возвращая эту бумагу назадъ, положилъ на ней резолюцію: «Вы дерзнули грабить и убивать воиновъ Его Императорскаго Величества—то подобную участь будете и сами имѣть. Ждите вашего жребія». Генералу стоило не мало труда увѣрить безграмотныхъ старшинъ, что въ этой

хартіи нѣтъ даже намекъ на похвалу ихъ кротости.

Смиривъ буйныхъ кешельтцевъ и поставивъ надъ ними моурава, отрядъ 5-го іюня двинулся далѣе къ маграндалетскимъ осетинамъ, живущимъ въ глубокихъ ущеліяхъ большой Ліахвы. Пользуясь неприступностію своихъ жилищъ, маграндалетцы не платили никакихъ податей, не отбывали повинностей и никому не повиновались. Можно было ожидать съ ихъ стороны упорнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что къ нимъ не было даже дорогъ, а вели тропы, которыя не разъ были облиты русскою кровью. Здѣсь именно, въ 12 году отрядъ генерала Сталя понесъ большія потери и долженъ былъ вернуться обратно,—обстоятельство сильно пошатнувшее тогда зависимость отъ насъ Осетин, а насъ заставившее быть осмотрительнѣе. Эти тропы и теперь стоили не малыхъ жертвъ отряду, у котораго множество лошадей и вьюковъ сорвалось съ кручъ въ бездонныя пропасти. Но маграндалетцы, на этотъ разъ, не рѣшились встрѣтить наши войска на перевалѣ. Погромъ кешельтцевъ уже лишилъ увѣренности въ себѣ остальные племена, и едва отрядъ сталъ на маграндалетской землѣ, какъ старшины явились съ покорностію. То же самое сдѣлали и жители боковыхъ ущелій. Даже нарскіе осетины, обитавшіе на сѣверномъ склонѣ Кавказа, выслали сюда своихъ депутатовъ. Пользуясь этимъ, Ренненкампфъ отправилъ къ нимъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Ковалевскаго для собранія на мѣстѣ подробныхъ свѣдѣній объ этихъ осетинахъ. Ковалевскій, не колеблясь, отдалъ себя въ руки незнакомыхъ горцевъ, и вмѣстѣ съ ними отправился въ горы. Жители попутныхъ деревень встрѣчали его съ непритворною лаской, и Ковалевскій могъ удостовѣриться въ искреннемъ расположеніи ихъ къ русскимъ. Нарцы сами просили даже о назначеніи къ нимъ моурава, вызываясь выстроить ему приличный домъ и давать отъ себя содержаніе. Во время этой поѣздки Ковалевскій изучилъ дороги, сдѣлалъ съемку горныхъ ущелій и представилъ воен-

по-статическое описаніе пройденнаго края, которое составило цѣнный вкладъ въ тогдашнюю военную литературу.

Спокойствіе среди маграндалетцевъ водворилось быстро, но оно не обѣщало быть прочнымъ, такъ какъ одна изъ вліятельнѣйшихъ фамилій Руби-швили, не хотѣла еще покориться. Ренненкампфъ приказалъ разрушить замокъ, покинутый ею въ деревнѣ Эдеси, а для захвата бѣглецовъ, скрывавшихся въ ущеліяхъ малой Ліахвы, отправилъ роту херсонскихъ гренадеръ съ штабсъ-капитаномъ Андреевымъ. Въ то же время мало-по-малу онъ началъ готовить экспедицію къ Джимуру.

Отдѣленное отъ маграндалетцевъ высокимъ снѣговымъ хребтомъ, племя это тѣснилось въ самыхъ верховьяхъ Ксана и давало у себя приютъ даже такимъ преступникамъ, которыхъ отвергали самыя дикія общества. Изъ Джимурскаго ущелья множество тропъ вело къ Арагвѣ, на Военно-Грузинскую дорогу, и эти-то тропы служили путями для разбойничьихъ наскъ, появившихся между Душетомъ и Койшауромъ.

Чтобы обезпечить по возможности успѣхъ экспедиціи и лишить джимурцевъ возможности искать спасенія въ сосѣднихъ обществахъ, Ренненкампфъ воспользовался двумя ротами 40-го егерскаго полка, возвращавшимися въ то время изъ Турціи. Онъ приказалъ одной изъ нихъ, съ маіоромъ Забродскимъ, запереть мятежникамъ Ксанское ущелье со стороны Душета, а другой — съ маіоромъ Челиевымъ, ущеліе Гуда, со стороны Койшаура; пути на малую Ліахву сторожили херсонцы, съ штабсъ-капитаномъ Андреевымъ.

Такимъ образомъ къ 11 Юля всѣ главные выходы изъ Джимурскаго ущелья были заперты. Реннемкампфъ опасался однако, чтобы джимурцы со всѣми силами не устремились на одинъ изъ этихъ отрядовъ, рѣшилъ идти впередъ, не ожидая уже развязки дѣлъ въ Маграндалетскомъ ущельѣ. Онъ оставилъ въ немъ небольшую колонну, а съ остальными войсками поднялся на снѣговой хребетъ Конго и появился въ Джимурѣ.

Окруженные со всѣхъ сторонъ, осетины не осмѣлились сопротивляться и встрѣтили Ренненкамифа съ хлѣбомъ и солью.

Но въ самой серединѣ Джимурскаго ущелья, на высокой, обрывистой скалѣ, находилось селеніе Тоуганъ-Сопели, по имени обитавшей въ ней фамиліи Того-швили. Старшіе представители этой фамиліи, два родные брата, Куджанъ и Соста-Мурадъ, были два истинные злодѣи, поражавшіе своею кровожадностію даже угрюмыхъ джимурцевъ. Лѣтопись ихъ злодѣяній была такъ велика, что вооружила противъ нихъ даже членовъ ихъ собственной фамиліи. Братья узнали, однако, о заговорѣ, и въ одну прекрасную ночь вырѣзали всю свою фамилію. Съ тѣхъ поръ селеніе Тоуганъ-Сопели, гдѣ совершилось это кровавое дѣло, получило въ народѣ страшную извѣстность и обратилось въ притонъ осетинскихъ разбойниковъ. При приближеніи нашихъ войскъ одинъ изъ братьевъ, Куджанъ, выслалъ въ амапаты сына, но самъ бѣжалъ въ глубь Ксанскаго ущелья и укрѣпился на горѣ Головдуръ. Русскіе нашли селеніе пустымъ, и мрачный замокъ былъ разрушенъ до основанія.

Джимурцы сами извѣстили, гдѣ укрывались разбойники, и майоръ Забродскій, стоявшій въ Ксанскомъ ущельѣ, немедленно отправилъ на рекогносцировку часть грузинской милиціи. Пробираясь лѣсомъ, грузины замѣтили въ чащѣ вооруженнаго человѣка, котораго приняли за часового,—и залпъ изъ ружей положилъ его на мѣстѣ. Но когда грузины подбѣжали къ убитому, то увидѣли молодую женщину, плававшую въ крови. Признаковъ жизни уже не было; грузины сняли съ нее оружіе и, оставивъ трупъ въ лѣсу, отправились дальше. Они принесли въ лагерь извѣстіе, что шайка стоитъ на горѣ въ совершенномъ распахѣ. Тогда Забродскій предложилъ жителямъ самимъ раздѣлаться съ разбойниками, но когда тѣ отказались, онъ ночью напалъ на Головдуръ со своею ротой и захватилъ всю шайку сонною. Только одинъ изъ главнѣйшихъ вожаковъ, Апанаси, вздумавшій защищаться,

былъ убитъ унтеръ-офицеромъ Высоцкимъ, сбросившимъ его въ глубокую пропасть. Всѣ остальные сдались. Въ числѣ плѣнныхъ оказался самъ Буджанъ-Того-швили и та молодая осетинка, которую накануне считали убитою. Эта женщина съ двумя пулями въ груди и съ раздробленнымъ плечомъ имѣла силу и мужество пройти въ ночь болѣе 10 верстъ по страшнымъ кручамъ и скаламъ.

Этимъ закончилась экспедиція генерала Ренненкампа. Войска наши проникли такъ далеко и прошли черезъ такія мѣста, гдѣ не только не была нога русскаго солдата, но куда не доходили даже грузинскіе цари, владѣвшіе Осетію цѣлыя столѣтія. Чтобы судить о трудностяхъ, перенесенныхъ отрядомъ, довольно сказать, что солдаты иногда по нѣскольку разъ въ день подвергались всевозможнымъ атмосферическимъ переменамъ, переходя то отъ чрезмѣрнаго жара къ зимнимъ морозамъ, то, послѣ стужи, попадая въ пространство, раскаленное 40° зноимъ. И все это переносилось бодро, съ такою энергіею, что въ отрядѣ, кромѣ раненыхъ, не было ни одного больного. Государь пожаловалъ Ренненкампу орденъ св. Анны 1 степени и выразилъ особое благоволеніе войскамъ, участвовавшимъ въ походѣ.

Такъ совершилось покореніе южной Осетіи, навсегда утратившей свою независимость. Главнѣйшіе разбойники понесли достойное наказаніе. «Всѣ они—писалъ генералъ Ренненкампъ—заслуживаютъ казни; а такъ какъ разстрѣливаніе не производитъ на горцевъ особеннаго впечатлѣнія, ибо они съ малолѣтства привыкли обращаться съ оружіемъ, то я нахожу за лучшее, для страха другимъ, приказать ихъ повѣсить». Паскевичъ не согласился, однакоже, съ такимъ заключеніемъ, и, назначенная имъ, военно-судная коммиссія приговорила изъ числа 118 плѣнныхъ только 23 человекъ къ прогнанію сквозь строй и къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Въ числѣ ихъ былъ и знаменитый Буджанъ-Того-швили. Опасеніе, что сынъ его, находившійся у насъ аманатомъ, бѣжитъ

и будетъ мстить за своего отца, заставили Ренненкампа отправить въ Сибирь и его, чтобы предотвратить въ Осетин будущіе безпорядки.

Но Осетія покорена была прочно. Жители сами усердно ловили разбойниковъ и приводили ихъ къ русскимъ. Такъ доставлены были два брата, Ахловъ и Магомедъ Руби-швили, бѣжавшіе изъ маграндолетскаго замка. Страхъ попасть въ русскія руки былъ такъ великъ, что извѣстный разбойникъ Саато-Беда-швили, когда жители хотѣли его схватить, самъ застрѣлилъ себя изъ ружья. Въ Осетин не было еще примѣра самоубійства, и смерть Саато, рѣшившагося прибѣгнуть къ такой отчаянной мѣрѣ, поразила населеніе ужасомъ. Осетія поняла, что для нея нѣтъ возврата къ прошлому, и что она начинаеть новую эру своей политической жизни.

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЪ СЪВЕРНУЮ ОСЕТИЮ.

Въ то время, какъ генералъ Ренненкампфъ громилъ южную Осетию, во Владикавказѣ собирался отрядъ для наказанія сѣверныхъ осетинъ и ингушей, обитавшихъ по обѣ стороны Военно-Грузинской дороги, на всемъ протяженіи ея отъ Владикавказа до самаго перевала черезъ главный Кавказскій хребетъ. Вправо—если ѣхать къ Тифлису, жили осетины; влѣво—ингушевскія племена: галгаи, кисты и джерахи. Прочіе ингуши, удаленные отъ Военно-Грузинской дороги и ютившіеся уже въ низовіяхъ Ассы, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ чеченцами, не входили совсѣмъ въ районъ военныхъ дѣйствій отряда, такъ какъ экспедиція въ ихъ землю могла встревожить Чечню и вызвать вовсе нежелательныя для насъ осложненія.

Отрядъ, собиравшійся во Владикавказѣ, состоялъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты—два Севастопольскаго полка и одинъ сводный, *) и изъ двухъ конныхъ сотенъ,—одной Астраханскаго войска, а другой Горскаго линейнаго казачьяго полка. При отрядѣ находились четыре кегорновыя мортиры и четыре горные единорога, поставленные на двухколесные лафеты, устроенные на манеръ горскихъ яробъ, но только съ

*) Двѣ роты были линейнаго баталіона и двѣ отъ егерскихъ полковъ, 39 и 40.

железными осями и оглоблями. Солдатамъ роздали бандули —родъ осетинской обуви для ходьбы по горамъ, а вмѣсто ранцевъ они имѣли черезъ плечо мѣшки съ патронами и продовольствіемъ. Казакамъ приказано слѣзнуться и отдать лошадей подъ выучный обозъ, чтобы по возможности избавить отрядъ отъ наемныхъ туземцевъ червадаровъ.

Начальникомъ этого небольшого отряда былъ назначенъ генералъ-майоръ князь Абхазовъ, человекъ прослужившій тридцать лѣтъ въ Грузіи и отлично знакомый съ мѣстными условіями края. Князь Иванъ Николаевичъ Абхазовъ—грузинъ по происхожденію, былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей славной цвѣтановской эпохи. Онъ однимъ изъ первыхъ грузинъ вступилъ въ русскую службу и проходилъ ее въ рядахъ 17-го егерскаго полка, подъ руководствомъ такихъ учителей, какими были Лазаревъ, Карягинъ и Котляревскій. Участникъ ихъ безсмертныхъ походовъ, Абхазовъ послылъ георгіевскій крестъ за штурмъ Ленкорани, и въ чинѣ подполковника уже получилъ въ командованіе Грузинскій гренадерскій полкъ. Съ открытіемъ персидской войны въ 1827 году Паскевичъ назначилъ его управляющимъ мусульманскими провинціями за Кавказомъ, на мѣсто князя Мадатова. Это назначеніе лишило его возможности участвовать въ военныхъ дѣлахъ, противъ коротко знакомыхъ ему персіянъ и турокъ, но зато спокойствіемъ Нухи, Ширвани и Карабага въ это тяжелое время мы были исключительно обязаны характеру главнаго дѣйствующаго лица въ нихъ—Абхазову. Его стойкость, благородныя правила и ненарушимость разданнаго слова привлекли къ нему сердца всѣхъ мусульманъ и сдѣлали,—какъ выражается Паскевичъ,—болѣе, нежели всѣ пышныя обѣщанія и всѣ изгибы уточненной восточной политики его предмѣстника.

Задача, поставленная теперь передъ Абхазовымъ, заключалась въ обезпеченіи Военно-Грузинской дороги отъ разбоевъ сосѣднихъ народовъ. Соображая взаимное положеніе между

собою этихъ племенъ, Абхазовъ рѣшилъ устремиться сперва на востокъ, чтобы смирить ингушей, и затѣмъ уже обратиться къ прочному покоренію Осетіи. Последнюю цѣль предполагалось хранить до времени въ величайшей тайнѣ, чтобы лишить осетинъ предлога помогать кистинамъ или джерахамъ. Но Абхазовъ смотрѣлъ на это дѣло иначе. Таугарскіе старшины приглашены были имъ во Владикавказъ, и, когда въ числѣ ихъ явились даже такія лица, какъ Бесланъ Шанаевъ,—князь Абхазовъ съ тѣмъ прямымъ умысломъ, которое отличало все его дѣйствія, объявилъ, что русскія войска, усмиривъ безпокойныхъ ингушей, вступятъ и въ ихъ землю, но вступятъ не для стѣсненія ихъ привиллегій, а, напротивъ, чтобы ввести среди нихъ гражданственность, порядокъ и обезпечить права и собственность каждаго. Рѣчь эта имѣла такой успѣхъ, что сорокъ осетинскихъ старшинъ тутъ-же вызвались участвовать съ русскими войсками въ походѣ. Это обстоятельство настолько подорвало противную партію, что она не рѣшилась уже открыто стать на сторону нашихъ враговъ, но, тѣмъ не менѣе, на совѣщаніи у Беслана Шанаева постановила встрѣтить русскихъ на порогѣ своей земли оружіемъ.

Обезпечивъ себя со стороны таугарцевъ и поручивъ назрановскому племени наблюдать за дальними ингушами, Абхазовъ 8 іюля выступилъ изъ Владикавказа двумя колоннами: лѣвая, подъ начальствомъ подполковника Плоткина, *) (баталіонъ иѣхоты, астраханская сотня и 4-ре орудія) пошла къ галгаямъ; правая, при которой находился самъ генералъ Абхазовъ (два баталіона, сотня линейныхъ казаковъ и также 4-ре орудія),—къ Кайтукину посту, за которымъ начинались земли кистинъ и джераховъ.

9 іюля, какъ только колонна Абхазова перешла на правый берегъ Терека, тотчасъ-же завязалась перестрѣлка. Въ джераховскомъ аулѣ Калмикау засѣли кистины, пришед-

*) Командиръ Севастопольскаго иѣхотнаго полка.

шіе сюда изъ своего ущелья, и между союзниками не замедлила произойти серьезная распря. Джераховцы хотѣли положить оружіе, а кистины выгнали ихъ вонъ изъ ихъ же деревни и объявили, что будутъ защищаться одни. Абхазовъ приказалъ начать атаку. Но едва войска тронулись впередъ—кистины бѣжали и были горячо преслѣдуемы, какъ осетинами, такъ и линейными казаками, до тѣхъ поръ, пока страшная крутизна горъ не остановила кавалерію. Тогда конницу смѣнили егеря, и кистины окончательно разсѣялись. Слабое сопротивление непріятеля показывало, что духъ горскихъ народовъ уже подорванъ. И, дѣйствительно, едва отрядъ вступилъ въ Кистинское ущелье, какъ большая часть населенія изъявила покорность. Только немногіе изъ фамиліи Льяновыхъ, да жители Обина отказались дать аманатовъ,—и Абхазовъ рѣшилъ наказать ихъ оружіемъ. 11-го іюля войска, усиленная еще грузинскою милиціей, пришедшей отъ Казбега и истребившей по пути фамиліи замокъ Льяновыхъ, стояли уже передъ Обиномъ.

Всѣ окрестныя высоты, были заняты непріятельскими скопищами. Но попытка кистинъ защищаться привела лишь къ тому, что линейные казаки и осетины опять успѣли заскакать имъ въ тылъ, и непріятель, попавъ между двухъ огней, понесъ большія потери. Обинъ былъ сожженъ, кистины смирились. Въ это самое время пришло извѣстіе, что лѣвая колонна встрѣтила сильное сопротивление у галгаевъ, и Абхазовъ немедленно двинулся туда на помощь. Слухи оказались однакоже преувеличенными. Дѣло заключалось въ томъ, что Плоткинъ, встрѣтивъ у д. Бахчатура сильное непріятельское скопище, состоявшее изъ галгаевъ, галашенцевъ, алхонцевъ и другихъ племенъ, не рѣшился къ ночи переходить оврагъ, прикрывавшій фронтъ непріятельской позиціи, и отложилъ атаку до разсвѣта; 11-го же іюля войска быстро овладѣли вершиной Сугулама, и галган тотчасъ выслали въ лагерь своихъ аманатовъ. Плоткинъ привелъ ихъ къ присягѣ,

и теперь шель на соединеніе съ правой колонпой.

Легкость покоренія ингушевцевъ превзошла самыя смѣлыя расчеты Абхазова; даже незначительныя сопротивленія, встрѣченныя войсками при Калмпикау, въ Обинѣ и на Сугуламѣ, не измѣнили общей картины этого счастливаго для насъ похода. Черезъ недѣлю войска уже возвращались обратно на Терекъ. Погода до этого времени хорошая, теперь совершенно испортилась, начались туманы, попли дожди, и дороги въ горахъ такъ разгрязнились, что движеніе по скользкимъ тропамъ, проложеннымъ надъ кручами, сдѣлалось крайне опасно. Войска шли медленно, небольшими переходами, принимая вездѣ заявленіе покорности,—и если эта покорность не была чистосердечна и искренна, то все же она должна была надолго сдержать хищныя инстинкты населенія. Носились слухи, что гдѣ-то собираются шайки, но о нихъ мало заботились, полагая, что нѣсколько фанатиковъ не могутъ измѣнить общаго настроенія народа. Такъ дошли до Обина. Здѣсь былъ назначенъ привалъ; но еще войска не успѣли разбить бивуака, какъ изъ селенія вдругъ раздались ружейныя выстрѣлы—и трое солдатъ были ранены. Рота Севастопольскаго полка, посланная съ однимъ орудіемъ очистить деревню, ничего не могла сдѣлать горсти кистинъ, за сѣвшею въ крѣпкую башню. Тогда, не желая напрасно тратить людей, Абхазовъ приказалъ ночью подвести подкопъ подъ самыя стѣны,—и утромъ башня, вмѣстѣ съ своими защитниками, взлетѣла на воздухъ. Замѣчательно, что предводитель шайки Маркустъ Бекаевъ, извѣстный своими наѣздами на Военно-Грузинскую дорогу, былъ выброшенъ взрывомъ изъ башни и найденъ живымъ подъ горами развалинъ.

Этимъ эпизодомъ окончилась экспедиція въ землю ингушевцевъ. Отрядъ возвратился во Владикавказъ и съ торжествомъ вступилъ черезъ триумфальную арку, поставленную на крѣпостномъ балу еще въ память Гюллистанскаго мира, заключеннаго генералъ-лейтенантомъ Ртицевымъ въ 1813 году.

На почернѣвшемъ отъ времени деревѣ надпись объ этомъ событіи давно уже стерлась, да и самая память о заслугахъ Ртищева постепенно исчезала вмѣстѣ съ воротами.

Изъ Владикавказа Абхазовъ отправилъ прокламаціи въ Осетию, и прежде всего къ таугарцамъ, приглашая ихъ послѣдовать примѣру ингушей и покориться безъ сопротивленія. Таугарцы отвѣчали отказомъ. Бесланъ Шанаевъ успѣлъ уже собрать до двухъ тысячъ человѣкъ и, признанный единодушно начальникомъ возстанія, занялъ переваль изъ долины Терека въ долину Геналдона. Его самонадѣянность была такъ велика, что онъ не задумался атаковать цѣлую бригаду 20-й пѣхотной дивизіи, слѣдовавшую въ это время изъ Ларса къ Владикавказу. Бой произошелъ въ ларской тѣснинѣ 25 іюля, и хотя нападеніе было отбито съ большимъ урономъ для непріятели, но и войска имѣли убитыхъ и раненыхъ.

Абхазовъ увидѣлъ необходимость дѣйствовать рѣшительно. Онъ выступилъ изъ Владикавказа 26 числа со всѣмъ своимъ отрядомъ и занялъ Ларсъ, откуда пролегалъ удобнѣйшій путь въ Таугарское ущелье. Сводный баталіонъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ маіора Шлыкова, былъ выдвинутъ впередъ и занялъ крайнія высоты надъ Ларсомъ, чтобы обезпечить дальнѣйшее движеніе отряда. Но баталіонъ не успѣлъ еще стать на позиціи, какъ былъ атакованъ двухъ-тысячнымъ сконницею Шанаева. Стрѣлковая цѣпь, выдвинувшаяся слишкомъ впередъ, сразу была опрокинута. Ближайшія роты смѣшались, и видя, что два орудія не могутъ остановить натиска непріятели—въ безпорядкѣ побѣжали назадъ. Баталіоннаго командира не было при баталіонѣ.

Пораженіе Шлыкова могло имѣть печальныя послѣдствія и для всего нашего отряда, тѣмъ болѣе, что въ это самое время сильная перестрѣлка послышалась и впереди, у самой Балты. Тамъ осетинны напали на обозъ Нашебургскаго полка, слѣдовавшаго къ Владикавказу, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, —и овладѣли частію транспорта: нѣсколько повозокъ было

разграблено, два офицера и до 20 солдатъ убиты и ранены. Вѣроятно непріятель нанесъ бы обозу еще большій вредъ, если бы Абхазовъ промедлилъ выступленіемъ изъ Ларса. Къ счастью, быстрое появленіе его на горахъ, на пути къ Таугарскому ущелью, остановило успѣхи мятежниковъ на обоихъ пунктахъ.

Три роты Севастопольскаго полка, посланные впередъ, какъ только увидѣли безпорядочное отступленіе своднаго баталіона, проворно сбросили съ себя мундиры и ранцы, и въ одиѣхъ рубахахъ съ такою стремительностію ударили на таугарцевъ, что непріятель мгновенно былъ отброшенъ назадъ и скрылся въ завалахъ. Въ это время подошли остальные войска Абхазова,—и Бесланъ Шанаевъ, не смѣя думать о защитѣ, бѣжалъ за Геналдонскій перевалъ. Съ его отступленіемъ бѣжала и партія, державшаяся около Балты. Теперь ключъ къ Осетіи находился въ нашихъ рукахъ, и ворота въ Таугарское ущелье стояли открытыя настезь.

День, начавшійся для насъ такъ неудачно, закончился полнымъ торжествомъ русскаго оружія, показавшаго насколько ничтожны передъ нимъ всѣ силы Осетіи. Тѣмъ не менѣе, Абхазовъ, не довольный поведеніемъ въ бою своднаго баталіона, вошелъ въ подробное разслѣдованіе всѣхъ причинъ, вызвавшихъ неудачу. Причины эти, какъ оказалось, лежали въ личныхъ свойствахъ самого баталіоннаго командира. Маіоръ Шлыковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ нервныхъ натуръ, которыя, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, не могутъ быть тѣрпимы въ военной службѣ, какъ люди безусловно вредныя, не умѣющіе въ виду опасности справиться съ собою. Абхазовъ понялъ это своею прямою, честною душою и, обвиняя болѣе всѣхъ самаго себя въ недостаточномъ знакомствѣ съ характеромъ своихъ подчиненныхъ, ограничился, по отношенію къ Шлыкову, слѣдующею оригинальною мѣрою.

Ходатайствуя о награжденіи отличившихся офицеровъ, онъ представилъ и наградной списокъ маіора Шлыкова, про-

писавъ въ графѣ «за что представляется» слѣдующую аттестацію: «40-го егерскаго полка маіоръ Шлыковъ съ 26 на 27-е іюля со своднымъ баталіономъ былъ посланъ занять первую высоту надъ Ларсомъ, но дурно исполнилъ это порученіе. Онъ самъ удалился отъ назначеннаго пункта и слишкомъ удалилъ стрѣлковъ своихъ, которые, два раза подкрѣпленные пѣхотою и казаками и, наконецъ, горнымъ единорогомъ и кегорновою мортирою не могли остановить нападеніе и вынуждены были ретироваться въ безпорядкѣ. Здѣсь маіоръ Шлыковъ не только не оказалъ храбрости, но закрылся противъ пулъ шинелью—и въ этомъ состояли всѣ его дѣйствія и распоряженія.» Затѣмъ въ графѣ: «къ какой удостоивается награда,» значилось: «Въ награду за таковой подвижъ, по мнѣнію моему, онъ заслуживаетъ при первомъ случаѣ быть въ жаркомъ огнѣ, и ежели и тутъ ему не удастся обратить на себя вниманіе начальства, и онъ на опытъ повторитъ свою неспособность для полевой службы,—тогда долженъ быть уволенъ изъ оной въ гражданскую, или куда онъ изберетъ по своей способности.»

Паскевичъ, прочитавъ этотъ любопытный наградный листъ, положилъ резолюцію: «Согласенъ. Употребить въ первомъ дѣлѣ противъ непріятеля». Какъ прошло испытаніе, и куда дѣвался Шлыковъ впоследствии—свѣдѣній нѣтъ; по крайней мѣрѣ, имя его уже не встрѣчается въ дальнѣйшихъ реляціяхъ.

Въ тотъ же день, войска заняли селеніе Санибъ и стали бивуакомъ. Селеніе было пусто; но жители, успокоенные прокламаціями Абхазова, мало-по-малу стали возвращаться домой,—и первыми явились представители старѣйшихъ осетинскихъ фамилій Кондуховы и Есенева. Абхазовъ объявилъ имъ прощеніе, но поставилъ условіемъ выдачу мятежника Шанаева. Между тѣмъ всѣ старшины и выборные окрестныхъ таугарскихъ ауловъ собраны были въ лагерь и здѣсь, подъ знаменами Севастопольскаго полка, принесли присягу на вѣрность Россійскому государю. Только одна деревня Геналъ

отказалась участвовать въ этомъ собраніи и зато была сожжена, вмѣстѣ съ полями засѣяннаго хлѣба.

Бой на высотахъ Саниба, и затѣмъ слухъ о разгромѣ южныхъ осетинъ, рѣшили участь и сѣверной Осетин. Бесланъ Шенаевъ, добровольно сложивъ съ себя званіе народнаго вождя, явился къ Абхазову съ повинной головою. «Я ничего не могу обѣщать,—сказалъ ему Абхазовъ:—но буду ходатайствовать, чтобы тебѣ оставлена была жизнь». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ отъ Шенаева вывести изъ горъ тѣхъ жителей, которые еще не возвратились къ своимъ домамъ, а самому на слѣдующій день прибыть въ д. Кани, и тамъ ожидать рѣшенія своей судьбы.

30-го іюля весь отрядъ вышелъ изъ деревни Саниба и, переправляясь черезъ бурныя рѣки по мостамъ, устроеннымъ уже самими таугарцами, прибылъ въ Кани. Здѣсь, на полянѣ, недалеко отъ той горы, гдѣ, по народнымъ повѣрьямъ, обитаетъ святой Нохъ-Дзуаръ, и стоитъ его жертвенникъ—отрядъ былъ встрѣченъ Шенаевымъ съ семью сыновьями и главными коноводами возстанія. Всѣ они тотчасъ были взяты подъ стражу, впродъ до рѣшенія ихъ участи фельдмаршаломъ.

Смиривъ таугарцевъ, отрядъ прошелъ въ Куртатинское ущелье, разорилъ четыре аула и страхомъ дальнѣйшаго возмездія вынудилъ жителей дать аманатовъ. Этому примѣру послѣдовали и жители Гизельдона. Теперь оставались непокорными только двѣ деревни, Кобани и Ламардонъ, которыя не хотѣли и слышать о повиновеніи. Изъ этихъ двухъ пунктовъ Кобани обращала на себя особое вниманіе Абхазова. Она была расположена за Гизельдонскимъ ущельемъ, обрамленнымъ отвѣсными скалами, сходящимися мѣстами ближе чѣмъ на четыре сажени. Быстрый Гизельдонъ, прядая каскадами на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, дѣлаетъ дорогу непроходимую даже для вьюкозъ, а при такихъ условіяхъ и пятьдесятъ рѣшительныхъ и отважныхъ горцевъ, взобравшись на утесы,

могли нанести отряду большія потери. Но обстоятельства измѣнились, какъ только гизельдонцы изъявили покорность. Они сами засѣли на скалы и охраняли ущелье во все время слѣдованія русскаго отряда.

Кобани покорились безъ выстрѣла; но даже и это не повліяло на буйныхъ ламардонцевъ, которые продолжали готовиться къ защитѣ. Среди неприступныхъ утесовъ и скалъ грозно возвышался старшій осетинскій замокъ и далеко виднѣлись его законченныя башни, не разъ въ тяжелыя дни выручавшія своихъ обитателей. Воображеніе невольно населяло этотъ замокъ толпами духовъ и привидѣній, но въ сущности, тамъ жили только разбойники. Замокъ принадлежалъ фамиліи Карсановыхъ, всегда независимой, наводившей страхъ на цѣлую окрестность, и теперь не хотѣвшей входить ни въ какія сношенія съ Абхазовымъ. Абхазовъ приказалъ партизанскому отряду, изъ ста человекъ пѣхоты и 25 линейныхъ казаковъ, овладѣть Ламардономъ,—и партизаны отважно исполнили свое назначеніе. Деревня была ими взята, замокъ сожженъ, и башни взорваны: сами Карсановы успѣли бѣжать, но ихъ оставили въ покоѣ, потому что съ потерю имущества они утратили свое вліяніе и не могли уже быть для насъ опасными.

Послѣдній ударъ разразился надъ деревнею Чеми, стоявшей на склонѣ горы, надъ самою Военно-Грузинской дорогой, которая съ высокихъ башенъ видна была на далекое протяженіе. Башни эти—вѣчный пріютъ придорожныхъ разбойниковъ, были взорваны, а жители переселены на плоскость.

Такъ окончилась экспедиція Абхазова въ сѣверную Осетию. Не желая оставлять въ землѣ таугарцевъ никакихъ памятниковъ, принадлежащихъ русскимъ, онъ вывезъ съ собою бывшій у нихъ фальшоветъ и чугунный столбъ, отбитый осетинами въ Ларсѣ въ то время, когда его везли въ Тифлисъ для монетнаго двора еще во времена Гудовича.

6-го августа отрядъ вернулся во Владикавказъ и быть распущенъ.

Страхъ, наведенный на осетинъ одновременнымъ дѣйствіемъ нашихъ отрядовъ по обѣимъ склонамъ Кавказскаго хребта, заставилъ ихъ безусловно согласиться на все, что имъ было предложено. Главнѣйшіе коноводы возстанія были преданы военному суду и понесли жестокою кару. Двое изъ нихъ, прапорщикъ Азо Шенаевъ и Бита Кануковъ, какъ измѣннишіе долгу присяги, приговорены къ смертной казни; десять представителей старѣйшихъ осетинскихъ фамилій, и въ томъ числѣ самъ Бесланъ Шенаевъ, сосланы въ Сибирь на поселеніе; туда же послали и всѣхъ аманатовъ отъ тѣхъ племенъ, которыя намъ измѣнили, а малолѣтніе изъ нихъ были обращены въ каптонисты. На этой мѣрѣ особенно настаивалъ Абхазовъ, писавшій Паскевичу, что бесполезно брать аманатовъ, если они при малѣйшей шалости горцевъ будутъ оставаться безъ наказанія.

Народъ потерялъ свое самоуправленіе и свои привилегіи. Изъ всѣхъ земель, принадлежавшихъ къ владѣніямъ таугарцевъ, куртатинъ, джераховъ, кистинъ и галгаевъ образовалось приставство, которое должно было внести въ жизнь осетинскаго народа начала гражданскаго порядка. Приставъ назначался изъ русскихъ офицеровъ, а его помощники и старшины въ аулахъ хотя и были туземцы, служившіе по народнымъ выборамъ, но никто изъ нихъ не могъ уже смѣняться безъ воли русскаго правительства. «Я надѣюсь—писалъ по этому случаю Абхазовъ въ своихъ прокламаціяхъ:—что съ избраніемъ вами помощника пристава положится конецъ гибельному кровомщенію, поселяющему раздоры въ вашихъ семействахъ. Правительство предоставляетъ себѣ карать нарушителей общественнаго спокойствія, и потому всѣ убійцы должны быть представляемы начальству, отнюдь не мѣтя ихъ семействамъ. Я приказалъ разобрать прежнія кровомщенія и предпримваю немедленно прекратить всякій искъ крови.

«Объявляю вамъ также, писалъ Абхазовъ далѣе: что всякій изъ васъ, встрѣченный вооруженнымъ на большой Военно-Грузинской дорогѣ, будетъ арестованъ и представленъ во Владикавказъ для строгаго наказанія. Вамъ, какъ подданнымъ великаго государя, нѣтъ никакого опасенія ходить безъ оружія; но мѣра сія необходима для того, чтобы остановить гибельныя намѣренія злоумышленниковъ.» Такимъ образомъ всѣ уголовныя преступленія судились уже по общимъ законамъ имперіи, а для разбора дѣлъ частныхъ и тяжёбныхъ во Владикавказѣ былъ учрежденъ особый судъ, также съ участіемъ туземцевъ, но подъ предсѣдательствомъ владикавказскаго коменданта. Наконецъ, самое главное, старинная привиллегія осетинъ— сборъ пошлины съ проѣзжавшихъ по Военно-Грузинской дорогѣ, была отмѣнена, а, напротивъ, они сами были обложены податью, состоявшею изъ одного барана, двухъ курицъ и 8 фунтовъ сыру съ каждаго двора.

Внимательный обзоръ Военно-Грузинской дороги и ближайшее знакомство съ характеромъ горскихъ народовъ удостоверяли Абхазова, что путь отъ Владикавказа до Казбека никакъ не можетъ быть прикрытъ боковыми постами, такъ какъ хищники всегда найдутъ тропы, которыми будутъ пользоваться и проходить не замѣченными мимо нашихъ кордоновъ. Имѣя это въ виду, Абхазовъ предложилъ поселить возлѣ дороги четыре казачьи станицы: у Балты, Ларса, Чеми и Колмибау, съ тѣмъ, чтобы запереть осетинамъ выходъ на плоскость и поставить ихъ въ положеніе, въ которомъ они находились во время владычества въ странѣ кабардинцевъ. Недостатокъ земельныхъ угодій, по мнѣнію Абхазова, не могъ служить препятствіемъ къ осуществленію этой идеи, такъ какъ ближайшіе къ станицамъ осетины должны были или выселиться на владикавказскую равнину, или смѣшаться съ казаками, черезъ что, какъ полагалъ Абхазовъ, скоро сольются въ одинъ народъ и будутъ исполнять всѣ повинности, къ которымъ будутъ призваны.

Большая часть осетинъ покорно подчинилась распоряженіямъ русскаго правительства; но были люди, которые не хотѣли примириться съ установленнымъ порядкомъ и втайнѣ подготавливали новое возстаніе. Движеніе началось въ д. Кобани. Абхазовъ, внимательно слѣдившій за настроеніемъ умовъ въ Осетіи, рѣшилъ потушить пожаръ прежде, чѣмъ онъ разгорится и для этого воспользовался самымъ суровымъ временемъ года—зимою, когда появленіе русскихъ войскъ въ горахъ считалось невозможнымъ. 10-го декабря сто человѣкъ линейнаго баталіона, выступивъ изъ Владикавказа, заняли Гизельдонское ущелье, подъ видомъ заготовки дровъ. Прибытіе ихъ не возбудило ни въ комъ подозрѣнія, такъ какъ появленіе рабочихъ командъ было дѣломъ обыкновеннымъ, а между тѣмъ, на другой день къ нимъ скрытно подошло еще сто человѣкъ, и весь отрядъ, подвинувшись впередъ, сталъ въ трехъ верстахъ отъ Кобани, закрывая собою входъ въ Гизельдонское ущелье. Не успѣли жители хорошенько сообразить въ чемъ дѣло, какъ къ передовому отряду явился самъ Абхазовъ съ цѣлымъ баталіономъ пѣхоты и 4 орудіями: Кобани были тотчасъ заняты, и растерявшіеся жители покорно выслушали суровый приговоръ. Имъ велѣно было немедленно выйти изъ деревни со всѣмъ скотомъ и имуществомъ. Когда это было исполнено, деревня запылала съ четырехъ сторонъ и гулъ, потряспій окрестныя горы, возвѣстилъ о взрывѣ каменныхъ башенъ, составлявшихъ оплотъ и гордость Кобани. Въ тотъ-же день отрядъ двинулся обратно, а вмѣстѣ съ нимъ потянулись и жители, пересѣляемые на плоскость, въ окрестности Владикавказа.

Съ этой минуты Осетія не имѣетъ уже болѣе своей исторіи. Прошли годы культурнаго развитія ея подъ кровомъ Россіи и въ своемъ теченіи настолько стерли самый слѣдъ бытовой самостоятельности народа, что южныя осетины, окончательно слились съ грузинами, а сѣверные,—хотя и сохранили свои національныя черты, но сближеніе ихъ съ

русскою народностію идетъ чрезвычайно быстро. Былое время живетъ еще въ воспоминаніяхъ старыхъ людей, но это время рисуется уже не въ свѣтлыхъ, привлекательныхъ образахъ, а въ мрачныхъ, обрызганныхъ кровью, картинахъ. Старики говорятъ; «Мы до тридцатаго года не боялись Бога и проводили всю жизнь въ грабежахъ и убійствахъ, а «Абхазій» разомъ все прекратилъ.» Его особенно уважаетъ простой народъ, первый почувствовавшій на себѣ благія послѣдствія мѣръ, принятыхъ русскимъ правительствомъ.

Время князя Абхазова служитъ для Осетіи эрою. Самое имя его упрочилось въ народѣ такъ глубоко, что когда осетинъ желаетъ опредѣлить какое нибудь событіе, то говоритъ: оно случилось «до или послѣ Абхазія.» Паскевичъ высоко ставилъ его дѣятельность. Оставляя Кавказъ, фельдмаршалъ вызвалъ его въ Польшу; но Абхазову не суждено было доѣхать до мѣста новаго своего назначенія: онъ умеръ на дорогѣ отъ холеры.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БЮГРАФІЯХЪ.

В. ПОТТО.

ТОМЪ 5-й.

ВРЕМЯ ПАСКЕВИЧА.

ВЫПУСКЪ 2-й.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БЮГРАФІЯХЪ.

В. ПОТТО.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторій героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ притѣвственной рѣчи графа Соллогуба
Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу,
при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

ТОМЪ 5-й.

ВРЕМЯ ПАСКЕВИЧА.

ВЫПУСКЪ 2-й.

Типографія Окружнаго Штаба Кавказскаго военнаго округа.

Дозволено военнымъ цензоромъ генераль-лейтенантомъ Чер-
нявскимъ.—Тифлисъ. 1-го Марта 1890 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

XI. Начало борьбы съ мюридизмомъ	159
XII. Койсубулинская экспедиція. (Поэтъ Полежаевъ) .	177
XIII. Последнее затишье передъ взрывомъ	193
XIV. Первое возмущеніе джарцевъ. (Шихъ-Шабанъ) .	209
XV. Второе возмущеніе джарцевъ. (Гамзатъ-бэкъ) .	223
XVI. Неудачная попытка взять Старыя Закаталы .	233
XVII. Штурмъ Закаталъ и усмиреніе Джарской области .	243
XVIII. Чечня послѣ Ермолова	259
XIX. Чечня во время турецкой войны	271
XX. Предвѣстники возстанія	285
XXI. Вельяминовская экспедиція	305

ХІІ.

НАЧАЛО БОРЬБЫ СЪ МЮРИДИЗМОМЪ.

Бой подт Хунзахомъ, окончившійся полнымъ пораженіемъ скопищъ Кази-муллы, казалось, подѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ на толпы, увлеченныя его ученіемъ. Удепты тариката увидѣли теперь насколько слабы и не подготовлены были средства къ борьбѣ не только съ могущественною русскою державою, но даже съ тѣми единовѣрцами, которые не пожелали признать провозглашенныхъ Кази-муллою принциповъ. Вѣра въ значеніе и правоту святаго дѣла значительно поколебалась, и край видимо сталъ успокоиваться. Даже аракапцы опять призвали къ себѣ Сеида, выгнаннаго Кази-муллою и просили у него прощенія.

Самъ Кази-мулла, покинутый своими послѣдователями, укрылся въ одинокой землянкѣ, въ сторонѣ отъ Гимрѣ, и сталъ проводить время въ постѣ и молитвѣ, повидимому не принимая болѣе никакого участія въ дѣлахъ своей родины. Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣмъ казалось. Но въ дѣйствительности Кази-мулла былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко отказываются отъ разъ задуманныхъ ими плановъ. Окруживъ себя ореоломъ святой и подвижнической жизни, усердно охраняемый въ своемъ убѣжищѣ ревнителями вѣры, онъ зорко слѣдилъ отсюда за всѣмъ, что дѣлалось вокругъ и чутко прислушивался къ малѣйшему движенію въ воздухѣ. Хорошо зная духъ своего народа, онъ былъ убѣжденъ, что хунзах-

ская неудача обратится въ ничто при первомъ успѣхѣ, и пастойчиво, съ удвоенною энергіею шель къ намѣченной цѣли.

Кази-мулла терпѣливо выжидалъ благопріятной минуты. И вотъ, одно обстоятельство, случившееся какъ нельзя болѣе кстати, помогло ему наконецъ выйти изъ его невольнаго затворничества. Это было страшное землетрясеніе, которое продолжалось около мѣсяца. Самые старые люди не понимали подобнаго грознаго явленія природы. По словамъ очевидцевъ трудно себѣ представить что нибудь болѣе ужасное: на всемъ пространствѣ, отъ Хунзаха до деревни Андреевой, земля колебалась и давала громадныя трещины, дома рушились, люди гибли, и паника овладѣвала даже животными: метались испуганныя стада, жалобно блеяли, столпившіеся въ кучу, овцы и выли собаки. Пораженные суетвѣрнымъ ужасомъ, умы впечатлительныхъ горцевъ видѣли въ постигшемъ несчастіи знаменіе Божьяго гнѣва. Кази-мулла спѣшилъ воспользоваться грозными стихійными силами, и изъ его землянки раздался голосъ, призывавшій всѣхъ правовѣрныхъ горцевъ собраться на 27-е февраля въ Унцукуль для рѣшенія великаго народнаго дѣла.

Не всѣ, но многіе старшины, муллы, кадїи и простые люди, изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ, откликнулись на этотъ призывъ, и Унцукуль къ назначенному времени переполнился наѣзжими гостями. Кази-мулла явился въ сопровожденіи Шамиля и двухъ-трехъ преданнѣйшихъ мюридовъ. Потупивъ глаза, ни на кого не глядя, прошелъ онъ между сплошными стѣнами народа въ мечеть, медленно поднялся по ступенямъ каеэдры, и рѣчь его полилась съ тѣмъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, которые такъ увлекало слушателей. Онъ говорилъ о колебаніи земли, какъ о явномъ знаменіи Божьяго гнѣва, чаша котораго уже переполнилась, училъ народъ со смиреніемъ переносить неудачи, ниспосылаемыя свыше, укорялъ малодушныхъ, пророчилъ въ будущемъ близкое торжество ислама. «Кровь, оставшаяся на желѣзѣ, го-

ворилъ онъ, дымится и порождаетъ ржавчину; кровь, пролитая вашими братьями и не смытая съ хунзахскихъ скалъ, вопіеть о мщеніи. Берегитесь, чтобы она не покрыла ржавчиною ваши души. Какъ желѣзо очищается растительными средствами, такъ спѣшите очистить ваши души и помыслы постомъ и покояніемъ. Готовьтесь къ великой борьбѣ молитвою. Придетъ часъ, который мнѣ будетъ указать свыше,—и я разверну знамя газавата. Тогда горе тому, кто за нимъ не послѣдуетъ».... Долго говорилъ Кази-мулла все въ томъ же направленіи, и растроганный народъ въ концѣ-концевъ вынесъ убѣжденіе, что виною неудачи подъ Хунзахомъ были его собственныя сомнѣнія и колебанія въ истинахъ тариката. Звѣзда Кази-муллы загорѣлась ярче прежняго и, когда онъ вернулся изъ Унцукуля, въ числѣ его тайныхъ послѣдователей насчитывалось уже болѣе 20-ти тысячъ семействъ. Пропганда шла чрезвычайно быстро.

Хунзахскій бой впервые указалъ русскимъ властямъ на ненормальное положеніе вещей въ краѣ; но насколько оно имѣло серьезное значеніе, трудно было пока опредѣлить по тѣмъ запоздалымъ свѣдѣніямъ, которыя получались въ Тифлисѣ. Съ одной стороны выходило такъ, что Кази-мулла, разбитый и уничтоженный, преслѣдуемый народной враждой, долженъ скрываться по кутанамъ, не смѣя даже показываться на глаза своихъ соплеменниковъ, а съ другой—что настроеніе умовъ въ народѣ до того намъ враждебно, что надо ежеминутно опасаться новаго взрыва.

Фельдмаршалъ никакъ не могъ разобраться въ массѣ разнорѣчивыхъ свѣдѣній и, чтобы выйти изъ такого неопредѣленнаго положенія, послалъ въ Дагестанъ, состоявшаго при немъ, майора Корганова съ секретнымъ порученіемъ развѣдать на мѣстѣ объ истинномъ положеніи дѣлъ и, если окажется нужнымъ, схватить Кази-муллу, съ уничтоженіемъ котораго, какъ полагали, должна была пасть и самая секта.

Это была первая рѣшительная мѣра, принятая русски-

ми властями для разъясненія загадочнаго для нихъ явленія мюридизма. Вообще на этотъ вопросъ до этого времени обращалось весьма мало вниманія, и такимъ индифферентнымъ отношеніемъ къ дѣлу только и можно объяснить ту непроницаемую тайну, которой облекались всѣ дѣйствія Кази-муллы, извѣстныя десяткамъ тысячъ людей, неустанно работавшимъ надъ одною и тою же идеею. Эти люди, за исключеніемъ весьма немногихъ, были простые, малоразвитые горцы, имѣвшіе самыя смутныя понятія о своихъ религіозныхъ обязанностяхъ, а потому Кази-муллѣ не трудно было овладѣть ихъ умами, тѣмъ болѣе, что основная идея его стремленийъ вылилась въ простой и удобопонятной формѣ — «газавать русскимъ». Въ такомъ духѣ пропаганда росла и укрѣплялась въ народѣ. А между тѣмъ еще не ушло время окончить начинавшееся движеніе — нужны были только разумныя и энергическія мѣры, а для этого прежде всего ясное пониманіе дѣла. При такомъ положеніи вещей состоялось назначеніе Корганова. Чтобы понять въ чьи руки попало тогда въ Дагестанѣ русское дѣло, имѣвшее столь важное значеніе для спокойствія края, ознакомимся прежде всего съ личностію самаго Корганова и съ характеромъ его предшесвовавшей дѣятельности. Коргановъ — тифлисскій уроженецъ, былъ человѣкъ умный, хитрый, выпедшій въ люди изъ ничтожества, благодаря только пронырливости и той печальной роли, какую игралъ онъ по отношенію къ Ермолову въ тѣ дни, когда могущество послѣдняго стало клониться къ закату. Своєю дѣятельностію Коргановъ съ давняго времени пріобрѣлъ въ цѣлой Грузіи самое невыгодное мнѣніе, и если всѣ отдавали справедливость его уму, то въ равной же мѣрѣ всѣ презирали его нравственныя качества. Позднѣе, когда Паскевича уже не было въ краѣ, генераль Панкратьевъ въ своемъ донесеніи государю такъ охарактеризовываетъ нравственный обликъ этого, въ своемъ родѣ, замѣчательнаго человѣка. «Хотя генераль-фельдмаршалъ — говорилъ онъ: — и считалъ полезнымъ упот-

реблять его, (Корганова), къ выполнению нѣкоторыхъ порученій, какъ человѣка особенно хитраго и знающаго здѣшніе народы, но я съ своей стороны полагаю, что дерзкая и ненасытная алчность этого чиновника къ корысти и стяженію дѣлаютъ его нетерпимымъ на службѣ, и особенно вреднымъ въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ поступки его вызываютъ нареканія на самое начальство и даже на русское имя». И вотъ, такой-то человѣкъ, которому среди грузинъ и русскихъ не было другаго имени, какъ «Ванька-Каннъ», является вершителемъ судебъ Дагестала.

Коргановъ прибылъ въ Дагестанъ, облеченный такимъ довѣріемъ Паскевича и такими полномочіями, какими не пользовался ни одинъ изъ командовавшихъ на Кавказѣ генераловъ. Довольно напр. сказать, что это загадочная личность, будучи всего въ чинѣ майора, распоряжалась, всеми войсками, расположенными какъ въ Дагестанѣ, такъ и на лѣвомъ флангѣ, руководила военными дѣйствіями арестовывала мѣстныхъ владѣтелей, договаривалась именемъ правительства съ туземными племенами, аттестовывала всѣхъ ближайшихъ отдѣльныхъ начальниковъ и пр. и пр. Впослѣдствіи когда, по волѣ государя, возникъ вопросъ о томъ, кто далъ Корганову такія полномочія и въ чемъ они заключались? на это не могли отвѣтить ни Панкратьевъ, ни Емануель, ни даже самъ Паскевичъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ никакихъ определенныхъ полномочій дано ему не было, а все заключалось лишь въ томъ нравственномъ довѣріи фельдмаршала, при которомъ каждое слово Корганова въ глазахъ его было непреложной истиной *).

Впрочемъ, не столько удивительно самозванное уполномоченіе Корганова, какъ поразительно безпрекословное исполненіе требованій его (напр. даже объ открытіи военныхъ дѣй-

*) Свѣдѣнія о дѣятельности Корганова въ Дагестанѣ заимствованы изъ официальнаго дознанія, произведеннаго по Высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантомъ Панкратьевымъ. (Арх. Окр. Штаба Кав. воен. окр. Секретное дѣло особаго дежурства 1830 г. № 36).

ствій) всѣми второстепенными начальниками, не ожидавшими даже на то приказаній своихъ непосредственныхъ начальниковъ, точно личность Корганова, съ момента своего прибытія въ Дагестанъ, замѣняла послѣднихъ.

Объѣхавъ, Казикумыкское ханство и Акашу, Коргановъ въ концѣ февраля мѣсяца прибылъ въ Дженгутай и поселился во дворцѣ мехтулинскаго хана. Дагестанскія владѣтели, сразу угадавшіе въ лицѣ Корганова любимца и наперстника Паскевича, поспѣшили окружить его раболѣпствомъ и угодливостью—а это еще болѣе увеличило фальшивость той роли, которую принялъ на себя Коргановъ и дало ему поводъ дѣйствовать по отношенію къ самимъ ханамъ вполне самовластно и безцеремонно. Чтобы имѣть вездѣ глаза и уши, онъ прежде всего пристроилъ къ себѣ родного брата, прапорщика Грузинскаго полка, и привезъ съ собою двухъ нухинскихъ бековъ, которыхъ посвятилъ во всѣ свои секреты, и которые часто самопроизвольно дѣйствовали именемъ своего принца. При такихъ условіяхъ, когда все, опасавшееся гнѣва Паскевича, замкнулось въ гробовое молчаніе, Корганову не трудно было устроить свою систему шпіонства, тѣсно связаннаго съ самымъ широкимъ произволомъ и хищничествомъ, ставившимъ на первое мѣсто личные его интересы. Запуганные владѣтели, изъ боязни быть очерченными передъ Паскевичемъ, старались задобрить Корганова, кто червонцами, кто цѣнными подарками, а кто и красивыми дѣвушками, доставлявшимися къ нему даже изъ сокровенныхъ ханскихъ гаремовъ. Самъ Коргановъ, проводя время въ кутежахъ и оргіяхъ, обратилъ ханскій дворець,—какъ выражается Ибрагимъ-бекъ карчagsкій, одинъ изъ молодыхъ и преданныхъ намъ владѣльцевъ—въ притонъ разврата, пьянства и картежной игры. Молва объ этомъ шла по всему Дагестану и оскорбляла народную нравственность. Но все это не мѣшало однако Корганову, въ минуты свободныя отъ разгула, производить дѣятельныя развѣдки, стараясь проникнуть сквозь таинственную завѣсу,

скрывавшую за собою нѣчто туманное и неразгаданное. Изъ Мехтулы онъ попытался даже дѣйствовать подкупомъ, чтобы отъ близкихъ къ имаму людей вывѣдать тайны, которыя были имъ увѣрены. Но суровые мюриды не хотѣли торговать своею совѣстью и не пошли на приманку. Тогда Коргановъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ и написалъ къ Кази-муллѣ письмо, стараясь разъяснить ему могущество, величіе души и милосердіе рускаго государя. «Правда—писалъ онъ:— у васъ въ алкоранѣ сказано, что вы не должны служить христіанамъ, но пророкъ повелѣваетъ вамъ покоряться сильному, а вы со мною согласитесь, что вы много слабѣе Государя Россійскаго».... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысли изложенныя въ этомъ письмѣ были мыслями самого Паскевича, и будь проводникомъ ихъ иной человѣкъ, они быть можетъ и произвели-бы еще кое-какое полезное воздѣйствіе; но, къ сожалѣнію, душевныя качества Корганова обрисовались въ то время уже настолько рельефно, что горцы, гдѣ было можно, видимо отъ него сторонились.

Прождавъ напрасно нѣсколько времени отвѣта на свое письмо, Коргановъ, вмѣстѣ съ Ибрагимъ-бекомъ корчагскимъ, отправился въ Аварію, гдѣ онъ еще не былъ. Въ Хунзахѣ, во дворцѣ Нуцаль-хана, въ это время шли празднества. Вернушіеся изъ Петербурга депутаты привезли съ собою георгиевское знамя народу, подарки членамъ ханскаго дома, и безконечныя рассказы о величій и щедротахъ русскаго государя. Казалось бы, что это былъ наилучшій моментъ для привлеченія аварцевъ на нашу сторону; но, къ сожалѣнію, политическія обстоятельства и здѣсь уже сложились не въ нашу пользу. Аварія была раздраема внутренними смутами, невольною причиною которыхъ являлся все то же совладѣлецъ въ части Аваріи—Сухой-ханъ, отъ котораго честолюбивая ханша Паху-Бике никакъ не могла отдѣлаться; съ другой стороны, слухъ о намѣреніи Паскевича пройти съ войсками изъ Кахетіи въ Дагестанъ тревожилъ аварцевъ,

опасеніемъ, чтобы русскіе не утвердились навсегда въ странѣ, столько вѣковъ гордившейся своею независимостью; а къ этому прибавилось еще и личное раздраженіе ихъ противъ самого Корганова. При такихъ условіяхъ даже хунзахская побѣда не могла возстановить того уваженія къ преданному Россіи ханскому дому, которымъ пользовались нѣкогда могущественные владѣтели Аваріи; при общемъ недовольствѣ, шаріатъ свободно продолжалъ распространяться по аварскимъ селеніямъ и даже закрался въ Хунзахъ, гдѣ образовалась партія враждебная Россіи уже при самомъ дворѣ. Во главѣ ея стали ханша Гехили и старій Али-бекъ, воспитатель. Нуцаль-хана, имѣвпій огромное вліяніе на свое питомца. Дѣятельность этой партіи выразилась прежде всего въ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Корганову. Суровый Али-бекъ взволновалъ народъ и, опираясь на слухъ, что вслѣдъ за Коргановымъ идетъ русская войско, арестовалъ Абрагима-бека въ своемъ собственномъ домѣ. Вмѣстительство ханши Паху-Бике заставляло его освободить дагестанскаго владѣльца; но зато угрозы Али-бека перешли на самого Корганова. Онъ велѣлъ сказать ему, что «если русскіе и прибыли сюда благополучно, то еще неизвѣстно, какъ они выйдутъ изъ Аваріи.» Положеніе Корганова дѣйствительно становилось уже не безопаснымъ. Къ его счастью, какъ разъ въ это время полученъ былъ давно ожидаемый отвѣтъ Кази-муллы, который, такъ сказать, позволялъ ему отступить изъ Аваріи съ частью. Кази-мулла писалъ, что удивляется, въ чемъ могутъ обвинять его русскіе, когда онъ не сдѣлалъ имъ никакого зла, и просилъ Корганова дать ему свободный пропускъ въ Мекку, гдѣ полагалъ окончить жизнь сою у гроба пророка. Коргановъ поспѣшилъ въ Дженгутай, чтобы при помощи мехтулинскаго хана устроить свиданіе къ Кази-муллою—и на пути едва самъ не заплатился жизнью. Около Гоцатля занимъ погналось чело-вѣкъ триста конныхъ аварцевъ, и если бы Коргановъ случайно не попалъ на бродъ черезъ Аварское Койсу, то былъ бы истребленъ вмѣстѣ со своимъ конвоемъ.

Въ Дженгутаѣ Корганова, ожидало новое разочарованіе: онъ убѣдился, что Кази-мулла его обманываетъ и не только не думаетъ о поѣздѣ въ Мекку, но, напротивъ, укрѣпляетъ Гимры, ведетъ переговоры съ чеченцами и даже послалъ нѣсколько мюридовъ въ самый Хунзахъ, чтобы склонить упрямую правительницу Паху-Бике присоединиться къ нему во имя религіи. Ханша извѣстила объ этомъ Корганова. «Кази-мулла—посала она:—желаетъ со мною примириться, и если я успѣю уговорить его на свиданіе, то, угостивъ, надѣюсь окончить его жрежій. Когда же не успѣю я въ семъ предпріятіи, то есть у меня въ Унцукулѣ десять человекъ приверженцевъ, да пять въ Бѣлоканахъ, на которыхъ я могу положиться. Они нѣсколько разъ приѣзжали ко мнѣ, предлагая свои услуги, и брались исполнить всѣ предложенія, какія только будутъ имъ сдѣланы, даже если бы они сопряжены были съ опасностію для жизни.» Вопросъ шелъ только о деньгахъ такъ какъ ханша просила сто тумановъ—тысячу рублей серебромъ. Корганову показалось однакоже выгоднѣе отдать все предпріятіе въ руки мехтулинскаго хана, которому можно было заплатить не червонцами, а двумя-тремя деревнями изъ числа шамхальскихъ владѣній. Ханъ согласился, и съ свое стороны подыскать одного бѣглаго казанищенскаго бека, Хасбулата, который обѣщаль ему доставить Кази-муллу живого или мертваго. Хасбулатъ дѣйствительно отправился въ Гимры—но тамъ и остался, открыто перейдя на сторону имама. Дѣло, такимъ образомъ, получило полную огласку, и послѣ того—какъ писала ханша Паху-Бике—не находилось уже ни одного человека, который взялся бы за это предпріятіе и за 500 тумановъ.

Раздосадованный неудачею, Коргановъ въ оправданіе себя постарался огуломъ очернить передъ Паскевичемъ всѣхъ дагестанскихъ владѣтелей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ отчасти и правъ, такъ какъ искренности дѣйствительно не было ни въ комъ—всѣ дѣйствовали прежде всего въ своихъ

видахъ и интересахъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ эти лица были намъ преданы только потому, что это одно и обезпечивало ихъ династическiе интересы; но въ то же время, не видя надъ собою твердой руки, которая направляла бы ихъ дѣйствiя къ одной опредѣленной цѣли, они неохотно шли противъ общаго теченiя и разными поблужками старались обезпечить свои положенiя и популярность въ народѣ. Былъ напр. такой случай. Въ владѣнiяхъ Асланъ-хана казикумыкскаго проживалъ въ въ то время извѣстный мулла Магометъ ярагскiй, первый бросившiй въ толпу сѣмена новаго ученiя. Паскевичъ приказалъ арестовать его и доставить въ Тифлисъ. Мулла былъ схваченъ, но съ дорога бѣжалъ, и Асланъ-ханъ постарался не только выгородить конвойныхъ, но и самого бѣжайшаго. Онъ писалъ генералу Краббе, что сожалѣеть о случившемся, «ибо мулла Магометъ сдѣлалъ бы лучше, если бы самъ явился къ русскимъ, которые убѣдились бы тогда, что этотъ человѣкъ есть образецъ добродѣтели, отказавшiйся, подобно христанскихъ монаховъ, отъ свѣта, не желающiй почестей и не дѣлающiй никому зла».... Нѣтъ сомнѣнiя, что побѣгъ ярагскаго проповѣдника произошелъ не безъ тайнаго участiя самого Асланъ-хана, но подозрѣвать его въ умышенномъ покровительствѣ мюридизму нельзя уже потому, что Асланъ-ханъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять чѣмъ грозитъ ему самому новое ученiе, упраздняющее свѣтскихъ владѣтелей.

Невозможность заманить Кази-муллу въ разставленныя сѣти, и еще большая невозможность наемнымъ убiйцамъ проникнуть въ его убѣжище, сторожимое вѣрными мюридами, заставили Корганова дѣйствовать нѣсколько иными путями. Онъ остановился на мысли привлечь къ отвѣтственности весь койсубулинскiй народъ, такъ какъ мятежныя Гимры, одно изъ важнѣйшихъ койсубулинскихъ селенiй, служило родиной Кази-муллы и колыбелью его ученья. Нужно было сыскать благовидный предлогъ. Какъ разъ въ это время койсубилинцы

изъявили желаніе имѣть своимъ правителемъ младшаго сына шамхала Абу-Мусселима. Желаніе это въ народѣ свободномъ, и изъ-поконъ вѣковъ управлявшимся своими старшинами, дѣйствительно было нѣсколько странно и даже загадочно. Теперь, по близкомъ изученіи Дагестана, мы можемъ сознать ясно, что койсубулинцы дѣйствительно были въ трудномъ положеніи: съ одной стороны, находясь въ центрѣ населенія, охваченнаго мюридизмомъ, имъ необходимо было итти вслѣдъ за окрестными обществами по теченію, а съ другой, у нихъ также не хватало пахотной земли для половины народа, какъ и въ другихъ центральныхъ племенахъ этой горной страны, которыя только изъ-за куска насущнаго хлѣба обрабатывали съ величайшими усилиями свои голыя скалы. Загородивъ отъ Дагестана своими отрядами Грузію, долину Терека, Кубинское и Ширванское ханства, куда искони дагестанскій народъ совершалъ свои набѣги, чтобы пополнять недочеты въ своемъ хозяйственномъ бюджетѣ, русскіе тѣмъ самымъ отнимали у него необходимыя средства къ существованію. По этой причинѣ нагорные жители, имѣвшіе земельныя угодья на плоскости, вынуждены были, при данныхъ обстоятельствахъ, особенно дорожить ими. Дополнительные пахотныя поля койсубулинцы были въ предѣлахъ шамхальства. Отсюда понятно, что въ случаѣ присоединенія своего къ мюридамъ, Койсубу лишалось этихъ полей. Имъ оставалось, такимъ образомъ, или привлечь къ мюридизму самихъ шамхальцевъ, или же установить въ своей средѣ ханство, съ лицомъ во главѣ изъ шамхальскаго дома. Въ этомъ вѣроятно и заключался секретъ желанія ихъ имѣть своимъ ханомъ Абу-Мусселима. Если бы мы знали въ то время, что мюридизмъ и ханская власть взаимно другъ друга исключали, то намъ гораздо политичнѣе было бы исполнить желаніе Койсубу,—но не это нужно было Корганову. Койсубулинцамъ было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что вражда Абу-Мусселима къ шамхальскому дому и его сношенія съ Кази-мудлою не были тайной и служили

плохимъ ручательствомъ за спокойствіе въ Койсубулинскомъ обществѣ. Отказъ этотъ нѣсколько взволновалъ койсубулинцевъ, а Коргановъ не замедлилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы потребовать отъ нихъ покорности. Онъ рассчиталъ, что если въ его рукахъ очутятся аманаты, то уже не трудно будетъ заставить койсубулинцевъ выдать намъ и самого Кази-муллу, вмѣстѣ съ его сообщниками. И вотъ, двѣсти человекъ койсубулинскихъ старшинъ, кадїевъ, муллъ и ефендіевъ прибыли въ деревню Эрпели и просили Корганова прїѣхать тудаже для личныхъ переговоровъ. Но Коргановъ самъ не поѣхалъ къ нему, а командировалъ того-же Абу-Мусселима. Эта порученность Абу-Мусселима, котораго самъ же Коргановъ подозрѣвалъ въ сношенїяхъ съ Кази-муллой, положительной подходила къ дѣянїю «подлитїя масла на потухающїй огонь,» такъ какъ она не только облегчала заподозрѣнныя сношенїя Абу-Мусселима съ приверженцами имама, но прямо ихъ устраивала.

Къ прискорбію, судьба и здѣсь благопрїятствовала Корганову: въ то время, когда въ Эрпилахъ придумывались и обсуждались примирительныя основы предложеннаго соглашенїя, въ руки Корганова попало возванїе Кази-муллы къ чеченцамъ, въ которомъ имамъ обѣщалъ выдвинуться навстрѣчу къ нимъ, на рѣку Кара-Койсу. Заручившись этимъ документомъ, Коргановъ счелъ себя вправѣ дѣйствовать смѣлѣе и сталъ забрасывать все и вся своими клеветами и навѣтами. Такъ, упуская изъ виду, что Кара-Койсу, будучи довольно значительной рѣкой, проходитъ сквозь нѣсколько дагестанскихъ обществъ и въ Андїи весьма приближается къ Чечнѣ, Коргановъ видѣлъ только, что Койсубу располагаетя на той же самой рѣкѣ, а это, по его мнѣнїю, указывало прямо на готовность, будто-бы, койсубулинцевъ содѣйствовать имаму. Отсюда уже не трудно ему было прїйти и къ дальнѣйшему заключенїю, что, въ свою очередь, койсубулинцы, такъ много хлопотавшіе о ханскихъ прерогати-

вахъ для Абу-Мусселима, находятся въ связи съ шамхальцами, и что во главѣ послѣднихъ стоятъ жители пограничныхъ шамхальскихъ ауловъ—Казанищъ, Эрпели и Караная. Такимъ образомъ по его выводу, являлась необходимость какъ можно скорѣе разрушить заговоръ, (котораго въ сущности не было), и Коргановъ рѣшилъ не выжидать болѣе конца переговоровъ, а начать военныя дѣйствія прямо съ захвата койсубулинскихъ стадъ, ходившихъ спокойно и довѣрчиво на темиръ-ханъ-шуринской плоскости. Ближайшій русскій отрядъ, на которыхъ можно было возложить это предприятие, былъ отрядъ полковника Ефимовича, оставленный барономъ Розеномъ на кумыкской плоскости, около крѣпости Внезапной. Ефимовичъ, по требованію Корганова, сдѣлалъ въ одинъ переходъ 70 верстъ и, появившись у Копчугая, захватилъ до трехъ тысячъ барановъ; затѣмъ около пяти тысячъ головъ отбито еще Ахметъ-ханомъ, съ его мехтулинскою конницею; но остальные успѣли укрыться въ горы.

Когда извѣстіе о разгромѣ стадъ дошло до Эрпелей, то койсубулинскіе старшины, униженные въ своемъ національномъ достоинствѣ, отправились къ шамхалу и потребовали отъ него объясненія, почему, когда они государю вѣрны и ему, шамхалу, покорны и усердны, Коргановъ грабитъ ихъ имущество и беретъ подъ стражу людей? Растерявшійся шамхаль запросилъ объ этомъ Корганова. Послѣдній отвѣтилъ, что онъ, какъ лицо, уполномоченное фельдмаршаломъ, знаетъ что дѣлаетъ, и дальнѣйшихъ объясненій не далъ. Тогда койсубулинцы удалились, глубоко оскорбленные тою ничтожною ролью, какую въ ихъ глазахъ игралъ наслѣдственный валий Дагестана.

Отбитіе стадъ перваго начавшіяся переговоры. Это былъ вызовъ, брошенный прямо въ лицо койсубулинцамъ,—толчекъ, разрушившій послѣднія преграды, еще сдерживавшія мюридизмъ въ извѣстныхъ границахъ. Взрывъ сдѣлался неминуемъ. А Коргановъ точно не видѣлъ возможности подобнаго взры-

ва и продолжалъ развивать свои операціи все далѣе и далѣе. Онъ гласно обвинилъ Абу-Муселима въ тайныхъ сношеніяхъ съ нашими врагами которымъ, какъ мы видѣли, самъ же содѣйствовалъ, и рѣшилъ занять Казанищи, а затѣмъ Эрпели и Каранай, чтобы удержать жителей этихъ селеній отъ присоединенія къ койсубулинцамъ. Впрочемъ, это была только одна офиціальная сторона дѣла, фигурировавшая въ донесеніяхъ Корганова. На дѣлѣ же ему хотѣлось просто вызвать два-три выстрѣла со стороны казанищенцевъ, чтобы имѣть предлогъ объявить ихъ мятежниками; на это покрайней мѣрѣ указываютъ тѣ секретныя наставленія, которыя были имъ даны по этому поводу мехтулинскому хану и Ибрагимъ-беку корчагскому. Оба они показали потомъ, при слѣдствіи, что, ворвавшись въ селеніи перевернули его, по приказанію Корганова, вверхъ дномъ и даже ограбили женщинъ, срывая съ нихъ и цѣнныя украшенія, и даже шелковыя шальвары. Ни одинъ изъ жителей не взялся однако за оружіе; только старики явились къ Корганову съ жалобой—и были наказаны, какъ клеветники, посягнувшіе на честь русскаго войска. Онъ приказалъ пятерыхъ изъ нихъ заключить въ тюрьму, а черезъ три дня привелъ въ Казанищи весь отрядъ Ефимовича и обложилъ жителей огромную контрибуціей—40 головъ рогатаго скота и 200 пудовъ хлѣба въ сутки.

Приглушенные Казанищи молчали. Эрпели и Каранай, ожидавшіе себѣ такой-же участи, поспѣшили отклонить грозу присылкою аманатовъ и тѣмъ связали руки Корганову. Они обязались прекратить всякія сношенія съ койсубулинцами и не снабжать ихъ болѣе ни хлѣбомъ, ни солью. Послѣ этого Ефимовичу въ шамхальствѣ дѣлать было нечего и отрядъ его возвратился обратно въ Андреево.

Только теперь Коргановъ извѣстилъ генерала Краббе, командовавшаго войсками въ Дагестанѣ, обо всемъ случившемся и просилъ его имѣть наготовѣ особый отрядъ на случай, ежели бы койсубулинцы сами открыли военныя дѣйствія.

Крabbе тотчасъ же приказалъ полковнику Мищенко собрать въ Дербентѣ шесть ротъ пѣхоты съ тремя орудіями и двинуться въ шамхальство, гдѣ и занять сел. Параулъ, резиденцію шамхаловъ. Но пока войска собирались, случилось слѣдующее обстоятельство.

Койсубулинцы, озлобленные вѣроломнымъ захватомъ ихъ стада, собрали народный джемать, на которомъ прямо поставили вопросъ: идти-ли на русскихъ немедленно, или выждать болѣе благоприятнаго времени. Послѣ нѣкоторыхъ пререканій, рѣшили предварительно узнать мнѣніе аварцевъ съ которыми у нихъ былъ тайно заключенъ оборонительный союзъ, на случай движенія русскихъ въ горы. Гонцы поскакали въ Хунзахъ. Тамъ, въ свою очередь, народъ раздѣлился на двое: Нуцаль-ханъ съ своею партіею совсѣмъ отказался отъ вмѣшательства въ дѣла койсубулинцевъ; но большинство рѣшило сдѣлать попытку къ примиренію обѣихъ сторонъ, а въ случаѣ отказа русскихъ возвратитъ стада, примкнуть къ койсубулинцамъ. Извѣстіе объ этомъ, повидимому, сильно озадачило Корганова. Войска, собиравшіяся въ Дербентѣ, не могли подоспѣть въ скоромъ времени, а потому, по его требованію, генераль-лейтенантъ баронъ Розенъ—немедленно отправилъ съ Кавказской линіи отрядъ подполковника Скалона, изъ баталіона Московскаго полка и нѣсколькихъ сотенъ моздокскихъ казаковъ. Отрядъ этотъ вступилъ въ шамхальство и въ ожиданіи, пока на смѣну его прибудетъ Мищенко, расположился подъ Тарками.

Появленіе русскихъ войскъ, въ свою очередь, встревожило шамхальцевъ. Въ Казанищахъ у Абу-Мусселима стали собираться сходки для сужденія о текущихъ событіяхъ, а между тѣмъ, жители опасаясь вторичнаго разгрома, начали поспѣшно собирать стада и укладывать на арбы имущество, съ цѣлью переселенія въ болѣе безопасное мѣсто. Чтобы предупредить этотъ побѣгъ, Скалонъ быстро вошелъ въ Казанищи, а Ахметъ-ханъ съ мехтулинскою конницею занялъ

командою полковника Дурова, явился подъ Эрпилями какъ разъ въ то время, когда истекалъ суточный срокъ, данный Дистерло. Прибытіе сильнаго русскаго отряда погасило въ жителяхъ послѣднія надежды на возможность сопротивленія, и эрпилинцы явились съ повинной головою.

Покорность эта очевидно была только вынужденной. Выдавая намъ аманатовъ, жители въ то же время обращали взоры и упованія свои на Кази-муллу, и только уже отъ него одного ожидали себѣ правды и спасенія. Но Кази-мулла все еще медлилъ. Онъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ койсубулинскаго вопроса, видѣлъ пожаръ, занимавшійся надъ краемъ, и давалъ время ему разгорѣться, чтобы потомъ внезапно появленіемъ на сцену отнять у русскихъ всѣ способы и средства потушить его. Мы сами усердно готовили почву, на которой уже появлялись первые всходы кроваваго посява. Шамиль едва-ли искрененъ въ своихъ разсказахъ, когда говоритъ, что причина священной войны, объявленной Дагестанъ, заключалась вовсе не въ тарикатѣ, и даже не въ тѣхъ личностяхъ, которые руководили движеніемъ, а въ вѣковой, воспитанной долгими страданіями, ненависти народа къ ханскому правленію. Когда русскіе, явившіеся властителями приморскаго Дагестана, не только не избавили народъ отъ ханскаго произвола, а, напротивъ, укрѣпили ханскую власть, до того боязливую и шаткую, своими штыками и пушками,—то населеніе нагорнаго Дагестана само разорвало свои путы и устремилось на русскихъ, обманувшихъ его завѣтными упованіями. Таковы сказанія объ этомъ самого Шамиля. Но Шамиль, какъ кажется, не правъ въ своемъ заключеніи уже потому, что мюридизмъ, въ томъ смыслѣ какъ его понимаютъ, окрѣпъ и замкнулся именно въ нагорной части Дагестана, гдѣ большинство населенія составляло вольныя общества, а въ существовавшихъ ханствахъ власть не была такъ тяжела, какъ на плоскости; а во вторыхъ, если ханскія земли и стали въ первое время ареною кровавой борьбы, то только благодаря

полному отсутствію съ нашей стороны въ Дагестанѣ твердой энергической власти и цѣлому ряду такихъ грубыхъ ошибокъ, которыя въ концѣ-концовъ вызвали возстаніе жителей. Ученіе фанатиковъ бросило первыя искры, мы стали ихъ раздуть и произвели пожаръ, который потушить потомъ уже были не въ силахъ. Позднѣе, когда фельдмаршалъ уѣхалъ изъ края, къ этому же убѣжденію пришелъ и его преемникъ, генералъ-адъютантъ Панкратьевъ, писавшій государю, что преступныя дѣйствія Корганова были одною изъ главныхъ причинъ быстрого распространенія мюридизма на плоскости. Трудно, повторяемъ, повѣрить, чтобы человекъ, не имѣвшій, какъ Коргановъ, ни служебнаго положенія, ни высокаго чина, могъ такъ самовластно распоряжаться судьбами Дагестана, да еще въ такую трудную переживаемую имъ эпоху,—но на это есть достовѣрныя свидѣтельства и старыхъ людей и официальныхъ документовъ, скрѣпленныхъ лицомъ, близко стоявшимъ къ Паскевичу—генералъ-адъютантомъ Панкратьевымъ.

Угрожающее положеніе, занятое койсубулинцами, державшее въ напряженномъ состояніи весь край, убѣдило наконецъ Паскевича—не въ ошибочности принятыхъ имъ мѣропріятій и отсутствіи нравственной системы дѣйствій, а въ необходимости покончить все однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Генералъ-лейтенанту Розену приказано было принять начальство надъ всѣми войсками, собранными въ шамхальствѣ, войти въ земли койсубулинцевъ и взять Гимры открытою силою. Отъ этой экспедиціи Паскевичъ ожидалъ умиротворенія всего Дагестана.

ХП.

КОЙСУБУЛИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

(ПОЭТЪ ПОЛЕЖАЕВЪ).

Наступилъ май мѣсяць 1830 года. Въ Дагестанѣ готовилась большая койсубулинская экспедиція. Три отряда: Скалона, фонъ-Дистерло и Бутырскій полкъ Дурова уже стояли подъ Эрпилями; ожидали только прибытія съ линіи генераль-лейтенанта барона Розена, чтобы начать военныя дѣйствія.

Розенъ выступилъ изъ Грозной съ баталіономъ Московскаго полка и баталіономъ тарутинцевъ, при которыхъ находились восемь орудій и двѣ сотни линейныхъ казаковъ. Онъ прошелъ черезъ Внезапную и 15-го мая вступилъ въ шамхальскія владѣнія.

Въ рядахъ Московскаго полка, съ тяжелымъ солдатскимъ ружьемъ, во всемъ походномъ снаряженіи, шелъ извѣстный русскій поэтъ Полежаевъ. Это былъ молодой человекъ, лѣтъ 24-хъ, небольшого роста, худой, съ добрыми и симпатичными глазами. Во всей фигурѣ его не было ничего воинственнаго; видно было, что онъ исполнялъ свой долгъ не хуже другихъ, но что военная служба вовсе не была его предназначеніемъ. Біографія Полежаева, его произведенія, носившія на себѣ печать несомнѣннаго и крупнаго дарованія и вообще всѣ подробности, касающіяся жизни и дѣятельности этого талантливаго человека, въ свое время были помѣщены въ нашихъ жур-

налахъ, и потому безъ сомнѣнія извѣстны читающей публикѣ. Но тѣмъ не менѣе, здѣсь, на страницахъ «Кавказской войны» будетъ не лишнимъ воскресить въ памяти читателей образъ поэта, честно прослужившаго три года въ рядахъ Кавказской арміи и воспѣвашаго въ своихъ стихахъ дѣла давно минувшихъ дней Кавказа.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ, какъ извѣстно, былъ побочнымъ сыномъ богатаго пензенскаго помѣщика и приписанъ къ саранскому мѣщанскому обществу. Одинадцати лѣтъ Полежаева отвезли въ Москву въ одинъ изъ модныхъ пансіоновъ, а затѣмъ онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ жизнь его протекала въ кутежахъ и разгулахъ съ товарищами. Нужно сказать, впрочемъ, что это была обычная студенческая жизнь того времени, и въ этомъ отношеніи Полежаевъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды своихъ товарищескихъ студентовъ. Бѣда грозила ему съ другой стороны, откуда онъ ее не ожидалъ.

Въ бытность свою въ университетѣ, Полежаевъ началъ писать и печатать свои стихотворенія, которые сразу отвели ему не послѣднее мѣсто между поэтами пушкинской школы. Къ сожалѣнію, не всѣ его произведенія были удобны къ печати. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года, когда дворъ находился въ Москвѣ для торжества коронаціи, по рукамъ стала ходить рукописная юмористическая поэма его «Сашка», заключающая въ себѣ множество строфъ очень нескромныхъ, полныхъ цинизма и смѣлыхъ выраженій. Въ другое время шуточная поэма, быть можетъ, и не обратила-бы на себя особеннаго вниманія, но въ половинѣ 26-го года, въ мрачное время, послѣдовавшее за событіями 14-го декабря, когда каждому слову придавалось распространенное значеніе и политическій характеръ, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ:—поэма была доведена до свѣдѣнія императора Николая Павловича.

Дальнѣйшій ходъ дѣла, по разсказу самого Полежаева, былъ слѣдующій:

Однажды, ночью, часа въ три, ректоръ разбудилъ Полежаева, велѣлъ ему одѣться въ мундиръ и сойти въ правленіе. Тамъ его ждалъ попечитель, который безъ всякихъ объясненій пригласилъ Полежаева въ свою карету и увезъ къ министру народнаго просвѣщенія. Министръ повезъ его въ кремлевскій дворець. Несмотря на то, что былъ только шестой часъ утра, пріемный залъ былъ наполненъ придворными и высшими сановниками. Когда Полежаева ввели въ кабинетъ государя, императоръ стоялъ, облокотившись на бюро и разговаривалъ съ министромъ; въ рукѣ его была тетрадь. Онъ бросилъ на вошедшаго испытующій взглядъ и спросилъ: «Ты-ли сочинилъ эти стихи?»—Я, отвѣчалъ Полежаевъ. «Вотъ! продолжалъ государь, обратившись къ министру, вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія, я вамъ покажу, чему учатся тамъ молодые люди.—Читай эту тетрадь вслухъ—прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Полежаеву. Волненіе Полежаева было такъ сильно, что онъ не могъ читать. Взглядъ государя неподвижно остановился на немъ. «Я не могу,» сказалъ Полежаевъ. «Читай.» Это воротило ему силы, и Полежаевъ бѣгло дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ государь дѣлалъ знакъ рукою министру. Министръ закрывалъ глаза.

—Что скажете? спросилъ государь по окончаніи чтенія. «Я положу предѣлъ этому разврату, это все еще слѣды, послѣдніе остатки; я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?»—Превосходнѣйшаго, ваше величество, отвѣтилъ министръ.—«Этотъ отзывъ тебя спасъ—сказалъ государь,—но наказать тебя надобно для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?» Полежаевъ молчалъ. «Я тебѣ даю военную службу средствомъ очиститься. Что же хочешь?»—Я долженъ повиноваться, отвѣчалъ Полежаевъ. Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и, сказавъ: «Отъ тебя зависитъ твоя судьба, если я забуду, то можешь мнѣ писать,»—поцѣловалъ его въ лобъ.

Отъ государя Полежаева свели къ Дибичу, который жилъ тутъ же, во дворцѣ. Дибичъ спалъ; его разбудили; онъ вышелъ и, прочитавъ бумагу, спросилъ флигель-адъютанта: «Это онъ?»—Онъ, ваше превосходительство. «Что же доброе дѣло, послужите въ военной, можетъ быть дослужитесь и до фельдмаршала.» Отъ Дибича Полежаева свезли прямо въ лагерь и опредѣлили въ Бутырскій пѣхотный полкъ унтер-офицеромъ, съ правами личнаго дворянства, пріобрѣтенными образованіемъ.

Съ этого времени начинается новая жизнь Полежаева,— жизнь, къ несчастію, полная суровыхъ и непрерывныхъ испытаній, которыя окончателно подломили молодья силы и уложили самого страдальца въ преждевременную могилу. Винить въ этомъ, впрочемъ, кромѣ самого Полежаева, едвали кого можно. Одно уже вниманіе, оказанное ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ—этимъ монархомъ-рыцаремъ, его поцѣлуй и позволеніе писать въ собственныя руки—открывало передъ нимъ путь къ широкой, хотя можетъ быть и иной, карьерѣ, къ которой онъ готовился. Не много изъ политическихъ преступниковъ было обставлено такъ, какъ Полежаевъ. Но это не послужило къ его спасенію. Ошибкою, впрочемъ, было опредѣленіе Полежаева въ полкъ, стоявшій въ самой Москвѣ, гдѣ все напоминало ему прежнюю безшабашную жизнь, и гдѣ онъ поминутно могъ наткаться и на товарищей и на лицъ, знавшихъ его въ иномъ положеніи. Очувившись въ чуждой ему средѣ, съ ея своеобразнымъ складомъ жизни, выбитый изъ прежней своей колени, Полежаевъ не имѣлъ въ себѣ достаточно воли и нравственныхъ силъ, чтобы найтись въ этихъ новыхъ для него условіяхъ, такъ какъ очевидно смотрѣлъ на свое опредѣленіе въ военную службу только какъ на суровое наказаніе за шаловливую вольность своей юношеской музы, а не какъ на возможность, примирившись со службой, продолжать свою жизненную дорогу на этомъ поприщѣ. Личное свое поведеніе, не относившіяся къ политикѣ,

Полежаевъ очевидно относилъ къ области своей собственной воли, а потому и въ мундирѣ солдата продолжалъ разгульный образъ жизни студенческаго бурша. Военное начальство смотрѣло однако иначе и, не имѣя возможности скрывать его поведеніе, аттестовало дурно. По всей вѣроятности это и было причиною, почему два письма Полежаева къ государю остались безъ отвѣта. Тогда Полежаевъ бѣжалъ изъ полка, чтобы лично подать новую просьбу. Одумался-ли онъ и вернулся назадъ добровольно, или былъ доставленъ въ полкъ, какъ дезертиръ—объ этомъ говорятъ различно, но такъ или иначе, а Полежаевъ былъ преданъ военному суду, который, по принципамъ, не входилъ въ разсмотрѣніе психическихъ причинъ, вынудившихъ совершить проступокъ, а просто за самовольную отлучку опредѣлилъ разжаловать Полежаева въ рядовые съ лишеніемъ дворянскаго достоинства. Этотъ приговоръ, ставившій Полежаева уже подъ ферулу тѣлесныхъ наказаній, окончательно разбилъ надежды и жизнь молодого поэта. Неправы тѣ, которые говорятъ, что ему, будто бы, не было болѣе выхода. Выходъ могъ бы быть въ неуклонномъ, добросовѣстномъ исполненіи обязанностей и въ хорошемъ поведеніи; но, къ сожалѣнію, Полежаевъ впалъ въ мрачное отчаяніе, безразсудно надѣлалъ дерзостей фельдфебелю, снова бѣжалъ, былъ пойманъ и, по строгости тогдашнихъ военныхъ законовъ, подлежалъ уже дѣйствительно прогнанію сквозь строй и наказанію шпицрутенами. Онъ сознавалъ это и, ожидая приговора, рѣшился даже на самоубійство.

Послѣдній день

Свергалъ мнѣ въ очи,

Послѣдней ночи

Встрѣчалъ я тѣнь,

И въ думѣ лютой

Все рѣшено;

Еще минута—

И... свершено.

Но отъ позорнаго и страшнаго наказанія избавило его на этотъ разъ великодушіе императора Николая Павловича. Полежаеву вмѣнили въ наказаніе только долговременный арестъ и перевели изъ Бутырскаго полка въ Московскій, находившійся въ той же бригадѣ. Къ этому то времени и относится прекрасное стихотвореніе Полежаева «Провидѣніе»:

Я погибаль,
Мой злобный геній
Торжествовалъ.

Московскимъ полкомъ въ то время командовалъ полковникъ Любавскій, человекъ добрый и просвѣщенный, который принялъ живое участіе въ судьбѣ Полежаева. Но это уже запоздало. Полежаевъ, потерявшій послѣднія душевныя силы, при недостаткѣ характера и воли, неудержимо стремился внизъ по наклонной плоскости. Напрасно говорятъ, что сослуживцы сторонились отъ него, въ виду его прошлаго. Не это прошлое, а настоящее поэта было тому причиною. Бѣлинскій не даромъ говоритъ, что Полежаевъ къ своей поэтической извѣстности присовокупилъ другую извѣстность, которая стала проклятіемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти. Да онъ и самъ говорить о себѣ:

И я жилъ—но я жилъ
На погибель свою....
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою....
Не расцвѣлъ—и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашель
Гибель жизни своей.

Все это не могло не отражаться и на его произведеніяхъ. Особенность его поэзіи состоитъ въ томъ, что она почти всегда была тѣсно связана съ его жизнію, а жизнь его представляла грустное зрѣлище талантливой природы, по-

давленной дикой необузданностію страстей. Лучшія его произведенія были не что иное, какъ поэтическая исповѣдь его безумной судорожной жизни. Можно удивляться только, какъ въ свѣтлыя минуты душевнаго умиленія Полежаевъ еще обрѣтаетъ въ себѣ столько тихаго и глубокаго вдохновенія, чтобы такъ прекрасно выразить одно изъ величайшихъ преданій евангелія: «Грѣшница», или написать «Пѣснь плѣннаго прокезца» и т. под.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1829 года, т. е. на третій годъ солдатской службы Полежаева, 14-я дивизія, въ составъ которой входилъ Московскій полкъ, отправлена была на усиленіе Кавказскаго корпуса, по случаю турецкой войны и такимъ образомъ Полежаевъ вмѣстѣ съ полкомъ попалъ на Кавказъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ ему однако не пришлось участвовать; только 2-я и 3-я бригады посланы были въ Грузію, а полки Московскій и Бутырскій расположились на правомъ флангѣ для обороны Кубанской линіи. Полежаеву пришлось стоять въ Александрин, между Пятигорскомъ и Ставрополемъ, въ мѣстности, недавно служившей ареною кровавой дѣятельности Джембулата. Дымилась еще, сожженная имъ, Незлобная, лежали въ развалинахъ казацкіе хутора,— по туча уже пронеслась, и по Кубани царствовало сравнительное спокойствіе. Вотъ какъ рисуетъ передъ нами картину этого затишья самъ Полежаевъ:

Молчаньемъ мрачнымъ и печальнымъ
 Окрестность битвъ обложена,
 И будто миромъ погребальнымъ
 Убита бранная страна.
 Бывало бодрый и безмолвный
 Казакъ на пагубныя волны
 Вперяетъ взоръ сторожевой:
 Не рѣдко ихъ знакомый ропоть
 Таилъ коней татарскихъ топоть
 Передъ тревогой боевой.

И вотъ толпой ожесточенной
 Врывались злобные враги
 Въ шатры запиты изумленной—
 И обагряли глубь рѣки
 Горячей кровью казаки.
 Но миновало время брани,
 Смирился дерзостный джигитъ,
 И рѣдко, рѣдко по Кубани
 Свинець убійственный свиститъ.

Эрпилпнскій походъ тридцатаго года былъ такимъ образомъ первымъ военнымъ походомъ, въ которомъ пришлось участвовать Полежаеву. Характеръ его въ это время началъ было во многомъ уже измѣняться къ лучшему, но безысходное горе, попрежнему не покидало поэта. При этомъ и красоты степныхъ безлѣсныхъ пространствъ Сѣвернаго Кавказа, вообще вдохновлявшаго нашихъ поэтовъ, далеко не привлекательны, почему и не восторгали собою Полежаева и не пробуждали въ немъ воображенія, слишкомъ охлаждаемаго прозою жизни. Плодомъ похода его въ Дагестанъ явилась однако поэма «Эрпели»; но литературное достоинство ее не велико: все произведеніе растянута, стихъ мѣстами вялъ, картины слабы, хотя и стенографически вѣрны. Вотъ, какъ напр. рисуетъ Полежаевъ выступленіе изъ Грозной и личность начальника отряда, барона Розена, одного изъ славныхъ участниковъ войны 12-го года.

Едва подъ Грозною возникъ
 Эфирный городъ изъ палатокъ,
 И раздался привѣтный крикъ
 Учтивыхъ егерскихъ солдатокъ:
 «Вотъ булки, булки, господа!» *)

*) Въ крѣпости грозной была штабъ-квартира 43 егерскаго полка, стоявшаго тамъ современъ Ермолова. Женатые егеря жили въ форштадтѣ и ихъ семейства составляли, такъ сказать, промысленно-торговое сословіе крѣпости.

И чистя ружья на просторѣ,
 Богатыри, забывши горе,
 Къ нимъ набѣжали, какъ вода;
 Едва иные на форштадтѣ
 Найти успѣли земляковъ,
 И за бесѣдою о сватѣ
 Иль о семействѣ кумовьевъ,
 Въ сердечномъ русскомъ восхищеніи
 И обоюдномъ поздравленіи,
 Вкусили счастья сполна
 За квартой краснаго вина;
 Какъ вдругъ, о, тягостная служба!
 Приказъ по лагерю идетъ
 Сейчасъ готовиться въ походъ....

. . . . .

Внезапно ожили солдаты
 Вездѣ твердятъ: «въ походъ, въ походъ!»
 Готовы. «Здравствуйте ребята!»
 —Желаемъ здравія!—И вотъ—

Передъ войсками является Розень:

Его серебристые сѣдины
 Пріятны старымъ усачамъ:
 Онѣ являютъ ихъ глазамъ
 Давно минувшія картины,
 Глубоко памятные дни!
 Такъ прежде видѣли они
 Багратионовъ предъ полками,
 Когда, готова смерть и громъ,
 Они, подъ русскими орлами,
 Шли защищать Романовъ домъ,
 Возвысить блескъ своей отчизны,
 Или къ безсмертію на пути
 Могилу славную найти.

Далѣе поэтъ рисуетъ картины самаго похода:

За переходомъ переходъ:
 Степями, аулами, горами
 Московцы дружными рядами
 Идутъ послушно безъ заботъ.
 Куда? Зачѣмъ? Въ огонь или въ воду?
 Имъ все равно: они идутъ,
 Въ ладьяхъ по Тереку плывутъ,
 По быстрой Сунжѣ ищутъ броду;
 Разносить вѣтеръ вдоль рѣки
 Съ толпами ратныхъ челноки;
 Бросаетъ Сунжа вверхъ погами
 Героевъ съ храбрыми сердцами,
 Ихъ мочить дождь, ихъ сушить пыль....
 Идутъ . . . . .
 Уже тарутинцы успѣли
 Подробно нашимъ рассказать,
 При томъ прибавить и прилгать,
 Какъ въ Турціи они терпѣли
 Отъ пуль и ядеръ и чумы,
 Какъ воевали подъ Аджаромъ,
 И, быть украшивая съ жаромъ,
 Плѣняли пылкіе умы.
 Всегда лежавшіе на печкѣ, *)
 Мы въ разговорѣ дѣловомъ,
 Прошедши въ бродъ еще двѣ рѣчки,
 Къ Внезапной крѣпости тишкомъ
 Пришли внезапно вечеркомъ.
 . . . . .
 Когда изъ Грозной
 Пошли мы, грѣшные, въ походъ,
 То и не думали, не знали,

*) Московцы въ первый разъ шли въ дѣло; тарутинцы же побывали въ Турціи, гдѣ въ аджарской экспедиціи Сакена понесли огромныя потери (см. томъ IV).

Куда судьба насъ заведеть.
 Иные съ клятвой утверждали,
 Что мы идемъ на смертный бой
 Въ аулъ чеченскій не мирной.
 Другіе . . . . .
 Шептали всѣмъ, понизя тонъ,
 Что нашъ второй баталіонъ
 Былъ за Андреевой нещадно
 Толпою горцевъ окруженъ.
 Всѣ пѣли складно, да не ладно...
 . . . . .
 Теперь, къ Внезапной подходя,
 Засуетились всѣ безбожно,
 «Да гдѣ жъ второй нашъ баталіонъ,
 Вѣдь говорятъ въ осадѣ онъ?»
 —Э, вздоръ, нагали объ осадѣ;
 Онъ здѣсь съ бутырцами стоитъ;
 Смотрите, ежели въ парадѣ
 Онъ насъ принять не поспѣшитъ,
 «Да если здѣсь, то вѣрно выдетъ.»
 Идетъ нашъ первый баталіонъ—
 И что же? Только мѣсто видитъ
 Гдѣ былъ второй . . . . .
 . . . . . Но спать пора,
 Какъ разъ раскинули палатки,
 И разрѣшеніе загадки
 Всѣ отложили до утра.

На утро узнали, что 2-й баталіонъ въ отрядѣ Скалона,
 и Бутырскій полкъ съ Дуровымъ давно уже ушли въ Даге-
 станъ, и, въ ожиданіи кровавой развязки, поднятой койсубу-
 линцами смуты, стоятъ подъ Эрпелями. Обѣщая передать чи-
 тателямъ весь ходъ тогдашнихъ событій, Полежаевъ говоритъ:

Я расскажу вамъ въ часъ досужный
 Объ эрпелинской красотѣ,

И эпизодъ довольно нужный
 Не пропущу о барантѣ,
 Кяфирь-Кумыгѣ, Казанищахъ,
 Гдѣ былъ второй нашъ баталіонъ,
 И то что намъ повѣдалъ онъ
 Подъ сѣнью мирныхъ балагановъ:
 Илѣненье горскихъ пастуховъ
 Со многимъ множествомъ барановъ *)....

Затѣмъ Полежаевъ переходитъ къ описанію военныхъ событій:

Вотъ наконецъ мы и пришли
 Подъ знаменитый Эрпили.
 Картина первая: на ровномъ
 Пространствѣ илистой земли
 Стоитъ въ величїи огромномъ
 Ауль тавлинскій Эрпили.
 Обломки скалъ и горъ кремнистыхъ—
 Его фундаментъ вѣковой;
 Аллеи тополей тѣнистыхъ
 Краса громады строевой;
 Вездѣ блуждающіе взоры
 Встрѣчаютъ сакли и заборы,
 Плетни и валы; каждый домъ—
 Бойница съ насыпью и рвомъ.
 . . . . .
 Идутъ—и видъ другой картины:
 Среди возвышенной равнины,
 Заграможденной съ двухъ сторонъ
 Пирамидальными горами,
 Объявшихъ гордыми главами
 Съ начала міра небосклонъ,
 Разбиты бѣлыя палатки...
 Быть можетъ прежнія догадки

*) Намеки на дѣйствія маіора Корганова съ отрядами Ефимовича и Скалона.

Теперь рѣшились: это онъ,
 Второй нашъ добрый баталіонъ!
 Такъ онъ свободный, незапертый,
 Какъ утверждали мы сперва.
 Но вотъ еще здѣсь лагерь!... Два!
 И три!—нашъ будетъ уже четвертый *)....

. . . . .

Но Полежаеву и на этотъ разъ не пришлось участвовать въ настоящемъ дѣлѣ. А онъ ждалъ его,—потому что только бой и могъ проложить ему путь къ утраченной свободѣ, возвратитъ ему все, что было имъ потеряно.

Еще въ то время, когда отрядъ проходилъ черезъ Внезапную, баронъ Розенъ, желая ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, вызвалъ къ себѣ салатавскихъ и гумбетовскихъ старшинъ, чтобы узнать объ отношеніи ихъ обществъ къ имаму. Старшины заявили, что Казимулла прислалъ къ нимъ возванія, но они отказали ему въ содѣйствіи. Въ этомъ же родѣ отвѣчали и акушинцы; за спокойствіе эрпелинцевъ, каранаевцевъ и казанищенцевъ ручался Коргановъ. Основываясь на всѣхъ этихъ заявленіяхъ, баронъ Розенъ пришелъ къ убѣжденію, что ему не придется имѣть дѣло съ поголовнымъ возстаніемъ горцевъ, и полагалъ возможнымъ, не прибѣгая къ оружію, покорить упрямыхъ койсубулинцевъ силою однихъ увѣщаній.

Казимулла, предвидя опасность, заблаговременно удалился въ Балаханы и оттуда обратился къ ханшѣ Паху-Бикѣ прося ее забыть кровавыя распри и, во имя святого дѣла, противодѣйствовать завоеваніямъ невѣрныхъ. Въ этомъ его поддержали и другія общества нагорнаго Дагестана, которыя, опираясь на древнюю славу Аваріи, выражали желаніе выс-

*) Первые три лагера занимались отрядами: Скалона, фонъ-Дистерло и Дурова.

тупить противъ русскихъ но не иначе, какъ подь предводительствомъ самого Нуцаль-хана, и клялись, что будутъ жертвовать своими головами ради аварскаго дома. Дальновидная Паху-Бике не торопилась однакоже съ отвѣтомъ. А между тѣмъ къ четыремъ отрядамъ, уже стоявшимъ подь Эрпели, подошелъ еще полковникъ Мищенко съ апшеронскими ротами и, такимъ образомъ, силы наши возрасли до четырехъ тысячъ штыковъ, тысячи всадниковъ и 26 орудій. 19-го мая баронъ Розенъ произвелъ первую рекогносцировку и личнымъ осмотромъ убѣдился въ трудности овладѣнія Гимрами. За высокимъ и каменистымъ хребтомъ, въ глубокомъ ущельи между громадными скалами, на днѣ страшной пропасти, лежало селеніе. Подъемъ на самую вершину горы былъ еще возможенъ, но спускъ со скалистаго, почти отвѣснаго хребта представлялъ необычайныя трудности. Пролежавшая тропя, пригодная только для однихъ пѣшеходовъ, была такъ крута и обрывалась такими ступенями, что орудія могли спускаться только на канатахъ, да и то лишь послѣ усиленной разработки дороги. Во время рекогносцировки шла перестрѣлка. Но едва Розенъ возвратился въ лагерь, какъ Сурхай-ханъ аварскій представилъ ему письмо, полученное отъ койсубулинцевъ, изъявлявшихъ готовность вступить въ переговоры. Сурхай тотчасъ отправился въ ихъ землю, но вернулся ни съ чѣмъ, такъ какъ требованія барона Розена не согласовались съ желаніемъ койсубулинскаго народа; а условія, на которыхъ они покорялись, не совмѣстимы были съ достоинствомъ и интересами Россіи. Тогда къ койсубулинцамъ отправился опять Абу-Муселимъ; но и его поѣздка не принесла никакихъ результатовъ, несмотря на то, что онъ предъявилъ уже значительно смягченныя условія и требовалъ аманатовъ не отъ всѣхъ койсубулинскихъ селеній, а только отъ Гимръ, Ущучуля, Араканъ и Иргоная. Высланные къ нему навстрѣчу трое койсубулинскихъ старшинъ, даже не допустили его въ селеніе, объявивъ, что народъ до тѣхъ поръ не вступить

въ переговоры, пока поставленный на высотахъ русскій отрядъ не сойдетъ обратно внизъ, пока имъ не возвратятъ барановъ и плѣнныхъ, и пока Абу-Муселимъ въ обезпеченіе всего этого не выдастъ имъ въ аманаты своего родного брата. Между тѣмъ Абу-Муселимъ узналъ, что койсубулинцы получили сильныя подкрѣпленія отъ сосѣднихъ обществъ, и что на помощь къ нимъ приближаются аварцы. Послѣднее подтвердилъ и Сурхай-ханъ, только что ѣздившій по приказанію Розена въ Аварію. Онъ прибылъ въ Хунзахъ, какъ разъ въ то самое время, когда тамъ происходило народное собраніе и слышалъ его рѣшеніе итти на помощь къ койсубулинцамъ.

Розенъ былъ крайне встревоженъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Онъ увидѣлъ, что положеніе его становится затруднительнымъ, и попытался еще разъ обратиться къ койсубулинцамъ съ новымъ увѣщаніемъ. «Безрасудные! — писалъ онъ: — будучи тѣсными войсками русскими въ ямахъ вашихъ, доколѣ можете продовольствовать себя? Голодъ и недостатокъ заставятъ васъ раскаяться, но страшитесь, чтобы раскаяніе не было поздно. Не думайте, чтобы ваши нужды не были намъ извѣстны: вы существуете и обогащаетесь продажей продуктовъ жителямъ Кизляра и покорныхъ деревень; ваши каменные ямы не могутъ достаточно снабжать васъ хлѣбомъ; ваши бараны не могутъ обходиться безъ пастбищъ. Спѣшите исполнить немедленно предложенія мои и не принуждайте принять мѣръ, которыя будутъ для васъ гибельны. Повторяю, войска не сойдутъ съ высотъ, отрядъ останется на мѣстѣ, и что одинъ выстрѣлъ съ вашей стороны заставитъ меня стрѣлять по васъ изъ пушекъ». Какъ бы въ подтвержденіе этой угрозы на высотахъ явились двѣ батареи, чтобы прикрыть рабочихъ, по которымъ гимринцы не переставали стрѣлять изъ-за заваловъ. Въ то же время нашлась возвышенность, съ которой Гимры открывались въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, и Розенъ воспользовался ею, чтобы по-

ставить третью батарею, специально предназначавшуюся для бомбардированія. Дула орудій, грозно смотрѣвшія изъ амбразуръ батарей, не замедлили оказать вліяніе на уступчивость койсубулинцевъ. Снова поѣхалъ къ нимъ Абу-Муселимъ и, послѣ долгихъ переговоровъ, успѣлъ склонить ихъ на выдачу аманатовъ, но не прежде, какъ самому ему пришлось дать въ заложники своего брата. Это было 25 мая. На утро явились старшины изъ Гимрѣ и Унцукуля, и принесли присягу на подданство, но выдать Кази-муллу рѣшительно отказались, ссылаясь на то, что его нѣтъ въ селеніи.

Восходитъ свѣтлая заря,
Въ парадѣ ратныя дружины;
Койсубулинскія стремнины
Подъ властью русскаго царя!

Такимъ образомъ главная цѣль экспедиціи—захватъ Кази-муллы, не была достигнута, но этому, какъ кажется, Розенъ не придавалъ особаго значенія. Удовольствовавшись наружнымъ миромъ, онъ не счелъ за нужное проливать русскую кровь для приведенія въ покорность одного человѣка, котораго, Богъ знаетъ, удалось-ли бы еще захватить—и вернулся на линію. Это, какъ увидимъ, было большою ошибкою съ его стороны, вызвавъ дальнѣйшія кровавыя событія, съ которыми пришлось бороться уже не ему, а его преемникамъ.

Покончивъ дѣла съ койсубулинцами, Розенъ 4-го іюня распустилъ войска: полковникъ Мищенко пошелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, чтобы держать въ спокойствіи шамхальство. Бутырскій полкъ отправленъ былъ въ Внезапную, а остальные войска вернулись на линію. Покидая Дагестанъ, Розенъ искренно обласкалъ Абу-Мусселима, оказавшаго намъ не мало услугъ и увѣрилъ его въ особомъ покровительствѣ фельдмаршала.

ХІІІ.

ПОСЛѢДНЕЕ ЗАТИШЬЕ ПЕРЕДЪ ВЗРЫВОМЪ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ русскій отрядъ, окончивъ койсубулинскую экспедицію, возвращался на линію. Въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Грозной, на походѣ, его настигъ курьеръ и вручилъ барону Розену предписаніе графа Паскевича. Паскевичъ писалъ, что если койсубулинцы не дали еще аманатовъ, и не подписали условій, то не соглашаться на избраніе ими въ правители Абу-Муселима, а самого его арестовать и отправить вмѣстѣ съ семействомъ въ крѣпость Бурную для жительства тамъ подъ присмотромъ. Предписаніе это, очевидно запоздавшее, относившееся еще къ тому времени, когда войска стояли подъ Гимрами, поразило Розена своею неожиданностію и рѣзкимъ противорѣчіемъ со всѣмъ случившимся. Вникнувъ однакоже въ смыслъ его, онъ пришелъ къ убѣжденію, что арестовать Абу-Муселима слѣдовало бы, конечно, въ томъ только случаѣ, если бы койсубулинцы продолжали упорствовать, но теперь, когда койсубулинскій вопросъ былъ уже такъ или иначе, но разрѣшенъ, и разрѣшенъ именно при небезполезномъ участіи самого Абу-Муселима,—арестъ его не имѣлъ бы никакого смысла. Розенъ счелъ дѣло оконченнымъ и приказалъ оставить бумагу безъ послѣдствія.

Но едва онъ возвратился въ Грозную, какъ получилъ извѣстіе, что Абу-Муселимъ уже арестованъ и посаженъ въ крѣпость. Всякій пойметъ теперь положеніе, въ какомъ очутился Розенъ, и какъ начальникъ края, безъ вѣдома кото-

раго совершилось такое важное событіе, и какъ правительственное лицо, воспользовавшееся услугами Абу-Муселима и дружески успокоившее его относительно благоволенія фельд-маршала. Разъясненіе этой загадки пришлось ожидать не долго.

Еще въ то время, когда готовилась экспедиція въ Гимры, Паскевичъ отозвалъ было Корганова изъ Дагестана, потому ли что считалъ его миссію оконченной, или потому что до него дошли слухи о неблаговидныхъ поступкахъ Корганова—неизвѣстно; но дѣло въ томъ, что Коргановъ умѣлъ устроить такъ, что послѣ личнаго свиданія съ фельдмаршаламъ въ Екатеринодарѣ, вновь получилъ разрѣшеніе вернуться въ Дагестанъ и окончить возложенное на него порученіе.

Въ это время столица шамхаловъ была облечена въ глубокой трауръ. Старый Мехти скончался на пути изъ Петербурга, и въ Таркахъ ожидалось прибытіе тѣла покойнаго.

Шамхалъ выѣхалъ изъ Петербурга 7 мая больной, и дорогой умеръ въ Новгородской губерніи, на станціи Зайцево. Причину его смерти медики отнесли просто къ 80-лѣтней старости и къ застарѣлымъ болѣзнямъ, усилившимся отъ безпокойнаго и непривычнаго путешествія въ весеннюю распутицу. Въ Петербургѣ однакоже поставлены были въ затрудненіе, что дѣлать съ тѣломъ шамхала, такъ какъ казанскій или уфимскій мулла, призванный на совѣщаніе къ директору азіятскаго департамента, объявилъ категорически, что магометанскій законъ запрещаетъ перевозить вдаль мертвыя тѣла, а тѣмъ болѣе вскрывать ихъ для бальзамированія, и что ни въ Казани, ни въ Уфѣ подобныхъ обычаевъ не существуетъ. Съ другой стороны, у насъ опасались, что погребеніе шамхала въ глухой деревушкѣ, вдали отъ родины, произвело-бы неблагопріятные толки и негодованіе въ Дагестанѣ, тѣмъ болѣе, что покойникъ самъ передъ своею кончиною завѣщалъ похоронить себя въ ро-

довой усыпальницѣ, шамхаловъ, вмѣстѣ со своими предками, гдѣ мусульмане могли-бы иногда по обычаю и помолиться надъ его костями. Поэтому рѣшили отправить тѣло въ Тарки, но такимъ образомъ, чтобы положить его въ свинцовый гробъ, засыпать углемъ и заключить въ наружный ящикъ, наглухо обмазанный смолою. Составленъ былъ церемоніаль торжественнаго погребенія и войска, собраннаго въ Зайцево, отдали послѣднюю почесть усопшему шамхалу, какъ русскому генералу и владѣтелю одной изъ важнѣйшихъ провинцій Дагестана.

Въ то время, какъ Тарки готовились къ печальному обряду похоронъ стараго валия, русскія власти не мѣшались въ то, что дѣлалось по народнымъ обычаямъ; но полковникъ Мищенко зорко слѣдилъ изъ Шуры за народнымъ движеніемъ, потому что теперь возникалъ вопросъ о наслѣдствѣ въ шамхальствѣ, за которымъ доселѣ пререкались два родные брата. Объявленіе шамхаломъ Сулейманъ-паши прошло однако безъ всякаго замѣшательства; повидимому Абу-Муселимъ примирился съ своимъ положеніемъ, и если мечталъ еще о чемъ, то только о достиженіи въ будущемъ титула койсубулинскаго хана. Не такъ однакоже думалъ объ этомъ Коргановъ. Онъ уже заранѣе договорился съ Сулейманъ-пашею содѣйствовать ему въ устраненіи Абу-Муселима съ дороги, и въ этихъ именно видахъ выхлопоталъ у Паскевича приказаніе арестовать его, какъ главнаго виновника койсубулинской смуты. Но приказаніе это еще не было исполнено, какъ койсубулинская экспедиція окончилась, и интрига не удалась. Тогда въ головѣ Корганова созрѣлъ новый планъ, который онъ и не замедлилъ привести въ исполненіе.

Возвращаясь въ Дагестанъ, Коргановъ потребовалъ въ Тифлисѣ изъ корпуснаго штаба всѣ копіи съ предписаній Паскевича на имя барона Розена, подъ тѣмъ предлогомъ, что многія изъ нихъ могли быть не получены имъ своевре-

менно. Бумаги были выданы за скрѣпою начальника корпуснаго штаба генераль-маіора Жуковскаго. Коргановъ явился съ ними въ Шуру къ полковнику Мищенкѣ, и въ тотъ-же день, 11 іюня, предъявилъ ему предписаніе объ арестованіи Абу-Муселима. Въ то же время подъ рукою онъ далъ ему замѣтить, что фельдмаршалъ весьма не доволенъ, что предписаніе это до сихъ поръ не исполнено. Мищенкѣ, напуганному гнѣвомъ Паскевича, почему-то представилось, что Абу-Муселимъ долженъ быть арестованъ въ предупрежденіе безпорядковъ при вступленіи во владѣніе Сулейманъ-паши и, не собравивъ запоздалость документа, тотчасъ приказалъ маіору Ивченкѣ, бывшему начальникомъ въ крѣпости Бурной, арестовать не только Абу-Муселима и его жену, но и еще пятерыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, на которыхъ указалъ Коргановъ, но о которыхъ вовсе даже и не упоминалось въ предписаніи главнокомандующаго.

И вотъ, 13-го іюня, когда въ Тарки привезено было тѣло почившаго шамхала, когда въ мечети шель печальный обрядъ погребенія, и Абу-Муселимъ, какъ сынъ покойнаго, по обычаю, оплакивалъ своего умершаго отца, Ивченко объявилъ ему приговоръ фельдмаршала. Абу-Маселимъ и пять его друзей тотчасъ были арестованы и отвезены въ крѣпость Бурную. Самого Абу-Муселима помѣстили еще въ особомъ домѣ, но его приверженцевъ бросили прямо на гауптвахту, вмѣстѣ съ колодниками. Въ то же самое время жена Абу-Муселима, знаменитая красавица Салтанета, дочь аварской ханши Паху-Бике, была задержана въ Таркахъ въ тотъ моментъ, когда собиралась выѣхать изъ шамхальства. Новая шамхальша, жена Сулейманъ-паши, не позволила однакоже арестовать свою невѣстку, и укрыла ее на женской половинѣ дома, куда проникнуть, по обычаю, уже не могъ никто изъ постороннихъ. Тогда явились посланные отъ маіора Ивченко съ требованіемъ выдать Салтанету, и когда ханша отказала, то къ дому ее приставленъ

былъ карауль со штыками. Такимъ образомъ, какъ говорить справедливо Волгонскій,—совершился въ полномъ смыслѣ слова всенародный скандалъ, возмутительный и при томъ во-все ненужный для русскаго правительства.

Крайне возмущенный поступкомъ Корганова, Розенъ жаловался на него Емануелю и начальнику штаба—Жуковскому. Послѣднему онъ писалъ: «поступки Корганова доказываютъ, что онъ уже знаетъ о тѣхъ жалобахъ, которыя на него поступили и желаетъ непременно произвести въ Дагестанѣ возмущеніе, дабы симъ закрыть свои поступки и выставить дагестанскихъ владѣльцевъ непреданными нашему правительству.... Арестованіе Абу-Муселима неминуемо произведетъ въ Дагестанѣ возмущеніе. Какое довѣріе теперь можетъ имѣть народъ койсубулинскій къ нашему правительству, когда, послѣ заключенія съ нимъ условій и присяги на подданство, Абу-Муселимъ, черезъ коего они покорились, и у котораго находятся ихъ аманаты, арестованъ и посаженъ въ крѣпость?»... Розенъ ставилъ вопросъ прямо, что если вновь потребуется покореніе койсубулинцевъ, то обойтись безъ военныхъ дѣйствій будетъ уже нельзя, «ибо, лишившись въ народѣ довѣрія, я не могу быть въ семъ случаѣ болѣе полезнымъ.»

Командующему войсками въ Дагестанѣ Розенъ сообщилъ, что находитъ Мищенко наиболѣе виновнымъ въ неправильномъ арестованіи Абу-Муселима и полагалъ удалить его отъ командованія отрядомъ, назначивъ на мѣсто его генераль-маіора Каханова, которому предписать «стараться ласкою вновь снискать потерянное довѣріе горцевъ.»

Опасенія Розена не замедлили сбыться. Койсубулинцы разорвали заключенный съ нами мирный договоръ; аманаты ихъ, находившіеся у Абу-Муселима, бѣжали обратно въ Унцукуль и Гимры. Мищенко потребовалъ отъ койсубулинцевъ выдачи бѣжавшихъ, а самъ между тѣмъ задержалъ ихъ стада и плѣнныхъ. Койсубулинцы заволновались; въ Унцуку-

лѣ собрался народный джемаъ и было рѣшено, что если русскіе не освободятъ Абу-Муселима и не уйдутъ изъ шамхальства, то аманатовъ ихъ не давать и «вредить всячески». Къ генералу Краббе они писали, что аманаты, выданные черезъ Абу-Муселима, если и будутъ возвращены, то только тогда, когда самъ Абу-Муселимъ ихъ потребуетъ.

Съ Мищенкой они церемонились еще менѣе, выражаясь напрямикъ, что «такъ не поступаютъ храбрые воины». Словомъ, все что съ такимъ трудомъ было достигнуто Розеномъ, теперь окончательно рушилось. Койсубулинцы прервали съ нами всякія сношенія; акушинцы также были недвольны, ссылаясь на то, что Абу-Муселимъ столько же полезенъ былъ русскимъ, сколько необходимъ Дагестану; ханша Паху-Бике послала сказать койсубулинцамъ, что если дочь ея не будетъ освобождена, то она со всѣми силами аварскаго народа присоединится къ нимъ для дѣйствія противъ русскихъ.

Емануеля и Розена она укоряла въ несоблюденіи условій и писала къ нимъ дерзкія письма. Первому она замѣчаетъ не безъ прощанія: «Клянемся Богомъ, творцомъ священной Каабы, что мы не понимаемъ сихъ гнусныхъ поступковъ; мы удивляемся и думаемъ, что арестъ сей есть не воздаяніе ли за многія наши заслуги, или за то, что мы не дали помощь народу койсубулинскому. Такого рода поступки не только не слышны въ законахъ русскаго государя, но даже неприличны августѣйшему его престолу».

Емануелю и Розену пришлось молчать, и даже на дерзости отвѣчать любезностями, такъ какъ ни тотъ, ни другой все-таки не рѣшались освободить Абу-Муселима безъ разрѣшенія на то главнокомандующаго.

Между тѣмъ, несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствъ, порожденныхъ въ Дагестанѣ арестомъ Абу-Муселима, открытаго взрыва пока не послѣдовало. Но если этого не случилось, то мы обязаны были этимъ только ханшѣ Паху-Бике, которая все еще не рѣшалась

открыто разорвать съ нами связи. Это-ли обстоятельство, или давленіе, оказанное самимъ Абу-Муселимомъ, съ замѣчательною сдержанностію и терпѣніемъ переносившимъ свое нежданное несчастье, только койсубулинцы выдали обратно аманатовъ. Но зато не только койсубулинцы, но даже весь даргинскій народъ, преданность котораго доселѣ не подлежала сомнѣнію, постановили на народныхъ собраніяхъ не вѣрять болѣе русскимъ и силою оружія противодѣйствовать движенію ихъ въ горы, т. е. распространенію ихъ власти.

Таковы были результаты ареста Абу-Муселима. И ни Розень, ни Емануель, вполнѣ сознававшіе серьезныя послѣдствія этого ареста, не рѣшались самолично отмѣнить распоряженіе Корганова. Маіоръ Коргановъ на дѣлѣ оказывался сильнѣе и полновластнѣе, чѣмъ генералы, занимавшіе столь важныя посты, какъ Емануель и Розень. И въ этомъ все убѣдились, когда Паскевичъ возвратился изъ Петербурга.

Фельдмаршалъ пріѣхалъ уже подготовленный письмами Корганова, — а Коргановъ писалъ ему, что ханша Паху-Бике секретно сноится со всеми горскими народами, вызывая ихъ на враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, что Сулейманъ-паша, вступивъ въ управленіе шамхальствомъ, дѣлаетъ такія распоряженія, которыя заставляютъ слѣдить за его благонадежностію, что андреевскій приставъ есауль Филатовъ, — человекъ, замѣтимъ между прочимъ, своею грудью заслонявшій Грекова и Лисаневича во время извѣстной герзель-аульской катастрофы, — интригуетъ будто-бы противъ нашего правительства, подобно тому, какъ интриговалъ Мадатовъ въ прошлую персидскую войну и т. д., и т. д. Паскевичъ оправдалъ все дѣйствія Корганова. Онъ даже писалъ военному министру, обвиняя во всемъ Абу-Муселима, и, чтобы оправдать своего любимца, явно уклонялся отъ истины и справедливости. Словомъ, пользуясь своимъ полномочіемъ, Паскевичъ выгородилъ окончательно Корганова и все распоряженія его принялъ на себя. Самые хлопоты

Абу-Муселима о покорности койсубулинцевъ были приписаны имъ только честолюбивымъ стремленіямъ получить званіе койсубулинскаго хана, и что для этого онъ даже будто-бы вновь вошелъ въ сношенія съ Кази-муллою, (чего никогда не было). «Получивъ достовѣрное извѣстіе черезъ маіора Корганова объ этой новой измѣнѣ—доносилъ Паскевичъ:—я приказалъ арестовать Абу-Муселима съ главными сообщниками и содержать въ крѣпости Бурной.» (На дѣлѣ, какъ мы видѣли, это было не такъ, и самое предписаніе о заарестованіи дано было при иныхъ обстоятельствахъ и по инымъ мотивамъ). Но тѣмъ не менѣе Паскевичъ, прося довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія государя, прибавлялъ, что «будетъ держать Абу-Муселима подъ арестомъ впредь до совершеннаго покоренія дагестанскихъ горцевъ.» Что же касается до Салтанеты, то она была имъ освобождена, съ правомъ жить, гдѣ пожелаетъ.

Борьбу съ маіоромъ Коргановымъ осмѣлился поднять только старый генераль-лейтенантъ князь Эристовъ, знаменитый покоритель Тавриза, когда прибылъ въ Шуру 28 іюля къ отряду Мищенки для командованія войсками въ шамхальствѣ. Эристову сразу бросился въ глаза тотъ ненормальный порядокъ дѣлъ, который завелся въ Дагестанѣ, благодаря вмѣшательству Корганова—и столкновеніе не замедлило. Гнѣвъ старика Эристова прежде всего оборвался на молодомъ Коргановѣ, который успѣшилъ сообщить ему, что «яко-бы уполномоченъ разсылать повсюду лазутчиковъ, своситься непосредственно съ барономъ Розеномъ, вникать во всѣ дѣла шамхальства, держать владѣтельныхъ особъ въ той готовности къ службѣ государю, въ какой онѣ были доселѣ,» и т. цд. Князь Эристовъ ужаснулся такому полномочію, и далъ знать Корганову, что не можетъ допустить его ни къ какому распоряженію. «Странно—писалъ онъ къ нему:—что вамъ поручено о происшествіяхъ здѣшняго края доносить генераль-лейтенанту барону Розену для мѣст-

наго соображенія, тогда какъ войска, находящіяся въ Дагестанѣ, не подчинены его превосходительству, да и соображеній вы никакихъ ему не въ силахъ дѣлать: въ семь состояла обязанность командовавшаго отрядомъ г. полковника Мищенко. Порученность, сдѣланная вамъ, превышаетъ силы ваши, и ни мѣсто, ни чинъ не позволяютъ дѣлать вамъ подобныя довѣренности»...

Быть можетъ старому Эристову, при его прямодушіи и смѣлости характера, удалось бы наконецъ обуздать самовольство братьевъ Коргановыхъ, по крайней мѣрѣ поставить ихъ въ должныя рамки, но черезъ нѣсколько дней Эристовъ былъ отозванъ въ Тифлисъ, и Коргановы, оставшись при всѣхъ своихъ правахъ, еще цѣлый мѣсяцъ наводили ужасъ на Дагестанъ своими доносами. Двое владѣтелей: Ахметъ-Ханъ мехтулинскій и Ибрагимъ-бекъ корчагскій,—оба сражавшіеся въ рядахъ нашихъ войскъ подъ знаменами Паскевича въ Персіи и Турціи, потеряли наконецъ терпѣніе и подали жалобы «на его мошенничества.» Но на этотъ разъ Розенъ успѣшилъ оправдать Корганова—такъ велика была сила временщика и извѣстно пристрастіе къ нему Паскевича. Однако Паскевичъ призналъ болѣе благоразумнымъ отозвать наконецъ Корганова изъ Дагестана, но при этомъ онъ послалъ его на лѣвый флангъ Кавказской линіи въ распоряженіе барона Розена, предупредительно вызвавшагося покровительствовать его любимцу.

Только отъѣздъ Паскевича съ Кавказа развязалъ всѣмъ руки и далъ возможность возстановить истину и въ настоящемъ свѣтѣ выставить всѣ поступки и дѣйствія Корганова. Генераль-маіоръ князь Бековичъ-Черкасскій, временно командовавшій войсками въ Дагестанѣ, первый рѣшилъ довести обо всемъ случившемся до свѣдѣнія государя и по высочайшему повелѣнію назначено было наконецъ слѣдствіе. Оно-то и выяснило прежде всего, что «богатство шамхала убѣдило Корганова обвинить Абу-Мусселима передъ начальствомъ»;

было дознано также, что Сулейманъ-паша, желая избавиться отъ своего совмѣстника въ самую горячую минуту, подкупилъ Корганова, и что арестъ Абу-Муселима стоилъ ему не особенно дорого—всего только тысячи червонцевъ и кареты, которая почему-то особенно полюбилась Корганову. Впрочемъ, съ этою каретою произошелъ тоже своего рода скандалъ, такъ какъ Сулейманъ-паша, съ чисто-восточною наивностью, жаловался потомъ, что Коргановъ его обманулъ, ибо въ обмѣнъ его шамхальской кареты обѣщалъ дать ему свою, а прислалъ такую старую, что ее только и можно было, что подарить кизлярскому армянину.

Не всё однако поступки Корганова были обнаружены формальнымъ слѣдствіемъ; да его и нельзя было вести, какъ должно, въ землѣ, не подчиненной русскимъ закономъ, но и то, что было открыто, рисуетъ передъ нами полную картину разврата, хищничества и открытой измѣны русскому дѣлу. Донося объ этомъ для всеподданнѣйшаго доклада, преемникъ Паскевича, генераль-адъютантъ Розень, писалъ: «Коргановъ заслуживаетъ примѣрнаго наказанія, а потому я полагаю-бы удалить его вовсе отъ всякаго рода службы и не дѣлать ему впредь никакого довѣрія и порученія, и притомъ не позволять ему никогда возвращаться за Кавказъ, гдѣ онъ можетъ быть всегда вреденъ хитрыми своими происками.»

Такъ окончилась дѣятельность Корганова въ Дагестанѣ.

Кстати замѣтить, что еще съ возвращеніемъ Паскевича изъ Петербурга, 1-го августа 1836 года, послѣдовалъ цѣлый рядъ переменъ въ начальствующихъ лицахъ. Генераль-маіоръ Краббе былъ отрѣшенъ отъ должности и, покинувъ Кавказъ, уѣхалъ въ Полтавскую губернію; на мѣсто его въ Дагестанъ назначенъ былъ генераль-маіоръ Кахановъ, командовавшій до этого времени бригадою въ 14-й дивизіи. Полковникъ Мищенко также отставленъ отъ службы, а командиромъ Апшеронскаго полка назначенъ полковникъ Остроуховъ. Но поводомъ для смѣщенія Краббе и Мищенко послужили не сов-

ременныя обстоятельства, а безпорядки, относившіеся еще къ Ермоловской эпохѣ.

Въ смутное время, когда вторженіе персіянъ въ наши предѣлы вызвало измѣну и возмущеніе жителей, Ермоловъ призналъ необходимымъ дать полномочіе, какъ Краббе, такъ и Мищенкѣ, наказывать виновныхъ смертію. Оба они широко воспользовались своимъ полномочіемъ и въ періодъ начала персидской войны было казнено ими 66 человекъ: 15 заколоты штыками, 6 засѣчены насмерть и 45 повѣшено. Сенаторская ревизія, производившаяся въ краѣ, по желанію Паскевича, пришла къ убѣжденію, что надъ осужденными не было производимо, ни суда, ни слѣдствія и что поэтому очень можетъ быть не всѣ изъ нихъ достойны были казни. Къ этому прибавились еще обвиненія въ расхищеніи имущества казенныхъ, на которое по туземнымъ обычаямъ имѣла право казна, но котораго домогались ближайшіе родственники осужденныхъ, признавая приговоры надъ ними несправедливыми. На показаніяхъ этихъ-то родственниковъ, поголовно участвовавшихъ въ томъ возмущеніи, за которое заплатились казенные, сенаторы основали свои заключенія, едвали правильно уже потому, что оба сенатора были людьми гражданского склада понятій, не были знакомы, ни съ мѣстными адатами туземныхъ властей края, права которыхъ мы наслѣдовали, ни съ обычаями народа, ни съ тѣмъ отчаяннымъ положеніемъ, въ которое измѣна ставила въ тѣ времена наши малочисленныя войска на Кавказѣ. Но такъ или иначе, — а Краббе и Мищенко, оба боевые и лично дѣльные офицеры, созданные еще ермоловскою школою, были преданы суду, и удалены съ Кавказа. Затѣмъ баронъ Розень, сдавшій 14 дивизію генераль-лейтенанту Вельяминову (другу и сподвижнику Ермолова) былъ перемѣщенъ на должность командовавшего войсками въ Джаро-Вѣлоканской области и принялъ 21-ю дивизію отъ князя Эристова, который въ свою очередь назначенъ сенаторомъ. Начальство надъ правымъ флангомъ Кав-

казской линіи и 22-ю дивизією получилъ генераль-маіоръ Фроловъ, вмѣсто Мерлини, зачисленнаго по арміи, а гренадерскую бригаду, которою командовалъ Фроловъ, получилъ генераль-маіоръ Гессе—извѣстный сподвижникъ Паскевича въ турецкомъ походѣ.

Съ назначеніемъ новыхъ начальствующихъ лицъ, кавказская война, и особенно дѣла въ Дагестанѣ вступаютъ въ новый фазисъ своего развитія.

Въ краткій періодъ вышеописанныхъ событій, Казимулла проживалъ въ своей саклѣ почти затворникомъ—онъ ждалъ пока броженіе, имъ начатое, коснется каждаго горца и охватитъ все населеніе единствомъ политическо-религіозныхъ стремленій.

До мюридизма половина горцевъ была, какъ нынѣ জানানно спеціальными изслѣдованіями, плохими мусульманами. Въ жизни дагестанца свой, унаслѣдованный отъ предковъ, адатъ болѣе значилъ, чѣмъ шаріатъ. Между тѣмъ адатъ, какъ законъ не писанный, бытовъй и притомъ чаще всего разнообразный, по народности каждаго дагестанскаго общества, не исключалъ возможности сближенія съ нами, потому что нерѣдко былъ измѣняемъ по приговорамъ обществъ, тогда какъ шаріатъ, какъ ученье, стройно организованное въ писанныхъ установленіяхъ, подводило всѣхъ мусульманъ подъ одни и тѣ же начала, чуждые иноплеменному и иновѣрному владычеству.

Такимъ образомъ мюридизмъ, призывая мусульманъ къ строгому слѣдованію шаріата, тѣмъ самымъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отодвигалъ ихъ отъ насъ и способствовалъ развитію религіозныхъ увлеченій, совершенно подобнымъ такимъ же экстазамъ, какимъ охватывались и сами христіанскія общества передъ крестовыми походами. Тихо и незамѣтно шла его работа, сѣтъ прялась невидимо для глаза, но все тѣснѣе и крѣпче запутывала горцевъ въ своихъ тенетахъ.

Если что и останавливало еще быстрое теченіе начатой

пропаганды—то это страшная холера, распространившаяся по цѣлому краю; но въ концѣ-концевъ и это бѣдствіе было истолковано не въ нашу пользу. Холера показалась въ Каракайтагѣ. Первою ея жертвою былъ донской сотникъ Левинъ; онъ ѣхалъ въ отпускъ на Донъ, заболѣлъ дорогою и умеръ 29-го марта на почтовой станціи; 30-го числа, въ Дербентѣ, умеръ армянинъ и въ то же время дали знать, что выѣхавшій изъ города персіянинъ съ товарищемъ—также оба умерли скоропостижно. Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ, холера не только распространилась по шамхальской плоскости, но охватила горы и навела такую панику на койсубулинцевъ, что большая часть ихъ, пакинувъ аулы, забилась въ горныя тущобы, прекративъ всякое сообщеніе съ плоскостью и никого не допуская къ себѣ.

Въ Таркахъ она свирѣпствовала съ значительною силою—четвертая часть жителей была поражена эпидеміей и ежедневно умирало до 10 человѣкъ. Гарнизонъ крѣпости Бурной, находившійся недалеко отъ Тарковъ, подвергся также болѣзни, и изъ двухъ ротъ Апшеронскаго полка лежало въ лазаретѣ 120 человѣкъ, и не проходило дня безъ смертнаго случая. Присланы были медики, но несмотря на всѣ принятыя ими мѣры—въ то время еще не вполне изученныя, борьба съ болѣзнію шла неуспѣшно, и она продолжала свирѣпствовать еще долгое время, пока сама природа не избавила край отъ этого грознаго бича, распространяшаго повсюду смерть и наполнявшаго сердца ужасомъ.

Кази-мулла однако не дремалъ и незримо для нашихъ властей не упустилъ воспользоваться обстоятельствами, складывавшимися для него столь благопріятно—съ одной стороны, такими нетактическими нашими дѣйствіями, какъ посылкою Корганова въ Дагестанъ и арестомъ Абу-Муселима, а съ другой—холерой, какъ выраженіемъ гнѣва Божьяго за грѣхи правовѣрныхъ. Словомъ, все это было для Кази-моллы самымъ удобнымъ матеріаломъ для возбужденія противъ насъ

мѣстнаго населенія, а случайная скученность послѣдняго въ горахъ представляла удобства для его зажигательныхъ проповѣдей, не требуя особыхъ сборовъ или сходовъ народа, и притомъ уже вовсе вдали отъ нашего надзора.

Кази-мулла весьма удачно воспользовался для своихъ цѣлей также и удаленіемъ изъ подъ Гимръ русскихъ войскъ, не разорившихъ во время послѣдней экспедиціи ни одного селенія. Онъ указывалъ на это, какъ на видимую руку Провидѣнія и объяснилъ народу, что Богъ, покровительствующій правому ученію, возвѣщаемому народамъ его устами, ослѣпилъ врага и не допустилъ его спуститься въ беззащитныя Гимры. «Если мы видимъ такую явную помощь свыше—говорилъ онъ:—то намъ-ли бояться славы русскаго оружія!»

Въ результатѣ всего происходившаго—койсубулинцы, акушинцы, аварцы, даже шамхальцы и мехтулинцы насъ ненавидѣли. Имя Абу-Муселима, все еще сидѣвшаго въ крѣпости, было на устахъ всѣхъ и выставлялось всѣми, какъ образецъ безправія, котораго каждый могъ ожидать отъ русскихъ.

Къ этому-же времени Кази-Мулла имѣлъ уже приверженцевъ и послѣдователей въ средѣ вольныхъ демократическихъ обществъ Дагестана, и даже успѣлъ склонить на свою сторону и такихъ выдающихся личностей, какими являлись въ понятіяхъ народа Гамзатъ-бекъ, Али-султанъ—старшина унцукельскій и Улу-бей владѣлецъ эрпелинскій, изъ которыхъ послѣдній стоилъ сотни другихъ людей. Это былъ доселѣ также одинъ изъ самыхъ преданнѣйшихъ намъ дагестанскихъ владѣльцевъ, услуги котораго въ то время мы оцѣнить не умѣли. Интриги и козни вооружили противъ него шамхала, который лишилъ его владѣній, и оскорбленный Улу-бей передался имаму. Такъ какъ шамхаль пользовался естественно покровительствомъ русскихъ властей, то и всѣ поступки его, неблагопріятные горцамъ, записывались ими на нашъ счетъ.

Вліяніе Кази-муллы росло съ каждымъ днемъ и число

его послѣдователей увеличивалось. Онъ это чувствовалъ и наконецъ рѣшился прямо, съ тѣмъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, которое такъ обаятельно дѣйствовало на массы, развить передъ вполне подготовленными уже слушателями свой гигантскій замыселъ—итти на Тарки, сокрушить сперва могущество шамхаловъ, какъ измѣнниковъ мусульманства, потомъ перенестись въ Внезапную, низринуть въ прахъ кумыкскую аристократію, также искони намъ вѣрную, и затѣмъ, привлеки къ себѣ вольныхъ чеченцевъ, освободить съ ними всѣхъ мусульманъ изъ подъ ига гяуровъ. Онъ внушалъ койсубулинцамъ мысль, что они призваны быть первымъ и главнымъ орудіемъ освобожденія и торжества ислама, и что имъ, какъ пегидамъ (избраннымъ), будетъ принадлежать и первое мѣсто въ раю и лучшая дабыча на землѣ.

Умы койсубулинцевъ заколебались, и имамъ приобрѣлъ въ лицѣ ихъ самыхъ рьяныхъ послѣдователей своего ученія. Самъ Кази-мулла разомъ выросъ въ глазахъ дагестанцевъ—и на него всѣ стали смотрѣть уже, какъ на избранника Божія. Появились рассказы о разнаго рода случаяхъ, въ которыхъ Кази-мулла являлся окруженный ореоломъ сверхъестественныхъ свойствъ. Такъ, въ шамхальствѣ ходили слухи, что будто-бы нѣкоторые видѣли на небѣ всадниковъ, мчавшихся на бѣлыхъ коняхъ, бряцавшихъ оружіемъ, и голосомъ, подобнымъ раскату грома, призывавшихъ Кази-моллу; рассказывали также, что будто-бы имамъ разстилаетъ бурку для вечерняго намаза на бѣшеныхъ волнахъ Койсу и, недвижимый водою, совершаетъ молитвы. Русское начальство считало унизительнымъ для себя нисходить до разъясненія этихъ нелѣпныхъ слуховъ и не хотѣло придавать имъ того значенія, которое они, между тѣмъ, имѣли въ дѣйствительности, фанатизируя возбужденныя массы народа.

Къ концу 1830 года настроеніе умовъ въ Дагестанѣ было уже настолько враждебно намъ, что казалось достаточно было одной малѣйшей искры, чтобы край былъ объятъ

пожаромъ, и, кажется, только лишь зимняя стужа и безкормица для коней сдерживали еще взрывъ уже вполне готоваго возстанія.

ПЕРВОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ ДЖАРЦЕВЪ

(ШИХЪ-ШАБАНЪ).

Мы покинули джарцевъ въ тотъ роковой для нихъ моментъ, когда 26-го февраля 1830 года русскій отрядъ вступилъ въ Закаталы, и Паскевичъ объявилъ Джаро-Бѣлоканскую область на вѣчныя времена присоединенною къ русскимъ владѣнiямъ.

Первою заботою фельдмаршала было введенiе во вновь присоединенной области прочной администраціи, въ головѣ которой сталъ извѣстный генералъ князь Бековичъ-Черкасскій. Передъ новымъ начальникомъ легла широкая и трудная задача умиротворить край, населенный свободнымъ народомъ, не знавшимъ до сего другаго закона, кромѣ силы оружія, и исполненнаго ненавистью къ своимъ завоевателямъ. Никогда сужденіе о джарцахъ не будетъ правильнымъ, если мы не будемъ принимать во вниманіе—что такое по существу сами Джарцы.

Дѣло въ томъ, что Дагестанъ по крайней мѣрѣ еще во время арабовъ, явившихся на Кавказъ въ VII столѣтiи, переполнился народомъ и его поля, обрабатываемыя съ такимъ настойчивымъ трудомъ, не могли уже обеспечивать своими урожаями и половины его населенія. Отсюда проистекало вѣчное броженіе въ народѣ и исконныя набѣги его на окрестныя страны съ единственною цѣлью пополненія своихъ дефицитовъ. Общее сознаніе неминуемости подобнаго положенія страны

до такой степени сознавалось еще въ древности, что напр. дагестанское племя маскутовъ, жившее къ югу отъ Дербента, на приглашеніе въ IV в. армянскихъ проповѣдниковъ принять религію Христа, учащую никого не разорять, не грабить и не красть, а трудиться руками, отвѣчало: «Это лукавство армянскаго царя, чтобы препятствовать намъ опустошать Арменію; чѣмъ же намъ жить, если мы не станемъ грабить?»

По этой причинѣ становится понятнымъ, почему другая религія—мусульманство,—основанная на силѣ меча и этимъ самымъ узаконявшая уже періодическіе набѣги на сосѣдей, особенно иновѣрцевъ, такъ по душѣ пришлась всѣмъ дагестанцамъ. Вскорѣ по принятіи ислама и при ослабленіи сосѣдней Грузіи, лезгины перевалили черезъ главный Кавказскій хребетъ и заняли пространство отъ хребта вплоть до Алазани—т. е. всю мѣстность бывшей Джаро-Бѣлоканской области. Этимъ они разъ навсегда овладѣли выходами изъ Дагестана въ Закавказье, въ которое и начались ихъ безконечныя и чаще всего безнаказанныя набѣги. Значить джарцы въ буквальномъ смыслѣ явились *колоніей* дагестанцевъ и колоніей передовой, игравшей въ отношеніи своей метрополи туже роль, какъ наше казачество въ отношеніи Россіи. Какъ колонія, джарцы имѣли свои корни въ самомъ Дагестанѣ, и туда каждый разъ обращались за помощью въ случаѣ нападенія извнѣ. И такой взглядъ на самихъ себя не измѣнялся, да и не могъ измѣниться въ понятіяхъ джарцевъ до тѣхъ поръ, пока самъ Дагестанъ не палъ окончательно передъ нашимъ оружіемъ. Затишье, наступившее въ покоренныхъ Джаряхъ, не вселяло довѣрія, и князь Бековичъ, какъ опытный, осторожный генераль, держалъ свой отрядъ сосредоточеннымъ. Войска располагались лагеремъ въ Закаталахъ, возлѣ строящейся крѣпости, и только двѣ роты были отдѣлены: одна въ Бѣлоканы, другая—для охраны мугандинской переправы.

Лично находясь въ Закаталахъ, князь послалъ въ Бѣ-

локаны для наблюденія за ихъ разбойничьимъ населеніемъ русскаго пристага, войскового старшину Мещерякова, и имѣлъ намѣреніе сдѣлать то же самое по отношенію къ другимъ вольнымъ лезгинскимъ обществамъ, лежавшихъ за главнымъ хребтомъ—Анцухъ, Анкратль и Капучи, отъ которыхъ ожидалъ аманатовъ.

Но въ то самое время, какъ Бековичъ старался распространить наше вліяніе на общества нагорнаго Дагестана, та же самая цѣль занимала и Кази-муллу, ясно видѣвшаго необходимость удержать эти общества отъ выдачи намъ аманатовъ и тѣмъ сохранить въ своихъ рукахъ выходы въ Закавказье. И вотъ, когда въ Дагестанѣ койсубулинскій вопросъ былъ въ самомъ разгарѣ, въ Анкратлѣ появился нѣкто Шихъ-Шабанъ, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ послѣдователей имама. Шабанъ самъ уроженецъ деревни Канады, лежавшей по близости Анкратля, пользовался среди своихъ земляковъ славою ученаго человѣка и потому принятъ былъ съ восторгомъ. Краснорѣчивый проповѣдникъ, онъ съ большимъ успѣхомъ повелъ дѣло пропанды и въ самое короткое время укрѣпилъ въ глуходарахъ сѣмена мюридизма. Анкратльцы первые отказали намъ въ повиновеніи, а къ нимъ скоро присоединились и другія общества. Мало того, волненіе проникло даже въ самые Джары, гдѣ почва для того оказывалась вполне подготовленною. Старики говорятъ, что причиною этого были отчасти и сами русскіе, позволявшіе себѣ безцеремонное обращеніе съ женщинами, а еще болѣе грузины, имѣвшіе съ лезгинами свои давнишніе счеты. Многіе кахетинцы, пользуясь пребываніемъ нашихъ войскъ за Алазанью, тайкомъ прокрадывались въ лезгинскія деревни и вымѣщали на нихъ старыя обиды. Для прекращенія подобныхъ случаевъ Бековичъ учредилъ конные разъѣзды по берегу Алазани, а къ лодкамъ и поромамъ приставилъ караулы; но зло прекратить было трудно, такъ какъ многіе жители Сигнахскаго уѣзда имѣли свое хлѣбопашество и скотоводство за Алазанью, а

подъ этимъ предлогомъ переправлялись и тѣ, у кого не было тамъ никакого хозяйства. При такихъ условіяхъ джарцамъ не легко было забыть свою прежнюю независимость, когда они, вольные, никѣмъ не стѣсняемые, наводили страхъ на сосѣднюю Кахетію. Вотъ почему народъ бросался жадно на каждый слухъ, дававшій ему какую нибудь надежду на избавленіе, и почему появленіе Шабана въ сосѣднемъ Анкратлѣ отразилось движеніемъ и среди джарскаго общества. Стали говорить, что Шихъ-Шабанъ приглашаетъ всѣхъ присоединиться къ святому дѣлу освобожденія отчизны и быть въ готовности по первому зову стать подъ его знамена. Одно обстоятельство самымъ непредвидѣннымъ образомъ помогло Шабану въ исполненіи его задачи относительно джарцевъ. Однажды, когда джарскій кадій засѣдалъ въ совѣтѣ старшинъ, вошелъ неизвѣстный глуходаръ и подаль ему бумагу. Оказалась прокламація Шабана. Растерявшійся кадій собралъ народъ и, прочитавъ передъ нимъ то, что писалъ Шабанъ, разорвалъ прокламацію въ куски и истопталъ ее ногами. Но народъ уже узналъ ее содержаніе, разнесъ ее по своимъ домамъ и, такимъ образомъ, опрометчивый кадій самъ сдѣлался проводникомъ ея въ населеніи. Джарскую молодежь охватила лихорадочная дѣятельность, и если порядокъ еще не былъ нарушенъ явно, то только потому, что нашлось нѣсколько благоразумныхъ и опытныхъ старшинъ, которые употребили всѣ силы, чтобы не допустить до явнаго разрыва съ русскими. А между тѣмъ Шабанъ, исполнивъ возложенное на него порученіе, поѣхалъ обратно въ Гимры, предупредивъ глуходаръ, что возвратится къ нимъ передъ праздникомъ Курбанъ-байрамъ, приходившимся около 25-го мая.

Извѣстіе о появленіи въ Анкратлѣ новаго фанатика, ставшагося зажечь возмущеніе въ только что успокоенной области, заставило князя Бековича разузнать обстоятельнѣе о положеніи дѣлъ—и въ Анкратлѣ отправленъ былъ бѣлокапскій старшина Мамедъ-Муртазали-оглы, вмѣстѣ съ прапорщикомъ

Сосія Андронниковымъ. Они уже не застали Шабана и, можетъ быть, только поэтому глуходары приняли ихъ радушно, обѣщаясь даже со временемъ выдать аманатовъ. Но едва они уѣхали, вернулся Шабанъ—и весь народъ опять перешелъ на его сторону.

Какъ разъ въ это время Паскевичъ выѣзжалъ въ Петербургъ и, озабоченный дѣлами въ Дагестанѣ, послалъ туда князя Бековича, а управленіе Джарскою областью поручилъ войска донскаго генераль-маіору Сергѣеву,—одному изъ своихъ сподвижниковъ по турецкой кампаніи.

Сергѣевъ пріѣхалъ въ Джары 27-го мая и первое, что его поразило,—это отсутствіе въ странѣ какого нибудь укрѣпленнаго пункта, на случай борьбы съ возставшимъ населеніемъ. Крѣпость, о которой такъ хлопоталъ Паскевичъ, еще была въ зародышѣ, а объ устройствѣ кордонной линіи даже не помышляли совсѣмъ. Между тѣмъ настроеніе жителей и отношенія ихъ къ намъ мало предвѣщали добраго. Какъ новый человекъ въ краѣ, Сергѣевъ не могъ услѣдить за всѣми нитями развивавшагося заговора, но видѣлъ зловѣщіе признаки его, выражавшіеся и въ повсемѣстныхъ сходкахъ народа, и въ отдѣльныхъ случаяхъ неповиновенія русскимъ властямъ, и въ начинающихся разбояхъ.

Едва онъ прибылъ въ Бѣлоканы, какъ пришло извѣстіе, что какая-то шайка, появившаяся вблизи Кварели, захватила пастуха, перешедшаго со своимъ стадомъ черту пограничныхъ постовъ, зарѣзала его, и трупъ бросила въ полѣ; потомъ подъ тѣми же Кварелями нашли другого грузина, убитаго въ саду; въ Чеканахъ пропалъ безъ вѣсти мальчикъ, въ Бахріанѣ угнали скоть, и, наконецъ, подъ самыми Катехами лезгинны сорвали обывательскій постъ, изъ котораго только одинъ человекъ успѣлъ бѣжать, чтобы доставить объ этомъ свѣдѣніе.

Въ Бѣлоканахъ уже знали о громадныхъ сборахъ въ горахъ, дѣлаемыхъ Шабаномъ, а потому Сергѣевъ послѣ-

шилъ вернуться въ Закаталы, чтобы сдѣлать распоряженіе по оборонѣ области. Гарнизонъ въ Бѣлоканахъ былъ усиленъ еще одною ротой, подѣ начальствомъ маіора Бучкіева, который предпочелъ однако расположить свой отрядъ не въ самой деревнѣ, а въ сторонѣ отъ нея, въ наскоро устроенномъ редутѣ, представлявшемъ собою, хотя маленькое и тѣсное, но, по своему положенію у выхода изъ горъ, весьма важное укрѣпленіе.

Бучкіевъ былъ еще на походѣ, какъ къ Сергѣеву пріѣхалъ бѣлоканскій старшина Муртазали съ извѣстіемъ, что Шабанъ появился въ Джурмутъ и назначилъ деревню Рог-но-оръ, находившуюся верстахъ въ 30 отъ Бѣлоканъ, сборнымъ пунктомъ для своего скопища. Дальнѣйшія намѣренія Шабана пока еще не выяснились. Дорога отъ Рог-но-оръ раздѣляется: одна идетъ на Бѣлоканы, другая на Катехи, третья въ Закаталы, а потому трудно было рѣшить, по какому изъ трехъ путей направится скопище Шабана. Еще не кончилъ свой рассказъ старшина, какъ прискакалъ гонецъ отъ бѣлоканскаго пристава Мещерякова; тотъ писалъ, что горцы уже въ Рог-но-орѣ, что бѣлоканцы волнуются, а джарцы намѣрены занять муганлинскую переправу и отрѣзать сообщеніе съ Грузіей.

Приближалась критическая минута. Теперь уже не оставалось сомнѣнія въ измѣнѣ джарцевъ и надо было немедленно принимать мѣры, чтобы непріятель не засталъ насъ врасплохъ. Бѣлоканы, какъ передовой пунктъ, были поспѣшно усилены еще одною ротой Ширванскаго полка; переправа у Муганлы также занята достаточно сильнымъ отрядомъ, а въ Закаталы потребовали изъ Царскихъ-Колодцевъ два дивизиона нижегородскихъ драгунъ.

Къ 12 іюню всѣ войска были уже на своихъ мѣстахъ, и въ тотъ же день, верстахъ въ 15 отъ Бѣлоканъ, показались первые непріятельскіе разъѣзды.

Если бы Сергѣеву пришла мысль со всѣми силами бро-

ситься на Рог-но-оръ и внезапнымъ ударомъ разгромить скопище, прежде чѣмъ оно окончательно приготовилось къ дѣйствіямъ—не было бы никакого возстанія и въ Джаро-Бѣлоканской области. Такъ дѣйствовали сподвижники Циціанова: Котляревскіе, Карягины, Небольсины, Портнягины, Несвѣтаевы, Гуляковы и другіе—герои первой легендарной борьбы нашей съ Персіей; такъ дѣйствовалъ отчасти и самъ Сергѣевъ въ Турціи, не разъ громившій многочисленныя партіи курдовъ и турокъ. Но замѣчательно, что боевые генералы, съ безоглядною отвагой ходившіе на турокъ, теряли голову и пасовали передъ горцами. Правда, въ тылу у нихъ стояло вооруженное населеніе, но то же самое не разъ случалось и въ Турціи, а главное, надо было понять, что населеніе это, видимо колебавшееся, еще выжидало на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ и не сразу рѣшалось кинуться въ омутъ возстанія. Мысль объ этомъ приходила въ голову и Сергѣеву, даже дѣлались распоряженія къ внезапному ночному движенію противъ Шабана; но вслѣдъ за этимъ приказанія отменялись, —Сергѣеву казалось опаснымъ идти черезъ густыя лѣса, и онъ предпочиталъ выжидать нападенія на плоскости.

Такая нерѣшительность, чутко подмѣчаемая жителями, ободряла духъ населенія, —и первыми явно отложились отъ насъ катехцы и бѣлоканцы. На приказаніе выслать разъѣзды къ сторонѣ непріятели, даже преданный намъ бѣлоканскій старшина Муртазали отвѣчалъ съ удивленіемъ, что «непріятель идетъ не на нихъ, а на русскихъ.» Катехцы поступили еще чистосердечнѣе. Когда Сергѣевъ послалъ имъ приказаніе защищать деревню, катехскій старшина Ибрагимъ-Цодоръ-оглы отвѣчалъ, что жители примутъ Шабана съ хлѣбомъ и солью, потому что безсильны оказать ему противодѣйствіе. Отвѣтъ былъ вполне естественъ. Если Сергѣевъ считалъ опаснымъ движеніе противъ Шабана съ такими силами, которыя Паскевичъ признавалъ достаточными для разгрома турецкихъ армій,—то что же могло сдѣлать одно ничтожное селеніе?

17-го іюня произошло первое столкновение съ неприятелемъ, окончившееся для насъ весьма неудачно. Посланный Сергѣевымъ въ Катехи конный разъѣздъ наткнулся въ двухъ верстахъ отъ этого селенія на 200 человекъ глуходаръ и былъ захваченъ въ плѣнъ. Къ ночи того же дня часть неприятельскихъ силъ заняла высоты надъ самыми Бѣлоканами, и отрядъ Бучіева увидѣлъ цѣлыя линіи костровъ, вѣнчавшихъ собою вершины сосѣднихъ горъ. Прошло два дня, но ни съ нашей, ни съ неприятельской стороны, не было предпринято ничего рѣшительнаго.

19-го числа главные силы Шабана спустились съ горъ и, оставляя въ сторонѣ бѣлоканскій редутъ, потянулись къ Катехамъ. Навстрѣчу къ нимъ Сергѣевъ послалъ подполковника Платонова съ казачьимъ полкомъ и частью милиціи, а дивизиону нижегородскихъ драгунъ приказалъ расположиться въ резервѣ. Платоновъ занялъ Катехи и даже двинулся дальше; но едва головная конница его втянулась въ ущелье, какъ была встрѣчена сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, не устояла и въ безпорядкѣ усакала назадъ. Эта новая неудача отразилась тѣмъ, что жители, собранные съ подводами у Новыхъ-Закаталъ, всѣ разбѣжались и построика крѣпости остановилась.

Неудачныя дѣйствія нашей кавалеріи могли подорвать въ населеніи довѣріе къ силѣ русскаго оружія и поднять духъ неприятеля. Поэтому 21-го числа Сергѣевъ задумалъ со всѣмъ отрядомъ предпринять рѣшительное наступленіе къ Катехамъ, куда приказано было идти и маіору Бучіеву, оставивъ въ бѣлоканскомъ редутѣ только одну роту. Наступленіе это остановилось опять самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ ночь на 21-е число къ Сергѣеву явился джермутскій старшина Дебиръ-Магома съ письмомъ отъ самого Шабана, который выражалъ желаніе перейти на русскую сторону и вступить въ наше подданство, если ему дадутъ приличное содержаніе. Такого неожиданнаго оборота дѣлъ никто не ожи-

далъ. Сергѣевъ щедро одарилъ старшину и послалъ сказать Шабану, что готовъ хадатайствовать за него у фельдмаршала, если онъ обѣщаетъ быть вѣрнымъ и усерднымъ слугою. Мало того, самъ Сергѣевъ обѣщалъ на другой день пріѣхать въ Катехи, чтобы видѣться съ Шабаномъ въ ущельи Кифисдара и лично выслушать его желанія.

Только впослѣдствіи выяснилось уже, что вся эта комедія была разыграна Шабаномъ только для того, чтобы задержать Сергѣева въ Закататахъ. Дѣло въ томъ, что предписаніе, посланное Бучкіеву о выступленіи въ Катехи, было перехвачено горцами и Шабанъ сообразилъ, что если Бучкіева захватить въ лѣсахъ, то изъ русскаго отряда не спасется ни одного человѣка. Но для этого нужно было парализовать дѣйствія закатальскаго отряда. И вотъ, въ то время, когда Дебирь-Магома расточалъ передъ русскимъ начальникомъ перлы своего краснорѣчія, Шабанъ въ пламенной рѣчи, обращенной къ лезгинамъ, говорилъ о томъ наническомъ страхѣ, который должны почувствовать русскіе при видѣ побѣдныхъ знаменъ исламизма, и что Аллахъ въ справедливомъ гнѣвѣ ослѣпитъ гяуровъ, дерзнувшихъ въ безумной гордости воевать съ самимъ хункаромъ. Оставивъ, такимъ образомъ, Сергѣева въ полнѣйшемъ заблужденіи насчетъ своихъ мирныхъ намѣреній, Шабанъ ночью бросился со всѣми своими силами на бѣлоканскую дорогу. Въ лѣсу однакоже русскаго отряда не оказалось. Къ счастью для Бучкіева, онъ во время получилъ вторичное приказаніе, отмѣнявшее движеніе, и разсвѣтъ 21-го іюня засталъ его еще въ Бѣлоканахъ. Эта неудавшаяся попытка побудила Шабана, не откладывая, напасть на самыя Бѣлоканы.

Утромъ, 21-го іюня, часовые, стоявшіе въ редутѣ, замѣтили, что съ горъ спускаются густыя массы лезгинъ. Дали объ этомъ знать Бучкіеву. Бучкіевъ, какъ уроженецъ Кахетіи, отлично зналъ духъ азіатскихъ народовъ, и приказалъ своимъ ротамъ молча, безъ тревоги, стать въ ружье и, спо-

койно выжидать приближеніе непріятеля. Въ эти минуты шесть тысячъ лезгинъ развернулись передъ бѣлоканскимъ редутомъ. Впереди всѣхъ, съ зеленымъ знаменемъ въ рукахъ, на бѣломъ конѣ и весь въ бѣлой одеждѣ, ѣхалъ Шабанъ. Тишина въ редутѣ обманула его. Онъ гордо обернулся назадъ и сказалъ: «Смотрите, пророчество мое начинаетъ сбываться.» Унылая пѣсня мюридовъ огласила окрестность; за нею послѣдовалъ отчаянный гикъ тысячи голосовъ—и вся масса, во главѣ съ своимъ предводителемъ, ринулась на укрѣпленіе. Шабанъ, со знаменемъ въ рукахъ, первый подскочилъ ко рву и, спрыгнувъ съ коня, съ размаха воткнулъ свое знамя въ землю. Моментально зарѣяли вокругъ него и всѣ остальные знамена. Тогда, по знаку Бучкіева, съ редута загремѣла бѣшенная пальба и укрѣпленіе потонуло въ густыхъ клубахъ дыма. Тысячи глуходаръ, пораженные внезапною, повернули назадъ; другіе кинулись на валъ, но, встрѣченные штыками и прикладами, были сбиты и сброшены въ ровъ. Не смѣя теперь бѣжать по открытому полю, они засѣли въ густое просо, и, дождавшись ночи, уже ползкомъ и поодиночкѣ, выбрались изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ. Отбитое съ большимъ урономъ, скопище остановилось однакоже въ виду укрѣпленія. Всю ночь слышался скрипъ безчисленныхъ аробъ, тянувшихся въ непріятельской станъ, и въ редутѣ догадывались, что это жители свозили бревна, хворостъ и камни—все, что было необходимо для укрѣпленія лагеря и осады редута. Было уже за полночь, когда лезгины, обративъ туземныя арбы въ подвижныя мантелеты, стали подъ ихъ прикрытіемъ приближаться къ редуту. Нѣсколько разъ кидались они на штурмъ и каждый разъ, встрѣчая отпоръ, обращались назадъ. Между тѣмъ начался разсвѣтъ. И вдругъ, какъ громовой ударъ, грохнулъ и раскатился по горамъ далекой пушечный выстрѣлъ—для всѣхъ стало ясно, что изъ Закаталъ идетъ сильная помощь....

Приготовляясь ѣхать въ Катехи на свиданіе съ Шаба-

номъ, Сергѣевъ съ вечера приказалъ приготовить къ походу двѣ роты Ширванскаго полка, дивизионъ драгунъ, сотню казаковъ и три орудія. На слѣдующій день, когда ожидали письма отъ Шабана, прискакалъ испуганный грузинъ съ извѣстіемъ, что Шабанъ со всѣми силами кинулся на Бѣлоканы. Сергѣевъ былъ пораженъ, но не озадаченъ: войска уже были готовы и только вмѣсто Катехъ онъ форсированнымъ маршемъ повелъ ихъ къ Бѣлоканамъ. Пошли безъ приваловъ. Незвѣстность, что случилось съ нашимъ малочисленнымъ гарнизономъ, жуткимъ чувствомъ охватывала всѣхъ, отъ генерала до послѣдняго солдата. Всѣ сознавали, что надо торопиться; а тутъ, какъ нарочно, пошелъ проливной дождь, окрестность потонула въ глубокомъ мракѣ, рѣки вышли изъ береговъ и по дорогамъ образовалась такая грязь, что отрядъ могъ двигаться впередъ только ощупью. Чтобы ободрить гарнизонъ, Сергѣевъ на разсвѣтѣ приказалъ сдѣлать пушечный выстрѣлъ,—и этотъ-то выстрѣлъ, гулко прокатившійся по горамъ, принесъ осажденнымъ вѣсть о близкомъ спасеніи. Когда отрядъ Сергѣева поднялся на послѣднюю высоту, передъ нимъ развернулась вся бѣлоканская равнина: безмолвно и мрачно стоялъ опустѣвшій, покинутый своимъ населеніемъ, аулъ Бѣлоканы; въ сторонѣ отъ него виднѣлся редутъ, еще закутанный весь облаками дыма, и во всѣ стороны безпорядочными толпами бѣжали отъ него лезгины. Громкимъ «ура» разрѣшилось то напряженное, томительное состояніе духа, которое такъ долго сдавливало грудь и туманило голову. Драгуны и казаки тотчасъ понеслись въ погоню за бѣжавшими; за ними двинулась рота егерей—и преслѣдованіе продолжалось 12 верстъ, пока непріятель не скрылся въ горныхъ ущельяхъ.

Защита бѣлоканскаго редута составляетъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ подвиговъ кавказскихъ войскъ. Сергѣевъ свидѣтельствовалъ, что, находившіяся въ этомъ дѣлѣ, двѣ роты Ширванскаго и рота 41-го егерскаго полковъ въ теченіи 12 часовъ, не сходя съ валовъ, дрались съ неимовернымъ присут-

ствіемъ духа. «При осмотрѣ редута—пишетъ онъ въ своемъ донесеніи—я лично удостовѣрился въ доблести гарнизона, такъ какъ вся земля противъ двухъ фасовъ, на которые непріятель нѣсколко разъ бросался съ азартомъ, вся была покрыта непріятельскою кровью, и еще дымящеюся.» Подвигъ Бучкіева, сумѣвшаго удержать за собою передовой оплотъ Джаро-Бѣлоканской области, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени.

Шихъ-Шабанъ слишкомъ поторопился нападеніемъ на Бѣлоканы, и тѣмъ погубилъ, такъ успѣшно было начатое имъ, дѣло. Выжди онъ на Рог-но-орѣ—Гамзатъ-беку, уже прибывшій въ Джермутъ, могъ-бы безъ труда задержать наши войска въ Закаталахъ и тогда участь бѣлоканскаго редута, быть можетъ, и была бы иная. Теперь, напротивъ, всѣ обстоятельства обратились противъ горцевъ. Пораженіе Шабана такъ повліяло на впечатлительнаго Гамзатъ-бека, что онъ распустилъ лезгинъ и самъ уѣхалъ въ Аварію. Когда Шихъ-Шабанъ въ сопровожденіи пяти или шести мюридовъ прискакалъ въ Джермутъ, гдѣ долженъ былъ встрѣтить гоцатлинскаго бека,—то тамъ не засталъ уже никого.

Бой 21 іюня сразу подавилъ начинавшееся возстаніе. Джарцы притихли,—и Сергѣевъ воспользовался этимъ, чтобы открыть наконецъ областное правленіе, безъ котораго правительственная организація не могла имѣть надлежащей устойчивости. Церемонію онъ постарался обставить наибольшою торжественностью. 25 іюня, въ день рожденія императора Николая Павловича, и, слѣдовательно, спустя всего четыре дня послѣ разгрома шабановскаго скопища, всѣ старшины и масса простого народа наполнили собою и недостроенную крѣпость и ея ближайшія окрестности. Двѣ тысячи нашихъ солдатъ стояли подъ ружьемъ, пушки были заряжены. Молебствіе совершено было подъ открытымъ небомъ, а затѣмъ всѣ направились въ домъ, приготовленный для областного правленія. Тамъ, въ обширной залѣ, стоялъ аналой и передъ

нимъ красовались портреты во весь ростъ государя, императрицы и графа Паскевича. Среди глубокой тишины, на русскомъ и на татарскомъ языкахъ прочтена была рѣчь, въ которой излагалась цѣль и значеніе для края гражданской администраціи. Послѣ этого всѣ члены правленія, какъ русскіе, такъ и туземцы, были приведены къ присягѣ «на должность» во время которой «для большей торжественности» гремѣлъ непрерывный ружейный огонь и пушечные выстрѣлы. Описывая благоговѣйное удивленіе жителей, Сергѣевъ прибавляетъ наивно, что «умилительный видъ русскихъ чиновниковъ распологалъ сердца лезгинъ къ чувству доселѣ ими неиспытанному.»

Съ этой минуты только и начинается фактическое существованіе Джаро-Бѣлоканской области.

Пораженіе Шабана не замедлило отразиться въ благопріятномъ смыслѣ для насъ и въ нагорныхъ дагестанскихъ обществахъ. Прежде другихъ прибыли съ заявленіемъ своего раскаянія старшины изъ Джурмута. Сергѣевъ торжественно объявилъ имъ прощеніе и отправилъ къ нимъ приставомъ прапорщика Сосія Андронникова. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Паскевичъ не одобрилъ дѣйствій Сергѣева и сдѣлалъ ему выговоръ, поставивъ на видъ, что прощать бунтовщиковъ никто не можетъ, кромѣ главнокомандующаго. Этотъ выговоръ поставилъ Сергѣева въ такое положеніе, что когда вслѣдъ за джермутцами явились къ нему съ изъявленіемъ покорности жители Анцуха и Калучи, то онъ отклонилъ ихъ заявленіе, ссылаясь на то, что не имѣетъ разрѣшенія начальства принимать покорность.

Паскевичъ опять сдѣлалъ ему выговоръ и велѣлъ тотчасъ вытребовать аманатовъ, а въ Анцухѣ отправить приставомъ князя Іосифа Вачнадзе.

Нельзя не сказать, что этою покорностью нагорныхъ обществъ мы были обязаны усердію бѣлоканскаго старшины Мамеда-Муртазали-оглы, ѣздившаго въ горы. Постоянная враж-

да его съ джарцами также сослужила намъ не малую службу, заставивъ Муртазали направить всю свою дѣятельность на раскрытіе главныхъ виновниковъ возмущенія. Среди нихъ оказалось до десяти почетнѣйшихъ джарскихъ старшинъ, и Паскевичъ приказалъ предать ихъ военному суду, а аманатовъ отъ верхнихъ дагестанскихъ обществъ, находившихся въ Тифлисѣ, держать въ метехскомъ замкѣ. Усерднымъ хадатаемъ за тѣхъ и другихъ является тотъ же Сергѣевъ, опасавшійся, чтобы крутыя мѣры не вызвали въ краѣ новыхъ волненій; онъ просилъ покрайней мѣрѣ отложить исполненіе приговора фельдмаршала до болѣе благопріятнаго времени. Паскевичъ согласился отложить аресты не только до 1-го января, при чемъ велѣлъ объявить Сергѣеву, что такъ какъ вся область не можетъ выставить болѣе двухъ тысячъ вооруженныхъ людей, а отрядъ его состоитъ изъ трехъ тысячъ солдатъ, то онъ не только не долженъ ничего опасаться, но, напротивъ, долженъ дѣйствовать смѣло и рѣшительно.

Изъ этого соображенія нельзя не видѣть, что въ данномъ случаѣ Паскевичъ смотрѣлъ довольно поверхностно и, не признавая джарцевъ частію самаго Дагестана, видѣлъ въ нихъ нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ этой страны—ошибка, имѣвшая, какъ мы увидимъ въ свое время, серьезныя и важныя послѣдствія.

XV.

ВТОРОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ ДЖАРЦЕВЪ.

(ГАМЗАТЪ-БЕКЪ).

Іюньскія событія, окончившіяся пораженіемъ Шабана подъ Бѣлоканами, являлись какъ бы прологомъ тѣхъ смуть и волненій, которыя еще долгое время нарушали спокойствіе Джаро-Бѣлоканской области.

Эта первая попытка хотя и не привела къ желанному результату—освобожденію отъ власти русскихъ, тѣмъ не менѣе имѣла важное значеніе въ глазахъ народа, какъ пробный камень, показавшій ему, какого возмездія онъ долженъ ожидать отъ русскихъ за свою измѣну. Это возмездіе, въ видахъ успокоенія жителей, ограничилось однако на этотъ разъ только полученіемъ отъ нихъ новыхъ аманатовъ, и даже главные виновники возстанія, вопреки предписанію фельдмаршала, не были арестованы.

Такая снисходительность Сергѣева, являясь явною непослѣдовательностью въ ходѣ общихъ распоряженій, принесла одинъ только вредъ. Наружная покорность жителей, которою удовольствовался Сергѣевъ, не могла служить гарантіей дальнѣйшаго спокойствія,—и его дѣйствительно не было. Глухое броженіе шло по цѣлому краю. Начались самыя дѣятельныя сношенія съ дагестанскими сосѣдями, къ которымъ джарцы взывали о помощи. Гонцы то и дѣло скакали въ Канаду, въ Джурмутъ, въ Аварію и даже въ койсубулинцамъ. Возбуж-

деніе было всеобщее; джарцы волновались сильнѣе другихъ и даже называли день, назначенный для общаго возстанія; ожидали только появленія дагестанцевъ.

Сергѣевъ, дѣйствительно, вскорѣ получилъ извѣстіе, что тысячная партія конныхъ лезгинъ уже стоитъ на границахъ Тушетіи, подъ предводительствомъ стараго нашего знакома Бегая. Бегай, впрочемъ, скоро переимѣнилъ направленіе и бросился на кистовъ, съ которыми имѣлъ какіе-то счеты. Противъ кистовъ и ихъ сосѣдей джераховъ готовилась экспедиція и съ нашей стороны, а потому лишнее пораженіе ихъ было для насъ даже не безвыгоднымъ; но съ другой стороны, присутствіе близъ нашихъ границъ такой многочисленной конной партіи могло имѣть связь и съ новыми затѣями дагестанцевъ.

Какъ бы въ подтвержденіе этого отъ Сосія Андронникова пришло извѣстіе, что большія толпы лезгинъ, предводимыхъ Гамзатъ-бекомъ, идутъ на Джурмутъ и остановились только въ одномъ переходѣ:—они ждали прибытія аварцевъ и жителей верхнихъ глуходарскихъ обществъ, чтобы ринуться затѣмъ на Джаро-Бѣлоканскую область и черезъ нее прорваться въ Кахетію.

Быть можетъ громовой ударъ и не замедлилъ бы разразиться надъ краемъ, но лезгины занесли съ собою холеру, которая, быстро развившись, захватила собою такой огромный районъ и навела такую панику, что горцы поспѣшно разошлись по домамъ,—и туча, на этотъ разъ, какъ быстро собралась, такъ скоро и разсѣялась.

Холера между тѣмъ проникла и въ Джарскую область и дѣлала свое опустошительное дѣло. Сильная смертность заставила Сергѣева поставить войска на широкихъ квартирахъ и прекратить крѣпостныя работы. Вотъ этою-то минутою, когда войска, уменьшенная на половину, стояли разбросанными по саклямъ, и рѣшили воспользоваться джарцы. Слова гонцы ихъ понесли въ Дагестанъ, приглашая всѣхъ во имя Аллаха дать помощь угнетеннымъ и побѣжденнымъ единовѣрцамъ.

Въ закатальскихъ мечетяхъ, въ домахъ нѣкоторыхъ старшинъ и почетныхъ жителей—вездѣ устраивались сходки и толковали о нападеніи на русскихъ. Къ счастью для насъ, между заговорщиками не было согласія. Одни, опасавшіеся упустить время, совѣтовали ночью напасть на нашъ ослабленный отрядъ и вырѣзать его, не ожидая прихода дагестанцевъ; другіе, напротивъ, требовали непременно подождать дагестанцевъ, не увѣренные въ своихъ собственныхъ силахъ. Это дало Сергѣеву время собрать отрядъ снова на закатальскихъ высотахъ, а больныхъ помѣстить въ самой крѣпости, или въ балаганахъ, наскоро огороженныхъ завалами; караулы были усилены, часовые удвоены. Тяжелыя минуты переживалъ отрядъ, которому день и ночь приходилось быть на чеку, въ ожиданіи нечаяннаго нападенія. Но время шло, а никакихъ проявленій возстанія не было,—и Сергѣевъ опять мало-по-малу сталъ успокаиваться.

Такъ прошелъ августъ; холера ослабѣла, хлѣба были убраны, а вслѣдъ затѣмъ начались и тревожныя извѣстія. 14-го августа партія лезгинъ кинулась на тушинское селеніе Чиго, но, встрѣченная ружейнымъ огнемъ пограничнаго cordона, повернула назадъ. Тушинскій приставъ князь Челокоевъ, находившійся въ 15-ти верстахъ отъ мѣста нападенія, бросился наперерѣзъ хищникамъ, но тѣ успѣли проскакать, и дѣло ограничилось только ружейною перестрѣлкою. Въ другой разъ, 1-го сентября, лезгины напали уже подъ самыми Лагодехами на баталіоннаго адъютанта Грузинскаго полка поручика Кюханова, который везъ съ собою большую сумму казенныхъ денегъ. Ѣхалъ онъ въ сопровожденіи конвоя изъ мѣстной милиціи. Юзбашъ селенія Боженьянъ съ нѣсколькими грузинами скакалъ впереди и первый наткнулся на партію. Выдержавъ залпъ, грузины бросились въ шашки и заставили хищниковъ бѣжать, покинувъ на мѣстѣ схватки 18 бурокъ и множество хурджиновъ съ провизіей. Эти два случая, показывавшія ясно, что въ Дагестанѣ, на нашихъ гра-

ницахъ, держатся шайки, и что на глуходарскія общества слишкомъ полагаться нельзя, очевидно служили только прелюдіей къ дальнѣйшимъ кровавымъ событіямъ—и они не замедлили. Въ половинѣ сентября въ Закаталы разомъ прискакали два посланные—одинъ изъ Анцуха отъ князя Вачнадзе, другой изъ Джурмута отъ Сосія Андронникова. Оба они извѣщали, что 13-го числа самъ Гамзатъ-бекъ, сопровождаемый сотней отборныхъ гоцатлинцевъ, прибылъ въ Мукракъ и объявилъ призывъ къ оружію. Массы конныхъ и пѣшихъ людей стали стекаться подъ его знамена. Встревоженные джурмутцы сами просили Андронникова выѣхать, какъ можно скорѣе, не ручаясь за его безопасность. Гамзатъ-бекъ дѣйствительно отрядилъ уже конный отрядъ захватить русскаго пристава—и если Андронниковъ успѣлъ ускользнуть благополучно, то только потому, что сами джурмутцы, полюбившіе добродушнаго князя, составили ему ковой изъ 360 наѣздниковъ, которые сопровождали его до самыхъ воротъ бѣлоканскаго редута. Въ Джаріи закипѣла тревога.

Тифлисскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Стрекаловъ, командовавшій, за отсутствіемъ Паскевича, войсками въ Грузіи, не рассчитывая уже на Сергѣева, самъ прискакалъ въ Закаталы, чтобы лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ и принять соотвѣтствующія мѣры. То, что онъ увидѣлъ, должно было наконецъ убѣдить его, что гроза недалеко. Какъ-разъ въ это время случилось происшествіе, которое рельефно обрисовало передъ нимъ и настоящее положеніе вещей и отношенія къ намъ жителей: адъютантъ Паскевича князь Яссе Андронниковъ, завѣдовавшій кордонною линіею, объѣзжая посты, заночевалъ около Катехъ въ селеніи Мацехи; съ нимъ было десять донскихъ казаковъ и человекъ 60 конной туземной милиціи. Ночью, когда все спало, сто человекъ лезгинъ налетѣло на деревню. Джарскій конвой, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, бѣжалъ—и казаки остались одни: пять изъ нихъ было убито, остальные, вмѣстѣ съ гру-

зинскимъ княземъ Баратовымъ, спровождавшимъ Андронникова, захвачены въ плѣнъ; самъ князь спасся только благодаря хозяину сакли, который спряталъ его на потолокъ; но все походное имущество его попало въ руки непріятели. Наскоро осмотрѣвъ деревню и не найдя Андронникова, лезгины сочли его бѣжавшимъ и удалились въ горы.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Стрекаловъ потребовалъ въ Закаталы дивизионъ нижегородскихъ драгунъ съ двумя орудіями изъ Царскихъ-Колодцевъ, а между тѣмъ самъ съ ротой ширванцевъ двинулся въ Мацехи. По всей дорогѣ встрѣчались ему вооруженные всадники, которые ѣхали то поодиночкѣ, то цѣлыми толпами. Проѣзжая по улицамъ деревни къ дому, гдѣ ночевалъ Андронниковъ, онъ видѣлъ также вооруженныхъ людей, которые, казалось, чего-то поджидали, и имѣли такой подозрительный видъ, что при осмотрѣ дома Стрекаловъ счелъ нужнымъ приказать своему конвою принять всѣ мѣры предосторожности. На другой день, во время сбора джемата, тѣ же вооруженныя толпы замѣчены были по всей долинѣ, на которой стоялъ нашъ лагерь. Стрекаловъ замѣтилъ старпинамъ, что еслибы эти люди имѣли правильное понятіе о духѣ русскаго правительства, то никогда не явились бы съ такимъ вооруженіемъ на призывъ начальства. По поводу поступка съ Андронниковымъ было произведено строжайшее слѣдствіе, выяснившее, что нападеніе произошло не безъ участія жителей, такъ какъ катехскій старшина Рамазанъ-Тунучъ-Мусалы-оглы въ ту же ночь бѣжалъ въ горы, вмѣстѣ съ семействомъ; оказалось также, что пограничныя караулы, содержимыя мацехцами, стояли оплошно, а, можетъ быть, и съ умысломъ пропустили партію, и что конвой, спровождавшій Андронникова, бѣжалъ безъ выстрѣла. Стрекаловъ приказалъ арестовать и предать суду не только оплошный караулъ и конвойныхъ, но и всѣхъ тѣхъ старшинъ, которыхъ еще послѣ перваго возмущенія приказывалъ арестовать Паскевичъ, и которые до сихъ поръ оставались на свободѣ.

Усиливъ отрядъ Сергѣева дивизиономъ драгунъ, и двумя ротами Грузинскаго полка, прибывшими изъ Мухровани, Стрекаловъ 14-го числа возвратился въ Тифлисъ. Для огражденія Кахетин поставили на ковалевской переправѣ черезъ Алазань роту ширванцевъ со взводомъ артиллеріи, а на урдобской—два эскадрона драгунъ съ однимъ орудіемъ,—подъ общимъ начальствомъ командира Нижегородскаго полка подполковника Доброва. На третью переправу, къ монастырю Степанъ-цминде, гдѣ въ февралѣ мѣсяцѣ переходилъ Паскевичъ, направлень былъ весь казачій Александрова полкъ, за которымъ въ резервъ стала донская казачья батарея. Если бы всѣхъ этихъ силъ оказалось недостаточно, Стрекаловъ имѣлъ въ виду сформировать еще особый отрядъ и самъ привести его на помощь къ Сергѣеву.

Событія между тѣмъ шли впередъ чрезвычайно быстро. 15-го сентября передовыя толпы Гамзатъ-бека появились уже на горахъ, верстахъ въ 15-ти отъ Бѣлоканскаго редута, а ночью конная партія, отдѣлившаяся отъ нихъ, нагрянула на самое селеніе. Войска въ редутѣ слышали выстрѣлы и крики, но не могли дать помощи, такъ какъ сами ежеминутно ожидали нападенія, и партія, разграбивъ армянскихъ купцовъ, ушла безнаказанно.

Гамзатъ-бекъ не пошелъ однако далѣе. Онъ послалъ сказать джарцамъ, что не спустится съ горъ, пока не увидитъ среди нихъ дружнаго возстанія и не получитъ аманатовъ. Участь Шихъ-Шабана научила его осторожности. Сергѣевъ придвинулъ къ Бѣлоканамъ отрядъ подполковника Доброва—дивизионъ драгунъ и роту ширванцевъ съ тремя орудіями, а къ Катехамъ для наблюденія за непріателемъ выдвинулъ баталіонъ пѣхоты, также съ тремя орудіями и казаками, подъ командой подполковника Платонова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ, чтобы сближены были войска и изъ Грузіи; но послѣднее не было сдѣлано своевременно, вслѣдствіе одного непредвидѣннаго ни кѣмъ обстоятельства.

Въ то время, какъ Гамзатъ-бекъ уже стоялъ на нашихъ границахъ, и изъ Бѣлоканъ по вечерамъ можно было наблюдать за безчисленнымъ рядомъ его костровъ, озарявшихъ окрестныя горы,—вдругъ изъ глубины Дагестана, отъ нѣсколькихъ враждебныхъ намъ до сихъ поръ обществъ, явились депутаты съ просьбой о принятіи ихъ въ русское подданство. Объяснить этотъ загадочный фактъ было возможно единственно лукавой манифестаціею, придуманной горцами; но, къ сожалѣнію, Сергѣевъ и на это дѣло взглянулъ иными глазами. Обласкавъ старшинъ, онъ отправилъ ихъ назадъ съ богатыми подарками и сталъ дожидаться аманатовъ. Онъ до того увѣрился теперь, что Гамзатъ-бекъ, не имѣя за собою поддержки въ Дагестанѣ, не осмѣлится спуститься съ горъ, что самъ отказался отъ присылки войскъ изъ Грузіи, находя свои силы слишкомъ недостаточными, чтобы удержать въ повиновеніи мѣстное населеніе. Въ этомъ самообольщеніи Сергѣевъ даже не замѣтилъ, какъ жители Катехъ, Мацехи и даже изъ Джаръ цѣлыми толпами стали переходить въ станъ Гамзатъ-бега. Сергѣевъ спохватился поздно, когда объ арестѣ главныхъ коноводовъ, чего такъ добивался Паскевичъ и требовалъ Стрекаловъ—нечего было уже думать, потому что мятежъ кругомъ закипѣлъ въ полномъ разгарѣ. Гамзатъ-бекъ между тѣмъ занялъ Катехи. Тамъ онъ принялъ аманатовъ отъ всѣхъ отложившихся отъ насъ селеній, и затѣмъ отправилъ ихъ въ Дагестанъ, объявивъ жителямъ, что останется у нихъ зимовать и приказалъ поставить укрѣпленіе въ Старыхъ Закачалахъ, возлѣ мечети, гдѣ былъ убитъ генералъ Гуляковъ. Къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ онъ не хотѣлъ однако приступать, пока не подойдутъ къ нему послѣднія подкрѣпленія, а въ ожиданіи ихъ разрѣшилъ производить частныя набѣги на плоскость.

3-го октября партія чловѣкъ въ 500 дѣйствительно спустилась по Беженьянскому ущелью, противъ деревень Гавазы, Чеканы и Кучетаны. Деревни эти охранялись обыва-

тельскимъ постомъ изъ ста кахетинцевъ, а въ резервъ стояло 40 гренадеръ Грузинскаго полка съ горнымъ единорогомъ, подъ командою 22 лѣтняго юноши, прапорщика Салтыкова. Пользуясь темнотою ночи, а можетъ быть и оплошностью пикетовъ, партія незамѣтно обошла караулъ и кинулась прямо на лагерь Салтыкова. Къ счастью, секретъ во-время подъялъ тревогу, и когда лезгины устремились къ ружейнымъ пирамидамъ, — гренадеры встрѣтили ихъ штыками. Завязался отчаянный бой грудь на грудь, а тѣмъ временемъ съ поста успѣли прискакать кахетинцы и, въ свою очередь, врѣзались въ непріятеля съ тылу. Одинъ изъ нихъ, дворянинъ Херулишвили тотчасъ изрубилъ бойрактара и захватилъ лезгинскій значекъ. Орудіе, находившееся уже во власти непріятеля, также было отбито гренадерами. Тогда лезгины стали подаваться назадъ и черезъ полъ-часа скрылись въ Беженьянскомъ ущельи *). Эта ночь стояла намъ 24 человекъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти.

Черезъ пять дней послѣ этого происшествія къ Гамзатбеку подошли ожидаемая имъ подкрѣпленія, и 8-го октября онъ со всѣми силами перешелъ въ Старыя Закаталы. Огрядъ Сергѣева, усиленный донскимъ Леонова полкомъ, прибывшимъ изъ Банекичета, стоялъ возлѣ новой крѣпости; сюда же двигались изъ Грузіи еще два баталіона эриванцевъ съ четырьмя орудіями и остальные части Грузинскаго полка, подъ командою генерала Симонича. Стрекаловъ, опередивъ войска, самъ прибылъ въ Новыя Закаталы и принялъ главное начальство надъ собиравшимся отрядомъ.

Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Джарской области, Стрекаловъ пришелъ къ убѣжденію, что прежде всего необходимо преградить лезгинамъ всѣ дороги въ заалазанскія мѣста, а для этого построить рядъ укрѣпленій по пути къ Бѣлоканамъ и Таламъ. Этою мѣрою онъ думалъ дер-

*) Салтыковъ получилъ за это дѣло двѣ награды: Анны 3-й степени съ бантомъ и чинъ подпоручика.

жать непріятеля въ строгой блокадѣ; но непріятель не сталъ дожидаться пока его запрутъ въ Закататахъ, а самъ двинулся впередъ и заставилъ насъ самихъ принять оборонительное положеніе.

Вечеромъ 8-го октября раздались по нашей крѣпости первые непріятельскіе выстрѣлы; пальба шла всю ночь и весь слѣдующій день; нѣсколько пикетовъ было атаковано, и на одномъ изъ нихъ казакъ поплатился жизнью. 10-го числа дѣло уже не ограничилось одними аванпостными схватками: лезгины, пробравшись густыми лѣсами къ нашимъ кирпичнымъ сараямъ, внезапно атаковали роту ширванцевъ, прикрывавшую рабочихъ. 13-го—дѣло произошло еще серьезнѣе. Въ этотъ день изъ лагеря высланы были фуражиры, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Ширванскаго полка съ казачьимъ орудіемъ, подъ командой капитана Фокина. Какъ только прикрытіе стало разставлять цѣпь,—800 конныхъ лезгинъ вынеслись изъ лѣса и кинулись въ шашки. Цѣпь была опрокинута, и горцы съ налета врубались въ ширванскія роты.... Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончился для насъ этотъ кровавый день, если бы не подоспѣла помощь. Во весь опоръ изъ лагеря прискакалъ Платоновъ съ своими казаками и ринулся въ пики. Отброшенные лихою атакой, горцы однако моментально оправались и возобновили нападеніе. Тогда изъ лагеря выслали еще двѣ роты Ширванскаго полка съ подполковникомъ Овечкинымъ,—и только съ ихъ появленіемъ непріятель отошелъ къ Закататамъ. Стрекаловъ доносилъ, что пространство, на которомъ происходила битва, была завалена тѣлами лезгинъ; но для насъ гораздо важнѣе было узнать, что изъ нашего небольшого отряда, выдержавшаго короткую битву, выбыло изъ строя два офицера и 68 нижнихъ чиновъ. Это свидѣтельствовало прямо, что непріятель смѣлъ, предприимчивъ, и что при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій потери наши, въ случаѣ малѣйшей неосторожности, могутъ достигать значительной цыфры. Дѣйствія Гамзата незамедли-

ли отразиться на джарцахъ—и даже тѣ немногіе люди, которые еще сохраняли намъ вѣрность, теперь одинъ-по-одному стали переходить на сторону Гамзата; даже ингилойцы,—эти омусульманенные грузины, не забывшіе своего происхожденія, вся будущность которыхъ исключительно зависѣла отъ нашей побѣды—объявили себя нейтральными и стали выжидать, чѣмъ кончится дѣло. Лезгины, рассыпавшись по лѣсамъ, препятствовали всѣмъ нашимъ работамъ, и, по справедливому выраженію Сергѣева, каждое срубленное дерево стоило намъ потоковъ крови. При такомъ энергичномъ предводителѣ, какимъ оказался Гамзатъ-бекъ, нечего было и думать о блокадѣ непріятеля. Русскій отрядъ, собственно говоря, самъ очутился въ блокадѣ и чтобы разорвать эту пока тонкую, но каждый день все болѣе и болѣе густѣющую, сѣть, оставалось одно средство—взять старыя Закаталы.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ВЗЯТЬ СТАРЫЯ ЗАКАТАЛЫ.

Къ Старымъ Закаталамъ, находившимся въ трехъ верстахъ отъ крѣпости, вели двѣ дороги: одна, та самая, по которой шелъ Гуляковъ въ свою послѣднюю предсмертную экспедицію, пролегла черезъ самое селеніе Джары; другая вела со стороны Катехъ и имѣла важное значеніе, потому что по ней только непріятель и могъ получать всѣ продовольственные и боевые запасы; другіе пути пролегли подъ самую крѣпостью и преградить ихъ можно было незначительными отрядами.

Рѣшаясь взять и уничтожить Старыя Закаталы, генераль-адъютантъ Стрекаловъ долженъ былъ серьезно обдумать свое положеніе, такъ какъ необходимость оставить значительную часть войскъ для обороны крѣпости и лагеря позволяли употребить въ дѣло сравнительно ничтожныя силы. Назначены были двѣ колонны: одна—(баталіонъ Ширванскаго полка при двухъ орудіяхъ) должна была демонстрировать со стороны Джаръ, чтобы привлечь на себя вниманіе непріятели, а между тѣмъ другая, главная—два баталіона Эриванскаго полка, 40 саперъ, четыре орудія—скрытно выдвигается на катехскую дорогу, — и отсюда ложбиной начинаетъ приближаться къ Старымъ Закаталамъ. 15-го октября, въ 9-ть часовъ утра, съ крѣпостного вала грянулъ пушечный выстрѣлъ, и

по этому сигналу обѣ колонны тронулись одновременно. Генералы Стрекаловъ и Сергѣевъ поѣхали при главной колоннѣ. «Любо было смотрѣть—говорилъ одинъ участникъ похода— на строй эриванцевъ, только что возвратившихся изъ Турціи. Полкъ былъ увѣшанъ георгіевскими крестами; оба баталіонные командиры, Кошутинъ и Клюки-фонъ-Клугенау, (впослѣдствіи извѣстные кавказскіе генералы) были люди бывалые, отважные, выросшіе въ опасностяхъ; между офицерами не было ни одного, который поклонился бы пулѣ.» Сергѣевъ весело балагурилъ съ солдатами. Вся чуждая ему административная дѣятельность, требовавшая по его выраженію «изворотовъ ума и политики»,—дѣятельность, къ которой онъ не былъ подготовленъ, и которая такимъ тяжелымъ гнетомъ лежала у него на душѣ, теперь осталась позади,—и онъ очутился въ родной, привычной ему сферѣ походной жизни. Тотъ, кто увидалъ бы его теперь на бойкомъ конѣ, обгонявшемъ эриванскія колонны, не узналъ бы того осторожнаго, пожалуй даже нерѣшительнаго генерала, котораго видѣли въ Джарахъ. На первую высоту, лежавшую за крѣпостью, войска поднялись безъ выстрѣла. Отсюда дорога втягивалась въ лѣса, дремучею полосой простиравшіеся уже до самыхъ Закаталъ. Опытнымъ глазомъ окинулъ Сергѣевъ эту мрачную чащу—и остановилъ отрядъ. Онъ полагалъ укрѣпиться здѣсь лагеремъ и отсюда, прорубая широкія лѣсные просѣки, медленно подвигаться впередъ къ мятежному аулу. Стрекаловъ не раздѣлялъ подобнаго взгляда, считая мѣру эту черезъ-чуръ осторожною, и приказалъ Сергѣеву продвинуться впередъ, стать въ самомъ лѣсу и затѣмъ уже подвигаться просѣками вплоть до непріятельскаго лагеря.

Трудно допустить, чтобы лезгины не знали о нашемъ приближеніи, а между тѣмъ, когда войска стояли уже на опушкѣ лѣса,—въ Старыхъ Закаталахъ, какъ узнали впослѣдствіи, еще шло народное собраніе, и Шихъ-Шабанъ, незадолго прибывшій въ станъ Гамзатъ-бека, говорилъ зажигатель-

ную рѣчь. Скорѣе можно предположить, что непріятель, сознававшій для себя всѣ выгоды лѣснаго боя, нарочно не препятствовалъ нашему движенію, стараясь заманить насъ въ мѣста, памятные кровавыми событіями.

Между тѣмъ отрядъ, тихо подвигаясь по дремучему лѣсу, выбрался наконецъ на небольшую поляну. Здѣсь приказано было остановиться, — и Эриванскій полкъ занялъ позицію по обѣ стороны лѣсной дороги: 1-й баталіонъ, маіора Кошутина, расположился влѣво на небольшой высотѣ; 2-й, маіора Кюки-фонъ-Клугенау — вправо, на старомъ кладбищѣ, при которомъ сходятся дороги отъ закатальской мечети и башни. Ближе тѣмъ на картечный выстрѣлъ, впереди этого кладбища видѣлась небольшая прогалина, а за ней начинались сады, обнесенные каменными стѣнками; оба баталіона, раздѣленные между собою неглубокою балкой, находились въ разстояніи одинъ отъ другаго не болѣе 30—40 сажень. Позиція была неудобна и настолько сжата невылазною чащею лѣса, что баталіоны не могли развернуться и въ случаѣ нападенія должны были драться во взводныхъ колоннахъ. Сергѣевъ счелъ нужнымъ доложить объ этомъ Стрекалову; но Стрекаловъ нашелъ, что позиція по своей крѣпости не оставляетъ желать ничего лучшаго и приказалъ — Кошутину тотчасъ укрѣпить лѣвый флангъ позиціи небольшою батареей, поставленной на высотѣ, а Клугенау приступить къ вырубкѣ лѣса, чтобы очистить мѣсто для дѣйствія артиллеріи. Но едва цѣпь, посланная вторымъ баталіономъ для прикрытія рабочихъ, продвинулась на лѣсную прогалину, какъ была осыпана ружейнымъ огнемъ изъ густого кустарника. Командиръ полка, князь Дадіанъ, поскакалъ самъ, чтобы удостовѣриться въ степени опасности, — а въ этотъ моментъ горцы высочили уже изъ кустовъ и кинулись въ шашки. Попавшійся какъ-разъ подъ натискъ непріятеля, Дадіанъ едва не былъ убитъ, но, къ счастью, его успѣли окружить солдаты; начальникъ же цѣпи, подпоручикъ Корсунъ, и вмѣстѣ съ нимъ 30-ть

нижнихъ чиновъ были изрублены. Отрѣзанная отъ своего баталіона, не успѣвшая даже сбѣжаться въ кучки, цѣпь была разорвана, смята и обратилась въ бѣгство. Горцы ударили на кладбище, но Клугенау, успѣвшій поднять баталіонъ въ ружье, отразилъ дерзкій натискъ,—и лезгины тотчасъ разсѣялись. Цѣпь, подѣ командою штабсъ-капитана Потевни, опять заняла свое мѣсто, а для поддержанія ее выдвинули за кладбище роту штабсъ-капитана Гурамова; затѣмъ двѣ неполныя роты остались на самомъ кладбищѣ въ общемъ резервѣ, а остальные люди, подѣ общою командою капитана Антонова, принялись за вырубку лѣса.

Было уже три часа пополудни. Скоро изъ цѣпи дали знать, что впереди, въ садахъ, лезгины опять собираются въ значительныхъ силахъ. Дадіанъ самъ поѣхалъ къ Стрекалову, находившемуся при первомъ баталіонѣ, чтобы получить разрѣшеніе отгѣснить непріятеля, пока это еще представлялось возможнымъ. Но Стрекаловъ, имѣвшій извѣстіе отъ своихъ лазутчиковъ, что непріятель находится въ ничтожныхъ силахъ, отправилъ Дадіана назадъ съ приказаніемъ усилить работы, а самъ, поручивъ войска генералу Сергѣеву, уѣхалъ между тѣмъ назадъ въ Новыя Закаталы. Дадіанъ передалъ приказаніе Клугенау. Еще усерднѣе застучали топоры, еще чаще подѣ ихъ ударами стали падать вѣсковые чинары, а наваленный лѣсъ между тѣмъ все больше и больше уменьшалъ позицію и окружалъ карабинеровъ такою засѣлкой, которая давала горцамъ возможность подкрадываться къ нимъ незамѣченными. Большая часть силъ Гамзатъ-бека въ это время стянулась уже противъ 2-го баталіона и, прикрываясь засѣлкой, скрытно окружила и цѣпь и рабочихъ. Прошелъ часъ, другой—и вдругъ, какъ по условному сигналу, нѣсколько тысячъ лезгинъ поднялось со всѣхъ сторонъ и ринулось въ шашки. Что произошло тогда—описать трудно. И цѣпь и резервъ были моментально отрѣзаны отъ баталіона и разобщены другъ отъ друга такъ, что карабинерамъ пришлось

защищаться поодиночкѣ. Штабсъ-капитанъ Потебня, прокладывая себѣ дорогу съ ружьемъ въ рукахъ, врѣзался въ толпу непріятеля и былъ изрубленъ. Начальникъ резерва штабсъ-капитанъ Гурамовъ, не уступавшій Потебнѣ въ отвагѣ, одинъ схватился съ цѣлою толпою лезгинъ и палъ подъ ихъ кинжалами. Лихіе эриванцы почти всѣ сложили свои головы возлѣ своихъ начальниковъ, и изъ 158 человекъ только 14 успѣли добраться до кладбища.

Все это совершилось такъ быстро, что часть баталіона, рубившая лѣсъ влѣво отъ кладбища въ балкѣ, и вправо отъ него по скату горы,—была застигнута врасплохъ и не успѣла даже схватиться за ружья. Капитанъ Антоновъ былъ раненъ, а рабочіе или бѣжали, или гибли безъ отпора подъ ударами горцевъ. Клугенау, кинувшійся было на помощь къ нимъ съ послѣднимъ резервомъ, самъ столкнулся съ тремя тысячами лезгинъ—и не могъ пробиться. Орудія по третьему выстрѣлу умолкли: артиллерійскій офицеръ, поручикъ Опочининъ, былъ раненъ пулею въ грудь, прислуга перебита, и оба орудія, вмѣстѣ съ зарядными ящиками, захвачены горцами. Отчаянныя усилія Клугенау выручить пушки повели только къ новымъ потерямъ. Самъ Клугенау, оба ротные командиры, всѣ фельдфебеля и большая часть офицеровъ и унтеръ-офицеровъ или были убиты, или изранены. Солдаты остались безъ начальниковъ.

2-й баталіонъ почти уже не существовалъ, когда на помощь къ нему подоспѣлъ подполковникъ Кошутинъ съ двумя карабинерными ротами своего баталіона; но ихъ прибытіе только безъ пользы увеличило число нашихъ жертвъ, такъ какъ стѣсненная мѣстность не позволила имъ даже развернуться. Кошутинъ, человекъ отчаянной храбрости, былъ раненъ изъ первыхъ, и его солдаты, сбитые натискомъ, побѣжали назадъ. Увидѣвъ катастрофу, Сергѣевъ двинулъ въ бой послѣднія двѣ, еще уцѣлѣвшія, роты съ тѣмъ, чтобы дать возможность остальнымъ выйти изъ подъ ударовъ горцевъ,—

но роты сразу попали въ общій водоворотъ и были увлечены потокомъ общаго бѣгства. Сергѣевъ такимъ образомъ остался на батарее одинъ съ сорока саперами. Горцы безъ труда овладѣли ничтожнымъ укрѣпленіемъ, взяли оба орудія и изъ сорока саперъ осталось въ живыхъ только восемнадцать; но эти 18 героев пробились сквозь сотни лезгинъ и вынесли на ружьяхъ раненаго генерала.

Остатки роты не попали уже на старую дорогу, а были отброшены въ тѣсную улицу, гдѣ горцы, засѣвъ по обѣ стороны ее за глиняными стѣнками, безвозбранно разстрѣливали бѣжавшихъ солдатъ. Пораженіе отряда было полное. Въ этотъ роковой для эриванцевъ день мы потеряли 4 орудія, одного генерала, обоихъ баталіонныхъ командировъ, 16 офицеровъ и болѣе 400 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ офицеровъ здѣсь-же убитъ и подпоручикъ Литвиновъ—георгіевскій кавалеръ, собственноручно взявшій при штурмѣ Карса непріятельское знамя.

Только въ полутора-верстѣ отъ мѣста битвы князю Дадіану удалось наконецъ остановить оба баталіона. Онъ далъ имъ опомниться, привелъ въ порядокъ и съ барабаннымъ боемъ повелъ вновь на непріятеля. Храбрый полкъ готовъ былъ новыми жертвами искупить свою минутную неудачу,—но въ эту минуту прискакалъ адъютантъ Стрекалова съ приказаніемъ отступать въ лагерь.

Возвращаясь изъ отряда Сергѣева, Стрекаловъ заѣхалъ по дорогѣ въ баталіонъ Ширванскаго полка, выдвинутый къ Джарамъ, чтобы осмотрѣть его позицію. Но не прошло полчаса, какъ сильная ружейная перестрѣлка загорѣвшаяся въ лѣсу дала знать, что наша позиція атакована. Стрекаловъ приказалъ маіору Бучкіеву съ двумя ротами и частью конныхъ драгунъ итти на помощь. Но Бучкіевъ не отошелъ и версты, какъ встрѣтилъ офицера съ извѣстіемъ, что Эриванскій полкъ разбитъ, Сергѣевъ раненъ, орудія потеряны. Растерявшійся Стрекаловъ приказалъ всѣмъ отступать подѣ

защиту крѣпости. Напрасно князь Дадіанъ отъ имени полка два раза посылалъ просить позволенія возобновить атаку; Стрекаловъ не позволилъ—и войска возвратились въ лагерь грустныя и убитыя. Самолюбіе эриванцевъ было сильно задѣто. Тридцатилѣтняя кавказская война представляла для нихъ только длинный рядъ блестящихъ побѣдъ, и въ первый разъ въ лагерь ихъ, послѣ кроваваго боя, царило молчаливое уныніе, не раскладывались бивуачные огни, не слышно было даже говора. На сердитыхъ лицахъ солдатъ было отпечатано выраженіе затаенной злобы.

Страшная потеря, рѣдко встрѣчавшаяся въ кавказской войнѣ, доказывала, что старый полкъ отступилъ не при первомъ появленіи непріятеля, что встрѣтилъ его съ своею обычною отвагою, и что если былъ побѣжденъ, то только многочисленностью и выгоднымъ для непріятеля мѣстоположеніемъ. Никакая тѣнь укора не могла коснуться храбраго Дадіана, котораго все время видѣли впереди полка. Что же касается до распоряженій, то они отъ него не зависѣли,—онъ исполнялъ только то, что было ему приказываемо.

«Сколь ни огорчительно такое происшествіе—писалъ Стрекаловъ въ своемъ донесеніи къ Паскевичу:—но мы стоимъ здѣсь твердою ногою, и оно ничуть не имѣетъ вліяніе на общій ходъ здѣшнихъ происшествій. Желая сохранить ту славу полка, которую онъ пріобрѣлъ подъ Вашимъ начальствомъ, я доставлю ему случай оправдать довѣріе, которое Вы ему оказывали».... «Все дѣло—говорить онъ далѣе—произошло отъ самонадѣянности и презрѣнія къ непріятелю».

Государь былъ чрезвычайно огорченъ подобнымъ происшествіемъ и, на основаніи первыхъ донесеній Стрекалова, во всемъ обвинялъ эриванцевъ. По этому поводу графъ Чернышевъ писалъ къ Паскевичу: «Государь-Императоръ съ крайнимъ прискорбіемъ и неудовольствіемъ усмотрѣть изволилъ, что Эриванскій карабинерный полкъ, столь отличавшійся въ послѣдней кампаніи, подъ личнымъ предводительствомъ Ваше-

го Сіятельства, нынѣ, въ дѣлѣ 15-го октября противъ лезгинъ, оставилъ вѣренныя ему орудія въ рукахъ непріятеля и, не внимая гласу начальниковъ, обратился въ бѣгство, будучи преслѣдуемъ незначительнымъ числомъ горцевъ. Не постигая, какія обстоятельства могли побудить русскихъ солдатъ къ столь постыдному бѣгству, Его Величество желаетъ чтобы Ваше Сіятельство сдѣлали подробнѣйшее изслѣдованіе сего происшествія и обо всемъ донесли Его Величеству.»

Какъ ни старался Стрекаловъ свалить вину на своихъ подчиненныхъ, Сергѣева и Дадіана, но изъ откровенныхъ объясненій, данныхъ послѣдними, стало ясно, что причиною всего былъ одинъ Стрекаловъ. Такъ именно взглянулъ на это дѣло и самъ Паскевичъ. «Главнѣйшею причиною сего несчастія — отвѣчалъ онъ Чернышеву—генераль-адъютантъ Стрекаловъ: онъ раздробилъ отрядъ и завелъ его малыми частями въ такія мѣста, гдѣ невозможно было дѣйствовать.»

Военная неудача поразила Паскевича, но еще болѣе онъ былъ пораженъ тѣми событіями, которыя происходили внутри Джаро-Бѣлоканской области. Весною, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, ничто не могло предвѣщать, чтобы народъ, безъ боя изъявившій покорность въ сознаніи своего безсилія, такъ неожиданно и сильно ожесточился противъ русскихъ. Причины этого могли крыться, какъ полагалъ Паскевичъ, только въ дурномъ управленіи народомъ и «въ худой дисциплинѣ тамошнихъ войскъ.» Ссылку Стрекалова на Старья Закаталы, какъ на гнѣздо мятежа и вѣчной ненависти къ Россіи, Паскевичъ считалъ неосновательною. «Съ тѣхъ поръ, какъ возведена русская крѣпость—писалъ онъ къ Стрекалову:—Закаталы, удаленныя отъ нее только на три версты, перестали быть тѣмъ важнымъ и опаснымъ пунктомъ, на который лезгины полагали нѣкогда всю свою надежду.» Онъ указалъ ему на полную доступность закаतालскаго ущелья, если дѣйствовать на одинъ изъ фланговъ непріятеля, со стороны Катехъ или Бѣлоканъ, и на полную несообразность

плана, принятаго Стрекаловымъ—подходить впередъ по лощинѣ и рубить лѣсъ, давая неприятелю всѣ средства обходить насъ самихъ съ фланговъ и съ тыла. Система полевыхъ укрѣпленій у Бѣлоканъ и Таловъ для прикрытія дорогъ, ведущихъ въ Кахетію, также подверглась со стороны Паскевича строгому порицанію, «ибо—какъ говорить онъ:—нельзя преградить путь людямъ, которые, не имѣя никакихъ тяжестей, могутъ всегда проходить свободно; а чтобы отнять у нихъ средства къ набѣгамъ, нужно занять Катехи и Бѣлоканы, съ потерю которыхъ они лишатся средствъ къ продовольствію.»

«Если бы—пишетъ онъ далѣе:—приготовленія къ возстанію лезгинъ оставались скрытыми до самаго вторженія Шихъ-Шабана, то этого нельзя бы было не поставить въ вину Сергѣева, который, будучи мѣстнымъ начальникомъ, не зналъ о готовности народа поднять противъ насъ оружіе; но Сергѣевъ не разъ доносилъ о замыслахъ неприятеля и, слѣдовательно, дѣйствія ихъ не были такъ скрыты, какъ ваше превосходительство описываете; но мѣры, которыя нужно было принять для предупрежденія бунта, вами упущены, и ни одинъ изъ соумышленниковъ до сихъ поръ не арестованъ; а между тѣмъ, если бы это было исполнено вами своевременно, то второго возмущенія не могло бы и быть, такъ какъ народъ лишился бы главныхъ своихъ коноводовъ.» Все это было безусловно вѣрно; но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что и дѣйствія самого Паскевича были не безупречны, потому что событія въ Джаро-Бѣлоканской области являлись только прямымъ послѣдствіемъ событий, разыгравшихся тогда въ Дагестанѣ, и на которыя Паскевичъ такъ мало обращалъ вниманія. Тамъ-то нужно было вырвать главный корень волненій, а безъ этого рубка отдѣльныхъ вѣтвей мятежа не предохраняла отъ проростанія новыхъ.

Находя, что пора щадить бунтовщиковъ уже миновала, Паскевичъ приказалъ Стрекалову скрыть до основанія всѣ до-

ма измѣнниковъ, скотъ и имущество ихъ отдать на разграбленіе ингилойцамъ и кахетинской милиціи. Разоренію и уничтоженію должны были подвергнуться впрочемъ только тѣ дома, которыя препятствовали свободному сообщенію черезъ самыя Джары, а остальные вѣрно отдать въ собственность грузинамъ, которыя за то обязаны были ихъ защищать. Главныхъ виновниковъ возмущенія приказано было судить военнымъ судомъ и разстрѣлять изъ нихъ до 25-ти человекъ, а остальныхъ держать въ Тифлисѣ, закованными въ желѣза.

Таковы были суровыя мѣры Паскевича, которыми онъ сразу хотѣлъ подавить въ краѣ дальнѣйшее распространеніе вспыхнушаго возмущенія.

ШТУРМЪ ЗАКАТАЛЪ И УСМИРЕНИЕ ДЖАРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Послѣ неудачнаго боя 15-го октября, Стрекаловъ болѣе чѣмъ когда нибудь долженъ былъ стремиться скорѣе довести до конца экспедицію и взять Старыя Закаталы. Для выполнения этого предпріятія, находившихся въ нашемъ распоряженіи, войскъ было однако недостаточно; стали ожидать новыхъ подкрѣпленій, а между тѣмъ приняли мѣры для обезпеченія сообщеній съ Грузіей. Войска на переправахъ были усилены, а въ Алиабатѣ, гдѣ находился большой продовольственный складъ, учрежденъ былъ особый постъ, подъ командой подполковника Платонова.

Въ теченіи двухъ дней послѣ роковой битвы, пока приводились въ исполненіе всѣ эти распоряженія, непріятель насъ не беспокоилъ; онъ очевидно самъ понесъ большія потери и приводилъ въ порядокъ разстроенное скопище. Только 18-го октября въ Старыхъ Закаталахъ обнаруживаются первые признаки жизни, и Гамзатъ-бекъ высылаетъ конную партію для захвата алиабатскихъ складовъ, такъ предусмотрительно огражденных уже отрядомъ Платонова. Движеніе партіи замѣчено было во-время, и на помощь къ Платонову послали еще роту Ширванскаго полка. Непріятельская партія, не рѣшаясь съ наличными силами сдѣлать нападеніе, въ свою очередь также послала за подкрѣпленіемъ, а въ ожиданіи его остановилась близъ Алиабата.

Лазутчики, дѣйствовавшіе на этотъ разъ чрезвычайно энергично, извѣстили Стрекалова, что въ помощь аліабатской партіи готовится къ выступленію двухъ-тысячное скопище джарцевъ. Извѣстіе это весьма встревожило Стрекалова и онъ тотчасъ послалъ къ Платонову еще двѣ роты съ командою драгунъ и двумя орудіями, подъ начальствомъ капитана Луневича.

Оба подкрѣпленія вышли почти одновременно, такъ что изъ нашего лагеря было видно даже простымъ глазомъ, какъ потянулись лезгины изъ Старыхъ Закаталъ, и какъ Луневичъ почти бѣгомъ торопился предупредить ихъ въ Талахъ. Это ему удалось—и роты въ боевомъ порядкѣ преградили путь къ Аліабату. Въ то же время рота карабинеръ двинулась изъ лагеря наперерѣзъ закатальской партіи, чтобы отрѣзать ей отступленіе. Опасаясь попасть между двухъ огней, лезгины подались въ ущелье и, убѣдившись, что дорога въ Аліабатъ окончательно закрыта, вернулись въ Закаталы.

А между тѣмъ гроза надъ Аліабатомъ все таки разразилась. Передовая партія случайно была усилена другими шайками, рыскавшими по плоскости, и кинулась на наши продовольственные склады; но, къ счастью, за полъ-часа до нападенія, рота Ширванскаго полка успѣла прибыть въ Аліабатъ—и всѣ попытки лезгинъ ворваться въ селеніе были отбиты. Во время самаго боя подоспѣла колонна Луневича, и партія, понавшая подъ молодецкій ударъ драгунъ, разсѣялась по окрестнымъ лѣсамъ.

На этотъ разъ Аліабатъ устоялъ; но чтобы не подвергаться подобнымъ случайностямъ на будущее время, складъ перевезли въ крѣпость, а постъ уничтожили.

Съ 23-го октября начали подходить ожидавшіяся подкрѣпленія. Первымъ прибылъ графъ Симоничъ съ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, а за нимъ казачій полкъ Карпова; на слѣдующій день штабсъ-ротмистръ князь Яссе Андронниковъ привелъ тысячу конныхъ грузинъ, собранныхъ въ

Сигнахскомъ уѣздѣ; затѣмъ подошелъ конный татарскій полкъ изъ Шекинской провинціи, а за нимъ, съ зурною и литаврами, явились двѣ сотни тушинъ,—заповѣдная храбрость которыхъ и непримиримая вражда къ лезгинамъ, дѣлали ихъ очень цѣннымъ приобрѣтеіемъ для русскаго отряда. Прибытіе подкрѣпленій на этотъ разъ заключилось еще двумя грузинскими ротами, пришедшими вмѣстѣ съ артиллерійскимъ паркомъ.

По мѣрѣ усиленія отряда являлась возможность начать и рѣшительныя дѣйствія противъ Старыхъ Закаталъ. Наученный опытомъ, Стрекаловъ сталъ болѣе остороженъ и рѣшилъ предварительно ослабить врага стѣсненіемъ его продовольственныхъ средствъ,—мѣра, на которую особенно указывалъ Паскевичъ. Въ виду этого онъ хотѣлъ прежде всего разобщить Закаталы съ Бѣлоканами и Джарами, поставивъ укрѣпленіе на той самой высотѣ, гдѣ 15-го числа разыгралась кровавая катастрофа. Но такъ какъ одного укрѣпленія было еще недостаточно, а надо было отнять у самихъ бѣлоканцевъ всѣ способы доставлять продовольствіе закаतालскому скопищу, то рѣшили предварительно поставить и самыя Бѣлоканы въ такія условія, при которыхъ мы, а не лезгины, могли бы распоряжаться судьбами ихъ жителей.

Съ этою цѣлью 29-го октября изъ русскаго лагеря была направлена усиленная фуражировка къ сторонѣ Бѣлоканъ, подъ прикрытіемъ своднаго баталіона пѣхоты и всей грузинской конницы. Непріятель понималъ, что дѣло идетъ о вопросѣ для него чрезвычайно важномъ, и вышелъ изъ Закаталъ въ значительныхъ силахъ. Грузинская милиція первая ударила въ шашки, смяла лезгинскую конницу и захватила значокъ. Непріятель отошелъ назадъ и во все время фуражировки держался въ почтительномъ разстояніи. Войска между тѣмъ заняли Бѣлоканы, и такъ какъ жители обнаружили попытки къ сопротивленію, то часть селенія была сожжена и разграблена. Но и эта жестокая расправа не сразу об-

разумила бѣлоканцевъ,—и вредная дѣятельность ихъ была парализована окончательно только тогда, когда къ нимъ поставили въ видѣ экзекуціи, три роты Эриванскаго полка и телавскихъ милиціонеровъ.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла до 4-го ноября, когда изъ Карабага прибылъ 42-й егерскій полкъ,—последній резервъ, котораго ожидалъ Стрекаловъ, чтобы приступить къ серьезной блокадѣ закатальскаго скопища. Вступленіе егерей, предводимыхъ извѣстнымъ въ то время полковникомъ Миклашевскимъ, было чрезвычайно эффектно. Самъ Миклашевскій ѣхалъ впереди полка, окруженный татарскою свитой, въ богатой одеждѣ и на тысячныхъ коняхъ. Это все были молодые карабагскіе беки, которыхъ Миклашевскій взялъ съ собою подъ видомъ доставленія имъ случаи къ отличіямъ, а въ дѣйствительности, чтобы отвлечь изъ края людей, которые могли быть опасны, при начинавшихся волненіяхъ въ Персіи. Надо замѣтить, что персидскія дѣла въ ту пору представляли для насъ большой интересъ, такъ какъ они косвеннымъ образомъ оказывали вліяніе и на сопротивленіе джарцевъ. Вопросъ о близкой междуусобицѣ между двумя персидскими принцами—Аббасъ-Мирзою и Гассанъ-Али-Мирзою, тревожно волновалъ наши мусульманскія провинціи, все еще тяготѣвшія къ Персіи. Присутствіе въ нашихъ рядахъ Шекинскаго полка и множества карабагскихъ бековъ, которые являлись какъ бы заложниками вѣрности населенія, оставшагося дома, ручалось теперь за спокойствіе края и можно было быть увѣреннымъ, что наши предпріятія у Старыхъ Закаталъ парализованы не будутъ.

Въ лагерѣ грузинскіе гренандеры приготовили егерямъ достойную встрѣчу. Егеря, прославленные защитой Шуши, и гренандеры, питомцы Котляревскаго, считались между собою кунаками. Этотъ обычай куначества, присущій только боевымъ кавказскимъ полкамъ, представляетъ собою прекрасный и достойный подражанія образецъ военнаго товарищест-

ва. На поляхъ-ли битвъ, на мирномъ-ли бивуакѣ—куначество вездѣ и всегда служить вѣрнымъ залогомъ взаимной помощи, дружбы и всяческихъ одолженій между частями, которыя, побратавшись, назвали себя кунаками. Встрѣча вышла самая задушевная. У грузинцевъ былъ приготовленъ обѣдъ, и оба полка, смѣшавшись вокругъ походныхъ котелковъ, принялись за радушно предложенное угощеніе. Егеря не хотѣли остаться въ долгу и, прощаясь съ гренадерами, просили ихъ на слѣдующій день откушать у нихъ хлѣба-соли.

День 5-го ноября начался совершенно спокойно; съ утра изъ лагеря вышла къ Катехамъ обычная фуражировка, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Ширванскаго полка съ двумя орудіями и частію казаковъ. Повелъ ихъ старый и опытный подполковникъ Бучкiевъ. Въ лагерѣ егерей готовилось гомерическое пиршество, и грузинцы уже собирались въ гости къ своимъ боевымъ кунакамъ,—какъ вотъ скачетъ гонецъ отъ Мамедъ-Муртазали-Оглы съ предупрежденіемъ, чтобы русскіе были осторожны, такъ какъ джамать въ Старыхъ Закаталахъ порѣшилъ сегодня со всѣми силами напасть на фуражировъ. И, дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе этого извѣстія, со стороны Катехъ донеслись глухіе удары пушечныхъ выстрѣловъ.

Въ лагерѣ ударили тревогу. Но едва войска стали въ ружье, какъ Бучкiевъ прислалъ сказать, что лезгины сдѣлали нападеніе на прикрытіе, но были отбиты; особенно, по его словамъ, отличились при этомъ двѣ тушинскія сотни, которыя безъ выстрѣла врѣзались въ толпу, атаковавшую цѣпь, и почти всю ее изрубили. Тѣмъ не менѣе двѣ роты егерей, еще не отдохнувшія съ похода, высланы были на подкрѣпленіе Бучкiева, а между тѣмъ Стрекаловъ, предупрежденный уже Муртазали о намѣреніи Гамзата, выставилъ баталіонъ эриванцевъ съ двумя орудіями и кахетинскою милиціей къ сторонѣ Старыхъ Закаталь, чтобы заградить путь главному скопищу.

Не успѣли карабинеры расположиться на позиціи, какъ непріятель показался изъ лѣса и повелъ атаку, стараясь обойти нашъ лѣвый флангъ, чтобы прорваться къ фуражирамъ. Дали знать въ лагерь, откуда тотчасъ выслали на помощь еще баталіонъ 42-го полка. Въ эту-то минуту случилось происшествіе, которое едва не повлекло за собою катастрофу почти такую же, какую испытали эриванцы 15-го октября подъ Закаталами. Дѣло въ томъ, что грузинская конница, сбитая сильнымъ натискомъ лезгинъ, въ беспорядкѣ понеслась назадъ и смяла, идущій къ ней навстрѣчу, егерскій баталіонъ. Посреди общей сумятицы выручило всѣхъ хладнокровіе и распорядительность графа Симонича; онъ успѣлъ съ одною ротой броситься вѣтѣво и, выбравшись на чистое мѣсто, образовалъ заслонъ, который на мгновеніе задержалъ непріятеля. Тогда, освобожденные отъ натиска, грузины рассыпались въ стороны и дали просторъ баталіону. Двѣ головныя роты, предводимыя отважнымъ Миклашевскимъ, бросились въ штыки и погнали непріятеля. Въ эту минуту прибылъ Стрекаловъ съ баталіономъ Грузинскаго полка, и прибылъ очень кстати, потому что оправившіеся лезгины повели новую атаку. Изъ лагеря потребовали послѣдній грузинскій баталіонъ,—но онъ не успѣлъ еще прійти, какъ Миклашевскій во главѣ трехъ ротъ вторично кинулся на непріятеля и разбилъ его наголову. Этимъ окончился бой 5-го ноября; фуражиры возвратились въ лагерь, а вслѣдъ за ними отошли и остальные баталіоны. День этотъ стоилъ намъ трехъ офицеровъ и 135 нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя.

Съ этихъ поръ наступаетъ послѣдній актъ борьбы за обладаніе Закаталами.

Послѣ двухдневнаго отдыха, Стрекаловъ заложилъ наконецъ редутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была битва 15-го октября и гдѣ сходились дороги отъ всѣхъ окрестныхъ селеній. Въ два дня укрѣпленіе было готово, вооружено и занято гарнизономъ. Непріятель понималъ, что этотъ грозный ре-

дуть предвѣщаетъ ему безусловный голодъ—и упалъ духомъ. Лезгини и безъ того давно уже кормились посмѣнно, такъ какъ, съ прибытіемъ въ нашъ лагерь значительнаго числа кавалеріи, Гамзатъ не могъ уже открыто добывать хлѣбъ на равнинѣ, а довольствовался тѣмъ, что приносили одиночные люди для небольшого числа своихъ товарищей. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая борьба становилась для лезгинъ невысказанною.

И Шихъ-Шабанъ и Гамзатъ-бекъ поняли теперь, что близится часъ, когда нужно будетъ или пасть на развалинахъ закатальской башни, или бѣжать въ горы съ разбитою славою. Эти-ли причины, или другія, неизвѣстныя никому, соображенія понудили ихъ вступить въ переговоры, и посредникомъ былъ избранъ тотъ-же Мамедъ-Муртазали бѣлоканскій. Первый шагъ къ этому сдѣлалъ Шабанъ, не только изъявившій личную покорность, но обѣщавшій вывести изъ Закаतालъ и распустить по домамъ тѣхъ лезгинъ, которыхъ онъ привелъ изъ Дагестана. Стрекаловъ зналъ, что въ неприятельскомъ станѣ открылась большая эмиграція и потому отвѣчалъ: «пусть Шабанъ явится, но я даю ему право ходатайствовать только за себя, но никакъ не замѣтныхъ джарцевъ.» Сергѣевъ самъ ѣздилъ въ Талы на свиданіе съ Шабаномъ и переговоры кончились тѣмъ, что Шабанъ дѣйствительно распустилъ свою партію, а самъ явился въ русскій лагерь. Съ Гамзатомъ переговоры шли менѣе успѣшно, такъ какъ онъ требовалъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ получили прощеніе и джарцы; въ этомъ ему отказали и переговоры затянулись еще на нѣсколько дней.

Между тѣмъ тревожныя событія въ Персіи заставляли Стрекалова какъ можно скорѣе покончить съ Закататами—и штурмъ старой крѣпости назначенъ былъ 13-го ноября. Но наканунѣ этого дня Гамзатъ-бекъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и небольшою свитой, явился въ русскій лагерь и объявилъ, что сдается безусловно, ходатайствуя только за своихъ

лезгинъ, которые требовали свободнаго пропуска въ горы. На это условіе Стрекаловъ согласился и такъ какъ самъ Гамзатъ-бекъ уже не желалъ возвращаться назадъ въ Закаталы, то для вывода партіи, простирившейся, какъ говорили, до 3-хъ тысячъ человѣкъ, былъ посланъ одинъ изъ приближенныхъ Гамзата, нѣкто Абдулла согратлинскій. Но, къ удивленію, Абдулла явился на другой день съ извѣстіемъ, что партія выйдетъ не иначе, какъ съ самимъ Гамзатъ-бекомъ, который только одинъ можетъ служить ручательствомъ за ихъ безопасность. Тогда Стрекаловъ, оскорбленный недовѣріемъ лезгинъ, которые, будучи заперты, не имѣли другого выбора кромѣ гибели или безусловнаго плѣна, а между тѣмъ еще предлагали условія—приказалъ остановить переговоры, а Шабана и Гамзатъ-бека объявилъ военноплѣнными. Оба они были арестованы и въ тотъ же день отправлены въ Тифлисъ за сильнымъ конвоемъ. Мѣра эта вызвала ропотъ во всемъ Дагестанѣ; но такъ или иначе, а горцы лишились двухъ способнѣйшихъ своихъ предводителей—и Стрекаловъ не сталъ уже откладывать взятіе Закаталъ. Штурмъ былъ назначенъ.

Раздѣленные на три колонны, войска ночью съ 13-го на 14-е ноября направились по тремъ различнымъ путямъ къ одной и той же точкѣ—закаतालской башнѣ. Средняя колонна, подъ начальствомъ князя Дадіана, составленная изъ 10 ротъ Эриванскаго полка, карабагской конницы и 4 орудій, наступала по лоцинѣ прямо на Старыя Закаталы, лѣвая—графа Симонича, шла со стороны Катехъ и состояла изъ 4 баталіоновъ пѣхоты, грузинской милиціи и 6 орудій; правая—полковника Миклашевскаго,—два баталіона егерей, шекинскій конный полкъ и два горные единорога,—направилась по выучнымъ тропамъ за снѣговой перевалъ, отдѣлявшій Закаталы отъ Тальскаго ущелья, съ тѣмъ, чтобы атаковать неприятельскую позицію съ тылу.

Утро было такое туманное, что войска подошли къ Закаатамамъ, не будучи замѣченными. Бой загорѣлся въ колон-

нѣ графа Симонича, которая наткнулась почти въ-упоръ на непріятельскую позицію, ворвалась въ селеніе, смяла непріятельскіе резервы и, по слѣдамъ бѣгущей толпы, захватила закатальскую башню, вмѣстѣ съ однимъ орудіемъ. Бой уже шелъ по всему селенію, когда подоспѣли эриванцы и, занявъ все пространство отъ старой мечети до дома старшины Чанка-оглы, овладѣли, стоявшимъ здѣсь, непріятельскимъ лагеремъ и тремя остальными орудіями. Выбитыя изъ Закаталъ, горцы массою кинулись по горнымъ тропамъ къ Тальскому ущелью—и тамъ наткнулись на Миклашевскаго. Тогда толпа разсѣялась въ разныя стороны, оставивъ въ одномъ глухомъ бездорожномъ оврагѣ всѣ свои семьи, рассчитывая, что русскіе не будутъ преслѣдовать ихъ въ горы. Расчетъ этотъ оказался однакоже не вѣренъ: войска дѣйствительно остановились, но хищные тушины, точно чутьемъ угадавшіе добычу, разыскали несчастныя семьи—и страшный оврагъ доверху заваленъ былъ кровавыми трупами зарѣзанныхъ женъ и дѣтей.

Такъ пали Закаталы, и свободѣ джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ навсегда нанесенъ былъ смертельный ударъ.

Молва говорить, что послѣ сдачи Гамзата, джарцы не могли держаться и, конечно, положили бы оружіе по первому серьезному требованію; но что Стрекалову нужно было взять Закаталы открытымъ приступомъ, чтобы на пролитой крови возстановить свою военную репутацію, сильно пошатнувшуюся послѣ понесеннаго имъ пораженія. Побѣда была легкая—по крайней мѣрѣ паденіе твердыни, передъ которою войска стояли болѣе мѣсяца, стоила намъ трехъ человѣкъ убитыми и 17 ранеными.

Загнанные въ холодныя снѣговыя ущелья, джарцы просили пощады, и Стрекаловъ обѣщалъ имъ помилованіе, если они немедленно выдадутъ главныхъ зачинщиковъ возстанія. Дѣйствительно, черезъ два дня джарскіе старшины Оденъ-Оглы и Мамедъ-Вали-Чанко-Оглы добровольно явились въ русскій лагерь съ повинной головою и были арестованы. Джар-

цамъ тогда дали знать, что они могутъ выйти изъ горъ, но уже безъ предварительнаго обѣщанія имъ помилованія. Джарцы подчинились и этому ограниченному снисхожденію, но зато разоренный и обездоленный народъ перенесъ всю силу своей ненависти на своихъ предводителей, и одного изъ нихъ, Сулейманъ-Нуръ-Оглы, едва не закопалъ живого въ землю—его отняли подоспѣвшіе солдаты. Джары и Закаталы на глазахъ народа были сравнены съ землею; прекрасные сады ихъ пали подъ топорами солдатъ, а шелковичныя и туковыя деревья пошли на выжиганіе угля.

Не считая болѣе необходимымъ свое присутствіе въ области, Стрекаловъ 24-го ноября возвратился въ Тифлисъ; войска были распущены, но въ новой крѣпости, на всякій случай, оставлены были еще по баталіону отъ полковъ Грузинскаго и Эриванскаго.

Съ отъѣздомъ Стрекалова, главное начальство въ области снова перешло въ руки Сергѣева, который тотчасъ приступилъ къ арестованію главныхъ коноводовъ и къ освобожденію ингелойцевъ. Но распоряженія эти были перерваны въ самомъ началѣ новыми происшествіями. Буря народныхъ страстей, вызванная несбыточными мечтами освобожденія, не могла успокоиться сразу, несмотря даже и на закаральскій погромъ. Едва только русскія войска были распущены, какъ бѣлоканцы пріютили у себя партію глуходаръ, во главѣ которой находился извѣстный дагестанскій разбойникъ Халы-Магома и отказались отъ выдачи намъ аманатовъ. Пришлось предпринимать новую экспедицію. Приближеніе двухъ баталіоновъ заставило глуходаръ бѣжать, но жители покорились только тогда, когда Сергѣевъ, потерявъ терпѣніе въ безплодныхъ уговорахъ, приказалъ заковать въ желѣзо четырехъ старшинъ и трехъ почетныхъ обывателей. Все это не вознаграждало насъ однакоже за бѣгство Халы-Магомы, ко-

торый, отодвинувшись въ горы, сталъ скликать къ себѣ толпы удалцовъ, не хотѣвшихъ примириться съ мыслию, что ворота Кахетіи для нихъ навсегда закрылись. Первымъ на призывъ его явился старый Бегай и толпа, приведенная имъ подъ сѣнію четырехъ значковъ, послужила ядромъ новаго ополченія. Сергѣевъ имѣлъ объ этомъ подробныя свѣдѣнія черезъ Муртазали, но считалъ ихъ невѣроятными, такъ какъ глубокой свѣгъ, завалившій горные проходы, исключалъ всякую возможность какого либо вторженія. А между тѣмъ въ Джермутъ подходили все новыя и новыя партіи; прибылъ наконецъ и богасскій старшина Аличула-Магома, который принялъ формировавшееся скопище подъ свое начальство. Въ то же время за Богазскимъ хребтомъ собирали партію дѣти Бегай и вмѣстѣ съ ними знаменитый беладъ верховій чапты-аргунскаго района—Алдамъ. На плоскости также было неспокойно: жители селенія Цаблуани, лежавшаго верстахъ въ пяти за Бѣлоканами, бѣжали въ горы, вслѣдъ за своимъ старшиною Джанъ-Вали, и присоединились къ скопищу. Бѣжали туда и джарцы и катехцы.

18-го декабря скопище Аличулы уже спустилось съ горъ и вступило въ наши предѣлы. Одна партія отправилась въ с. Гавазы для захвата анцухскаго пристава князя Вачнадзе; другая стала на дорогѣ къ Закалатамъ, чтобы переградить дорогу нашимъ войскамъ, а третья, при которой находился самъ Аличула,—заняла Цамблуани. Въ Бѣлоканы явились посланные съ требованіемъ, чтобы Муртазали далъ въ аманы своихъ сыновей. Но когда Муртазали, вмѣсто отвѣта, собралъ 600 человекъ своихъ односельцевъ и расположилъ ихъ возлѣ своего дома,—суровый Аличула въ ту же ночь съ цѣлымъ скопищемъ нагрязнулъ на Бѣлоканы, и люди, которымъ Муртазали довѣрилъ защиту себя и своей семьи, позорно бѣжали при первомъ его появленіи. Очутившись лицомъ-къ-лицу съ трехъ-тысячною партією, вѣрный намъ старшина, все еще рассчитывавшій, что ему дадутъ помощь изъ

редута, заперся въ крѣпкой башнѣ, находившейся въ его дворѣ и рѣшилъ защищаться до послѣдней возможности. Но Аличула не захотѣлъ даже тратить пороха, а тѣмъ болѣе крови своихъ сподвижниковъ: онъ просто приказалъ обложить башню хворостомъ и поджечь его со всѣхъ сторонъ. Громаднымъ костромъ вспыхнулъ наваленный валежникъ, и когда раскалившіяся стѣны дали трещины, и огонь проникъ во внутренность жилища,—башня рухнула и подъ ея развалинами погибли въ пламени и самъ Муртазали и все его семейство. Въ редутѣ явственно слышали выстрѣлы и видѣли широкое зарево, стоявшее надъ селеніемъ,—но помощи не дали «по случаю ночного времени и неизвѣстности о числѣ непріятеля».

Между тѣмъ скопище расположилось въ Бѣлоканахъ, какъ дома, а на слѣдующій день было усилено еще новыми партіями, прибывшими изъ Дагестана. Эти партіи, съ 15-ю распущенными знаменами, дерзко прошли подъ пупечными выстрѣлами изъ русскаго редута и съ дикою пѣснью: «Ля-илляхи-иль-алла» соединились съ Аличулою. Теперь наступила минута, когда осада грозила уже самому Бѣлоканскому форту и съ высокихъ валовъ его можно было наблюдать, какъ конныя партіи, рыскающія по окрестнымъ селеніямъ, сгоняли къ Бѣлоканамъ длинныя ряды аробъ, нагруженныхъ всевозможными осадными принадлежностями. Аличула очевидно торопился взятіемъ форта; но русскія войска съ двухъ сторонъ отъ Закаталя и Царскихъ-Колодцевъ уже двигались на помощь къ атакованному гарнизону. 22-го декабря оба отряда соединились подъ Бѣлоканами и начался послѣдній актъ длинной и кровавой драмы 1830 года. Къ вечеру, послѣ жестокаго боя, половина селенія перешла въ наши руки; но въ другой упорно еще держались лезгины и выбить ихъ оказывалось намъ не подъ силу. Такъ наступила длинная декабрьская ночь. Густой холодный туманъ темною пеленою прикрывъ обѣ враждебныя стороны и прекратилъ ожесточен-

ную схватку. Послѣ страшной битвы вдругъ наступила мертвая тишина—предвѣстница новой бури, готовой разразиться съ первымъ лучомъ восходящаго солнца. Но въ глухую полночь непріятель снялся съ позиціи и вмѣстѣ со всѣми жителями вышелъ изъ деревни такъ тихо, что у насъ замѣтили его отступление только съ разсвѣтомъ, когда Бѣлоканы уже опустѣли.

Этимъ эпизодомъ и закончились тревожныя событія 1830 года въ Джаро-Бѣлоканской области.

Паскевичъ, получивъ донесеніе о пораженіи Аличулы, не могъ однакоже постигнуть, какимъ образомъ горцы могли отступить безнаказанно, а жители удалиться въ лѣса, и главное,—какъ они могли вывезти имущество, когда селеніе взято было приступомъ? Онъ справедливо заключилъ изъ этого, что преслѣдованія или не было вовсе, или оно было слабо, и потому писалъ въ своемъ предписаніи къ Сергѣеву, чтобы на будущее время отнюдь не ограничиваться разсѣяніемъ скопищъ, а преслѣдовать ихъ до послѣдней возможности, «ибо—какъ говорить онъ:—не стоитъ вовсе разбивать непріятеля и подвергать потерямъ наши войска, когда мы сами не пользуемся плодами побѣды». Онъ даже не вѣрилъ донесенію Сергѣева, чтобы лезгины могли потерять 800 человекъ, и впослѣдствіи поручилъ его преемнику секретно удостовѣриться въ настоящей потерѣ непріятеля.

Недовольный дѣйствіями Сергѣева, Паскевичъ отозвалъ его изъ Закаतालъ, а начальникомъ Джаро-Бѣлоканской области назначилъ на мѣсто его генераль-лейтенанта барона Розена.

Новый начальникъ области прибылъ въ Царскіе-Колодцы 24 декабря и первая обнародованная имъ прокламація заключала въ себѣ актъ объ освобожденіи ингелойцевъ. «Каждый изъ лезгинъ—гласила прокламація:—имѣвшій до сихъ поръ какую нибудь власть надъ ингелойцами и енисеями, лишается отнынѣ таковой навсегда, и племена сіи впредь должны

вносить въ казну всѣ подати, какія платили они до сего времени лезгинамъ». Этотъ важный историческій актъ былъ обнародованъ 25-го декабря, и съ нимъ воспрянула къ жизни отъ глубокой трехвѣковой летаргіи та часть омусульманившейся Грузіи, которая такъ долго томилась въ непробудномъ рабствѣ.

Въ такомъ положеніи застаесть Джаро-Бѣлоканскую область 1831 годъ, начинающій собою новую эпоху кавказской войны.

Для полноты описанныхъ событій остается сказать еще нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ въ сосѣдней провинціи, составлявшей нѣкогда одинъ изъ гезовъ вольнаго Джаро Бѣлоканскаго общества.

Мы уже знаемъ, что рядомъ съ Джаро-Бѣлоканскою областью, между нею и Нухинскою провинціею, въ нагорной долинѣ рѣки Гиши и притока ея Курмука, было расположено небольшое лезгинское владѣніе, отличавшееся отъ другихъ джарскихъ обществъ тѣмъ, что оно имѣло своихъ наслѣдственныхъ владѣтелей. Оно вело свое начало съ конца XVI столѣтія, когда Шахъ-Абасъ, въ видахъ ослабленія Грузіи, образовалъ здѣсь особое султанство и передалъ его нѣкому ренегату Али, по имени котораго оно и стало называться Али-султанствомъ. Русскіе изъ этого названія сдѣлали имя Ели-су, какъ стали называть и самую рѣчку Гишъ. Елисуйскіе султаны своею осторожностью и предупредительностью сумѣли сохранить свою власть до времени повѣствуемыхъ событій, какъ въ средѣ своихъ подданныхъ, стремившихся къ такой же социальной свободѣ, какую имѣли джарцы, такъ и въ ряду нашихъ мусульманскихъ провинцій.

1830-й годъ начался въ Елисуйскомъ султанствѣ печальнымъ событіемъ: 9-го января скончался старый владѣтель Ахметъ-султанъ, современникъ князя Циціанова, первый изъ

елисуйскихъ султановъ, признавшій надъ собою главенство Россіи. Въ мусульманскихъ странахъ право наслѣдства переходитъ не по первородству отъ отца къ сыну, а по старшинству въ родѣ—отъ старшаго брата къ младшему, и только въ случаѣ неимѣнія брата сынъ можетъ наслѣдовать отцу, да и то только въ томъ случаѣ, если онъ рожденъ отъ законной жены равнаго происхожденія. Покойный султанъ не имѣлъ братьевъ, а потому законнымъ наслѣдникомъ являлся старшій сынъ его, Имрамъ-ага; но это былъ человѣкъ слабый, не имѣющій собственной воли, способный подпасть подъ какое угодно вліяніе. Къ тому же онъ былъ женатъ на дочери Хамедъ-бека, убитаго въ дѣлѣ съ русскими и находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ казикумыкскому дому. Последнее обстоятельство не могло не породить массу затрудненій, такъ какъ дружескія связя съ казикумыкскими ханами обуславливались тѣмъ, что елисуйцы въ лѣтнее время пасли свои стада въ Казикумыкѣ. Все это сознавалъ самъ покойный султанъ и во время своихъ отлучекъ поручалъ управление страню второму сыну Мусса-агѣ, человѣку хорошихъ правилъ и преданному Россіи. Это же остановило на немъ и выборъ Паскевича. Нарушеніе первородства не вызвало въ народѣ никакого неудовольствія, потому что елисуйскіе султаны рѣдко наслѣдовали по праву, а назначеніе ихъ зависило чаще всего отъ вліянія сильныхъ сосѣдей, или отъ мѣстнаго джемата, голоса котораго также пріобрѣтались деньгами или склонялись силою оружія. Народъ давно привыкъ къ подобному порядку вещей и подчинялся ему безпрекословно.

Мусса-ага правилъ страню недолго, но успѣлъ оказать крупныя услуги русскому правительству, удержавъ спокойствіе въ своемъ султанствѣ въ то смутное время, когда сосѣдняя съ нимъ Джаро-Бѣлоканская область была объята пожаромъ возстанія. Елисуйцы не только исполняли всѣ указанія Сергѣева, но выказывали не разъ случаи замѣчатель-

наго самопожертвованія при исполненіи обязанностей, которыя требовались отъ нихъ во имя русскаго дѣла. Былъ напр. такого рода случай. Во время открытія управленія Джаро-Бѣлоканскою областію, въ Елисуйскомъ султанствѣ появился бѣглець изъ Шекинской провинціи, лезгинъ Мустафа-Каданоглы, извѣстный своими разбоями. Можно было полагать, что его появленіе имѣло какую либо тайную связь съ происками Шабана или Гамзатъ-бека, а потому Сергѣевъ потребовалъ немедленной его поимки. Мусса-ага послалъ за нимъ четырехъ своихъ есауловъ, приказавъ имъ доставить Кадано живого или мертвого. Бѣглець былъ настигнуть въ д. Бабурлѣ, по дорогѣ въ Нуху, но, запершись въ саклѣ, защищался съ такою отвагой, что изъ четырехъ есауловъ—трое пали подъ его ударами, и только послѣдній убилъ его самого и захватилъ въ плѣнъ его товарища.

Къ общему сожалѣнію, Мусса-ага, еще молодой и полный жизненныхъ силъ, скончался послѣ кратковременной болѣзни, 25 сентября 1830 года. Ему наследовалъ братъ его знаменитый Даніель-бекъ, человекъ умный, храбрый, съ твердою волею,—человекъ, которому суждено было играть крупную роль въ дальнѣйшихъ перепитіяхъ нашей борьбы съ мюридизмомъ, но уже не въ качествѣ елисуйскаго султана, а въ качествѣ одного изъ ближайшихъ совѣтниковъ и пособниковъ дагестанскаго имама и тестя своего—Шамиля.

ЧЕЧНЯ ПОСЛЪ ЕРМОЛОВА.

Послѣ кроваваго бунта 1825 года, Чечня, приглушенная Ермоловымъ, лежала въ развалинахъ. Даже вторженіе персіянь въ Грузію, — вторженіе, охватившее такими несбыточными надеждами все мусульманское населеніе Закавказья, отразилось на ней въ такой слабой степени, что выразилось лишь одиночными разбоями и наѣздами на линію тѣхъ, для которыхъ грабежъ составлялъ уже единственный источникъ для прокормленія семей, обездоленныхъ русскими погромами. Правда, выдвинулись опять на сцену забытыя имена пророка Махомы, Бей-Булата, Айдемира и другихъ, но всѣ эти лица служили теперь лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ персіянь и ничего самостоятельнаго выдумать не могли. Въ краѣ ходили персидскія прокламаціи, но до какой степени туго шла пропганда можетъ служить доказательствомъ слѣдующій, не лишенный своего значенія, случай.

Въ деревнѣ Гельдигенъ жилъ одинъ молодой чеченецъ, имѣвшій богатую и знатную родню, на которую особенно старались дѣйствовать персидскіе агенты; юноша видѣлъ, что гельдигенцы не далеки отъ возмущенія, и чтобы отклонить собиравшуюся грозу придумалъ слѣдующую оригинальную мѣру: онъ просилъ начальника лѣваго фланга генерала Лаптева захватить его въ плѣнъ, и затѣмъ, вмѣсто выкупа потребовать отъ гельдигенцевъ аманатовъ. Лаптевъ съ своей стороны поручился, что не употребить во зло его довѣрія. Когда

все было обдуманно, юноша отправился въ одну изъ сунженскихъ деревень навѣстить родныхъ, а на возвратномъ пути, на условномъ мѣстѣ, былъ окруженъ казаками и привезенъ въ Грозную. Когда родные узнали о его захватѣ, они бросились хлопотать о выкупѣ; но Лаптевъ отвергъ всѣ предложенія и потребовалъ одного—аманатовъ. Волею-неволею пришлось принять это условіе, и гельдигенцы, всегда стоявшіе во главѣ кровавыхъ движеній, оставили въ нашихъ рукахъ заложниковъ своего спокойствія. Юноша былъ отпущенъ, а примѣръ гельдигенцевъ заставилъ удержаться отъ возстанія и ихъ ближайшихъ сосѣдей.

Персидское золото также имѣло мало успѣха, и на его призывный звонъ собирались лишь шайки бездомныхъ удалцовъ, которымъ скучно было сидѣть безъ дѣла. Но съ осени 1826 года число этихъ шаекъ до того увеличилось, и мелкихъ нападений стали повторяться такъ часто и съ такою дерзостью, что нельзя было не обратить на это серьезнаго вниманія.

Первое нападеніе было сдѣлано 15-го августа въ окрестностяхъ станицы Мекенской, Моздокскаго полка. Въ этотъ день два отставные казака, старые рыболовы, переправились на легкомъ каюкѣ на правый берегъ Терека и расположились подъ обрывомъ съ своими рыболовными снастями. Мѣсто выбрано было удобное и можно было считать себя внѣ всякой опасности, такъ какъ только густые виноградники скрывали отъ взоровъ станицу, и даже надъ непроницаемою листвою раскинувшихся садовъ былъ видѣнъ ярко горѣвшій золоченый крестъ станичнаго храма, а въ сторонѣ виднѣлась и сторожевая вышка. Кругомъ господствовала полнѣйшая тишина, изрѣдка нарушаемая звуками голосовъ, доносившихся сюда по водѣ изъ станицы. Благодушно сидѣли два старика, отдавшись своему любимому занятію,—какъ вдругъ, точно изъ земли, выросли чеченцы и кинулись на оторопѣвшихъ рыболововъ. Одинъ изъ казаковъ, Ларіоновъ, первый замѣтившій

опасность, бросился въ воду и кое-какъ успѣлъ доплыть до берега; но товарищъ его былъ схваченъ и изрубленъ шапками. Выстрѣлъ сторожевого казака, видѣвшаго всю эту картину, поднялъ тревогу, но когда казаки прискакали на мѣсто происшествія, тамъ, кромѣ изрубленнаго тѣла, никого уже не нашли. Съ этихъ поръ на линіи только и было разговоровъ, что о происшествіяхъ. Тамъ изъ подъ самой станицы чеченцы увезли двухъ казачекъ, собиравшихъ хворостъ, тамъ пропали два казака, пасшіе табунъ, тамъ разбили мельницу и захватили четырехъ казаковъ,—а мельница находилась всего саженьяхъ въ семидесяти отъ мирнаго аула князя Темрюка Ахлова, откуда не дали помощи. Въ районѣ Гребенскаго полка ночной разъѣздъ, осматривавшій берегъ Терека, наткнулся на конную партію челоуѣкъ въ двадцать, и въ перестрѣлкѣ съ нею потерялъ пять казаковъ убитыми и ранеными. Потомъ другая партія, переправившаяся выше Щедринской станицы, благополучно миновала казачьи посты и кинулась въ степь. Первыми подвернулись ей двѣ гребенскія казачки, возвращавшіяся съ поля—ихъ захватили; но тутъ поднялась тревога, и горцамъ пришлось, какъ можно скорѣе убираться за Терекъ. На возвратномъ пути имъ попался еще казакъ съ нѣсколькими женщинами; одну изъ нихъ чеченецъ на скаку срубилъ шапкой, но съ остальными возиться было некогда и ихъ бросили. Мѣняя поминутно направленіе, чтобы уйти отъ погони, партія переправилась за Терекъ верстахъ въ пяти выше Амиръ-Аджи-Юрта и какъ разъ наткнулась на секретъ, заложенный изъ укрѣпленія. Десять егерей дали залпъ; четыре наѣздника свалилось, но остальные промчались мимо, и, преслѣдуемые по-пятамъ мирными чеченцами, едва-едва убрались за Сунжу.

Въ отмѣстку за этотъ неудачный набѣгъ горцы угнали изъ-подъ Ищорской станицы табунъ, принадлежавшій Ельдарову и подкараулили казачій разъѣздъ близъ Лафетовскаго поста такъ, что изъ шести казаковъ спаслось только двое.

Этотъ длинный реестръ кровавыхъ происшествій заставилъ Лаптева прослѣдить внимательно, откуда набѣгаютъ тучи. Было дознано, что жители нѣкоторыхъ ауловъ, истребленныхъ Ермоловымъ, укрылись въ лѣса и, не желая высылаться, бросили даже свои поля, засѣянные хлѣбомъ. Во главѣ этого общества отверженцевъ, жившихъ только грабежомъ и разбоями, стоялъ карабулакскій разбойникъ Астемиръ—другъ и сподвижникъ Бей-Булата въ событіяхъ 1825 года. Его невидимая рука и направляла набѣги на линію. Самъ Астемиръ, со своею семьею, жилъ особнякомъ, въ дремучемъ лѣсу, у подошвы Черныхъ горъ; а верстахъ въ восьми отъ этой трупцы, на берегу Аргуна, стояло небольшое селеніе Узени-Юртъ, служившее сборнымъ пунктомъ для всѣхъ хищническихъ партій. Сама по себѣ деревня была немногочисленна, но ея населеніе, безпрестанно увеличивавшееся притокомъ новыхъ бѣглецовъ, росло такъ быстро, что въ послѣднее время Астемиръ сталъ выѣзжать изъ него во главѣ уже двухъ и даже трехъ-сотъ отважныхъ наѣздниковъ. Въ лѣтнее время безъ значительной потери подступитъ къ этому разбойничьему гнѣзду было невозможно, и Лаптеву пришлось терпѣливо выжидать наступленія глубокой осени, когда опавшая листва обнажитъ лѣса и сдѣлаетъ ихъ доступными.

Въ самомъ началѣ 1827 года въ Грозной получены были извѣстія, что Астемиръ со всею своею конницею выѣхалъ въ мирные аулы, и что въ Узени-Юртъ почти не осталось мужскаго населенія; Лаптевъ рѣшилъ воспользоваться этой минутой, чтобы въ отсутствіи Астемира нанести ударъ его логовищу и, быстро собравъ отрядъ, въ ночь на 10-е января повелъ его на Узени-юртъ. Къ разсвѣту войска стояли уже передъ ауломъ. Вся конница отдѣлилась впередъ. 350 линейныхъ казаковъ съ двумя конными орудіями, подъ начальствомъ маіора Синакова, понеслись къ селенію; 400 мирныхъ чеченцевъ съ своими князьями переплыли Аргунъ и должны были итти обходною дорогой, чтобы отрѣзать жителямъ от-

ступленіе къ лѣсу. Но какъ ни быстро скакали чеченцы, еще быстрѣе ихъ несли всадникъ, съ головой, окутанной башлыкомъ, чтобы не быть признаннымъ. Это былъ одинъ изъ измѣнившихъ намъ лазутчиковъ. Онъ вскочилъ въ аулъ и зловѣщимъ крикомъ «урусъ!»—поднялъ всѣхъ на ноги. Оторопѣвшіе жители бросились за Аргунъ съ такою поспѣшностью, что казаки, едва успѣвшіе настичь хвостъ бѣжавшихъ, схватили только трехъ женщинъ, да убили и ранили человѣкъ пятнадцать; но остальные спаслись, такъ какъ чеченцы, замедлившіе на переправѣ, не успѣли занять лѣсную опушку. Зато деревня Узени-Юртъ, со всѣмъ имуществомъ и даже домашнимъ скотомъ, была уничтожена до основанія. Астемиръ явился слишкомъ поздно, чтобы помочь узени-юртовцамъ, и отрядъ безъ потери вернулся на линію. Внезапность набѣга, живо воскресившая въ памяти горцевъ жестокія расправы Ермолова, уничтожила въ самомъ зародышѣ и замыслы Астемира поднять противъ насъ мирные аулы.

Съ уничтоженіемъ разбойничьяго гнѣзда спокойствіе на линіи установилось быстро; но зато въ глубинѣ Чечни, въ нѣдрахъ ея вѣковыхъ лѣсовъ, попрежнему капошилась крамола, и попрежнему маіортупскій мулла велъ свою пропаганду. Но пропаганда его долгое время оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что у муллы не было подъ рукою сообщниковъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться въ трудномъ дѣлѣ народнаго возстанія. Бей-Булатъ отсутствовалъ, а Астемиръ, лихой рубака и смѣлый наѣздникъ, не былъ способенъ ни къ какой политической роли. Дѣло подвинулось нѣсколько впередъ только тогда, когда въ край появился наконецъ давно ожидаемый фирманъ персидскаго шаха. Мулла-Махома торжественно читалъ его въ Маіортупѣ и на Мичикѣ. «Нынѣ Божію милостію—говорилось въ фирманѣ:—Я шахъ Персіи, Грузіи и Дагестана, по окончаніи нашего армазана-уразы буду съ войсками въ городѣ Тифлисѣ и очищу васъ отъ русскаго порабощенія. Если же я не учиню

сего, то не буду въ свѣтѣ шахъ Персіи. Къ вамъ же по окончаніи уразы пришло съ войсками Нухъ-хана, котораго снабжу немалочисленною казною и награжу васъ по заслугамъ примѣрно, въ чемъ увѣряю васъ святымъ алкораномъ.» Впечатлѣніе фирмана было настолько сильно, что не будь чеченцы такъ приглушены Ермоловымъ,—1827 годъ не прошелъ бы для насъ безъ большихъ тревогъ и потрясеній. Но теперь среди чеченцевъ не было главнаго—единодушія. Все дѣло ограничилось поэтому только народными собраніями, на которыхъ обсуждался вопросъ о возстаніи въ случаѣ появленія Нухъ-хана съ войсками на Сулакѣ, да небольшимъ набѣгомъ въ окрестности Грозной, гдѣ чеченцамъ удалось зажечь нефтяные колодцы. Обширная же программа, начертанная маіоргусскимъ муллою, старавшимся вовлечь въ возстаніе мирныя аулы, не исполнилась. Лаптевъ выдвинулъ за Сунжу баталіонъ пѣхоты съ линейнымъ казачьимъ полкомъ,—и этого оказалось вполне достаточнымъ, чтобы удержать порядокъ и спокойствіе.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на мѣсто генерала Лаптева, отозваннаго Паскевичемъ въ дѣйствующій корпусъ, начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи назначенъ былъ генералъ-маіоръ Энгельгардтъ, бывшій до того комендантомъ въ Кисловодскѣ. При первомъ знакомствѣ съ положеніемъ края, Энгельгардтъ убѣдился, что общаго возстанія въ Чечнѣ ожидать нельзя; но онъ обратилъ вниманіе на то, что волненіе не прекращалось среди засунженскихъ чеченцевъ, благодаря тому, что въ Галгаѣ образовалось такое же опасное и вредное для насъ разбойничье гнѣздо, какое представлялъ собою нѣкогда Узени-Юртъ подъ крыломъ Астемира. Сами галгаевцы въ большинствѣ тяготились такимъ положеніемъ дѣлъ, вызывавшимъ внутреннюю неурядицу, но не имѣли средствъ управиться съ буйными своими односельцами, которые, поселившись за Сунжею въ глухихъ лѣсахъ, преимущественно на мельницахъ или небольшихъ хуторахъ,

избрали своимъ сборнымъ пунктомъ деревню Самашки. Туда пріѣзжалъ гостить извѣстный закубанскій князь Тембулатъ-Магометовъ, вмѣстѣ со своею шайкою, тамъ находили притонъ бѣглецы кабардинцы и жили знаменитые абреки Тара-Адзиевъ, Бакара-Булатовъ и другіе. Требовать выдачи ихъ отъ жителей было бы мѣрою крайне несправедливою, потому что жители никогда не могли бы управиться съ своими наѣзжими гостями, и потому Энгельгардтъ рѣшилъ захватить ихъ хитростью. Однажды лѣтомъ, въ самую страдную пору, сотня отборныхъ моздокскихъ казаковъ и столько же мирныхъ чеченцевъ ночью подошли къ Самашкамъ и, никѣмъ не замѣченные, окружили поля, засѣянные хлѣбомъ. 200 человекъ засѣло въ засаду. Стало разсвѣтать; изъ аула показался народъ, идущій на полевые работы, а засада всѣхъ пропускала свободно, и жители, не чуя грозы, которая висѣла надъ ихъ головою, принялись за уборку хлѣба. Вдругъ по условному сигналу засада поднялась, и все, что находилось на полѣ, оказалось оцѣпленнымъ густою казацкою цѣпью. Такъ было захвачено почти все населеніе Самашекъ, а вмѣстѣ съ нимъ попались въ наши руки Тара-Адзиевъ и вся семья Бакара-Булатова. Но самъ Булатовъ прорвался черезъ цѣпь и, отстрѣливаясь, скрылся въ лѣсу. Казаки отпустили домой всѣхъ самашинскихъ жителей, а Тара-Адзиева и семью Булатова увезли съ собою. Но предварительно они приказали показать себѣ поля, принадлежавшія тѣмъ галгаевцамъ, которые жили на мельницахъ, и выжгли ихъ хлѣбъ на корню. При заревѣ пожара самашинскіе жители продолжали работать на своихъ поляхъ, «разумѣя, — какъ выражается Энгельгардтъ, — что нами наказываются одни только злодѣи.»

Нельзя сказать, чтобы подобные погромы, повторявшіеся время-отъ-времени, оставались для насъ совсѣмъ безрезультатными. Уничтоженіе Узени-Юрта, захватъ кабардинскихъ абрековъ, сожженіе полей мятежныхъ галгаевцевъ—все это приносило свою долю пользы, обуздывая грабежи и разбои,

но естественно, что не они могли измѣнить общее положеніе дѣль и настроенія, господствовавшаго въ народѣ. Были другіе факторы, которые управляли тогдашними событіями. Совпавшій какъ разъ съ этимъ временемъ отъѣздъ изъ края страшнаго для горцевъ Ермолова, значительное уменьшеніе на линіи войскъ, ушедшихъ на персидскую границу, наконецъ то нервное ожиданіе, чѣмъ окончится война, затѣянная Персією, такъ много обѣщавшей чеченцамъ въ своихъ прокламаціяхъ — вотъ что волновало умы и угрожало создать намъ цѣлый рядъ затрудненій въ недалекомъ будущемъ.

Лѣтомъ, когда успѣхи русскаго оружія въ Персіи еще не обозначались громкими побѣдами, когда стоялъ еще Сардаръ-Абадъ, и жребій войны не былъ извѣстенъ, — вдругъ по всей Чечнѣ, отъ горъ Дагестана до Военно-Грузинской дороги, пронеслась молва о появленіи Бей-Булата. Онъ пріѣхалъ изъ Персіи съ шестью товарищами. Знатные муллы, почетные чеченцы, масса сподвижниковъ его въ кровавой борьбѣ съ русскими встрѣтили давно жданнаго гостя на самой границѣ съ хлѣбомъ и солью. На Бей-Булата возлагались всѣ упованія коноводовъ Чечни и, дѣйствительно, фізіономія ея мгновенно измѣнилась. Во всѣ углы ея поскакали гонцы Бей-Булата, провозглашая общее возстаніе. И если общаго возстанія не послѣдовало, то тѣмъ не менѣе масса хищническихъ шаекъ опять устремилась на линію.

У самаго Амиръ-Аджи-Юрта появилась партія конныхъ абреговъ, и въ тотъ же самый день нашли двухъ солдатъ убитыми невдалекѣ отъ укрѣпленія. Потомъ пропали два гребенскіе казака, шедшіе изъ Щедринской станицы на Лафетовскій постъ, и только по слѣдамъ, оставшимся на мокрой травѣ, можно было догадываться, что чеченцы, засѣвъ въ густомъ лѣсу по обѣ стороны узкой дороги, гдѣ шли казаки, набросились на нихъ сзади. Выстрѣловъ никто не слыхалъ, а между тѣмъ лужа запекшейся крови ясно свидѣтельствовала о происходившей здѣсь схваткѣ.

Еще не успѣли наговориться объ этомъ происшествіи, какъ на зарѣ, 7-го августа, поднялась тревога въ Щедринской станицѣ. Наканунѣ былъ праздникъ Спаса Преображенія, и казаки, прогулявшіе всю ночь на станичномъ майданѣ, крѣпко спали, какъ вдругъ набатный колоколъ поднялъ всѣхъ на ноги. Оказалось, что горцы напали на табунъ, ходившій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станицы. Двое сторожевыхъ казаковъ были захвачены въ плѣнъ, но третій вскочилъ на коня и, гикнувъ на табунъ, во весь опоръ погналъ его къ станицѣ. Какъ не трудно было ему уходить отъ 14-ти конныхъ чеченцевъ, но казакъ такъ искусно управлялъ своимъ табунномъ, что горцы сочли за лучшее бросить эту добычу, и при первомъ звукѣ станичнаго колокола скрылись за Терекъ. Табунъ такимъ образомъ былъ спасенъ, а къ вечеру выбѣжалъ изъ плѣна и одинъ изъ казаковъ, по имени Василій Глауровъ. По его разсказу, онъ, увидивъ минуту, когда партія переправлялась черезъ Терекъ столкнулъ сидѣвшаго позади его чеченца, а самъ кинулся въ воду и, какъ отличный плавецъ, вынырнулъ на такомъ разстояніи, что горцамъ ловить его было некогда, а стрѣлять они побоялись.

Черезъ нѣсколько дней, въ ночь на 21-е августа, въ дистанціи того же Гребенскаго полка случилось другое происшествіе, которое по своей дерзости уже выходило изъ ряда мелкихъ хищническихъ нападений. Это было истребленіе Роговицкаго поста, стоявшаго надъ Терекомъ, какъ-разъ на половинѣ дороги между двумя станицами Червленною и Щедринскою. Обѣ станицы, составлявшіе корень гребенскаго казачества, изъ поконовъ-вѣковъ славились своимъ молодечествомъ; но именно это-то молодечество и порождало въ казакахъ такую безопасность, такое пренебреженіе къ опасности, отъ которыхъ до полнаго расклоха былъ одинъ только шагъ. Широкой казачьей натурѣ былъ свойственъ «шибокъ на авось» и удалымъ гребенцамъ не разъ приходилось расплачиваться за то своими головами. Но такъ у нихъ велось

уже изстари, и то же самое случилось въ роковую ночь на 21-е августа. Несмотря на тревожное время, на Роговицкомъ посту не соблюдалось никакой осторожности. Приказный да два казака подь-вечеръ отправились въ станицу, еще одинъ казакъ ушелъ на охоту, и на посту осталось всего четыре человекъ, изъ которыхъ одинъ стоялъ на часахъ, а трое, забравшись въ камышевый курень, позабыли и думать, что существуютъ абреки. Ночь была темная, вѣтреная. Разбушевавшійся Терекъ съ грохотомъ катилъ свои волны, и подь его немолчный плескъ тихо, одинъ за другимъ, выползли на берегъ 12 чеченцевъ, переплывшихъ рѣку на тулукахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно лежалъ казачій секретъ, и гдѣ его теперь не было. Осмотрѣвшись кругомъ, они, какъ ночные шакалы, тихо подползли къ посту и вдругъ разомъ и со всѣхъ сторонъ зажгли его камышевую ограду. Часовой, стоявшій на вышкѣ, замѣтилъ опасность только тогда, когда яркое пламя внезапно освѣтило окрестность, и передъ нимъ въ дыму замелькали какія-то странныя фигуры, бѣгавшія съ горящими головнями въ рукахъ. На его крикъ выскочили еще три казака съ ружьями, но въ эту минуту уже занялся соломенный курень, и казаки очутились объятія пламенемъ; держаться среди огня было невозможно, и они кинулись спасаться черезъ горѣвшую ограду, кто въ Терекъ, а кто въ придорожные кусты; трое изъ нихъ ушли благополучно, но четвертаго настигла чеченская пуля и положила на мѣстѣ, почти возлѣ самой постовой ограды. Пожаръ между тѣмъ замѣченъ былъ въ сосѣднихъ станицахъ; но когда прискакали казачьи резервы, постъ уже догоралъ, а возлѣ него не было ни казаковъ, ни хищниковъ. Замѣчательно, что по другую сторону Терека, какъ-разъ противъ Роговицкаго поста, мирные чеченцы содержали конный пикетъ, на которомъ въ роковую ночь находилось четыре всадника. Люди эти видѣли какъ загорѣлся постъ, слышали крики и ружейные выстрѣлы, даже сами стрѣляли на голоса—и все таки не могли

услѣдить, гдѣ переправилась партія и куда она скрылась.

До сихъ поръ нападенія на линію производились лишь мелкими шайками, но вслѣдъ затѣмъ начались и болѣе серьезныя попытки, въ которыхъ осязалась рука самого Бей-Булата. Сперва онъ задумалъ отбить всѣ русскія стада, ходившія подъ крѣпостью Грозной; но когда, высланная имъ, партія была открыта мирными чеченцами и предпріятіе не удалось, тогда Бей-Булатъ выѣхалъ самъ во главѣ семи-сотъ наѣздниковъ съ твердымъ намѣреніемъ побывать въ самой Грозной. Для этого онъ раздѣлилъ свою партію на двѣ части: одна, гарцуя передъ самою крѣпостью, должна была выманить въ поле и увлечь за собою гарнизонъ, а другая, скрытая за Сунжей, кинуться въ это время на крѣпость и, пользуясь отсутствіемъ войскъ, захватить и разграбить крѣпостной форштадтъ Удайся Бей-Булату дерзкое предпріятіе—слава его имени пронеслась бы по цѣлой Чечнѣ и, безъ сомнѣнія, привлекла бы къ нему массу сторонниковъ. Но на его несчастье въ Грозной уже знали, чего хотѣлъ Бей-Булатъ—и не вышли изъ крѣпости. Тогда Бей-Булатъ перемѣнилъ свою тактику. Онъ приказалъ открыто готовить бурдюки для переправы черезъ Терекъ и направилъ часть своей партіи къ Щедринской, рассчитывая, что бдительность грозненскаго гарнизона ослабнетъ. И, дѣйствительно, какъ только вниманіе русскихъ обратилось въ ту сторону, Бей-Булатъ въ ночь на 12-е сентября внезапно кинулся на Грозную. Ружейный огонь и картечь съ вала разметали дерзкое скопище, и оно искало спасенія въ бѣгствѣ. За темнотою ночи невозможно было судить о потерѣ непріятеля, но, по всей вѣроятности, она была ничтожна, такъ какъ на другой день нашли только убитую лошадь, да перебитый картечью окровавленный чеченскій пистолетъ. Партія, отправленная къ Щедринской, также потерпѣла неудачу и была разбита 11-го сентября мирными чеченцами, встрѣтившими ее подъ предводительствомъ своего князя Устархана Куденетова.

Вслѣдствіе этихъ неудачъ Бей-Булатъ оставилъ въ покоѣ и Терекъ и Супжу, намѣреваясь перенести свою дѣятельность на Кумыкскую плоскость; но слухъ о взятіи Сардарь-Абада, паденіе Эривани и плѣненіе Тавриза парализовали всѣ его дѣйствія. Подъ вліяніемъ русскихъ побѣдъ кумыки и чеченцы притихли, и при Бей-Булатѣ осталось не болѣе 80 сторонниковъ, представлявшихъ собою уже не политическую силу, а простую шайку разбойниковъ.

XIX.

ЧЕЧНЯ ВО ВРЕМЯ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

Разгромъ Персидской монархіи и затѣмъ быстрое движеніе русскихъ войскъ въ Турцію, взятіе ими Анапы и Карса, громовымъ ударомъ поразили Кавказъ, и не могли не имѣть самаго благодѣтельнаго, отрезвляющаго вліянія на умы впечатлительныхъ горцевъ. Напрасно теперь Бей-Булатъ и пророкъ Махома собирали народъ на маіортупской полянѣ; напрасно они развертывали передъ нимъ зеленое знамя Магомета, присланное будто бы изъ Стамбула, для призыва всѣхъ правовѣрныхъ на помощь къ хункару; имъ удалось опять только собрать лишь нѣсколько разбойничьихъ партій, но населеніе осталось спокойнымъ и крайне недружелюбно встрѣтило султанскихъ эмиссаровъ. Никогда Восточный Кавказъ не пользовался такимъ спокойствіемъ, и никогда населеніе не выражало намъ большей симпатіи, какъ въ 1828 году.

Эту благопріятную для насъ переменъ въ народѣ Емануель относилъ къ своей снисходительной, челоуѣколюбивой политикѣ и былъ увѣренъ, что не только намъ не придется болѣе прибѣгать къ оружію, но что даже сами чеченцы будутъ истреблять тѣхъ, которые не пожелали бы покориться. Емануель, конечно, поддавался въ этомъ случаѣ нѣкоторому увлеченію, вполнѣ впрочемъ понятному, такъ какъ даже самые прозорливые люди того времени не могли предположить, чтобы подъ этою завѣсой спокойствія таился будущій взрывъ и продолжительная буря.

Среди всеобщаго затишья, одинъ только Бей-Булатъ не могъ и не хотѣлъ примириться съ такимъ перерожденіемъ хищной чеченской натуры и не терялъ надежды рано или поздно увлечь за собою народъ въ борьбу съ ненавистною ему русскою властію. Онъ сталъ выжидать благопріятной минуты, а между тѣмъ выдвинулъ на сцену двухъ знаменитыхъ абрековъ Чабая и Умара, которымъ приказалъ наносить русскимъ вредъ, какой только будетъ возможно. Чабай и Умаръ — оба служили представителями лучшаго чеченскаго наѣздничества. Это были въ своемъ родѣ знаменитые партизаны, которые съ небольшою шайкою въ 15—20 человекъ отчаянныхъ головорѣзовъ держали, нѣкоторое время, въ осадномъ положеніи весь лѣвый флангъ Кавказской линіи. Рыская по всѣмъ дорогамъ, смѣло переправляясь черезъ глубокія рѣки, проскользая среди нашихъ постовъ, и пробираясь въ самыя станицы—они съ неимоверною быстротою переносились съ мѣста на мѣсто, не рѣдко за цѣлую сотню верстъ—и всюду производили пожары, грабежи и убійства. Только благодаря счастливому случаю, намъ удалось наконецъ избавиться отъ этихъ опасныхъ и безпокойныхъ вожаковъ хищническихъ партій. Въ самый разгаръ своихъ походовъ, Чабай и Умаръ наткнулись верстахъ въ семи отъ Амиръ-Аджи-Юрта на команду 43-го егерскаго полка,—и оба сложили свои головы. Дѣло происходило такъ. Команда изъ 70 человекъ, подъ начальствомъ прапорщика Мостовскаго, послана была въ тѣснѣ для заготовленія фашичника и только что принялась за дѣло, какъ одинъ солдатъ, ходившій на Терекъ, прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что видѣлъ на берегу конную партію, которая готовитъ тулуки очевидно для переправы. Мостовскій взялъ съ собою шесть егерей и кинулся къ берегу. Его появленіе было такъ неожиданно, что партія, состоявшая человекъ изъ пятнадцати, кинулась въ камыши и стала уходить въ разные стороны. Чабай, попытавшійся остановить бѣглецовъ, остался одинъ противъ шести егерей. Тогда рядовой Лазаревъ, быв-

шій впереди другихъ, бросился на Чабая, и, выдержавъ выстрѣль почти въ-упоръ, схватилъ его въ охапку; оба упали и продолжали борьбу на землѣ, пока подлетѣлъ рядовой Конавчукъ и ударомъ штыка положилъ Чабая на-мѣстѣ. Тѣло смѣлаго хищника осталось въ нашихъ рукахъ и было привезено въ Амиръ-Аджи-Юртъ. Въ страхъ другимъ, Энгельгардъ приказалъ повѣсить трупъ передъ крѣпостью, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, чтобы его нельзя было похитить, и этимъ средствомъ понудилъ чеченцевъ отдать за выкупъ его нѣсколькихъ русскихъ плѣнныхъ.

Возвратившаяся домой поодиночкѣ, партія не нашла среди себя и другаго вожака—Умара. Онъ пропалъ безъ вѣсти, и только уже впоследствии узнали, что тяжело раненый въ ногу, онъ заползъ въ камыши, и, не имѣя силъ выбраться оттуда на дорогу, умеръ отъ голода.

Попробовалъ было Бей-Булатъ пустить еще шайку, подъ начальствомъ стараго разбойника Батала, но и та погибла отъ рукъ своихъ-же единовѣрцевъ, не достигнувъ даже до Терека. Она была встрѣчена между Дадинъ и Джавгаръ-Юртами партією мирныхъ чеченцевъ, подъ предводительствомъ старшины Бекъ-Мурзаева, и разбита такъ, что, по словамъ очевидцевъ, сто немирныхъ чеченцевъ бѣжало передъ шестнадцатю мирными,—до того сильна была паника.

Не въ лучшемъ положеніи находились дѣла Бей-Булата и на Кумыкской плоскости, гдѣ пропаганда его встрѣтила отпоръ въ лицѣ большинства древней кумыкской аристократіи,—смотрѣвшей на Бей-Булата, какъ на проходимца низкаго происхожденія, къ которому старыя княжескія фамиліи не могли относиться иначе, какъ съ презрѣніемъ. Попытки Бей-Булата дѣйствовать оружіемъ отражались оружіемъ-же, и изъ множества случаевъ—два особенно выдвинулись по мужеству, оказанному въ нихъ кумыками. Такъ, однажды, чеченцы отогнали табунъ кумыкскаго старшины Магомета-Баташева, которій достигъ ихъ съ нѣсколькими кумыками и, несмотря

на полное неравенство силъ, такъ смѣло вступилъ въ перестрѣлку, что остановилъ партію и далъ время подоспѣть сосѣднимъ аксаевцамъ. Въ другой разъ трое кумыковъ настигли 12 абрековъ, гнавшихъ табунъ князя Али-Бека-Адилева. Двое кумыкъ остановились въ нерѣшимости, но третій, Ассакаевъ, врѣзался въ толпу, изрубилъ коннаго чеченца, двухъ опрокинулъ вмѣстѣ съ лошадьми,—и если не успѣлъ отбить табуна, то не далъ и тѣла убитаго имъ горца, которое привезъ съ собою въ ауль. Горцы, въ послѣдствіи, выкупили трупъ за пять лошадей и Ассакаевъ добровольно отдалъ ихъ ограбленному князю. Паскевичъ, желая поощрить преданныхъ намъ кумыковъ, наградилъ Баташева золотою, а Ассакова серебряною медалями «за храбрость».

1829 годъ открылся новымъ нападеніемъ на линію, въ окрѣстностяхъ Порабочевского селенія, но и на этотъ разъ партія едва успѣла спастись, окруженная казачьими резервами и пѣхотой, которую Энгельгардтъ держалъ небольшими частями по станицамъ. Постоянныя неудачи обезкуражили наконецъ и пылкаго Бей-Булата. Съ тѣхъ поръ, какъ жители деревни Курчали склонились на увѣщанія коменданта Амиръ-Аджи-Юртовскаго укрѣпленія, капитана Шпаковского и сами привезли къ нему русскую пушку, взятую еще при Ермоловѣ—онъ убѣдился, что поднять чеченскій народъ стать во главѣ движенія и сдѣлаться народнымъ кумиромъ, какъ это было въ 25 году, въ кровавыя дни смерти Грекова и Лисаневича, теперь невозможно; ограничить-же свою роль предводительствомъ мелкихъ разбойничьихъ шаекъ, которыя къ тому же на каждомъ шагу терпѣли пораженія—ему не хотѣлось. Бей-Булату пришлось призадуматься надъ своимъ положеніемъ. Онъ вспомнилъ тогда, что русское правительство не разъ дѣлало ему выгодныя предложенія—и теперь рѣшилъ ими воспользоваться, избравъ для этого посредничество Шамхала-Тарковского. Польщенный Шамхалъ тотчасъ отправилъ въ Чечню довѣренное лицо съ предложеніемъ, чтобы всѣ почетные ста-

рѣйшины чеченскаго народа прибыли въ Тарки и высказали ему свои условія, если только искренно желали мира и добраго согласія. 4-го марта 1829 года въ Тарки дѣйствительно прибыло 120 чеченцевъ, а во главѣ ихъ самъ Бей-Булатъ съ своимъ сыномъ. Депутація отъ имени народа выразила желаніе покориться русскому правительству но съ условіемъ, чтобы ихъ аманаты были приняты Шамхаломъ и жили у него въ Таркахъ, а не въ Грозной; въ обезпеченіи-же договора Бей-Булатъ потребовалъ въ заложники одного изъ родственниковъ самого Шамхала, и старый мехти отправилъ въ Чечню Шах-база, одного изъ двухъ побочныхъ сыновей.

Подобный образъ дѣйствій Шамхала возродилъ однако между нимъ и генераломъ крупное неудовольствіе, выразившееся въ рѣзкой перепискѣ со стороны послѣдняго, считавшаго, что поведеніе Шамхала въ этомъ случаѣ не совмѣстно съ достоинствомъ Россіи. Онъ далъ ему понять, что покорность Бей-Булата и чеченцевъ будетъ признана благонамѣренною только тогда, когда они принесутъ присягу безъ всякихъ условій, и потому настойчиво потребовалъ, чтобы Шах-базъ былъ возвращенъ изъ Чечни обратно. Если же Бей-Булатъ не пожелалъ бы покориться на общихъ основаніяхъ, то Емануель предлагалъ Шамхалу прекратить съ нимъ всякія сношенія тѣмъ болѣе, что въ покорности Бей-Булата никто особенно и не нуждался.

Обиженный Шамхалъ съ своей стороны не хотѣлъ уступить Емануелю и жаловался на него Наскевичу, объясняя всѣ дѣло только вопросомъ личнаго самолюбія начальника Кавказской линіи, тогда какъ, по его мнѣнію, въ интересахъ Россіи было безразлично кому бы не покорились чеченцы—ему-ли Шамхалу или Емануелю. Главнокомандующій былъ недоволенъ возникшею перепискою и принялъ въ этомъ дѣлѣ, сторону Шамхала.

Онъ разъяснилъ Емануелю, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда наши войска отвлечены турецкою войною,

намъ не бесполезно имѣть въ Чечнѣ двѣ партіи, которыя, оставаясь обѣ покорными, поставлены будутъ своими междуусобными раздорами въ необходимость воздерживаться отъ враждебныхъ замысловъ противъ русскихъ. вмѣстѣ съ этимъ онъ предложилъ Емануелю употребить всѣ старанія на то, чтобы отвлечь съ Кавказа вредныхъ людей, и съ этою цѣлью склонить Бей-Булата и 60 чеченскихъ старшинъ отправиться въ Тифлисъ, откуда главнокомандующій намѣревался взять ихъ съ собою въ дѣйствующую армію. По этому поводу Паскевичъ писалъ Емануелю: «одно отсутствіе этихъ людей, которые будутъ у насъ въ родѣ заложниковъ, должно удержать чеченцевъ отъ всякихъ враждебныхъ покушеній на линію, а между тѣмъ, обласкавъ Бей-Булата и старшинъ, я заставлю ихъ быть приверженными къ намъ искренно, и тогда легче уже будетъ принять рѣшительныя мѣры противъ всего чеченскаго народа.»

Въ заключеніе главнокомандующій просилъ Емануеля, при будущихъ сношеніяхъ съ Шамхаломъ-Тарковскимъ, оказывать ему возможное уваженіе не только какъ русскому генераль-лейтенанту, но какъ владѣтелю важной провинціи, и выражалъ увѣренность, что при свиданіи съ Шамхаломъ во время проѣзда его въ Петербургъ, Емануель употребитъ всѣ средства, чтобы изгладить то впечатлѣніе, которое могло произвести на него послѣднія сношенія.

Емануель оскорбился. Онъ отвѣчалъ Паскевичу, что главнокомандующій напрасно придаетъ Бей-Булату такое значеніе, котораго онъ вовсе не имѣетъ, ибо вліяніе его распространяется далеко не на всю часть покорной Чечни, и присутствіе его въ Тифлисъ вовсе не гарантируетъ линію отъ набѣговъ; безъ Бей-Булата найдется много отважныхъ людей, которые примутъ на себя предводительство разбойничьими шайками и будутъ грабить по небольшимъ дорогамъ. Между тѣмъ выдача сына Шамхала въ аманаты Бей-Булату не только унижаетъ достоинство могущественнаго правительства, но

даже затмѣваетъ ту вѣру, которую у горскихъ народовъ пріобрѣли начальники на линіи. Емануель рассказываетъ по этому поводу, что въ 1827 году, когда ему случилось быть во Владикавказѣ, генералъ Скворцовъ заявилъ, что старшины таугарскаго племени, обитавшаго около Казбега, желали-бы его видѣть, но въ обезпеченіе себя требуютъ аманатовъ. «Они должны вѣрить священному слову начальника—отвѣчалъ Емануель— иначе я не могу ихъ принять. Пусть уѣзжаютъ въ горы, а я найду ихъ при надобности и въ самыхъ ихъ ущельяхъ.» Скворцовъ и другіе генералы были убѣждены, что таугарцы, послѣ такого отказа, не явятся; но едва Емануель на другой день выѣхалъ въ Ставрополь, какъ старшины догнали его въ Урухъ и на колѣняхъ просили прощеніе за выраженное ими недоувѣріе. Въ другой разъ, бѣглый кабардинскій князь Росламбекъ-Берислановъ, желая прибыть къ Емануелю въ Ставрополь для объясненія по какому-то дѣлу, также просилъ для своего обезпеченія аманата. Емануель велѣлъ сказать ему—пусть пріѣдетъ на честное слово съ тѣмъ, что если дѣло не исполнится по его желанію, то онъ можетъ безопасно возвратиться въ горы— и Росламбекъ явился. Потерять такое довѣріе Емануель считалъ крайне невыгоднымъ, а между тѣмъ примѣръ Бей-Булата давалъ право и другимъ требовать за себя заложниковъ. Что же касается до Шамхала-Тарковскаго, то Емануель писалъ въ заключеніе своего рапорта слѣдующее: «не только въ отношеніяхъ къ Шамхалу, какъ генералъ-лейтенанту и значительному владѣльцу, но и ко всякому добромыслящему азіяцу, я, по самому образу мыслей моихъ, никогда не выйду изъ границъ, начертанныхъ закономъ, а потему и не имѣю повода изглаживать никакихъ впечатлѣній, происшедшихъ якобы изъ моихъ отношеній къ Шамхалу, что не можетъ никакъ соотвѣтствовать ни званію моему, ни мѣсту мною занимаемому.»

Напрасно Емануель въ своихъ донесеніяхъ указывалъ Паскевичу на ту подпольную интригу, которую въ данномъ

случаѣ вель Шамхаль, желавшій только распространить свое вліяніе на чеченскій народъ и подчинить его своему управленію. Паскевичъ смотрѣлъ на дѣло иначе и даже по желанію чеченцевъ назначилъ Шах-база посредникомъ между народомъ и нашимъ правительствомъ, предоставивъ ему право выдавать билеты для свободнаго проѣзда въ наши владѣнія. Подобная политика, по мнѣнію Емануеля, скорѣе всего могла вызвать общія беспорядки въ Чечнѣ, такъ какъ большинство народа, требовавшаго сношеній черезъ Шамхала, имѣла у себя только одну затаенную цѣль: вовсе не признавать никакихъ распоряженій, которыя исходили-бы отъ имени Емануеля или Энгельгардта, — и русская власть, такимъ образомъ, становилась въ краѣ беспильною.

Въ это-то смутное время Бей-Булатъ, въ сопровожденіи 140 выборныхъ наѣздниковъ, прибылъ во Владикавказъ и явился къ генералу Скворцову. Пестрая, полуоборванная, но съ виду грозная толпа, составленная изъ отчаянныхъ разбойниковъ чуть не всей половины Кавказа, производила впечатлѣніе; но въ этой толпѣ едвали былъ хотя одинъ человекъ, который явился бы съ открытою душою и съ честными мыслями служить интересамъ Россіи. Слухъ о торжественномъ приѣмѣ Бей-Булата мгновенно облетѣлъ Чечню, и, ко времени отъѣзда въ Тифлисъ, партія его значительно увеличилась. Но изъ Тифлиса Бей-Булатъ повелъ въ дѣйствующій корпусъ всего только 32 человекъ, а остальные, насытившись столичными удовольствіями, возвратились назадъ.

Русскія войска въ это время стояли уже въ Арзерумѣ. Главнокомандующій принялъ Бей-Булата ласково, объявилъ, что забываетъ прошедшее и, шутя, добавилъ, что, покончивъ съ турками, хотѣлъ побывать въ гостяхъ и у него. — «Потому-то мой отецъ и мой народъ — отвѣтилъ Бей-Булатъ — и прислали меня, чтобы я побывалъ у тебя прежде, чѣмъ ты вздумаешь заглянуть къ намъ.» Родожиккій, оставившій свои записки объ этой эпохѣ, такъ рассказываетъ о своемъ свиданіи съ Бей-Булатомъ.

«Во время парада, по случаю взятія Арзерума—говорить онъ:—я нарочно ѣздилъ смотрѣть Бей-Булата, который съ своими чеченцами стоялъ верхомъ на правомъ флангѣ сборнаго линейнаго казачьяго полка, составлявшаго конвой главнокомандующаго. Бей-Булатъ человекъ средняго роста, довольно полный, пожилой, съ багровымъ лицомъ и темно-красною бородою; глаза небольшіе, кабаньи, т. е. быстрые, блуждающіе и налитые кровью. Въ фізіономіи его не было ничего замѣчательнаго, кромѣ лукавства и скрытности; но казалось, что этотъ человекъ весь налитъ былъ кровью и жаждалъ ее. Смотря на него, я вспоминалъ объ убійствѣ Грекова и Лисаневича и удивлялся, какъ этотъ разбойникъ, будучи главнымъ участникомъ чеченскаго бунта, до сихъ поръ существуетъ. При Бей-Булатѣ безотлучно находились два почетныхъ товарища и молодой оруженосецъ, мальчикъ или женщина, въ богатой одеждѣ, съ круглымъ щитомъ за спиною и съ двумя пистолетами за поясомъ; онъ возилъ за Бей-Булатомъ трубку и кisetъ съ табакомъ. Въ Арзерумѣ, какъ Бей-Булату, такъ и двумъ его приближеннымъ, отведены были особыя квартиры, но остальнымъ чеченцамъ приказано было расположиться въ лагерь вмѣстѣ съ казаками; однако недовѣрчивый и осторожный разбойникъ размѣстилъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ на трехъ, данныхъ ему, квартирахъ.»

Въ то время, какъ Бей-Булатъ находился почетнымъ гостемъ у Паскевича, начатое имъ дѣло въ Чечнѣ продолжалъ Астемиръ, и продолжалъ пожалуй еще съ большей энергіей и отвагою нежели самъ Бей-Булатъ. Онъ еще сдерживалъ себя до тѣхъ поръ, пока его братья, Кулай и Элдыханъ, находились въ Тифлисѣ, но когда они вернулись назадъ, Астемиръ тотчасъ соединился съ кабардинскимъ абрекомъ Хетажuko-Гукеевымъ и ознаменовалъ свой первый набѣгъ такимъ кровавымъ дѣломъ, какого не было слышно въ Чечнѣ съ самаго 1825 года. 7-го августа шайка, въ числѣ 160 человекъ, выѣхала на Военно-Грузинскую дорогу и меж-

ду Ардономъ и Урухомъ атаковала русскую команду, изъ 17 нижнихъ чиновъ. Шла ли команда врасплохъ, или чеченцы смяли ее стремительнымъ натискомъ—неизвѣстно; но когда выстрѣлы подняли тревогу и съ сосѣднихъ постовъ прискакали казаки, на мѣстѣ происшествія лежало 17 изрубленныхъ труповъ—изъ цѣлой команды не спаслось ни кого, кто бы могъ передать подробности этого несчастнаго случая.

Успѣхъ былъ такъ заманчивъ, что шайка Астемира въ теченіи нѣсколькихъ дней возрасла до 300 человекъ и приготовилась къ нападенію на одну изъ терскихъ станицъ. Къ счастью, въ это время прибыла на линію 14-я пѣхотная дивизія, подъ командою генераль-лейтенанта барона Розена, присланная изъ Россіи на усиленіе Кавказскаго корпуса, и два полка ея, Бутырскій и Московскій, были остановлены въ окрестностяхъ Георгіевска. Слухъ о сборахъ Астемира заставилъ Емануеля тотчасъ передвинуть Бутырскій полкъ къ Мекенской станицѣ Моздокскаго полка и расположить его лагерь. Узнавъ объ этомъ, Астемиръ отказался отъ намѣренія напасть на одну изъ казачьихъ станицъ, но рѣшилъ попытать свое счастье въ схваткѣ съ только что прибывшимъ русскимъ полкомъ, еще не знакомымъ ни съ порядками линейной службы, ни съ условіями кавказской войны. Астемиръ рассчиталъ въ этомъ случаѣ вѣрно и 16-го августа устроилъ засаду въ камышахъ, какъ-разъ напротивъ Пекенской станицы. Мирные чеченцы, державшіе развѣзды по правую сторону рѣки, ничего не замѣтили. Между тѣмъ, утромъ 17-го числа, изъ Бутырскаго полка послана была за Терекъ небольшая команда для кошенія сѣна,—и первая кавказская служба бутырцевъ окончилась для нихъ печальною катастрофою. Триста чеченцевъ, выждавъ минуту, когда половина косцовъ, съ тяжело навьюченными возами, отправилась къ Тереку и стала грузиться на поромъ—вдругъ выскочили изъ засады и кинулись на рабочихъ. Семь человекъ были захвачены въ плѣнъ, остальные изрублены, а четыре мирные чеченца, при-

данные къ командѣ для содержанія разѣздовъ, пропали безъ вѣсти. Изъ всей команды спаслись только одинъ унтеръ-офицеръ да два рядовыхъ, спрятавшіеся въ густую траву и въ суматохѣ не разысканные горцами. Набѣгъ такой значительной партіи не могъ совершиться безъ участія мирныхъ ауловъ, и даже безъ прямого содѣйствія конныхъ постовъ, которые не могли не знать о присутствіи партіи, сидѣвшей въ камышахъ почти цѣлыя сутки. Исчезновеніе разѣзда, во время самаго боя, также наводило на мысль, что бутырцы сдѣлались жертвою измѣны, тѣмъ болѣе, что цѣлый рядъ послѣдовавшихъ затѣмъ происшествій указывалъ на полное брожежіе въ краѣ. Самъ Астемиръ съ этихъ поръ рѣдко предводительствовалъ въ набѣгахъ, поручая ихъ другимъ опытнымъ вожакамъ, изъ числа которыхъ особливо извѣстностью пользовался въ то время абрекъ Дадо-Аджакаевъ, бѣглець изъ шамхальства, сдѣлавшій своею ареною преимущественно Кумыкскую плоскость; тамъ онъ подстерегъ на дорогѣ и убилъ извѣснаго кумыкскаго старшину Магомета-Баташева, нѣскольکو разъ нападалъ на андреевскія стада и наконецъ въ сообществѣ съ другими абреками снялъ кумыкскій пикетъ, стоявшій на Ярык-су между двумя глубокими балками. Два кумыкскіе князя, Шемай-Амзинъ и Девлетъ-Гиреевъ съ 14 узденями пустились въ погоню; но горцы навели ихъ на засаду и почти всѣхъ перебили. Шемай и Девлетъ—оба попали въ плѣнъ и были проданы ауховцамъ. Замѣчательно, что послѣ этого случая Дадо имѣлъ дерзость открыто явиться въ Андреевой съ билетомъ, выданнымъ ему Шах-базомъ; его однакоже арестовали и отправили въ Грозную.

Послѣднее обстоятельство подняло цѣлую бурю. Бей-Булатъ, успѣвшій уже вернуться изъ Арзерума, жаловался Паскевичу, что Энгельгардтъ приказываетъ брать подъ арестъ всѣхъ тѣхъ чеченцевъ, которые появляются съ билетами Шах-база, и что вслѣдствіе этого чеченцы угрожаютъ разрушить мирный договоръ, ссылаясь, что если они заключили его, то

только изъ уваженія къ Шамхалу, и никогда не пошли бы на соглашеніе съ Энгельгардтомъ, «поелику, знаютъ его свойства.»

Съ своей стороны Энгельгардтъ, не желая навлекать на себя нареканій, требовалъ указаній Емануеля, какъ поступать ему съ тѣми чеченцами, которые, покорившись при посредствѣ Шамхала, имѣютъ аманатовъ въ Таркахъ, а между тѣмъ хищничество ихъ на линіи и особенно на Кумыкской плоскости превосходитъ всякую мѣру. Онъ указывалъ на то, что въ самое короткое время на линіи произошло уже нѣсколько случаевъ. Такъ, около Щедринской станицы, партія шамхальскихъ (какъ ихъ называетъ Энгельгардтъ) чеченцевъ, окруженная казаками въ прибрежномъ лѣсу, завела перестрѣлку, стоившую намъ трехъ человѣкъ убитыми и одного раненымъ. Въ другой разъ, у Ново-учрежденнаго поста, подобные же чеченцы ограбили трехъ кумыковъ, ѣхавшихъ на станичную ярмарку, а изъ четырехъ казаковъ, вызванныхъ съ поста для ихъ прикрытія—такъ какъ дѣло было подъ вечеръ—два гребенца убиты изъ засады, а третій захваченъ въ плѣнъ. Наконецъ, въ районѣ Моздокскаго полка погибли два казака, одинъ пропалъ безъ вѣсти, но другого нашли убитымъ, и возлѣ его два чеченскіе трупа,—оба изуродованные страшными ранами: одному нанесено было одиннадцать шашечныхъ ударовъ, у другого распорота кинжаломъ вся пояса—видно, что старый богатырь продалъ свою жизнь не даромъ. По двумъ покинутымъ тѣламъ не трудно было разыскать виновныхъ, и Энгельгардтъ доносилъ, что нападеніе опять сдѣлано было тѣми чеченцами, которые имѣютъ своихъ аманатовъ въ Таркахъ.

Паскевичъ былъ крайне недоволенъ такимъ положеніемъ дѣлъ на линіи, и на жалобы Емануеля отвѣчалъ, «что если бы Бей-Булатъ не былъ у него въ Арзерумѣ съ изъявленіемъ покорности, то грабительства на линіи со стороны чеченцевъ безъсомнѣнія производились бы еще въ сильнѣйшей степени,

ибо—какъ выражается онъ—несогласія начальствующихъ на Кавказской линіи съ генералъ-лейтенантомъ Шамхаломъ-Тарковскимъ, предложившимъ свое посредничество за Бей-Булата, не могли вести ни къ чему хорошему»....

Къ сожалѣнію, не только для Паскевича, писавшаго это предписаніе, но даже для Емануеля и Энгельгардта оставалось тайною то, что совершалось тогда въ Дагестанѣ; а между тѣмъ многое объяснилось бы имъ, если бы они только внимательно прослѣдили за тамошними событіями. Все что покорилось въ Чечнѣ черезъ Шамхала, естественно находилось въ сношеніяхъ съ Тарками, а Тарки явно уже приняли ученіе Казии-муллы и, такимъ образомъ, пропаганда послѣдняго начала пускать свои корни и среди чеченцевъ, подготавливая взрывъ, который на долгое время вырвалъ изъ нашихъ рукъ владычество надъ Восточнымъ Кавказомъ.

Все это однакоже сдѣлалось яснымъ только впоследствии, а тогда всё безпорядки приписывались исключительно отдѣльнымъ личностямъ въ родѣ Астемира, и на нихъ-то время-отъ-времени падали удары русскаго оружія. Такъ было прежде, и тоже самое случилось осенью 1829 года, когда Энгельгартъ рѣшилъ истребить деревню Иса-Юртъ, лежащую за Сунжей и служившую обычнымъ притономъ Астемира. Исаюртовцы, отлично понимавшіе русскую политику, отклонили отъ себя грозу, тѣмъ, что выслали на встрѣчу къ генералу старшинъ и аманатовъ, прося оградить ихъ самихъ отъ Астемира. Не рѣшаясь истребить деревню, искавшую у насъ покровительства, Энгельгартъ 7-го ноября повелъ отрядъ на Далги-Юртъ, окруженный со всѣхъ сторонъ дремучими лѣсами,—въ которыхъ, по указаніямъ лазутчиковъ и находились двѣ крѣпкія башни, служившія жилищемъ самого Астемира и его товарища по разбоямъ, кабардинскаго абрека Хетажуко. Когда башни были взяты, Энгельгартъ предложилъ Астемиру явиться съ изъявленіемъ безусловной покорности, урожая въ противномъ случаѣ истребить его имущество. Астемиръ отвѣ-

чалъ: «Я покорюсь, но съ условіямъ, чтобы отъ меня не требовали возвращенія плѣнныхъ, и чтобы мнѣ позволили воевать съ карабулаками, съ которыми я долженъ свести старые счеты.» Условія эти, разумѣется, были отвергнуты, и отрядъ, разрушивъ башни и предавъ огню имущество Астемира, возвратился на линію.

Другой подобный же набѣгъ предпринять былъ въ февралѣ 1830 года на Гудермесь, гдѣ отрядъ полковника Ефимовича истребилъ деревню Кайбай, не разъ замѣченную въ укрывательствѣ хищниковъ; но когда войска подошли къ другой деревнѣ Еласъ-Ханъ-Юртъ, то нашли ее готовою уже къ оборонѣ. Ефимовичъ благоразумно воздержался отъ атаки, понимая, что значительная потеря въ людяхъ, неизбежная при открытомъ нападеніи, никогда не вознаградитъ за истребленіе ничего не стоящаго чеченскаго аула.

Это были послѣднія военныя дѣйствія въ командованіе генерала Энгельгардта. Въ половинѣ февраля 1830 года онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Кисловодскъ, а мѣсто командующаго войсками на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи занялъ начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ баронъ Розенъ.

ПРЕДВѢСТНИКИ ВОЗСТАНІЯ.

Въ началѣ 1830 года Чечня переживала тревожное время. Ей грозила участь попасть между двумя огнями: съ одной стороны шли неясные слухи о приготовленіяхъ Паскевича къ большой экспедиціи, грозившей Кавказу покореніемъ всѣхъ его племенъ отъ Чернаго до Каспійскаго моря; съ другой—народъ волновалъ Кази-мулла новымъ, еще невѣдомымъ ученіемъ, которое только въ смутныхъ отголоскахъ доходило до горъ и дебрей Чечни. Это было то время, когда Кази-мулла, во главѣ вооруженныхъ мюридовъ, двинулся на сильнѣйшее самостоятельное владѣніе Дагестана—Аварію, и тѣмъ какъ бы показывалъ, какимъ образомъ мюридъ однимъ взмахомъ шашки дѣлаетъ два дѣла: богоугодное—утвержденіе вѣры, и земное—обезпеченіе или завоеваніе для себя независимости. Вся страна съ трепетомъ слѣдила за ходомъ аварской экспедиціи и ждала, что за паденіемъ Хунзаха имамъ спустится съ горъ на Кумыкскую плоскость и понесетъ свои побѣдныя знамена на Терекъ и Сунжу. Сношенія между Чечнею и Дагестаномъ шли дѣятельно, и, благодаря своимъ аманатамъ, проживавшимъ въ Таркахъ, чеченцы знали рѣшительно все, что затѣвалось Кази-муллою.

Баронъ Розенъ, только что вступившій въ командованіе войсками лѣваго фланга, ясно видѣлъ необходимость оградить предѣлы Чечни отъ внѣшнихъ вторженій и прекратить внутреннія волненія, которыя проявлялись уже въ угрожающихъ формахъ.

Поэтому при первомъ извѣстіи о сборѣ Кази-муллою шести-тысячнаго скопища въ Гимрахъ, онъ выѣхалъ въ Внезапную, приказавъ слѣдовать за собою форсированнымъ маршемъ двумъ ротамъ 43-го егерскаго полка съ двумя орудіями и двумъ сотнямъ линейныхъ казаковъ. Гарнизонъ небольшого укрѣпленія, строившагося въ Казіюртѣ, гдѣ находилась поромная переправа черезъ Сулакъ, также усиленъ былъ двумя казачьими сотнями, а на линіи сосредоточивалась цѣлая бригада пѣхоты: полки Московскій и Бутырскій. Кромѣ того, изъ Закавказья уже слѣдовали на помощь къ войскамъ лѣваго фланга и остальные полки 14-й дивизіи, Тарутинскій и Бородинскій, съ пѣшею батареею. Имъ приказано было расположиться на Терекѣ между Моздокомъ и Екатериноградомъ.

Но тучи также быстро разсѣялись, какъ и собрались. Не успѣлъ Розенъ доѣхать до Андреевой, какъ пришло извѣстіе о пораженіи Кази-муллы самими же аварцами,—и что еще хуже: о сотняхъ правовѣрныхъ тѣлъ, покинутыхъ мюридами въ рукахъ непріятеля. Такой неудачи никто изъ горцевъ, проникнутыхъ глубокимъ убѣжденіемъ въ святости имама, не могъ ожидать,—и событіе вызвало въ народѣ сильную реакцію: въ первую минуту все отшатнулось отъ Кази-муллы и бросилось къ русскимъ съ изъявленіемъ раскаянія и покорности. Розенъ счелъ дѣло поконченнымъ и, принявъ аманатовъ отъ сосѣдняго Салатовскаго общества, вернулся въ Грозную, а небольшой отрядъ, оставленный въ Андреевой, поступилъ подъ команду полковника Ефимовича.

При болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу, Розенъ, конечно, могъ бы прійти къ заключенію, что всякое религіозное движеніе, подготовлявшееся въ народѣ самымъ складомъ жизни, не могло исчезнуть при первой неудачѣ, какъ бы она не была тяжела, и что изъявленія раскаяній, покорность, аманаты—все это было послѣдствіемъ только мимолетнаго страха, обуявшаго толпу, но не искореняло ни самой идеи, пустившей уже глубокіе корни въ душѣ каждаго горца, ни силы проповѣдника, который

при небольшой находчивости могъ обратить въ свою пользу первый представившійся ему благопріятный случай. И случай этотъ, какъ нарочно, не заставилъ ожидать себя долго. Это было страшное землетрясеніе, прошедшее полосою по всему Дагестану и захватившее Кумыкскую плоскость.

Само по себѣ стихійное явленіе это не представляло ничего особеннаго въ краѣ, гдѣ историческіе факты свидѣлствуютъ о гибели цѣлыхъ городовъ съ сто-тысячными населеніями, но уже видно такъ было назначено судьбою, чтобы это, сравнительно ничтожное, землетрясеніе сыграло политическую роль въ руку Кази-муллѣ и его мюридамъ.

Вотъ что случилось во Вnezапной.

25-го февраля 1830 года, въ часъ и 23 минуты пополудни, жители были поражены какимъ-то необычнымъ гуломъ,—точно невдалекѣ скакала цѣлая тысяча всадниковъ. Никто не успѣлъ дать себѣ отчета, что это такое?—какъ вдругъ земля заколебалась и два подземные удара, быстро послѣдовавшіе одинъ за другимъ, раздались такъ сильно, что крѣпостные верки моментально разсыпались, тяжелыя пушки были сброшены въ ровъ, казармы рухнули, и изъ-подъ ихъ развалинъ стали раздаваться стоны людей, придавленныхъ образовавшимися грудами камней и бревенъ. Въ Андреевой катастрофа отразилась еще сильнѣйшими бѣдствіями. За густымъ облакомъ пыли, поднявшимся надъ городомъ, долго ничего не было видно и только слышался зловѣщій трескъ разрушавшихся зданій. Впослѣдствіи оказалось, что въ Андреевой разрушено было 900 каменныхъ саклей и восемь мечетей; сорокъ человекъ жителей было убито, множество ранено и въ томъ числѣ самъ главный кумыкскій приставъ, князь Муса-Хасаевъ, придавленный обрушившейся саклей. Въ соседней деревнѣ отъ высокой горы, у подошвы которой она стояла, оторвалась громадная глыба земли, саженъ въ двѣсти, и засыпала цѣлый оврагъ, похоронивъ въ немъ и стада рогатаго скота и отары овецъ. Каменные горы во многихъ мѣ-

стахъ дали трещины; изъ разсѣлинъ земли выступила вода и образовала бѣшенныя потоки, уносившіе все, что попадалось имъ на пути; потомъ эти ручьи исчезали и на ихъ мѣстахъ появлялись узкія, бездонныя щели, полузатянутыя сверху пескомъ и иломъ. Въ первыя минуты паника была такъ велика, что солдаты изъ крѣпости и жители изъ города бѣжали въ поле, и до трехъ часовъ ночи, пока удары слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ, никто не осмѣливался приближаться къ стоявшимъ еще строеніямъ, которыя невѣдомая сила качала точно карточные домики. Только поутру, высланныя команды, успѣли кое-какъ собрать и вынести изъ крѣпости покинутое имущество, ружья, аммуницію и патроны. Землетрясеніе съ небольшими перерывами продолжалось 21 день и кончилось только 18 марта. Все это время гарнизонъ Внезапной размѣщался въ калмыцкихъ кибиткахъ, а жители частію разбрелись по сосѣднимъ ауламъ, а частію ютились подъ открытымъ небомъ, несмотря на суровую зиму, державшуюся къ общей бѣдѣ долѣе обыкновеннаго.

Сего печальнаго явленья
 Мы не застали, но слѣдамъ
 Еще живого разрушенья
 Дивились съ горестію тамъ.
 Все было дико и уныло,
 Все душу странника въ тоску
 И грусть нѣмую приводило.
 Громады камней и песку,
 Колоинъ разбитыхъ пирамиды.
 Стенныя, пасмурныя виды.
 Туманъ волнистый надъ горой,
 Кустарникъ голый, и порой
 Какъ будто мертвое молчанье.....

Такъ говорилъ Полежаевъ, описывая въ своей поэмѣ «Эрпели» чувства, волновавшія его при видѣ развалинъ нѣкогда богатаго и цвѣтущаго Андреева.

Весьма любопытно, что обѣ стороны, и туземцы и русскіе, сошлись на этотъ разъ въ одинаковомъ стремленіи— истолковать это грозное, но до сихъ поръ не разгаданное, явленіе въ свою пользу. Такъ горцы, убѣжденные, что все сверхъестественное, лежащее внѣ воли человѣка, предусмотрѣно въ книгѣ—«книгѣ книгъ»—обратились къ своимъ улемамъ и шихамъ за разъясненіемъ, какими грядущими бѣдами грозитъ имъ разгнѣванное небо? И вотъ, въ ухахъ смущенной и перепуганной толпы раздался тогда мрачный и зловѣщій голосъ маіортупскаго муллы, призывавшаго всѣхъ правовѣрныхъ къ покоянію; онъ говорилъ, что страшное, испытанное ими колебаніе земли есть знаменіе Божьяго гнѣва и что предотвратить кару можно только соблюденіемъ святого шаріата. Въ этомъ голосѣ Розенъ увидѣлъ уже симптомы новой приближающейся бури и, съ своей стороны, поторопился принять мѣры къ удержанію суевѣрнаго народа отъ ложныхъ сужденій и толковъ. Къ сожалѣнію, онъ обратился къ прокламаціямъ, въ которыхъ старался увѣрить народъ, что землетрясеніе ниспослано ему въ наказаніе за его измѣну и неблагонамѣренныя поступки противъ русскаго правительства. Но это увѣреніе было во-очію неубѣдительно, потому что народъ собственными своими глазами видѣлъ лежавшую въ развалинахъ также и русскую крѣпость. Поэтому нельзя не признать, что на этотъ разъ, въ виду обоюдности несчастія, призваніе къ покоянію со стороны маіортупскаго муллы было болѣе понятно народу, и даже кумыкская аристократія, издавна вѣрная Россіи, поголовно обратилась къ усердному соблюденію шаріата. Прискорбнѣе же всего для насъ было то, что самъ кумыкскій приставъ князь Муса-Хасаевъ, человѣкъ уже старій, подъ вліяніемъ постигшаго его несчастія, теперь оказался зараженнымъ суевѣрнымъ страхомъ до того, что даже долженъ былъ оставить свою должность. Онъ удалился въ Аксай, гдѣ собиралъ народъ, и то и дѣло передавалъ ему свои сновидѣнія, казавшіяся ему почему-то вѣщими, навѣян-

ными свыше. Волненіе росло, и Розену пришлось обратиться къ другому, болѣе дѣйствительному средству, нежели видимо натянутыя увѣщанія. Сформированъ былъ новый отрядъ изъ 800 человекъ пѣхоты и трехъ-сотъ линейныхъ казаковъ съ четырьмя конными орудіями, который, подъ начальствомъ полковника Ефимовича, расположился въ районѣ между Внезапной, Ташъ-Кичу и Казіуртомъ, показывая готовность подавить малѣйшее смятеніе. За нимъ въ видѣ резерва, опять стали на линіи полки Московскій и Бутырскій; сюда же, на линію, окружною дорогою, черезъ Кубу и Дербентъ, направлены были изъ Грузіи оба баталіона Тенгинскаго полка, а черезъ Кавказскія горы шла цѣлая бригада съ ротою артиллеріи, высланная изъ Гори. Это были тѣ два боевые полка 14 дивизіи, Тарутинскій и Бородинскій, которые уже были окурены порохомъ и искрестили горную Аджарію, подъ начальствомъ генерала Сакена. Труденъ былъ походъ ихъ черезъ горы въ снѣжную зиму, при непрерывныхъ метеляхъ и обвалахъ. Бородинскій полкъ употребилъ три дня, чтобы пройти разстояніе въ 17 верстъ отъ Койшаура до Коби, а въ Тарутинскомъ метель занесла часть обоза, который пришлось покинуть въ горахъ и, сверхъ того, подъ снѣжнымъ обваломъ, упавшимъ между Крестовой и Коби, погребено было пять нижнихъ чиновъ да одинъ осетинъ-подводчикъ.

Съ прибытіемъ этой бригады на линію, численность войскъ лѣваго фланга возрасла до 10 баталіоновъ пѣхоты,—сила, которую берега Терека едва-ли когда нибудь видѣли. И несмотря на это, тревожные слухи продолжали доходить до Розена со всѣхъ сторонъ. Лазутчикъ, посланный имъ въ горы, возвратился съ извѣстіемъ, что Казимулла принималъ у себя чеченскую депутацію, во главѣ которой находился Авко, одинъ изъ крупныхъ дѣятелей возстанія 1825 года. Этотъ эксъ-имамъ Чечни и настоящій имамъ Дагестана имѣли между собою совѣщанія и заключили условіе, въ силу котораго чеченцы обязались принять шаріатъ, а слѣдо-

вательно и газавать, т. е. войну за вѣру.

Вернувшись домой, Авко оповѣстилъ народъ, чтобы всѣ собирались въ Маіортупъ къ 4 апрѣлю. Народу съѣхалось такъ много, что маіортупская поляна была буквально заставлена копными и пѣшими чеченцами. Среди гробовой тишины, когда все замерло, стараясь не проронить ни единого слова, Авко прочиталъ письмо, въ которомъ имамъ сообщалъ чеченцамъ, что весною придетъ къ нимъ на помощь съ такимъ многочисленнымъ войскомъ, «голова котораго будетъ въ Андреевой, а хвостъ на рѣкѣ Койсу», и чтобы чеченцы къ этому времени запаслись лошадьми и оружіемъ. По всей Чечнѣ закипѣли приготовленія: все снаряжалось, закупало лошадей, исправляло оружіе и заготовляло значки. Поддерживая въ народѣ такое настроеніе, Авко время-отъ-времени напоминалъ ему о святости, принятыхъ имъ обязательствъ и о великости жертвъ, которыя потребуетъ отъ него религія. Такъ прошло двѣ-три недѣли; наступила весна, и хотя до подножнаго корма было еще далеко, но нетерпѣливый Авко уже кликнулъ кличъ,—и въ одинъ день около него собралось до 400 конныхъ чеченцевъ. Съ этою партіею онъ двинулся на Кумыкскую плоскость, распуская слухъ, что идетъ навстрѣчу имаму. По мѣрѣ слѣдованія, къ нему приставали жители попутныхъ ауловъ и скопище, быстро увеличиваясь, дошло до весьма солидныхъ размѣровъ. На Аксаѣ, на мѣстѣ стараго Герзель-аула, Авко остановился и только тутъ объявилъ чеченцамъ настоящее свое намѣреніе—возпользоваться сборомъ, чтобы разгромить городъ Андреевъ или отбить у кумыковъ стада. Но въ толпѣ нашлось не мало благоразумныхъ людей, которые наотрѣзъ отказались отъ подобнаго предпріятія въ виду русскихъ войскъ, стоявшихъ на-готовѣ,—и скопище, обманутое въ своемъ ожиданіи встрѣтить имама, недовольное своимъ предводителемъ, разошлось по домамъ..

Вся эта сумятица закончилась въ Кумыкскихъ владѣніяхъ однимъ эпизодомъ, замѣчательнымъ по стеченію въ

немъ разомъ нѣсколькихъ случайностей, невольно заставляющихъ призадуматься надъ судьбами управляющими человекомъ. Нужно сказать, что въ числѣ опаснѣйшихъ для насъ предводителей горцевъ, пользовавшихся въ Чечнѣ, подобно Дадо, всеобщю извѣстностію, были абреки—Байрамъ, по прозванію Аульскій, Пантюкъ-Исакъ и Ходокон-Абукеръ, кумыкъ по происхожденію, бѣжавшій въ горы изъ Андреева. Когда партія Авко разошлась по домамъ, они собрали къ себѣ человекъ 10 абрековъ и остались въ кумыкской землѣ, не желая возвращаться съ пустыми руками. Случай натолкнулъ ихъ на трехъ, такъ называемыхъ, горскихъ евреевъ, бѣжавшихъ безъ конвоя изъ Костека въ Андреево. Повидимому звѣрь бѣжалъ на ловца, но судьба, «кесметъ,» какъ говорятъ чеченцы, распорядилась иначе. Въ то время, какъ растерявшіеся евреи позволили хищникамъ обезоружить себя безнаказанно, подводчикъ-кумыкъ выстрѣлилъ изъ ружья, и пуля сразила на-поваль какъ-разъ Пантюка-Исака, стояшаго верхомъ у самой подводы. На этотъ одиночный выстрѣлъ прибѣжалъ, случайно проходившій невдалекѣ, кумыкскій уздень, по имени Хасавъ, и видя, что разбойниковъ 12 человекъ и что самому ему бѣжать уже поздно, выхватываетъ винтовку, и выстрѣлъ, пущенный въ толпу наудачу, кладетъ на-мѣстѣ второго предводителя, Ходокон-Абукера. Тогда озлобленные абреки кидаются на Хасава, но тотъ выхватываетъ огромный кинжалъ, и подъ его взмахомъ валится съ сѣдла и третій предводитель, у котораго рука оказалась отрубленною по самый локоть. Горцами овладѣла ужасающая паника, и десять человекъ побѣжали передъ двумя почти невооруженными и пѣшими кумыками. Раненаго Байрама и трупъ Абукера они успѣли еще подхватить на коней, но тѣло Пантюка осталось на мѣстѣ и было доставлено въ Внезапную. Кромѣ трехъ предводителей, никто не былъ ни убитъ, ни раненъ, точно судьба нарочно устроила роковую встрѣчу, чтобы для двухъ изъ нихъ навсегда закрыть книгу жизни, а

третьяго превести въ состояніе совершенной безвредности. Много и долго говорили въ Чечнѣ объ этомъ оригинально-замѣчательномъ случаѣ.

Между тѣмъ Авко, вернувшись въ Міоргутъ, оповѣстилъ чеченцевъ, что вновь соберетъ ихъ послѣ праздника байрама, приходившагося въ томъ году около 25 мая. Въ виду этихъ слуховъ, Емануель приказалъ держать войска наготовѣ, но Розену разрѣшено было дѣйствовать только въ томъ случаѣ, если бы чеченцы дѣйствительно пошли на соединеніе съ Кази-муллою. Тогда Розенъ долженъ былъ преградить имъ путь и заставить вернуться назадъ, а затѣмъ опять отойти на линію и не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Емануель, уже посвященный въ обширные планы Паскевича, находилъ также, какъ и фельдмаршалъ, что для успѣха въ дѣлѣ покоренія Кавказа нужны были не частныя экспедиціи, а единовременное движеніе сильныхъ отрядовъ въ самую глубь непріятельской земли, и при томъ съ разныхъ сторонъ, чтобы разъединить горцевъ и лишить ихъ средства подавать другъ другу взаимную помощь.

Не отрицая, что въ составѣ этого плана таились глубоко-обдуманныя черты, какъ напр. проложеніе линіи отъ самаго Телава черезъ Хевсурію по рѣкѣ Аргуну до Грозной, — что было исполнено только по прошествіи 28 лѣтъ Евдокимовымъ, и то лишь отчасти, — общій недостатокъ этого плана все же заключался въ полномъ незнаніи нами горнаго Кавказа, какъ въ топографическомъ, такъ и въ социально-политическомъ отношеніяхъ. Но судьба сама позаботилась избавить насъ отъ тягостнаго сознанія въ столь крупной ошибкѣ, какъ движеніе въ горы, и послала цѣлый рядъ стороннихъ обстоятельствъ, которыя помимо воли втянули насъ въ военныя дѣйствія и создали рядъ частныхъ экспедицій, имѣвшихъ цѣлью, какъ говорятъ официальные документы, упрочить предварительно спокойствіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дагестана. Послѣдствіемъ вотъ этихъ-то обстоя-

тельствъ и были уже описанныя нами дѣйствія Ефимовича, Скалона и Дурова въ шамхальствѣ, а затѣмъ и самая койсубулинская экспедиція, отвлекшая вниманіе барона Розена отъ дѣлъ и событій, совершавшихся на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи.

Взглянемъ же теперь, что происходило въ это время и по этому поводу въ сосѣдней съ нами Чечнѣ.

Какъ только Кази-мулла увидѣлъ, что койсубулинскій вопросъ близится къ своему разрѣшенію, и русскія войска уже подступаютъ къ Гимрамъ, онъ тотчасъ послалъ нѣкоего Шихъ-Абдуллу въ самое сердце Чечни—Ичкерію, чтобы поднять чеченскій народъ на помощь къ койсубулинцамъ. Былъ праздникъ курбанъ-байрамъ. Въ одномъ изъ многочислѣннѣйшихъ ауловъ Ичкеріи Шихъ-Абдулла совершилъ всенародно торжественное моленіе Богу объ участи народа, и своимъ краснорѣчіемъ и необыкновенною восторженностію дервиша произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что ичкеринцы въ тотъ же день повязали на свои головы бѣлыя чалмы и провозгласили Абдуллу угодникомъ Божіимъ, шихомъ, а себя его послѣдователями. Съ этихъ поръ толпы народа стали ежедневно собираться на гору Кечень-Кортъ, чтобы слушать поученія Абдуллы и совершать жертвоприношенія, предписываемыя кораномъ. Множество быковъ и барановъ, приводимыхъ религіозными слушателями, закалывались тутъ-же, и мясо ихъ служило обильной и бесплатной трапезой народу, быстро переходившему отъ молитвы къ пиршеству, и отъ пиршества опять къ молитвѣ и покаянію. Когда слушатели оказались уже достаточно наэлектризованными, Абдулла объявилъ волю имама, чтобы тѣ, которые надѣли чалму, какъ знакъ своей принадлежности къ высокому духовному ордену, исполнили бы и на дѣлѣ послѣднее слово закона—газаватъ невѣрнымъ. На первый разъ онъ потребовалъ отъ каждаго дыма по одному вооруженному человѣку. Толпа собралась, хотя и нѣсколько въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ можно было ожидать,—

потому что Ичкерія была весьма многолюдна; но дѣлу опять помочь Авко, явившійся сюда съ своею четырехсотенною конницею. Составилось совѣщаніе, на которомъ рѣшено было отправиться на помощь къ койсубулинцамъ ближайшею дорогою черезъ Гумбетъ. Но гумбетовцы, опасаясь возмездія русскихъ, возстали противъ такого рѣшенія и наотрѣзъ отказались пропустить ихъ черезъ свою землю. Тогда по совѣту Авко весь вооруженный сборъ перешелъ въ Маіортупъ, чтобы усилиться новыми толпами чеченцевъ и затѣмъ уже проложить себѣ дорогу черезъ Гумбетъ открытою силой.

Розенъ получилъ объ этомъ извѣстіе подѣ Гимрами. Все еще не придавая серьезнаго значенія движению, начавшемуся среди чеченцевъ, онъ приказалъ только Бородинскому полку передвинуться изъ Наурской станицы поближе къ Маіортупу и стать въ Ташъ-Кичу для наблюденія за скопищемъ, а кумыкской конницѣ расположиться по границѣ, для прикрытія своей земли отъ вторженія хищническихъ партій. Въ этомъ расположеніи обѣ стороны оставались до конца койсубулинской экспедиціи, когда помощь чеченцевъ оказалась ненужною. Шихъ-Абдулла распустилъ свои партіи и вернулся въ горы, а Бородинскій полкъ отодвинулся назадъ на линію.

Наступилъ августъ мѣсяцъ. Паскевичъ вернулся изъ Петербурга, и войска стали дѣятельно готовиться къ большой чеченской экспедиціи. Громадныя силы, предводимыя лично фельдмаршаломъ, должны были вступить въ Чечню и, искрестивъ ее по всеѣмъ направленіямъ, вездѣ оставить свои укрѣпленія и гарнизоны. Казалось, что близится уже послѣдній часъ чеченской свободы, какъ вдругъ одно обстоятельство разомъ разрушило все наши планы и соображенія. Это была опять та виѣшняя, независившая отъ воли человѣка сила, — которую не предугадать, не предупредить было невозможно. Это была страшная холера, занесенная изъ Дагестана, которая, развившись въ ужасающей степени, немилосердно бичевала и населеніе и войска, стоявшія по казачьимъ ста-

ницамъ; заболѣлъ даже самъ начальникъ линіи генераль-лейтенантъ Розенъ. Паника распространилась повсюду. Главнокомандующій, уже перенесшій свою главную квартиру въ Пятигорскъ, какъ центральное мѣсто Сѣвернаго Кавказа, убѣдился, что при такихъ условіяхъ никакія военныя дѣйствія невозможны и отложилъ ихъ до половины сентября, когда наступленіе холодовъ должно было если не прекратить, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени ослабить эпидемію.

Въ это-же время Паскевичъ занялся введеніемъ новаго военно-административнаго дѣленія Кавказской линіи, которая образовала четыре вполне самостоятельныя части: *правый флангъ*, начинаясь отъ береговъ Чернаго моря, шелъ по Кубани до Усть-Лабинской крѣпости и заключалъ въ себѣ всю территорію Черноморскаго казачьяго войска и часть черноморскаго побережья. *Центръ* занималъ пространство отъ границъ Черноморіи вверхъ по рѣкѣ Кубани, а затѣмъ по Малкѣ и Тереку до города Моздока; а отъ Моздока до Каспійскаго моря шелъ уже *лѣвый флангъ*, разграничивавшійся рѣкою Сулакомъ съ Шамхальскимъ владѣніемъ. Большая Кабарда подчинялась центру, а Малая и Кумыкская плоскость—входили въ составъ лѣваго фланга. Четвертый отдѣлъ составлялъ Владикавказскій округъ, куда входила часть Военно-Грузинской дороги, отъ поста Ардонскаго (на сѣверъ отъ Владикавказа) до селенія Коби, лежавшаго у перевала черезъ главный хребетъ.

Центръ, по своей обширности, также дѣлился на три дистанціи, изъ которыхъ каждая имѣла своего отдѣльнаго начальника; первая дистанція простиралась отъ устья Лабы до впаденія въ Кубань рѣчки Джугуты; 2-я—отъ устья этой рѣки до Каменнаго моста на Малкѣ, и 3-я—отъ Каменнаго моста по всей Большой Кабардѣ до Военно-Грузинской дороги.

Это административное дѣленіе, съ его техническими названіями «центра» и «фланговъ», напоминавшими большую

армію, дѣйствующую въ полѣ, показывало прямо, что Сѣверный Кавказъ превращается въ военный станъ, и что гражданское развитіе его отодвигается въ далекое будущее. Это и было причиной почему въ странѣ, служившей исключительно военнымъ цѣлямъ подъ-рядъ 34 года, естественныя богатства оставались подъ спудомъ и даже не развились до надлежащей степени наши прекрасныя пятигорскія воды.

Почти одновременно съ этимъ новымъ дѣленіемъ послѣдовало и новое назначеніе барона Розена, получившаго 21-ю дивизію, а на мѣсто его командующимъ 14 дивизію и войсками лѣваго фланга назначенъ былъ генераль-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ.

Пробѣгая въ памяти минувшія событія кавказской войны, невольно вспоминается то время, когда Вельяминовъ,—одинъ изъ выдающихся дѣятелей ермоловской эпохи, долженъ былъ покинуть Кавказъ и искать службы въ Россіи. И вотъ, не прошло трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ тотъ-же Вельяминовъ появляется опять на Кавказѣ, но уже облеченный безусловнымъ довѣріемъ фельмаршала,—такъ немногіе годы войны радикально измѣнили взгляды Паскевича на предшествовавшую ему эпоху и на ея дѣятелей. Вельяминовъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ людей, для которыхъ почти не существуетъ собственнаго «я», а есть только долгъ, исполненіе службы, да готовность принести себя всецѣло на алтарь отечества, не колеблясь, принялъ предложеніе фельмаршала и прибылъ на Кавказъ 6-го сентября. Чеченская экспедиція была въ это время только отложена, но не отмѣнена совершенно; войска стояли въ боевой готовности, и ихъ то скудность служила главнѣйшею причиною развитія между ними холеры. Вельяминовъ первый указалъ на это обстоятельство и настоялъ на томъ, чтобы всѣ военныя дѣйствія и даже намѣренія Паскевича—подготовить успѣхъ будущей кампаніи заложеніемъ большого укрѣпленія при Казакъ-Кичу, на переправѣ черезъ Сунжу, отложены были до весны будущаго года.

Онъ позаботился какъ можно скорѣе расположить полки своей дивизіи на широкихъ квартирахъ, чтобы поправить ихъ санитарное состояніе, «а затѣмъ,—какъ онъ писалъ Емануелю,—будетъ время подумать и о военныхъ дѣйствіяхъ.»

Пока войска отдыхали, Вельяминовъ знакомился съ положеніемъ края и приходилъ къ убѣжденію, что въ Чечнѣ готовится нѣчто близкое къ событіямъ 1825 года. Знакомыя ему имена Бей-Булата, Авко и Астемира не сходили съ народныхъ устъ; и если первый изъ нихъ держалъ себя осторожно и не участвовалъ, по крайней мѣрѣ явно, ни въ какихъ народныхъ собраніяхъ,—то нельзя было поручиться за то, чтобы онъ остался такимъ и въ минуту рѣшительнаго возстанія. Надо сказать, что требованіе Шихъ-Абдуллы въ Чечнѣ оставило глубокіе слѣды среди фанатизированнаго имъ населенія. По его отъѣздѣ, сорокъ фанатиковъ отправились прямо въ Ашильту, гдѣ находился въ то время имамъ и настоятельно потребовали, чтобы онъ посѣтилъ Чечню, въ интересахъ проповѣдуемаго имъ ученія. Кази-мулла дѣйствительно въ исходѣ августа появился въ Ичкеріи и могъ убѣдиться собственными глазами насколько чеченцы уже подготовлены къ воспріятію шаріата. Каждое слово имама, говорившаго поученія, принималось народомъ восторженно, и экзальтація достигла наконецъ до того, что многіе, бросаясь къ ногамъ проповѣдника, рвали на себѣ одежду и терзали собственное тѣло. Весь путь отъ Беноя до Кишень-Ауха представлялъ собою одно триумфальное шествіе. Кази-мулла ѣхалъ шагомъ, сопровождаемый ружейными выстрѣлами и пѣніемъ «ла-ильяхи-иль-алла» цѣлыхъ тысячъ народа, сбѣгавшагося, чтобы только поцѣловать слѣдъ святого человѣка. Изъ Кишень-Ауха Кази-мулла проѣхалъ въ Зондакъ и Маіортушъ, гдѣ повторилось тоже, что было въ Беноѣ и въ Кишень-Аухѣ. Ревностнѣйшими апостолами его являются на этотъ разъ новыя лица, какъ напр. Хаджи-Ягъя, ноенбердынскій мулла Койсунъ и другіе, впервые выступавшіе на политиче-

скую арену и тѣмъ не менѣе уже начинавшія затмѣвать старія имена Авко и Астемира. Всѣ они указываютъ народу на перенесенныя имъ бѣдствія, угрожаютъ въ будущемъ еще большими карами и требуютъ, чтобы чеченцы, обратившіеся на истинный путь, надѣли чалмы или повязку около шапки, что въ данномъ случаѣ могло замѣнить имъ, хотя до нѣкоторой степени, установленное путешествіе въ Мекку.

«Хотя симъ только и ограничивается внушеніе муллъ, доносилъ Вельяминовъ; но нельзя не проникнуть, что если бы удалось имъ и въ самомъ дѣлѣ подвинуть чеченцевъ къ вооруженному возстанію, то повязка на шапкѣ будетъ служить безъ сомнѣнія условнымъ знакомъ соединенія магометанъ.»

Симптомы общаго движенія не замедлили обнаружиться и въ болѣе рѣзкой, осязательной формѣ. Это было нападеніе, произведенное въ Ханкальскомъ ущельи, на команду, посланную изъ Грозной для заготовки дровъ. Команда была сборная и состояла изъ 160 человѣкъ Московскаго и 43-го егерскаго полковъ, подъ командою прапорщика Тихановскаго. Молодой офицеръ не принялъ, какъ надо полагать, должныхъ мѣръ осторожности, и потому цѣпь не успѣла разойтись и занять назначенныя ей мѣста, какъ чеченцы, сдѣлавъ изъ лѣсу залпъ, кинулись въ шашки. Къ счастью еще, что подъ ударъ попали старые кавказскіе егеря, а не молодые москвцы, отошедшіе съ своимъ офицеромъ значительно лѣвѣе. Захваченная врасплохъ, но не потерявшая присутствіе духа, горсть егерей быстро собралась на голосъ своего унтеръ-офицера Соболева—старога ветерана, еще современника Грекова, и стала отбиваться штыками. Когда прибѣжали москвцы, а изъ-за Сунжи, со стороны Грозной, показались сильныя колонны пѣхоты и конницы, которыя велъ самъ Вельяминовъ—горцы уже разсѣялись. Поле битвы осталось за егерями; но въ короткій моментъ рукопашной схватки 14 человѣкъ изъ нихъ было изрублено, 12 ранено шашками и два захвачены въ плѣнъ.

Вельяминовъ по достоинству оцѣнилъ стойкую оборону егерей и тутъ-же пожаловалъ Соболеву знакъ отличія военнаго ордена.

Другимъ, еще болѣе крупнымъ событіемъ, отразившимся въ Чечнѣ опять таки общимъ волненіемъ—былъ сборъ значительной партіи въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которую самъ Астемиръ повелъ на карабулаковъ. Нелишнее замѣтить, что карабулаки, считавшіе себя потомками древней чеченской аристократіи, всегда держались въ сторонѣ отъ другихъ племенъ и старались входить въ родственныя связи только съ кабардинцами. Подобныя отношенія вѣроятно и были причиною, по которой остальные чеченцы относились къ карабулакамъ почти съ такою же враждебностью, какъ и къ надтеречному селенію Брагунамъ, въ которомъ проживали потомки чеченскихъ владѣтельныхъ фамилій. Замѣчательно, что въ такихъ соціальныхъ взглядахъ на свое внутреннее устройство чеченцы сближались съ шапсугами Закубанскаго края—племенемъ также искони демократическимъ; къ этому сходству надо прибавить еще и загадочное дѣленіе этихъ двухъ народовъ на Большую и Малую Чечню, и на Большого Шапсуга и Малаго.

Самъ Астемиръ по своему происхожденію принадлежалъ также къ карабулакскому племени. Какія обстоятельства заставили его покинуть родину и сдѣлаться абрекомъ—объ этомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни въ официальныхъ документахъ, ни въ частныхъ разсказахъ; а между тѣмъ ненависть его къ карабулакамъ была такъ велика, что онъ однажды готовъ былъ изъявить покорность даже русскому правительству, лишь бы только это правительство не мѣшало ему сводить свои старые счеты съ карабулаками. Когда Астемиру въ этомъ было отказано, онъ рѣшилъ расправиться самъ. И вотъ, въ ноябрѣ 1830 года огромная партія, въ которой участвовало гораздо болѣе мирныхъ, чѣмъ немирныхъ чеченцевъ, вошла въ карабулакскія земли, и черезъ нѣсколько

дней возвратилась назадъ съ огромнымъ количествомъ отбитаго скота и лошадей. Замѣчательно, что мирные чеченцы на этотъ разъ не думали даже и скрывать своего участія въ набѣгѣ. «Сегодня — писалъ генераль Вельяминовъ къ Емануелю — я говорилъ объ этомъ происшествіи съ тремя старшинами Атагинской деревни, и они увѣрены, что не сдѣлали въ семъ случаѣ ничего дурного, хотя и ограбили деревни намъ покорныя. Они увѣряютъ, что карабулаки въ разное время похитили у нихъ гораздо больше и, кажется, что, несмотря на значительное количество отбитаго скота и лошадей, чеченцы не считаютъ себя вполне удовлетворенными, а потому едва-ли за симъ предпріятіемъ не послѣдуетъ вскорѣ еще по добное-же на карабулакъ нападеніе.»

Паскевичъ и самъ убѣдился наконецъ, что броженіе господствовавшее въ Чечнѣ, и въ особенности соединеніе мирныхъ и немирныхъ ауловъ въ одномъ общемъ набѣгѣ, отзывалось уже достаточною для насъ опасностью, а потому разрѣшилъ Вельяминову, когда потребуютъ обстоятельства, не только подать помощь карабулакамъ, но и сдѣлать частную экспедицію для наказанія самихъ чеченцевъ.

Вельяминовъ началъ съ того, что наложилъ свою тяжелую руку на мирные надтеречные аулы, безъ участія которыхъ не могло производиться никакихъ вторженій въ наши предѣлы. Онъ потребовалъ отъ нихъ дѣятельной кордонной службы, бдительности и каралъ за каждый прорывъ непріятельской партіи. Случилось, напр., что въ темную сентябрьскую ночь чеченцы угнали десять штукъ рогатаго скота изъ станицы Червленной, — и Вельяминовъ тотчасъ приказалъ отобрать отъ жителей двухъ деревень Брагуны и Новаго-Юрта, мимо которыхъ прошла партія, тоже десять штукъ скота и возвратитъ его казакамъ. Въ другой разъ чеченцы отбили въ Ногайской степи косякъ лошадей, — и Брагуны опять заплатились точно такимъ же количествомъ головъ, какое угнали чеченцы. Всякое воровство, всякій грабежъ на линіи отзы-

гался на мирныхъ немедленнымъ возмездіемъ, а были случаи, когда Вельяминовъ привлекалъ къ отвѣтственности и самихъ владѣльцевъ. Однажды казаки заложили секретъ въ каюкѣ, выдвинутомъ на середину Терека и подстерegli шестерыхъ абрековъ, переправлявшихся на нашу сторону. Залнъ съ каюка положилъ одного чеченца на-мѣстѣ, но казаки не успѣли захватить тѣла, потому что каюкъ сѣлъ на мель, а горцы, воспользовавшись этимъ, вытащили трупъ изъ воды и взяли съ собою. Дѣло происходило на глазахъ мирнаго пикета, который по ту сторону Терека занимали въ ту ночь жители Ново-Юрта. Казаки кричали съ каюка, чтобы они ловили чеченцевъ, но пикетъ не сдѣлалъ къ тому ни малѣйшей попытки. На другой день, когда отъ ново-юртовцевъ требовали отвѣта, почему они, находясь въ такомъ близкомъ разстояніи, не дали помощи и не отбили у хищниковъ тѣла убитаго, они отвѣчали, что сами ожидали нападенія и потому не рѣшились бѣжать на выстрѣлы. Вельяминовъ потребовалъ въ Грозную владѣльца аула Шах-Гирея и засадилъ его въ казематъ. «По моему мнѣнію—писалъ онъ Емануелю—за подобное поведеніе полезно владѣльцевъ не только подвергать строгому аресту, но, смотря по важности происшествія, можно иногда и владѣнія лишать, ибо подобно поведеніе есть истинная измѣна.»

Мы увидимъ впоследствии, что тяжелое положеніе надтеречныхъ ауловъ, вѣчно стоявшихъ между двумя огнями, улучшилось только лишь тогда, когда въ сороковыхъ годахъ заложена была сунженская линія, совершенно отгородившая эти аулы отъ ихъ немирныхъ собратій.

Другое положеніе дѣлъ помнилъ на линіи генералъ Вельяминовъ. Принадлежа къ числу тѣхъ людей, которые всецѣло приносили свою жизнь на пользу отечества, онъ и въ отношеніи другихъ требовалъ того же самопожертвованія, которое считалъ нормальнымъ въ каждомъ человѣкѣ, и изъ подобныхъ взглядовъ не исключалъ даже горцевъ, приняв-

шихъ покорность. Вотъ почему онъ не хотѣлъ разыскивать причинъ, которыя заставляли мирныхъ уклоняться, такъ или иначе, отъ исполненія долга, а требовалъ отъ нихъ того, чего долженъ былъ потребовать по своему характеру—безусловной вѣрности. Въ этотъ убѣжденіи онъ находилъ необходимымъ не выжидать уже исполненія общаго плана Паскевича, а тушить пожаръ тамъ, гдѣ онъ начинался. Онъ хотѣлъ показать и немирнымъ чеченцамъ, говоря восточнымъ изрѣченіемъ — «что у человѣка не должно быть двухъ языковъ и двухъ сердець,» и что шатаніе между Кази-муллою и русскимъ правительствомъ можетъ имъ дорого стоить.

Такимъ образомъ экспедиція была имъ рѣшена, и войска получили приказаніе готовиться къ походу.

Стремясь обезпечить успѣхъ, Вельяминовъ нашелъ необходимымъ обратиться къ услугамъ опытнаго жоака-лазутчика, которому могъ бы довѣрить свои сокровенные планы. Но такъ какъ ни одного чеченца онъ не допускалъ до себя то выборъ его остановился на урядникѣ Моздокскаго казачьяго полка Семенѣ Атарщиковѣ,—личности, прошедшей не безслѣдно въ укладѣ быта нашего линейнаго казачества. Это былъ человѣкъ извѣстный на лѣвомъ флангѣ всѣмъ отъ мала до велика,—человѣкъ соединявшій въ себѣ всѣ достоинства и всѣ недостатки типа, созданнаго самою жизнью казака-порубежника. Смолоду онъ имѣлъ много кунаковъ среди немирныхъ чеченцевъ, якшался съ ними, вмѣстѣ ѣздилъ отбивать ногайскіе табуны, переправлялъ во время чумы бурки на русскую сторону, велъ ожесточенную войну съ карантинною стражей, и за свои дѣянія ему не разъ доводилось прогуливаться по «зеленой улицѣ». Однажды за какую-то черезъ-чуръ уже крупную шалость, которая въ глазахъ начальства показалась просто измѣной, ему пришлось пройти сквозь-строй черезъ тысячу человѣкъ четыре раза. Но Семенъ Атарщиковъ, съ его желѣзною натурою, выдержалъ и это испытаніе. Быть можетъ другому давно бы уже быть на ви-

сѣлицѣ, но Атарщикова спасала необыкновенная храбрость, удалъ, смѣтливость и наконецъ та безусловная готовность, съ которою онъ въ равной степени бросался и на дурное и на хорошее, рыцарское дѣло. Когда, въ критическія минуты жизни, ему грозила петля, онъ выкупалъ свою голову, привозя изъ горъ головы какихъ нибудь извѣстныхъ разбійниковъ или оказывалъ услугу въ качествѣ проводника, такъ какъ при своихъ опасныхъ поѣздкахъ изучилъ Чечню лучше любого чеченца. Вотъ этого-то человѣка приблизилъ къ себѣ Вельяминовъ, довѣрилъ ему то, чего не довѣрялъ самымъ близкимъ людямъ—и Атарщикова провелъ его отрядъ изъ конца въ конецъ, предохранивъ отъ потерь и всякихъ случайностей.

ВЕЛЬЯМИНОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Въ декабрѣ 1830 года положеніе дѣлъ въ Чечнѣ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Не рѣшенная борьба Астемира съ карабулаками, державшая обѣ стороны въ напряженномъ состояніи, продолжала волновать народъ близкою междуусобицей, которая, при развивающемся въ странѣ религіозномъ броженіи, могла быть для насъ крайне опасною. Самъ Астемиръ утвердился въ одномъ изъ селеній, Дзулгай-Юртъ, недалеко отъ Грозной, и отсюда производилъ свои опустошительныя набѣги на карабулаковъ. Обстоятельства усложнились еще появленіемъ извѣстнаго Шихъ-Абдуллы, поселившагося также недалеко отъ Грозной, и видимо старавшагося возжечь среди населенія Малой Чечни тотъ-же религіозный пожаръ, которымъ несомнѣнно была уже объята Большая. Съ нимъ прибыло десять помощниковъ-шиховъ. Все это были аскеты, суровые представители тариката, для которыхъ вся цѣль жизни заключалась только въ постѣ и молитвѣ. И дѣйствительно, придя въ незнакомую имъ дикую чеченскую землю безъ всякаго оружія, съ однимъ кораномъ въ рукахъ, они избрали себѣ мѣсто въ дремучихъ лѣсахъ по берегамъ рѣчки Рошни, вырыли тамъ землянки и стали разносить изъ нихъ «глаголы вѣчнаго Бога» по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ. На чеченскій

народъ, склонный и безъ того къ суевѣріямъ, ничего не могло подѣйствовать такъ сильно, какъ окружающая ихъ таинственность. Вѣковыя темныя лѣса, занесенные снѣговыми сугробами, бѣдныя подземелья, напоминавшія скорѣе логовище дикаго звѣря, чѣмъ подобіе человѣческаго жилища, и посреди всего этого суровые, вѣчно молящіяся азреты,—вотъ та картина, которая заставляла народъ тысячами стекаться на поклоненіе къ этимъ убогимъ землянкамъ. Зато какими заманчивыми, свѣтлыми красками святыя отшельники рисовали передъ слушателями блаженства загробной жизни, гдѣ ожидали правовѣрныхъ прекрасныя гуріи, гдѣ уготованы были для нихъ всѣ наслажденія! И чтобы достигнуть этого требовалось не суровое подвижничество,—которое не всякій могъ снести на своихъ раменахъ, а привычная, знакомая народу война съ ненавистными русскими....

Понятно, до какой степени все это разжигало народныя страсти. Вскорѣ вся Малая Чечня заколебалась; въ каждомъ селеніи народъ подраздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ одна смѣло и запальчиво стала заявлять себя сторонницею шариата. Вельяминовъ увидѣлъ, что если оставить дѣло въ такомъ положеніи до весны, когда вѣковыя лѣса Чеченской плоскости одѣнутся листвою, и экспедиціи станутъ для насъ гибельны,—то можно потерять и тотъ остатокъ народа, который мы еще имѣли основаніе считать до извѣстной степени на нашей сторонѣ. Изъ числа этихъ сторонниковъ главную роль игралъ Бей-Булатъ, къ которому Вельяминовъ относился однакоже съ большимъ недоувѣріемъ. Бей-Булатъ чувствовалъ на себѣ строгій, испытующій взглядъ этого человека, и чтобы разсѣять собиравшіяся тучи, самъ отправился въ Грозную. Онъ старался увѣрить Вельяминова, что со времени возвращенія своего въ Чечню всячески удерживалъ чеченцевъ отъ вторженія въ наши границы, и что кромѣ одного случайнаго нападенія въ Ханкальскомъ ущельѣ,—они были покойны. Бей-Булатъ предлагалъ дать въ аманаты даже

своего единственного сына, но просилъ не обвинять его въ случаѣ обыкновенныхъ разбоевъ, такъ какъ за весь чеченскій народъ поручиться нельзя. Въ подарокъ Вельяминову онъ привезъ съ собою турецкое ружье, богато испещренное коралами, которое просилъ его принять на память. Вельяминовъ принялъ, потому что поднесеніе подарковъ не представляло собою въ то время какого либо исключительнаго случая, а практиковалась на Востокѣ, какъ дѣяніе входившее въ число соотвѣтственныхъ жизненныхъ адатовъ. Разрѣшивъ Бей-Булату отправиться къ Паскевичу, который находился тогда въ Пятигорскѣ, Вельяминовъ относительно этого ружья писалъ между прочимъ къ фельдмаршалу: «для собирателей антиковъ оно можетъ представлять еще какую нибудь цѣну, но для меня ни на что неудобно. Со всѣмъ тѣмъ я считаю неприличнымъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ не принять его въ подарокъ, во-первыхъ потому, что это было бы оскорбительно для Бей-Булата, а во-вторыхъ, недовѣрчивость его оттого увеличилась бы. На возвратномъ пути его нужно бы было отдарить, но у меня на сей разъ нѣтъ никакой собственной вещи, которая была бы на это прилична, а потому не позволите ли отдарить его золотыми часами, находящимися въ числѣ экстраординарныхъ вещей.»

—Я согласенъ на предлагаемый вами Бей-Булату подарокъ взаменъ ружья, которое онъ привезъ къ вамъ — отвѣчалъ Паскевичъ: — а ружье прошу васъ оставить у себя на память командованія вашего войсками на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи.»

Несмотря на эту, повидимому, дружескую встрѣчу, Вельяминовъ имѣлъ причины жаловаться на Бей-Булата, такъ какъ его участіе въ напихъ дѣлахъ имѣло уже черезъ-чуръ пассивный характеръ. Оно не только не прекращало вражды Астемира къ карабулакамъ, или широкой пропаганды Абдуллы, Авко и другихъ проповѣдниковъ новаго ученія; но даже не могло удержатъ чеченцевъ отъ постоянныхъ грабе-

жей на линіи. Какъ-разъ въ это-же время до Вельяминаова стали доходить слухи о какомъ-то религіозно-политическомъ союзѣ Чечни съ дагестанскими мюридами, къ которому стала склоняться даже ханская Аварія. Вельяминовъ рѣшилъ, что далѣе откладывать экспедиціи нельзя, и что наказаніе нужно начать съ Малой Чечни, изъ которой пожаръ легко могъ перенестись къ сосѣдямъ—въ Кабарду и въ Осетію.

18-го декабря въ Грозной собрались четыре полка пѣхоты: Московскій, Бутырскій, Тарутинскій и Бородинскій, сводный баталіонъ 43-го егерскаго полка, пять сотенъ линейныхъ казаковъ и 22 орудія. Вельяминовъ не любилъ ходить съ небольшими силами. Его принципомъ было всегда быть сильнѣе своего противника—и въ этомъ заключалась тайна его успѣшныхъ походовъ. Какъ только стѣмнѣло, войска двинулись на Дзулгай-Юртъ, гдѣ жилъ Астемиръ, рассчитывая захватить аулъ еще до разсвѣта. Переправа черезъ Сунжу отняла однакоже такъ много времени, что Вельяминовъ бросилъ обозъ подъ прикрытіемъ Тарутинскаго полка, а самъ съ казаками и съ баталіономъ егерей пошелъ впередъ, приказавъ остальнымъ полкамъ по-мѣрѣ переправы догонять его форсированнымъ маршемъ.

До Дзулгай-Юрта оставалось еще версты три, какъ движеніе отряда было открыто чеченскими пикетами. Времени терять было нельзя. Казаки съ двумя конными орудіями пустились во весь опоръ, и вскочивъ въ аулъ, закрытый еще передразсвѣтною мглою, кинулась прямо къ саклѣ Астемира, —ее указалъ одинъ изъ дзулгай-юртовскихъ жителей. Астемира въ саклѣ уже не было,—онъ при первой тревогѣ вскочилъ на коня и скрылся въ сосѣднемъ лѣсу, но его семья—малолѣтній сынъ, дочь, внукъ и двоюродная сестра, попали въ руки казаковъ. Кромѣ ихъ взято было въ плѣнъ 39 человекъ, да человекъ 12 изрублено. Остальные, укрывшись въ лѣсу, завязали перестрѣлку. Казаки спѣшились, раскинули цѣпь и удерживали непріятеля до прихода Вельяминаова

съ егерскимъ баталіономъ. Егеря отгѣснили чеченцевъ, а затѣмъ прибылъ Бутырскій полкъ и занялъ деревню. Къ вечеру собрался сюда весь отрядъ и сталъ лагеремъ на большой полянѣ, лежавшей впереди селенія.

Система, которой Вельяминовъ строго держался въ своемъ чеченскомъ походѣ, настолько оригинальна, что о ней не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ. Онъ обыкновенно намѣчалъ себѣ пунктъ, къ которому неуклонно шелъ съ цѣлымъ отрядомъ, а затѣмъ, достигнувъ его, тотчасъ располагался лагеремъ и ставилъ укрѣпленный вагенбургъ, откуда войска поочередно высылались небольшими колоннами для истребленія сосѣднихъ ауловъ. Когда окрестность была опустошена, отрядъ переходилъ на новое мѣсто, опять устраивалъ лагерь и опять колонна за колонною шла по всѣмъ направленіямъ. Такимъ образомъ достигались двѣ цѣли: войска, вводимые въ бой по очереди, приобрѣтали практику и опытность въ лѣсной войнѣ, а вагенбургъ или укрѣпленный лагерь служилъ резервомъ для нашихъ войскъ и угрозой для окрестныхъ горцевъ, удерживая ихъ отъ поданія помощи своимъ сосѣдямъ. Въ результатѣ выходило то, что войска вездѣ встрѣчали слабое сопротивленіе и несли ничтожный уронъ. Нельзя не пожалѣть, что этотъ способъ веденія войны впоследствии былъ позабытъ, и войска, двигаясь въ чеченскихъ лѣсахъ большими отрядами, растягивавшимися на нѣсколько верстъ, всегда несли огромныя потери.

Устроивъ лагерь, Вельяминомъ 21-го декабря взялъ съ собою Московскій и Бородинскій полки съ 12 орудіями и двинулся на западъ къ аулу Китерь-Юрту. На пути встрѣтило его нѣсколько горцевъ, которые объявили, что цѣлая половина деревни населена мирными и просили позволенія указать ихъ жилища въ широко раскинувшемся аулѣ. Вельяминовъ согласился. Но когда войска приблизились, все населеніе дружно встрѣтило ихъ жестокимъ огнемъ; тогда казаки бросились впередъ и захватили ворота, но послѣ жаркой схватки

были отгѣснены—и воротами вновь завладѣли чеченцы. Къ счастью, въ это время подошла пѣхота; 12 орудій дали залпъ, а затѣмъ, Бородинскій полкъ съ барабаннымъ боемъ двинулся впередъ и вошелъ въ селеніе, которое тотчасъ же предапо было пламени. Въ слѣдующіе два дня Бутырскій и Тарутинскій полки сожгли деревню Пханъ-Кичу, а затѣмъ Вельяминовъ, удостовѣрившись изъ показаній лазутчиковъ, что одинъ изъ покорныхъ намъ ауловъ, Даутъ-Мартанъ, перешолъ на сторону Ших-Абдуллы и далъ убѣжище разогнаннымъ шихамъ, двинулъ противъ нея въ самый сочельникъ баталіонъ егерей съ полковникомъ Сарачаномъ. Даутъ-мартанцы, рассчитывая, что поведеніе ихъ неизвѣстно Вельяминову, спокойно оставались въ домахъ, какъ вдругъ на разсвѣтѣ были окружены войсками. Жители успѣли бѣжать, но все имущество ихъ осталось въ добычу отряда.

Вечеромъ егеря возвратились въ вагенбургъ, а въ самый день Рождества Христова войска сняли лагерь и двинулись цѣлымъ отрядомъ къ большому аулу Шелхичи, лежавшему на Ассѣ. По пути сожгли еще двѣ непокорныя деревни: Единъ-Юртъ и Даутъ-Юртъ, истребили громадныя запасы заготовленнаго сѣна, а затѣмъ окружною дорогою черезъ Казакъ-Кичу и Алханъ-Юртъ возвратились въ Грозную. Здѣсь Вельяминовъ далъ войскамъ отдохнуть два дня, а потомъ принялся рубить просѣку и разчищать дорогу между Алдами и Грозной, чтобы приготовить себѣ обезпеченныя ворота къ югу. Какъ только работы окончились, отрядъ въ ночь съ 4-го на 5-е января 1831 года двинулся вверхъ по Аргуну и сталъ лагеремъ у Чахъ-Кери, нынѣшней крѣпости Воздвиженской. Отсюда 7-го января Бородинскій полкъ занялъ селеніе Мартанъ-ауль, а Бутырцы овладѣли Джарганъ-Юртомъ. Оба эти аула раздѣлялись широкою полосою дремучаго лѣса, который полки прошли изъ конца-въ-конецъ, чтобы разыскать укрывшіяся въ немъ чеченскія семьи.

Въ лѣсу было темно, сыро, холодно, и царствовало то

величавое безмолвіе, отъ котораго вѣяло на душу чѣмъ-то таинственнымъ. Но на всемъ протяженіи дремучаго бора нашли только двухъ пастуховъ, отъ которыхъ узнали, что семьи заблаговременно удалились въ горы; поэтому войска, не теряя времени, двинулись дальше и въ тотъ же день успѣли истребить еще одинъ аулъ Енгели.

Это было послѣднее наказаніе, испытанное Малою Чечнею. 8-го января Вельяминовъ перешелъ черезъ Аргунъ и сталъ на правомъ берегу его у дер. Малой Атага. Отсюда начиналась Большая Чечня. Передъ войсками лежала широкая, лѣсистая равнина, роскошная по своей природной растительности, и всегда игравшая роль житницы Большой Чечни и ядра ея населенія. Здѣсь находились знаменитые аулы: Маіортупъ, Герменчукъ, Автуры, Шали и Гельдигентъ,—испоконъ вѣковъ служившіе при всѣхъ политическихъ событіяхъ камертономъ, подъ который подлаживался весь чеченскій народъ. Поэтому ударъ Вельяминова направленъ былъ правильно; но нельзя сказать, чтобы онъ по самому характеру страны могъ быть для нея черезъ-чуръ опасенъ: пересѣченная мѣстность давала жителямъ всѣ средства скрывать свои семьи, а сожженіе нехитраго чеченскаго жилища не представляло собою особеннаго бѣдствія. Чеченская сакля,—будетъ-ли она въ видѣ турлучной землянки или бревенчатаго амбара, бываетъ готова въ нѣсколько дней, а что касается до хлѣбныхъ запасовъ, то они до того обильны, что истребить ихъ до послѣдняго зерна не представлялось возможнымъ. Словомъ, заранее можно было предвидѣть, что кромѣ раздраженія народа, едвали эта экспедиція могла принести болѣе существенные результаты.

На другой день по устройствѣ обычнаго лагеря, Вельяминовъ отдѣлилъ изъ него полки Московскій и Тарутинскій, которые сожгли непокорную деревню Узекентъ-Юртъ, а затѣмъ весь отрядъ двинулся дальше и 10-го января раскинулъ свой станъ на знаменитой шалинской полянѣ.

Здѣсь простояли два дня, истребили въ окрестности аулъ Бессенберъ, со всѣми прилегавшими къ нему хуторами, а затѣмъ, обойдя Шали, перенесли свой лагерь подъ Герменчукъ, или «Гребенчукъ», какъ называетъ его самъ Вельяминовъ. Какое названіе правильнѣе—объ этомъ пусть скажутъ послѣднее слово ученые изслѣдователи; но несомнѣнно, что послѣднее названіе звучитъ знакомымъ намъ именемъ: «гребней» и наводитъ на мысль—не сидѣли-ли здѣсь когда нибудь гребенцы, какъ назывались тѣ стародавніе терскіе казаки, которыхъ воеводы Ивана Грознаго застали на притокахъ Сунжи? Недаромъ и одинъ изъ притоковъ Сунжи понынѣ носитъ загадочное имя «Русской рѣки»—Урусь-Мартана. Какъ только войска раскинули свой лагерь въ самомъ сердцѣ Большой Чечни, тотчасъ явились депутаціи отъ Автуровъ, Гельдигена и Маіортупъ съ предложеніемъ принести покорность и выдать аманатовъ. Но эта поздная и вынужденная покорность вовсе не входила въ виды Вельяминова, понимавшаго необходимость жестокаго наказанія эти аулы, и, можетъ быть, поэтому-то онъ поставилъ передъ ними такія условія, которыя, по мнѣнію горцевъ, были невысказанными. Эти условія заключались въ одномъ только пунктѣ—выдача всѣхъ, находившихся у нихъ, русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ. Но первыхъ не могло быть у нихъ много, потому что чеченцы, не терпя искони въ своей средѣ аристократіи, не придерживались, къ чести ихъ говоря, и рабства, а потому, по захватѣ нашихъ плѣнныхъ, всячески старались поскорѣе отъ нихъ отдѣлываться—размѣномъ, выкупомъ или перепродажею въ горы. На бѣглыхъ же они смотрѣли съ точки зрѣнія національнаго гостепрѣимства, какъ на отдавшихся подъ покровительство ихъ очаговъ, а потому никогда не выдавали ихъ даже и впоследствии. Но Вельяминову не было никакого дѣла до тѣхъ или другихъ возрѣній чеченскаго народа, и онъ прямо и категорически потребовалъ то, что входило въ прямыя интересы Россіи. Да и въ самомъ дѣлѣ, —въ чемъ же могла выразиться покорность народа, если-бы

въ стѣнахъ его ауловъ продолжали томиться русскіе плѣнные и укрывались дезертиры? Тѣмъ не менѣе эти требованія были отвергнуты, и Вельяминовъ рѣшилъ наказать аулы оружіемъ.

Оставивъ по своему обыкновенію вагенбургъ при Герменчукѣ подь прикрытіемъ Бутырскаго полка, Вельяминовъ 15-го января повелъ остальные войска на Автуры, болѣе другихъ рассчитывавшіе на свою неприступность. Дѣйствительно, при приближеніи къ густому лѣсу, войска встрѣчены были сильнымъ огнемъ. Вельяминовъ тотчасъ послалъ приказаніе Бутырскому полку присоединиться къ отряду, а между тѣмъ остановилъ войска и приказалъ артиллеріи очисить опушку. Когда это было исполнено, егеря съ маіоромъ Пантелѣевымъ кинулись впередъ и, проложивъ себѣ дорогу штыками, ворвались въ Автуры. На помощь къ нимъ двинулся Московскій полкъ съ полковникомъ Любавскимъ. Бой загорѣлся жаркій и только къ вечеру Автуры были окончательно заняты. Между тѣмъ весь вагенбургъ подь прикрытіемъ трехъ пѣхотныхъ полковъ еще двигался по лѣсу. Непріятельская конница пыталась было отбросить казаковъ, слѣдовавшихъ въ арьергардѣ, чтобы прорваться въ обозъ,—но картечь разсѣяла толпы ея, и вагенбургъ прошелъ благополучно.

Въ этомъ лѣсномъ бою мы потеряли 14 человекъ ранеными,—а потому Вельяминовъ справедливо заключилъ, что при дальнѣйшемъ движеніи на Гельдигенъ надо ожидать еще болѣе жаркаго дѣла. 16-го января погода была ненастная; Вельяминовъ переждалъ густой туманъ, подь завѣсою котораго непріятель могъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе, и двинулся на Гельдигенъ только 17-го числа. Непріятель встрѣтилъ насъ опять въ густомъ лѣсу и завязалъ сильную перестрѣлку. Нѣсколько разъ приходилось Вельяминову выдвигать впередъ артиллерію, чтобы ослабить огонь непріятеля, и дѣйствительно, едва картечь осыпала лѣсныя чащи—выстрѣлы смолкали и наступала тишина; но едва цѣпь трогалась съ мѣста, какъ перестрѣлка гремѣла съ удвоенною силой. Чтобы не терять

время и не держать войска подъ огнемъ, Вельяминовъ приказалъ итти черезъ лѣсъ форсированнымъ маршемъ; тогда начался цѣлый рядъ рукопашныхъ схватокъ, и стрѣлкамъ Тарутинскаго полка пришлось особенно жарко. Нѣсколько паръ даже было отрѣзано отъ цѣпи. Одинъ изъ солдатъ, по имени Ефимовъ, былъ окруженъ цѣлою толпою чеченцевъ, израненъ пашками, но положилъ на-мѣстѣ трехъ человекъ и пробился къ своимъ. Это былъ молодой солдатъ набора 28-го года, которому еще въ Аджаріи рота присудила знакъ отличія военнаго ордена; тогда начальство отказало ему въ крестѣ за его молодость,—теперь онъ заслужилъ его вторично.

Наконецъ лѣсъ былъ пройденъ, войска перешли страшный оврагъ, пересѣкавшій дорогу подъ самымъ ауломъ,—и Бородинскій полкъ двинулся на приступъ. Судя по началу, можно было предвидѣть жаркую схватку; но, къ удивленію всѣхъ, гельдигенцы уступили аулъ безъ боя. Въ этотъ день мы потеряли одного офицера и сорокъ нижнихъ чиновъ,—потеря еще не бывала въ отрядахъ Вельяминова.

Предавъ огню Гельдигенъ со всѣми его запасами, войска 19-го января двинулись къ Маіортуну. На пути—опять тотъ-же священный, заповѣднй лѣсъ, тѣ же нападенія чеченцевъ и кровавыя схватки на штыкахъ и пашкахъ. Чѣмъ далѣе въ глубь чеченской плоскости, тѣмъ сопротивленіе непріятеля проявлялось сильнѣе, и тѣмъ значительнѣе становились наши потери. Особенно серьезное дѣло произошло на кулишъ-юртской полянѣ, гдѣ стрѣлки Московскаго полка, захваченные въ глухомъ оврагѣ, выдержали шесть бѣшеныхъ атакъ, но наконецъ были смяты и стали подаваться назадъ. Минута наступила критическая. Къ счастью, Вельяминовъ не далъ окончательно пошатнуться стрѣлкамъ и двинулъ на помощь къ нимъ весь 2-й баталіонъ Московскаго полка; съ его прибытіемъ нападеніе было отбито, но въ то же время бой разгорѣлся въ арьергардѣ, гдѣ Бутырскій полкъ былъ атакованъ свѣжими толпами пѣшихъ чеченцевъ. Цѣпь

была прорвана, но командовавшій ею прапорщикъ Краснопольскій, оставшійся во фронтѣ, несмотря на двѣ тяжелыя раны пулей и пашкой, быстро возстановилъ порядокъ, а подошедшая рота штабсъ-капитана Орловскаго окончательно отразила нападеніе.

Только вечеромъ весь отрядъ стянулся къ небольшому аулу Анто-Юртъ и сталъ на ночлегъ. Этотъ переходъ стоилъ намъ трехъ офицеровъ и болѣе 60-ти нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Съ разсвѣтомъ 20-го числа войска вышли на маіортупскую равнину, истребили окрестныя аулы, а 21-го января та же участь постигла и самый Маіортупъ съ его роскошными садами и плантаціями. Этотъ аулъ былъ крайнимъ пунктомъ нашего движенія. Отсюда войска повернули назадъ и черезъ землю мичиковцевъ 26-го января вышли обратно на Сунжу.

Такимъ образомъ вся плоскостная Чечня, пройденная насквозь до Кочкальковскаго хребта, была предана Вельяминовымъ огню и мечу. Безусловное опустошеніе страны не могло не произвести на чеченцевъ должнаго впечатлѣнія, и хотя Вельяминовъ понималъ, что эта вынужденная покорность не можетъ быть ни прочною, ни долговременною, но задача его экспедиціи и не заключалась въ окончательномъ покореніи страны русскому владычеству. Та цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, лучше всего выражается собственными его словами въ донесеніи къ фельдмаршалу:

«Во всякомъ случаѣ—писалъ онъ—теперь можно ручаться, что чеченцы на нѣкоторое время не примутъ участія въ предпріятіяхъ горцевъ ни на Дагестанъ, ни на Джарскую область. Покушенія ихъ должны ограничиться только хищничествомъ на Терекѣ или въ земляхъ бумыкскихъ, но и тамъ, надѣюсь, они не будутъ имѣть значительныхъ успѣховъ.»

Оставайся Вельяминовъ на лѣвомъ флангѣ, онъ можетъ быть успѣлъ бы поддержать спокойствіе въ Чечнѣ; но спу-

стя два мѣсяца дивизія, которою онъ командовалъ, выступила въ Россію,—а вслѣдъ затѣмъ мюридизмъ, зажегшій своимъ фанатизмомъ всю приморскую часть Дагестана, увлекъ за собою въ общій водоворотъ и чеченцевъ.

Зловѣщіе признаки близкой и неизбѣжной борьбы въ Дагестанѣ обнаружались еще въ январѣ мѣсяцѣ, когда распространились первые слухи, что въ Гирахъ и въ Унцукулѣ на крышахъ нѣкоторыхъ сабель появились красныя знамена—точно служившія призывомъ для общаго сбора мюридовъ. Лазутчики утверждали настойчиво, что съ наступленіемъ магометанскаго поста, «уразы», нападеніе сдѣлано будетъ на Казанище, гдѣ стоялъ небольшой русскій отрядъ, подъ командою маіора Ивкова. Опасность казалась настолько серьезною, что самъ Паскевичъ приказалъ отправить въ шамхальство еще баталіонъ Апшеронскаго полка съ четырьмя орудіями, а Вельяминову предписалъ въ случаѣ надобности поддержать Казаницскій отрядъ войсками съ Кавказской линіи.

Вельяминовъ получилъ это предписаніе 27-го января въ то время, когда, закончивъ чеченскую экспедицію, стоялъ на Сунжѣ. Видя, что до уразы остается только нѣсколько дней, онъ не сталъ терять время на пустыя развѣдки, а на слѣдующій-же день поднялъ отрядъ и выступилъ съ нимъ въ Тарки, полагая, «что лучше сдѣлать даже ненужное движеніе, чѣмъ подвергать опасности войска, находившіяся въ Дагестанѣ.»

Въ Тарки съ Кавказской линіи вели двѣ дороги: одна, по лѣвому берегу Терека,—черезъ Кизляръ и Казіюртъ, другая, по правую сторону,—черезъ Амръ-Аджи-Юртъ, Андреево, Кастекъ и Кумтеръ-Кале. Обѣ дороги представляли большія неудобства, какъ по дальности разстоянія, такъ и по отсутствію воды; а главное—обѣ онѣ пролегли по такимъ открытымъ мѣстамъ, на которыхъ зимою свирѣщствовали страшныя метели. Торопясь на помощь, Вельяминовъ избралъ третій кратчайшій путь, по которому русскія войска еще ни-

когда не ходили. Онъ двинулся изъ Андреевой не на Костекъ и Кумтеръ-Кале, а переправился черезъ Сулакъ въ Чиръ-Юртъ и вышелъ прямо на Кафыръ-Кумыкъ, въ десяти верстахъ отъ Казаница. Такимъ образомъ Вельяминовъ выигралъ три дня, и первый указалъ Паскевичу на возможность учредить хорошее сообщеніе между Кавказской линіей и Сѣвернымъ Дагестаномъ. Онъ требовалъ только постройки постоянного моста черезъ Сулакъ и придавалъ ему такую важность, что писалъ Паскевичу: «Предпріятіе это будетъ достойно Вашего Сіятельства, и чиръ-юртовскій мостъ будетъ вѣчнымъ памятникомъ начальствованія вашего надъ здѣшнимъ краемъ.»

Въ Таркахъ Вельяминовъ узналъ, что тревога вызвана фальшивыми слухами, но, какъ человекъ осторожный, рѣшился выждать, что будетъ дальше, полагая не безъ основанія, что затишье могло произойти и отъ быстрого прибытія его отряда. Въ этомъ онъ даже не ошибался, потому что приготовленія въ горахъ шли дѣятельныя, но только они закутались еще болѣе густой, непроницаемой завѣсой, сквозь которую не могъ проникнуть даже такой свѣтлый и пытливый умъ, какимъ обладалъ Вельяминовъ. Простоявъ въ Таркахъ болѣе мѣсяца, онъ наконецъ поднялъ отрядъ и 4-го марта выступилъ съ нимъ обратно на линію. Открывая Шамхальство и даже Мехтулу, Вельяминовъ находилъ впрочемъ, что если бы мятежники и въ самомъ дѣлѣ вторглись въ одно изъ этихъ владѣній, то для насъ, кромѣ пользы, ничего не могло бы произойти, такъ какъ дало бы намъ основательную причину дѣйствовать рѣшительно. О неудачахъ русскаго оружія, ему, старому ермоловскому сподвижнику, не приходило въ голову,—и то, что произошло впоследствии, было для него совершенною неожиданностію.

А между тѣмъ, едва Вельяминовъ возвратился въ Грозную, какъ Казим-мулла вторгнулся въ Шамхальство и занялъ Чумкескентъ, сдѣлавшійся впоследствии предметомъ упорной

борьбы и стоившій намъ столько крови и жертвъ. Но Вельяминову уже не пришлось быть дѣятелемъ въ этихъ, начинавшихся тогда, историческихъ событіяхъ.

Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1830 года, по случаю возстанія въ Царствѣ-Польскомъ, Государь настоятельно потребовать возвращенія въ Россію 14-й дивизіи для присоединенія къ 4-му пѣхотному корпусу. Паскевичъ задержалъ ее на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы дать возможность Вельяминову докончить чеченскую экспедицію, но затѣмъ долженъ былъ немедленно отправить ее въ Рязанскую губернію. Государь полагалъ, что за оставленіемъ на Кавказѣ 20-ой дивизіи въ полномъ составѣ дѣйствующихъ и резервныхъ ея баталіоновъ, Паскевичъ будетъ имѣть еще достаточно средствъ довести до конца начатое покореніе Кавказа, и потому разрѣшалъ оставить на линіи—и то на короткое время—только 1-ю бригаду генераль-маіора Таубе. Вельяминовъ получилъ объѣздомъ предписаніе въ Таркахъ и необходимость какъ можно поспѣшнѣе изготovitъ къ походу 2-ю и 3-ю бригады—была одна изъ причинъ, заставившихъ его поторопиться возвращеніемъ на линію. Насколько Паскевичъ цѣнилъ дѣятельность генерала Вельяминава и насколько потеря такого достойнаго сотрудника была для него чувствительна—это лучше всего выражено въ собственноручномъ письмѣ его, которымъ онъ прощается съ Вельяминовымъ.

«Командованіе Ваше лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи—писалъ онъ къ нему 26-го марта,—совершенно успокоивало меня относительно безопасности столь значительнаго пространства Кавказской области. Въ теченіи слишкомъ полугода я съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ во всѣхъ Вашихъ дѣйствіяхъ одни только неусыпныя попеченія и ревностное желаніе споспѣшествовать спокойствію края и обузданію непокорныхъ воинственныхъ обитателей Чечни, столь опасныхъ набѣгами и дерзостью своихъ предпріятій. Обязанный Вамъ признательностью, я былъ увѣренъ, что Вы своимъ

усердіемъ и познаніями будете въ полной мѣрѣ содѣйствовать мнѣ и въ приведеніи на лѣвомъ флангѣ къ концу обшихъ предначертаній о покореніи горцевъ.

Но нынѣ, когда по Высочайшей волѣ отбытіе Ваше съ 14-ю дивизією въ Россію неизбѣжно и должно послѣдовать въ столь короткое время, мнѣ пріятно изъяснить передъ Вами мой образъ мыслей во всемъ, что касается служенія Вашего въ Кавказскомъ корпусѣ. Съ прискорбіемъ признаю необходимость лишиться въ Васъ достойнаго сотрудника и не могу не сѣтовать, что обстоятельства во второй разъ удаляютъ Вашу полезную службу изъ округа, ввѣреннаго моему начальствованію. Лестно было бы для меня дальнѣйшее пребываніе Ваше въ семъ краѣ, но священная воля Государя указала непремное возвращеніе Вамъ въ Россію съ полками 14-й дивизіи.»

Вотъ что отвѣчала на это Веляминовъ,

«Сколько для меня лестно письмо Вашего Сіятельства, которымъ изволите одобрять мою кратковременную службу въ краѣ подъ Вашимъ начальствомъ, столько же непріятно обстоятельство, подавшее къ оному поводъ. Признаюсь откровенно, что гараздо пріятнѣе было бы для меня отпралять здѣсь подъ Вашимъ руководствомъ нѣсколько знакомый мнѣ родъ службы, нежели внутри Россіи заниматься по мирному положенію единственно управленіемъ дивизіи; но такъ угодно Государю-Императору, и мнѣ остается только свято исполнить волю Его Величества».

Съ отгѣздомъ Веляминова начальство надъ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи принялъ командиръ 1-й бригады генераль-маіоръ Таубе. Но это командованіе продолжалось слишкомъ короткое время и протекло большею частью въ Дагестанѣ, чтобы дать какіе нибудь положительные результаты относительно общаго спокойствія на линіи; въ Дагестанѣ же дѣйствія его были весьма неудачны и послужили одною изъ главнѣйшихъ причинъ, почему борьба, начатая у Чум-

вексента, захватила собою все протяженіе отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги. Эта борьба потребовала съ нашей стороны чрезмѣрныхъ усилій, и когда Емануель былъ раненъ, Вельяминовъ въ третій разъ является на Кавказъ,—но уже въ крупной роли командующаго войсками на линіи.
